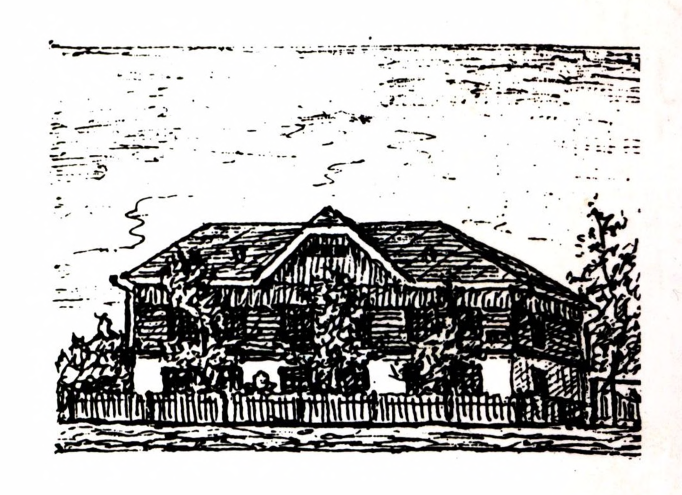
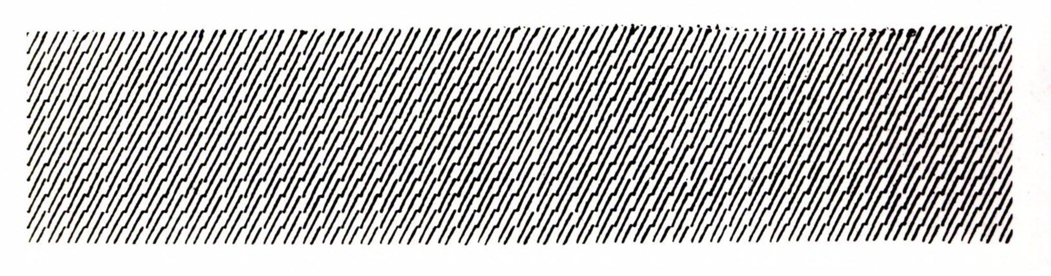
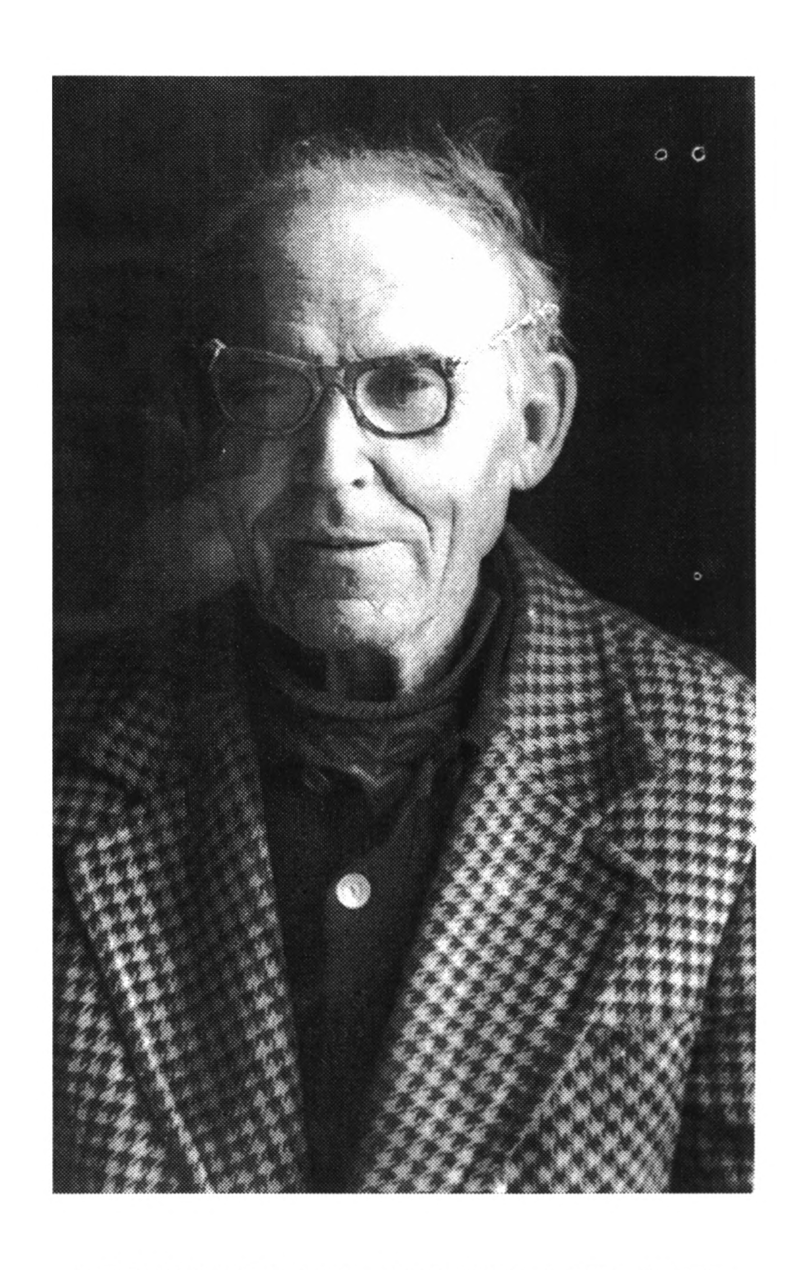
Народные
мемуары

Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. АСТАФЬЕВА «Записки изгоя»

ОМСК - 1998

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВИЧ АСТАФЬЕВ
(1908 - 1994)
Снимок 80-х годов

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. Астафьева «ЗАПИСКИ ИЗГОЯ»

Публикация и исследование текста

ОМСК - 1998

УДК 808.2 + 930.2.003
Д 638

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ А. У. АСТАФЬЕВА «ЗАПИСКИ ИЗГОЯ»: Публикация и исследование текста / Предисловие и комментарий Б. И. Осипова, подготовка текста Л. А. Астафьевой, Н. А. Астафьевой и Б. И. Осипова. Омск, Омск. гос. ун-т, 1998. 287 с. (Народные мемуары).

Документальная повесть сельского учителя А. У. Астафьева (1908 - 1994) продолжает серию народных мемуаров, начатую книгой «Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова» (Омск, 1995). Повесть содержит сведения о жизни советского села первых послереволюционных лет, о комсомольской работе автора в родных местах в 20-е годы, об учёбе в Ленинграде, о раскулачивании отца и вынужденном переходе автора на подпольный образ жизни, о возвращении в родные края и многолетней работе учителем в сельских школах Зауралья, о краеведческой и лекционной деятельности, о драматических коллизиях в общественной и личной жизни мемуариста, не вписывавшегося в стандарты советской педагогики.

Книга адресована филологам и историкам, но может быть полезна всем, кто интересуется судьбой нашей страны и её школы.

Предисловие и комментарий
доктора филологических наук профессора Б. И. ОСИПОВА

Подготовка текста
Л. А. АСТАФЬЕВОЙ, Н.А. АСТАФЬЕВОЙ, Б. И. ОСИПОВА

Рецензенты:
кафедра истории России Курганского государственного университета,
кафедра новейшей отечественной истории и источниковедения
Омского государственного университета,
доцент кафедры истории русского языка и методики его преподавания
Омского государственного педагогического университета
кандидат филологических наук Л. Н. ДОНИНА

ISBN 5-7779-0100-X

Предисловие

Не знаю, совершил ли его дух эволюционный виток на грешной земле, но нет сомнения, что он незапятнанным прошёл сквозь смог эпохи и первозданным ушёл туда, откуда появился.

Л. АСТАФЬЕВА

Андрей Павлович!
Я стал участвовать в районной газете с 1941 г. В ней было опубликовано свыше двухсот моих заметок и др. корреспонденций. Однако когда вы отмечали юбилей газеты, то не сочли нужным даже хотя бы для приличия назвать мою фамилию. В то же время других рабселькоров, писавших в пятой части того, что я написал, назвали. Значит, вы не считаете

Пригласительный билет

„Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор"
В. И. ЛЕНИН.

меня настоящим корреспондентом. В таком случае зачем вы прислали мне это приглашение?

Уважаемый товарищ Астафьев Александр Ульянович!

Приглашаем Вас принять участие в работе районного слета рабселькоров, который состоится 8 февраля 1972 года в 11 час. утра в зале заседаний райисполкома.

Райком КПСС,
Редакция районной газеты „Рассвет"

Образец почерка А. У. Астафьева.
Записка на пригласительном билете

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ А. У. АСТАФЬЕВА «ЗАПИСКИ ИЗГОЯ» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1. Общие сведения об авторе и его повести

Продолжая серию мемуаров простых людей, начатую в 1995 г. книгой «Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова», я предлагаю теперь читателям документальное автобиографическое повествование сельского учителя.

Александр Ульянович Астафьев (1908 - 1994) родился в зауральском селе Горохово (ныне Юргамышского района Курганской области). Сын простого крестьянина, он с доверием воспринял коммунистическую идею и в годы нэпа стал в родных местах одним из видных комсомольских активистов. В 1929 г. уехал на учёбу в Ленинград, но с началом коллективизации в родном селе был раскулачен его отец, а сам Александр Ульянович подлежал аресту. По чистой случайности узнав об этом, юноша переходит на подпольный образ жизни, скитаясь и попадая порой в опасные приключения. В конце 1930 г., после поездки его брата к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину, отец был реабилитирован, Александр Ульянович получил возможность закончить учёбу и в 1932 г. начинает педагогическую работу - сначала преподавателем Мишкинского педагогического училища, а затем учителем в сельских школах Курганской области. Наибольший период его работы связан с Юргамышской средней школой.

На протяжении многих лет учитель ведёт большую краеведческую, лекционную, журналистскую работу, пишет стихи, а в конце жизни приступает к работе над автобиографическими записками. Отец четверых детей, он живёт в постоянной нужде: известно, что учительская зарплата в нашей стране не позволяет по-настоящему обеспечить не только семью, но и себя. На пенсию уходит в преклонном возрасте.

Краеведческая работа, которую он вёл, как это у нас принято, на «общественных» началах, увенчалась было созданием районного музея, но в конце 80-х музей был уничтожен. Лекционная и литературная работа, тоже, разумеется, не приносившая практически никаких доходов, снискала Александру Ульяновичу широкую известность в районе, но благодаря его неустанному энтузиазму, романтическим наклонностям и некоторым другим особенностям его своеобразной натуры, это была в значительной мере слава чудака. В последние годы жизни он тяжело болел и умер в сентябре 1994 г. в возрасте 86 лет.

Предлагаемая читателям повесть не была закончена автором. Глава «В мире вдохновенного труда» и следующие за ней небольшие главы были скомпонованы в основном его дочерью Лидией Александровной из рукописных отрывков и газетных публикаций. Младшая дочь Нина Александровна по устным рассказам отца и по личным воспоминаниям восстановила отдельные эпизоды из истории Юргамышской средней школы конца 50-х годов и отредактировала некоторые стихи (там, где этого требовали разночтения или пропуски в рукописях; лишь в отдельных случаях исправлялись неудачные слова и обороты). Некоторые документы и публикации, обнаруженные в архиве Александра Ульяновича, включены в текст мной. Мной же осуществлена окончательная редактура основного текста повести, выразившаяся в некоторой стилистической правке, иногда - во вставке связочных фраз, если

эпизоды компоновались из неоконченных фрагментов. В общем же я старался сохранить авторский стиль как можно бережнее.

2. Повесть как литературное произведение

Лидия Александровна Астафьева, которая, как уже сказано, взяла на себя основную работу по подготовке текста к печати, определила жанр отцовского произведения как повесть. Для этого есть существенные основания: текст А. У. Астафьева в значительной мере беллетризован. Он содержит много диалогов, эмоционально окрашенных подробностей, в нём есть описания природы, выдержанные в чисто лирическом ключе, прямые лирические отступления, да и целые лирические главы. Содержит текст и некоторую долю художественного вымысла: так, явно вымышленными являются диалоги в тех эпизодах, свидетелем которых автор быть не мог. В подобных случаях, по справедливому замечанию В. С. Голубцова, «важен лишь смысл, вкладываемый в диалоги, а не буквальная их форма»[1]. И всё же к жанру «повесть» необходимо присовокупить определение «документальная», поскольку на протяжении всего повествования речь идёт о реальных событиях и лицах, хотя и описанных, как это всегда бывает в мемуарной литературе, через личное восприятие автора. Документальность повести проявляется и в том, что текст включает немалое число собственно документов: фольклорные и краеведческие записи, подлинную заметку из стенгазеты 20-х годов, письма и т. д.

Вместе с тем, не будучи профессиональным писателем, Александр Ульянович, подобно другим авторам «народных мемуаров», мало заботится о чистоте жанра. Нарушают эту чистоту и те вынужденно сделанные вставки из газетных публикаций автора, о которых сказано выше. Временами плавное беллетризованное повествование сменяется суховатыми публицистическими фрагментами очеркового типа, временами напоминает научно-популярную историко-краеведческую работу, а стихотворные вставки придают тексту черты лирического дневника. Но всё это было в творчестве автора, и, поступаясь единством жанрово-стилистическим, мы получаем зато максимально полное представление о многогранности и широте его незаурядной личности, да и о многообразии и сложности жизни в глухом сельском районе, находящемся, казалось бы, в стороне от великих событий эпохи, но в действительности пережившем их не менее остро и драматически, чем столицы, хотя и совсем по-другому.

Это то, что можно сказать о жанровых особенностях книги А. У. Астафьева. Несколько слов о её языке.

Если мемуары крестьянина В. А. Плотникова написаны на диалекте, а воспоминания работницы М. Н. Колтаковой являют собой образец городского просторечия, то произведение учителя А. У. Астафьева не представляет какого-либо специфического интереса для лингвиста: его язык, не говоря уж об орфографии и пунктуации, во всём существенном отвечает современной литературной норме и вместе с тем не содержит каких-то остро индивидуальных особенностей её реализации, которые бы требовали специального анализа. Диалектные слова иногда встречаются, но лишь на правах экзотизмов, как

---

[1] Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970. С. 111.

обозначение местных реалий. Речевые стереотипы советской публицистики также употребляются очень умеренно: в газетных публикациях автор обращается к ним, по-видимому, вынужденно, вообще же вполне осознаёт их природу. Не зря он сохранил и включил в повествование заметку из районной стенгазеты, являющую собой настоящий кладезь этих стереотипов. Основной же текст повести не даёт сколько-нибудь обширного материала для изучения «советского языка». И если это может огорчить иного исследователя, то вряд ли огорчит читателя.

Впрочем, один недостаток языка повести всё же нельзя не отметить. Это слабая индивидуализация речевой манеры персонажей: крестьяне и учителя, чиновники и студенты - все говорят на неком «среднеинтеллигентском» наречии. Однако умением этим - индивидуализировать речь - владеет далеко не всякий автор даже и из числа профессионалов.

О сюжетно-композиционных особенностях повести. Автор умело строит сюжетное изложение: с напряжённым интересом читаются не только поистине детективные эпизоды жизни автора в «подземном мире» Ленинграда, когда он скрывался от НКВД, но и рассказы о его конфликтах со всякого рода чинушами и мошенниками, невеждами и дураками, которыми всегда так богаты были наши партийные органы и государственные учреждения, наши школы и вузы.

Может показаться, что рассказать простой жизненный эпизод, тем более если ты сам его пережил, - дело немудрое. Между тем это не каждому даётся, и когда работаешь с текстами неквалифицированных авторов, чувствуешь это особенно остро. Непрофессиональные рассказчики часто не умеют отсечь от излагаемого сюжета сопутствующие, но не относящиеся к нему факты. Например, работница М. Н. Колтакова, рассказывая о том, что мать родила её и брата-близнеца в овечьем хлеву, добавляет: «40 штук овечек»[2]. Она не может пропустить эту деталь, важную для описания жизни в семье, и потому не замечает, что количество овечек к эпизоду родов отношения не имеет.

Другой типичный недостаток в этом деле - прямо противоположный: рассказчик не обозначает в достаточной для читателя мере тех или иных участников, те или иные детали излагаемых событий. Этот второй недостаток, в отличие от первого, иногда встречается и у Александра Ульяновича. Так, мне пришлось отредактировать эпизод, когда автор впервые вводит в повествование учителей Куртамышской школы Рукавишниковых. Он сразу начинает их называть по имени и отчеству, не объяснив читателю, кто они такие. Родители девушки, в которую был влюблён юный Александр, они, видимо, подспудно присутствуют в сознании автора задолго до того, как непосредственно появятся в повествовании.

И всё же в целом нельзя не признать, что умением расчленить поток жизни на сюжетные структуры А. У. Астафьев владеет. В документальном повествовании сделать это, вообще говоря, труднее, чем в художественном, где сюжет присутствует в замысле, - но именно это и делает произведение читаемым. Книга Александра Ульяновича читаема. Это текст не только для исследователя, но и для того, кто просто любит читать.

Что касается композиции повести в целом, то по написанным самим автором главам о композиционном замысле судить трудно, но в том виде, как она была скомпонована издателями, повесть если и не реализует прямой замысел Александра Ульяновича, то всё же представляет адекватное описание эволюции его

---

[2] Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой "Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста. Омск, 1995. С. 37.

личности. Чем старше становится автор, тем меньше в повести внешних, житейских событий, тем больше внутренней жизни: размышлений и чувств, движений ума и сердца. Восхождение к духовному - так можно сформулировать эту эволюцию.

В связи с этим вполне органичными элементами композиции выглядят и стихи. С одной стороны, включение стихов - как будто бы наиболее явное нарушение мемуарного характера книги, но с другой - многие из них характеризуют личность автора не менее ярко, чем эпическое повествование о его занятиях и поступках. Взять хотя бы такие строки:

Я с ветром задорным немало бродяжил
По днищам оврагов, по кромкам болот.
Я дом не поставил. Я денег не нажил.
Не грабил по-свойски я русский народ.

И вовсе не думаю с кем-то тягаться.
Живите! Копите спокойный жирок!
Одно признаю я, одно лишь богатство -
Мятежное сердце. Его я сберёг.

А ведь то, что в комсомольских ячейках, в наробразовских конторах, в школьных коллективах работали не одни только безропотные трудяги и уж тем более не одни Гоглевы и Поповы, но и такие, как Александр Ульянович, - это ведь тоже факт нашей истории.

Замечу, к слову, что те непримиримо резкие характеристики, какие даёт А. У. Астафьев некоторым из своих современников, вызовут, может быть, обиду у их потомков. Что на это сказать? Никто из нас - в том числе и автор этих строк - не может гордиться всеми без исключения предками. Постараемся же жить так, чтобы хоть наши потомки за нас не краснели...

О концепции личности в книге А. У. Астафьева.

Если для крестьянина В. А. Плотникова и работницы М. Н. Колтаковой главная ценность личности определяется причастностью к труду, то для интеллигента А. У. Астафьева это представляется недостаточным. Тема труда и для него - важнейшая (одна из центральных глав книги так и называется - «В мире вдохновенного труда»), но не менее важной в концепции Александра Ульяновича предстаёт и способность человека остаться самим собой в любых, даже самых тяжёлых обстоятельствах. Сегодня, в пору очередной «смуты», мы особенно ярко видим, как много людей, оправдываясь обстоятельствами - личной ли жизни, «эпохальными» ли, - предают идеалы своей юности, сползают в конформизм, в тот самый «спокойный жирок», обретают способность идти на нравственный компромисс, вырабатывают умение «уговорить себя», по меткому выражению одной из моих коллег. Наш автор и герой, пережив куда более тяжёлую и жестокую эпоху, да ещё и обитая и работая в среде, большей частью далёкой от его духовных устремлений, нашёл в себе силы сохранить самобытность своей личности и веру в ценность своих идеалов. Его нравственный максимализм многих отпугивал в жизни, быть может, отпугнёт и в книге, - но это та цена, которую приходится платить за право быть собой. Не слишком ли высока цена? Вопрос этот существовал и существует, наверное, для большинства людей, но не для Александра Ульяновича. Он не из этого большинства.

Конечно, наряду с принципиально важными чертами индивидуальности, ревностно сохраняемыми и ценимыми в себе нашим автором, он, как и всякий живой

человек, обладал и различными мелкими особенностями поведения и характера, не игравшими существенной роли, но тоже так или иначе отражёнными в мемуарах. Оставшись в общем чуждым педагогическому педантизму, он всё же не избежал этой профессиональной черты вполне: она проявляется, например, в несколько забавной склонности к подсчётам (вплоть, например, до подсчёта количества градин, упавших во время градобоя на комсомольский посев). Подобные детали, какое бы впечатление они ни производили на читателя, тоже составляют неотъемлемый компонент ткани повествования, придавая ему и дополнительное своеобразие, и дополнительную достоверность.

Подводя итог анализу повести А. У. Астафьева как литературного произведения, ещё раз подчеркнём, что она представляет более читательский, чем исследовательский интерес, поскольку написана хотя и не профессиональным, но достаточно квалифицированным автором, обнаружившим не только дар публициста и поэта, но и прозаика, умеющего вести эпическое повествование значительного объёма и значительной сложности.

Для исследователя-филолога наибольший интерес представит, видимо, не основной текст повести, а те фольклорно-краеведческие вставки, которые в нём есть (сказка, песня, рассказы старожилов о прошлом). Хотя эти материалы (кроме песенного текста) содержат следы их стилистической обработки мемуаристом, пройти мимо них специалист по фольклору, вероятно, всё-таки не может.

3. Повесть как исторический источник

Как исторический источник книга А. У. Астафьева содержит материал по следующему кругу тем: 1) краеведение Зауралья, 2) семейно-бытовой уклад сибирской русской деревни первых послереволюционных лет (в основном периода нэпа), 3) история сельского комсомола 20-х годов, 4) катаклизмы коллективизации (не только в родных местах автора, но и такие отголоски раскулачивания, как аресты в Ленинграде, голод на Украине и др.), 5) жизнь ленинградского «подземного мира» начала 30-х годов, 6) история советской школы и педагогики (в 20-е годы - глазами ученика, с 30-х по 70-е - глазами учителя).

Как указывает сам Александр Ульянович, в краеведческой работе его основным методом было не изучение архивов, а собирание рассказов коренных жителей той или иной местности.

Хотя методика критики документа в историографии разработана давно и основательно[3], да и с точки зрения простого здравого смысла ясно, что не всякому документу можно верить, но наша психология питомцев бюрократического общества даёт себя знать: вздорная бумажка, сподобившаяся попасть в архив и пролежавшая в нём сто лет, вызывает у нас порой большее почтение, чем добросовестный и содержательный рассказ живого человека, особенно если мы об этом человеке знаем что-то отрицательное (например, что он любит выпить или прихвастнуть). Конечно, и информант информанту рознь, да и один и тот же информант может дать сведения разной степени достоверности. Критическое отношение к информантам, разумеется, тоже необходимо, но нет никаких оснований для того, чтобы оно было более скептическим, чем отношение к документам.

---

[3] См., напр.: Голубцов В. С. Указ. раб. С. 89 - 111.

Конечно, идеальным является случай, когда краевед работает и с информантами, и с архивами, соотнося сведения, полученные из разных источников. Но не всегда это удаётся. Александр Ульянович иногда сопоставляет данные своих информантов с архивными сведениями, но в большинстве случаев ограничивается записью рассказов старожилов. Да и много ли можно было найти в областном архиве? А о поездках в крупные хранилища не приходилось и мечтать.

Но работу со старожилами Александр Ульянович вёл неутомимо и добросовестно. Знакомые старики были у него едва ли не в каждой деревне Юргамышского района и во многих местах соседних Куртамышского, Мишкинского и Кетовского районов. Надо подчеркнуть ещё и то обстоятельство, что беседы со старожилами, особенно когда они ведутся человеком, вызывающим доверие, кроме собственно фактографического материала дают то, чего часто нет в документах, - исследователь видит, как относятся люди к тем или иным лицам и событиям прошлого, что помнят лучше, что хуже, что совсем забыли. наконец, как оценивают само стремление сохранить историческую память. (Кстати, оценки этого стремления бывают неоднозначны и также подлежат исследованию!) К устным рассказам вполне применимо то, что упоминавшийся уже историк В. С. Голубцов говорит о мемуарах: «Историк должен в равной мере учитывать в содержании воспоминаний не только что написано, но и как написано»[4].

Если историю основания тех или иных сёл, развитие хозяйства или народного образования до революции А. У. Астафьев восстанавливает по рассказам старожилов или имеющимся документам и исторической литературе, то хозяйственный и семейный уклад послереволюционной деревни описывает по собственным детским и юношеским впечатлениям. Здесь заслуживают внимания картины нравов родительской семьи автора, в особенности же те обстоятельства, которые способствовали формированию у ребёнка атеистического мировоззрения. Сегодня особенно часто приходится обращать внимание на то, что истоки массового атеизма населения СССР никак нельзя сводить к одной только атеистической пропаганде большевиков. Немаловажным стимулом к атеизму явились и нравы церкви, зачастую далёкие от христианских идеалов, и вековечная тяжёлая доля крестьянина, не менявшаяся к лучшему, сколько бы он ни молился, и, наконец, потребность в обновлении духовной жизни. Обострённое внимание вызовут у сегодняшнего читателя, видимо, и мысли об антигуманистической сути религиозной морали (см. 5-ю главку главы «Детство»).

Но если краеведческий и бытовой материал книги находится в рамках сведений более или менее обычного характера, известных и по другим источникам, то эпизоды из жизни комсомольской организации села Горохова поистине уникальны.

В представлении современного читателя комсомол 20-х годов - это мир романтических иллюзий и революционного энтузиазма. В действительности дело обстояло не совсем так.

Во-первых, уже в тот период в комсомольской работе прорезались зачаточные, но достаточно мощные ростки бюрократизма. Их ярко изобразил Н. Островский в своём знаменитом романе «Как закалялась сталь». Получают они отражение и в воспоминаниях современников той эпохи. В предыдущем выпуске «Народных мемуаров» я упоминал о переданных мне писателем В. Н. Мурзаковым мемуарах

---

[4] Голубцов В. С. Указ. раб. С. 89.

его родственницы Минодоры Алексеевны Щербаковой[5]. Эти мемуары содержат, в частности, рассказ о том, как Минодору Алексеевну и её подруг записали в комсомол «оптом», на одном из учительских совещаний, не объяснив ни обязанностей, ни прав комсомольца, так что, выходя замуж, она не подозревала, что комсомолке не положено венчаться в церкви. Был, значит, и такой уровень комсомольской работы в те годы.

Во-вторых, не так уж просто складывались и отношения между комсомолом и партией.

Поэт С. Щипачёв в поэме «Павлик Морозов» так изображает обстановку в деревне эпохи коллективизации:

И там, под Орлом, под Кунгуром,
Где вьётся в овражках тропа,
Ещё избачам белокурым
Проламывают черепа,

Ещё с сельсоветами рядом
В полуночный свет окна
Стреляют волчьим зарядом, -
Но правда на свете одна!

Проходят дни и недели,
И за тысячи бед
По всем дорогам метели
Метут раскулаченным вслед.

Что и говорить, борьба в деревне конца 20-х - начала 30-х годов отличалась крайним озлоблением с обеих сторон. И детей резали, и черепа активистам проламывали.

Но, оказывается, не только кулаки! Оказывается, и от коммунистов «избачам белокурым» тоже доставалось!

В 1928 году, когда возникла всем известная напряжённость с хлебозаготовками, коммунисты пытались выйти из положения путём организации так называемых красных обозов - дополнительной сдачи хлеба крестьянами. Делалось это, разумеется, в «добровольно-принудительном» порядке. Вызвались организовать красный обоз и комсомольцы села Горохова во главе с Астафьевым. Но действовали они исключительно методом убеждения. И обошлись не только без райкомовских уполномоченных, но и без своих деревенских коммунистов! Те драли глотки - и ничего не могли добиться, а молодой комсомольский вожак сумел вместе со своими товарищами убедить односельчан. Кроме того, комсомольцы продали хлеб со своей комсомольской полосы и на эти средства создали лучшую во всём районе сельскую библиотеку. И всё это без помощи «вдохновителей и организаторов всех наших побед»! Дело кончается тем, что на Александра Ульяновича местными коммунистами организуются два покушения, а когда он уезжает в Ленинград, вдогонку ему в районной стенгазете публикуется заметка

---

[5] Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста. Омск, 1997. С. 16. К сожалению, мемуары М. А. Щербаковой обрываются на полуслове событиями 1928 г., что делает их публикацию проблематичной, хотя текст содержит немало интересных сведений о жизни ремесленно-мещанской среды предреволюционной и революционной эпохи и об учительской работе в 20-е годы.

«Жулик с комсомольским билетом», в которой, между прочим, кроме нелепых обвинений и анекдотической риторики, содержится и признание в попытке убийства - признание, сделанное с гордостью! Каков уровень правосознания! Или уровень безнаказанности?

Ублюдочный интеллект авторов этой выходки может показаться чем-то из ряда вон выходящим. Свидетельствую и ручаюсь: это хотя и не поголовный, но достаточно обычный, повсеместно встречавшийся уровень партийных функционеров с середины 20-х годов и едва ли не до самого крушения КПСС.

Коммунист с 1917 г. Александр Николаевич Гальцев из деревни Ключики Куртамышского района Курганской области рассказывал мне в 1963 г., как в 30-х годах получил однажды разнос от секретаря своей ячейки за то, что... проводил в сельском клубе громкие читки газет: «Тебе кто, товарищ Гальцев, разрешил перед народом газеты читать?» Секретарь был убеждён, что газеты - это что-то вроде тех закрытых писем, которые время от времени приходили партийному активу из ЦК!

Мой отец Иван Яковлевич Осипов, работавший художником в Юргамышском доме культуры и постоянно выполнявший райкомовские заказы на «наглядную агитацию», всегда возмущался вопиющей безграмотностью заказчиков - безграмотностью во всём, не только в орфографии. Сам я тоже некоторое время был художником-оформителем, да и впоследствии, на преподавательской работе, постоянно выполнял оформительские работы к праздникам. И меня всегда поражало, например, что ни один партийный начальник даже приблизительно не представлял себе хотя бы расход краски на свой заказ. Заказывают лозунг длиной два метра объёмом в пять слов и приносят, если нет толчёного мела, четыре коробки зубного порошка - количество, достаточное для оформления целой демонстрации в городе средней величины.

Всё это было бы забавно, если бы речь шла не об организации, определявшей судьбы народа. В 1961 г. из Курганского педагогического института был исключён студент Мирас Мухаметшин, заявивший на одном из занятий по философии, что все коммунисты - шкурники. Помню, я, узнав об этом, сказал: «Нет, он, конечно, не прав. Коммунисты, конечно, не все шкурники, а вот шкурники - уж точно все коммунисты». Я и сейчас готов подписаться под этими словами. Всё подлое, глупое, бездарное, все выродки и мошенники, все Иудушки и Пришибеевы, все Маниловы и Коробочки - всё это в полном составе находилось в рядах Коммунистической партии Советского Союза. Не все коммунисты были такими, но все такие были коммунистами.

Безобразия коллективизации и первых колхозных лет достаточно известны, и тут трудно прибавить к нашим сегодняшним знаниям что-то новое. Но думаю, что заслуживают внимания эпизоды, связанные с участием Александра Ульяновича, к тому времени студента Ленинградского института народного хозяйства им. Ф. Энгельса, в кампании по проверке хлебных запасов на Украине в 1931 г.: запасы были немалые, но зерно в огромных количествах гнило и прорастало, хранясь в совершенно непригодных помещениях - и это в момент, когда народ голодал. О том, что голод на Украине в начале 30-х годов был организован, в последнее время писалось немало, однако в этой истории ещё не всё ясно, и лишнее свидетельство очевидца представляется весьма ценным.

В повествовании о «подземном мире» обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, то, что Александр Ульянович, случайно узнав, что подлежит аресту, и скрывшись от не успевшей приехать за ним милиции, по-видимому, сколько-нибудь тщательно ею не разыскивается. Вряд ли стоило бы большого труда

изловить бродяжничающего в Ленинграде парня, если бы такая цель была поставлена. Сейчас известно уже большое количество фактов, когда людей спасал от ареста отъезд в деревню, вообще в другое место: чем тратить силы на их розыск, органы НКВД находили других «врагов» и за их счёт выдавали требуемый объём «валового сбора».

Во-вторых, записки А. У. Астафьева дают дополнительный материал к недостаточно ещё изученному вопросу о романтических играх нашей госбезопасности - о том, в каком объёме настоящая разведывательная и контрразведывательная работа подменялась всякого рода спектаклями в целях шантажа или провокаций.. Я имею в виду эпизод с «дачей княжны Юсуповой». Эпизод настолько «закрученный», что на первый взгляд возникают сомнения в его достоверности. Но накапливается уже значительный запас наблюдений, свидетельствующих о полной вероятности и такого рода «дач». Романтические инсценировки были очень и очень в духе того ведомства, которое в канун войны начисто проглядело настоящих немецких шпионов и, дав им возможность выследить дислокацию всех наших аэродромов, в первый же день боёв загубило, как известно, всю авиацию Красной Армии.

Но остановлюсь на тех романтических играх наших «органов», которые так или иначе напоминают мне по стилистике историю с «дачей княжны».

В предыдущем выпуске «Народных мемуаров»[6] я уже упоминал, как в 1956 г. был задержан на окраине города Кургана за то, что рисовал здание водопровода. Допрашивавший меня майор милиции (жаль, не помню его фамилии) спросил, с какой целью и по чьему заданию я это делал. Пришлось разочаровать романтического службиста, вообразившего, будто схватил шпиона: «По заданию совета дружины Юргамышской средней школы с целью иллюстрировать альбом о пионерском походе: во время похода мои пионеры были на водопроводе с экскурсией». - «Вы что, не знаете, что это стратегический объект?» - «Водопровод? Стратегический объект?» - «А вы как думали?» Я сказал, что, видимо, недостаточно осведомлён в стратегии, и попросил перечислить другие объекты, которые с точки зрения «органов» являются стратегическими. В перечне майора меня особенно умилили здания райкомов партии: я вспомнил наш деревянный райком и с трудом удержал смех. К тому же, зачем шпиону всё это рисовать, если легче сфотографировать! «Хорошо, - сказал я. - Ещё один вопрос. Откуда я должен был это знать?» - «Пора знать», - сказал майор. «Я Вас спрашиваю не о том, пора или нет, а о том, откуда. Вы не могли бы мне показать документ с этим перечнем?» - «Это секретный документ!» - «Тем более: откуда мне это знать? Я не читаю секретных документов» Майор заорал: «Пора знать! Вы не ребёнок!» - «Не орите, - отчеканил я. - Не орите, а отвечайте на поставленный вопрос». Опешив от моей твёрдости, майор явно решил, что со мной лучше не связываться: неизвестно, что я за птица, раз так себя держу. Меня отпустили без последствий - только из блокнота вырвали рисунок с водопроводом.

Вот так ловили у нас шпионов.

В 1957 г. мой товарищ по институту Николай Зайцев, будучи в подпитии, рассказал мне, как его вызывали в «органы» и предлагали за деньги стать стукачом. Признаюсь, я тогда ему не поверил. Зайцев был общительный парень, подававший надежды поэт, но уж больно неуравновешенный, не умевший держать язык за

---

[6] Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста. Омск, 1997. С. 26.

зубами и к тому же сильно склонный к пьянству. Много лет спустя я понял, в чём было дело: после XX съезда партии молодёжь не очень-то шла в стукачи, и у курганских гэбистов, видимо, горел план по валу - тут уж все годились, кто попал под руку.

Вот так у нас формировали агентурную сеть контрразведки.

В 1958 г. я вместе с пятью товарищами был исключён из комсомола и отчислен из Курганского пединститута за то, что в своей общежитской комнате мы выпускали юмористическую газету. Это был тетрадный листок с текстами и рисунками в основном на бытовые темы, но в одном из номеров в неподходящем контексте упоминались партия и правительство. Парни были большей частью хорошие, исключать нас институтскому начальству не хотелось - но дело попало в «органы».

Вот так у нас боролись с якобы плодами западной пропаганды. Вот за какой вздор получали зарплату те, кто должен был обеспечивать безопасность страны. Вот чем они занимались. Много позже я узнал, что для этого вздора у них даже был специальный термин. Это называлось «профилактика идеологически вредных действий».

И всё это длилось десятилетиями. Уже в пору перестройки, в 1986 г., ректорат Удмуртского университета получил от начальника отдела Удмуртского управления КГБ Феофилактова письмо с требованием принять меры против моего сына, который в разговорах с товарищами будто бы положительно отзывался о Сахарове, Солженицыне и Крамарове. Писание таких доносов, таких писем и затем ответов на эти письма тоже считалось работой!

Может быть, эти люди думали, что они исполняют долг? Признаться, я до некоторых пор так и считал. Глаза мне открыла следующая история. В начале 80-х годов я вёл долгие разговоры о застое в экономике и мрачных знамениях в политике с преподавателем Удмуртского университета Ю. А. Піявским. Мне говорили, что он осведомитель КГБ, но я думал: «Господи, да пусть донесёт: пусть правительство хотя бы таким путём, но возьмёт, наконец, в толк, что всему народу уже ясно неблагополучие в стране». Увы, я был наивный человек. Некоторое время спустя я имел случай убедиться: мой «идейный» коллега доносил вовсе не то, что я ему толковал, а то, что он сам хотел мне приписать. Иначе говоря, сознательно халтурил. Так что ни о каком чувстве долга, как бы это долг ни понимать, тут речи не шло и идти не могло.

Винюсь перед читателями, что так отвлёк их собственными воспоминаниями. Но я хочу, чтобы читающие книгу А. У. Астафьева поверили: фантасмагорический сюжет о «даче» чётко вписывается в стиль работы организации, о которой идёт речь. К моим воспоминаниям можно добавить ещё сведения о мнимых шпионах, которые в провокационных целях забрасывались к немцам Поволжья, а также, оказывается, и в прифронтовую полосу - для проверки бдительности советских людей! (Этот последний факт отражён в воспоминаниях работницы М. Н. Колтаковой).

Все подобные сведения должны быть тщательно собраны и проверены, и тогда станет ясным объём истинной и мнимой работы КГБ. Не окажется ли, что, прячась за спины нескольких подвижников, все остальные сотрудники этой гигантской структуры в основном и главном занимались как раз описанными здесь романтическими затеями?

Однако наиболее обширный материал записки сельского учителя дают, естественно, по истории советской школы.

Объективно освещая те подвижки в деле народного образования, которые имели место в дореволюционное время и завершились созданием церковно-приходских школ на селе, А. У. Астафьев в то же время не склонен приукрашивать эти школы. Существует мнение, что церковно-приходская школа давала неплохое образование, и для мнения этого есть как будто резон. Я упоминал о своём отце, исправлявшем ошибки райкомовцев, а ведь он закончил именно такую школу и больше нигде не учился. И это не единственный пример хорошей грамотности выпускников школ указанного типа. Не надо однако же забывать, что при отсутствии обязательного образования учились в них те, кто действительно желал и мог учиться, а это не менее, если не более важный фактор хорошего качества образования, чем преподавательский уровень. Привязанность школы к церкви порождала идеологическую зашоренность педагогики, и это хорошо показано в воспоминаниях нашего автора. (Другое дело, что впоследствии идеологически зашоренной оказалась и советская школа: привязка к церкви сменилась привязкой к райкому партии). Не украшали церковно-приходскую школу и телесные наказания. (О треугольной линейке, которой попы били по головам провинившихся учеников, помнили все питомцы этих заведений). Материалы А. У. Астафьева по истории народного образования существенно дополняют имеющиеся научные исследования по истории народного образования в южном Зауралье[7].

Широкая образовательная работа на селе: создание обширной сети не только начальных, но и средних школ, а также библиотек и клубов - была одной из наиболее привлекательных черт политики коммунистической партии, особенно импонирующих молодёжи. С благодарностью вспоминает Александр Ульянович о своей учительнице и данных ею книгах, толкнувших его к формированию научного взгляда на мир, о лучших учителях Куртамышской школы, а затем и о своих товарищах-комсомольцах, которые развернули большую просветительную работу в родном селе. Приводимый автором учебный план комсомольской школы не может не вызвать восхищения.

Однако граждане нового общества, какими ощущали себя представители первого советского поколения, хотели видеть новую школу свободной от пьяниц, бездельников и невежд. А когда это не получалось, то такие, как Александр Ульянович, поднимались на борьбу. Конфликт юного Александра с пьяницей-директором школы - это, с одной стороны, проявление юношеского максимализма (впрочем, сохранённого им до старости), отчасти - и следствие язвительного характера, умения не лезть за словом в карман (чего стоит ответ Александра на попытку директора уверить, что в луже валялся не он!), но, с другой стороны, здесь много и типичного для формирующейся советской школы вообще. Провозглашая высокие нравственные идеалы: служение народу, честность, трудолюбие, бескорыстие, - эта школа, особенно в лице её руководителей, закрытостью советского общества пользовалась для всякого рода запретов выносить сор из избы, для показухи и приспособленчества - всего того, что особенно пышным цветом расцвело в 50-е годы.

Не обходит вниманием Александр Ульянович и методическое экспериментаторство 20-х годов, показывая, как реально выглядели с позиций

---

[7] Ср.: Уткина А. В. и др. Курганская школа в XIX - начале XX века / Отв. ред. Емельянов Н. Ф. Курган, 1995; Михащенко Л. А., Емельянов Н. Ф., Лаптев А. П. Народное образование // История Курганской области. Курган, 1996. Т. 2. С. 457 - 485.

ученика Дальтон-план и комплексный метод и давая им объективную оценку. В собственно педагогическом смысле интересны сведения о структуре школьного управления в те годы. Конечно, в трудах по истории советской педагогики эти сведения найти можно, но в мемуарах они предстают опять-таки не в виде идеи, а в реальном воплощении.

Сам начав в 30-е годы педагогическую работу, Александр Ульянович остаётся тем же неутомимым борцом за справедливость, каким был в юности, и не мирится ни с чем, что противоречит его представлениям о задачах педагогики.

С благодарностью вспоминает учитель своих лучших коллег: директора Мишкинского педагогического техникума в 30-е годы Я. Т. Клепалова, ряд директоров школ Юргамышского района (С. А. Кузнецова, Л. Т. Соколова, С. С. Соседова, К. П. Лапина и других), учителя физики Кипельской школы Шахова, учительницу начальных классов Е. К. Лабутину, учительницу биологии Кислянской школы А. А. Скобелеву. Мемуарист выделяет в них такие черты, как постоянная работа над собой, позволяющая иметь необходимый запас знаний даже и при нехватке, так сказать, официального образования (сельских учителей с законченным высшим образованием было в те годы немного), как бескорыстность и честность, умение работать без расчёта на эффект у начальства, отсутствие мелкой зависти к коллегам. Эта последняя черта как будто «периферийна», не так важна в профессии учителя, но каждый, кто работал в наших школах, знает, как часто именно мелкая завистливость отравляет отношения в педагогическом коллективе.

В сфере взаимоотношений учителя и ученика А. У. Астафьева волнуют прежде всего проблемы педагогического такта и уважения к собственному мнению ученика, умение учителя убеждать, а не просто сообщать те или иные сведения.

Заострение внимания на данных вопросах не случайно: хотя педагогический такт и уважение к собственному мнению ребёнка постоянно декларировались советской педагогикой, именно они чаще всего и отсутствовали в советской школе. Педагогический такт сводился к недопущению ученика до каких бы то ни было сведений об отношениях в педагогическом коллективе, а собственное мнение дозволялось разве что на уровне поиска наиболее удачного эпитета во время сочинения по картине.

Из отрицательных сторон школьной жизни особенно возмущают Александра Ульяновича корыстолюбие и мошенничество наробразовских чиновников и подхалимство перед ними некоторых из его коллег-учителей, заформализованность всего уклада школьной жизни (например, постоянные линейки в Юргамышской средней школе), хамство школьных руководителей (история директора Юргамышской средней школы А. Ф. Гелича), а также тяжёлые бытовые условия жизни педагогов.

В мемуарах есть эпизод с подробным описанием жуткого быта учителя Кипельской школы, участника Отечественной войны Н. Н. Балакина. Об условиях собственной жизни Александр Ульянович только упоминает. Но их я видел своими глазами с 40-х годов и до кончины учителя. В военные и первые послевоенные годы Астафьевы сменили три квартиры по соседству с нашим домом на Советской улице Юргамыша. Из четырёх детей Александра Ульяновича и Зои Васильевны только Лида была на несколько лет старше меня и мало со мной общалась. Трое же младших составляли как бы пары к детям нашей семьи: Володя был старше меня всего на полгода, наши младшие сёстры, обе Нины, были ровесницами, младшие братья Коля и Толя - тоже. И, конечно, мы часто бывали в те годы друг у друга дома.

Сначала Астафьевы жили в избушке, крытой дёрном, где единственная комнатка была и кухней, и спальней, и всем остальным. Потом перебрались в другой частный дом, где были кухня и комната. Потом ещё в один такой же, только чуть побольше. А потом уехали с нашей улицы на школьную «квартиру» - бывшую конюшню (об этом есть упоминание в мемуарах). Всего Александр Ульянович сменил в Юргамыше семь квартир, но ни в одной не имел даже отдельной от детей спальни, не говоря уж о кабинете. Большинство его квартир состояли из кухни и комнаты. Конечно, почти все так жили тогда на селе, но ведь это был учитель, известный в районе и области человек, чьи занятия краеведческой и лекционной работой требовали хоть каких-то дополнительных условий. Немногим лучше жил и его брат Иван Ульянович, тоже учитель - лучше только тем, что не был обременён таким количеством детей. Долгое время в ужасных условиях, снимая угол в хибаре у какой-то старушки, жила пионервожатая Юргамышской школы Таисья Павловна Дьяконова. Пионервожатой она работала с 1952 по 1982 год - уникальный случай, свидетельство незаурядности характера и огромной любви к делу, но... «но мало любили нас». Да обо многих ещё можно было бы рассказать подобное.

Каким учителем был сам Александр Ульянович? Я учился у него немного: он вёл у нас историю в 5-м классе и астрономию в 10-м. (Набор предметов уже о чём-то говорит!) Человек нервный и ранимый, он сильно зависел от настроения: мог дать блестящий урок, но мог дать и скучный. Он был не из тех, кто оставляет свои эмоции за порогом класса. Тем более удивляло постоянство и неподвластность никаким нервам его отношения к ученикам: оно всегда было уважительным. А вот с начальством он ругался иногда и при учениках: помню его резкий диалог с завучем на одной из тех самых бесчисленных школьных линеек. Совершенно незаменимой личностью он был в пионерских походах: знал все дороги и тропинки, из любой глуши мог вывести в любую точку района. С ним мы ходили обычно без дорог, прямиком через леса и поля. Он мог ночью отыскать в лесу родник, если потребовалась вода. Я уж не говорю о том, что он помнил историю не только каждой деревни, а и чуть не каждой сосны в районе, особенно в южной его части. Он строго следил, чтобы на костры мы собирали только сухие ветки, не ломали деревьев и тщательно гасили огонь, уходя с привала. Иногда, наткнувшись на какой-нибудь невзрачный, но, оказывается, редкий цветок, начинал рассказывать о нём: известна ему была и ботаника, хотя он никогда её не преподавал.

Много усилий приложил он для создания районного историко-краеведческого музея. В 70-х годах, когда в Юргамыше построили новое здание дома культуры, старое отдали музею. Но через несколько лет это здание - интересное само по себе, один из немногих в районе памятников деревянного зодчества - снесли, а музей растащили. Огромное число экспонатов, собранных Александром Ульяновичем за долгие годы жизни, погибло, некоторая часть хранится у его знакомых. Были созданы в районе также музей материнской славы и музей народного образования, но в последние годы и они находятся на грани гибели: нет средств на обновление экспозиции, всё меньше желающих вести дело в качестве общественной нагрузки, а штатных сотрудников содержать не на что. По мере сил существование музеев поддерживается школами, немногочисленными краеведами-энтузиастами - и только.

Если ведение краеведческой работы было делом более или менее добровольным даже и для преподавателя истории, то участие в лекционной пропаганде считалось по сути дела непреложной обязанностью каждого учителя. При этом лекции читались на общественных началах. (Для читателей будущих поколений поясню, что «на общественных началах» в переводе с советского языка

значит бесплатно). Оплачивался лишь очень небольшой процент лекций членов общества по распространению политических и научных знаний, позднее переименованного в общество «Знание» (а его членами учителя были поголовно), но размер оплаты был смехотворным.

Александр Ульянович лекционную работу любил. Вот что писала о нём как о лекторе газета «Рассвет» - орган Юргамышского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся: «Нет, наверное, в районе такой деревни, села, где бы не читал свои лекции А. У. Астафьев. Тематика у него самая разнообразная: «Историческое прошлое нашего края», «Борьба за советскую власть в Зауралье», «История календаря и его предстоящая реформа», «Жизнь во Вселенной», «Таинственные явления человеческой психики и их объяснение», «Подготовка экскурсии на Луну» и др. Свою лекторскую деятельность А. У. Астафьев начал в 1926 г., когда, будучи учащимся Куртамышской школы, прочитал лекцию о романтизме... Бывают ничем не примечательные лекции или лекторы, читающие их. Они не могут передать ту идею, что содержит тема. Совсем не так у А. У. Астафьева. Вот как он сам пишет о роли лекции: «Необходима известная доля импровизации в словесном оформлении мыслей, в особенности в таком важном моменте, как образность. Лектор должен говорить страстно, искренне. Чтение лекций - важнейший участок работы, он требует от лектора значительных знаний и напряжения умственных сил». Многие дороги района исхожены пешком. Бывает, по целым дням ходит Александр Ульянович по деревням, сёлам и по лесам. Ни один день не проходит даром, каждый приносит что-то новое. И не для себя ищет он это новое. Для людей пройдены километры жизни»[8].

Казалось бы, уж по этому пункту его работы к Александру Ульяновичу невозможно было придраться. Увы, претензии были и тут: то вдруг начальству начинало казаться, что тематика лекций недостаточно широка (от истории до астрономии!), то лекции оценивались как «ненужные партии и народу». Если учесть, что важное место в его тематике занимали такие ценимые коммунистами сюжеты, как антирелигиозная пропаганда, наши успехи в изучении космоса и осуждение гонки атомных вооружений, подобное отношение к популярному лектору кажется странным. Дело здесь в том, что интеллектуальный уровень районных партийных чиновников не позволял квалифицированно контролировать содержание лекций, а независимый стиль поведения Александра Ульяновича порождал подозрения, не «протаскивает» ли он под благовидными названиями какую-нибудь «идеологическую диверсию». В таком положении находились все лекторы, да и люди умственного труда вообще, если их интеллектуальный или даже просто образовательный потенциал превосходил уровень ближайшего партийного начальника. Это случалось сплошь и рядом, но обычно сглаживалось тем, что попавшие под подозрение интеллигенты клялись в верности партии или предпринимали какие-то другие приспособленческие шаги, а Александр Ульянович лез на рожон. Замечу, впрочем, что это не всегда кончалось его поражением: как я уже напоминал, подлецы зачастую трусливы, так что наступление иной раз оказывается лучшим видом обороны. Но так или иначе подобную коллизию не назовёшь благоприятным условием для интеллектуального труда, а ведь это было обычным явлением в течение десятилетий, что показано в мемуарах А. У. Астафьева конкретно и ярко.

---

[8] Благинина Н. Любящий своё дело // Рассвет. 1967. 5 янв.

Формой пропаганды знаний являлась и журналистская деятельность А. У. Астафьева - в основном краеведческие очерки или статьи на педагогические темы в местной печати. Газеты наши платили тогда гонорары, но это опять-таки были гроши (средней величины статья в районной газете - несколько рублей). Так что и это был не приработок, а проявление неутомимой жажды просветительства, унаследованной от прежних поколений отечественной интеллигенции. Уже говорилось, что часть газетных публикаций позволила нам дополнить недописанные главы повести.

Ещё меньше литературного заработка давали стихи, тем более что их публикация в местной печати не очень-то и приветствовалась райкомом. Стихи Александр Ульянович печатал под псевдонимами: В. Ольхин и В. Сосновский. Активно писали стихи его дети Владимир и Нина, изредка и Николай, а также жена Зоя Васильевна. (Интересно однако, что друг другу они в этом не признавались: о том, что В. Ольхин - это Александр Ульянович, Владимир узнал от меня, а стихи Зои Васильевны большей частью были обнаружены и опубликованы только после её смерти[9]).

В 70-е годы острая нехватка сельских учителей вынудила правительство разрешить выплату учителям-пенсионерам, работающим в сёлах (кроме райцентров), полной пенсии, а не её части, как остальным. Александр Ульянович уходит из Юргамышской школы и несколько лет работает в деревенских школах района, благо к этому времени между деревнями уже налаживается автобусное сообщение. Дети учителя выросли, но судьба их что называется не сложилась - отчасти из-за унаследованного «неудобного» характера, отчасти из-за трагического стечения обстоятельств: так, старшая дочь осталась одна с ребёнком после гибели мужа-геолога в экспедиции. К тому же Александр Ульянович по-прежнему много денег тратил на приобретение книг. Примерно в это же время семья обзаводится «дачей» - покупает старый дом с огородом на кордоне Малобеловодского лесничества, крохотного посёлка в 10 километрах от Юргамыша. Там старый учитель часто уединяется, туда перевозит большую часть архива. На Малобеловодском кладбище он и похоронен.

Известный интерес для истории советской педагогики представляют и воспоминания А. У. Астафьева о лекции первого наркома просвещения А. В. Луначарского, которого он слушал в Ленинграде, и о роли его трудов в обогащении историко-литературного багажа учителя. Укажем и на такой факт, как присутствие Александра на встрече ленинградских студентов с В. В. Маяковским. Доводилось Александру слушать и С. М. Кирова. К сожалению, письменных воспоминаний о нём обнаружить не удалось, но в беседах с учениками в мои школьные годы учитель высоко оценивал его как зажигательного оратора - не столь эрудированного и тонкого, как Луначарский, но умеющего убеждать людей. А владению публичной речью Александр Ульянович всегда отводил большую роль.

Конечно, и история школы, хотя она и представлена в мемуарах шире других сторон жизни, не получила всеобъемлющего освещения. Из устных воспоминаний учителя (как и из собственного опыта) я знаю, например, о таком биче, как заформализованность методической работы, нивелировка требований к уроку и т. п., но в мемуарах это не отразилось. Лишь вскользь упоминает мемуарист и о борьбе за 100-процентную успеваемость в 60-е годы, когда учителей вынуждали

---

[9] Астафьева З. Ты откуда, грусть закатная? Курган, 1992.

завышать оценки. Но мемуары есть мемуары, и требовать от них систематических сведений даже и по узкому кругу вопросов, конечно, нельзя.

Весьма эпизодическими и беглыми оказываются в записках сведения по истории высшего образования в нашей стране. Но некоторые моменты заслуживают внимания и здесь.

Создание советской властью условий для получения образования, в том числе и высшего, его доступность для широчайших народных масс есть, несомненно, одна из исторических заслуг большевиков. За эту заслугу они, впрочем, поплатились: ведь именно советская интеллигенция и оказалась наиболее активной силой в подготовке крушения всевластия КПСС (за что, в свою очередь, расплачивается сама своим теперешним унижением ещё хуже советского). Сегодня нередко можно встретиться со спекуляциями в том роде, что если бы в 1917 г. победил не социализм, а рынок, то, может быть, для народа открылись бы ещё более широкие возможности. Но надо ли напоминать, что история не знает сослагательного наклонения? А главное, здесь уже и сослагательного наклонения не требуется: за шесть лет рыночных отношений мы воочию увидели, какие условия создаёт рынок для народного образования и культуры. В связи с этим тот факт, что крестьянский парень из глухого сибирского села может поехать для получения высшего образования в Ленинград, оказывается в воспоминаниях А. У. Астафьева нелишним напоминанием об успехах советской образовательной системы - успехах, которые в каком-то смысле компенсировали централистские и иные перекосы в экономике социализма, а главное - обеспечивали высокий уровень духовной жизни народа. Слов нет, советская высшая школа была заидеологизирована не меньше, чем общеобразовательная, однако сила высокого знания такова, что способна, как показывает история, преодолевать любой идеологический пресс.

В связи с этим обратим внимание ещё на один момент. Несмотря ни на что, в советском студенчестве сохранялся дух вольнодумства - по крайней мере больше, чем в любом другом слое народа. Именно в студенческую пору А. У. Астафьев узнаёт о так называемом завещании В. И. Ленина - его «Письме к съезду», том самом, где была приведена отрицательная характеристика Сталина и дан совет устранить его с поста генерального секретаря. Документ этот был опубликован только в 1956 г., но слово «завещание» в тогдашней пропаганде к нему не применялось. Я о слухах насчёт ленинского завещания узнал из книги «Тайная война против Советской России», написанной просоветски настроенными американскими журналистами и опубликованной в русском переводе ещё при Сталине. Авторы, впрочем, сомневались в существовании такого документа, поскольку жанр завещания противоречил отношению Ленина к партии. Конечно, «Письмо к съезду» и не было завещанием в собственном смысле слова, но канонический характер, приданный в сталинские годы всему написанному Лениным, заставлял держать его в секрете. Правда, как видим, секрет был не особенно глубоким, если письмо имело какое-то хождение, а о слухах по поводу «завещания» дозволялось упоминать в подцензурной печати: советская система знала и гораздо более строгие секреты. Вообще градация секретности в советском обществе - проблема ещё недостаточно изученная. Многие секреты ведь вообще были мнимыми. Таковы, например, письма ЦК партийным организациям: они читались на закрытых партийных собраниях, но затем их содержание, хотя и шепотком, передавалось из уст в уста и становилось известно практически всем интересующимся. Казалось бы, какой смысл в такой «закрытости»? Но смысл был: благодаря этим письмам члены партии чувствовали себя «посвящёнными», не

такими, как все, а разглашая подобные «секреты», больше набивали себе цену, чем рисковали. Ленинское «завещание» было, конечно, секретом более высокого ранга: его разглашение было настоящим риском. Но надо сказать, что мемуары А. У. Астафьева вообще отрадно удивляют тем, как много в среде ленинградской интеллигенции оказывалось людей, которые не только доверяли, но и осмеливались помочь опальному юноше, скитавшемуся без пристанища и куска хлеба и обречённому при любой неосторожности попасть под арест и потянуть за собой любого проявившего к нему сочувствие.

Нет в записках сведений об уровне преподавания в тех учебных заведениях, в которых довелось учиться автору. Но, судя по тому, что, несмотря на столь бурные перипетии, институт Александром Ульяновичем был закончен в довольно короткий срок, науку он постигал в основном за счёт самостоятельных занятий. Одно из самых ностальгических воспоминаний среди тех, которыми он делился с нами в мои школьные годы, - это воспоминание о тишине ленинградских библиотек.

Вуз он успел закончить до того, как была введена платность обучения, и поэтому в записках не могла отразиться реакция студентов на это решение сталинского правительства.

Не все знают, что бесплатность образования всех уровней, бесплатность медицинской помощи (в том числе и лекарств, если на них есть рецепт врача), бесплатность городского транспорта и жилья - всё это завоевания Октябрьской революции, которые большевики ликвидировали хотя и не так быстро и решительно, как демократические свободы, но от которых к концу 30-х годов уже мало что осталось. Бесплатность транспорта и жилья исчезла ещё в 20-е годы. В 1939 г. была введена платность лекарств в аптеках, независимо от наличия рецепта. В том же году стало платным и образование, начиная с 8-го класса средней школы. (Бесплатность образования была восстановлена в 1956 - 1957 учебном году, а остальное КПСС в своей третьей программе обещала восстановить в 1980, но слова не сдержала). В записках упоминается о попытке «местного значения» ввести плату за учёбу в Кипельском педучилище в условиях голода 1921 года. (Попытка кончилась закрытием училища). О студенческом же протесте 1939 года автор, видимо, не знал. Сам я узнал об этом в 1959 г. от курганского художника Каменского, который в 1939 г. был исключён из вуза за участие в студенческой забастовке по этому поводу. Сколько было таких забастовок и где, сказать трудно: текущая пресса о них, разумеется, не писала. О протесте в средней школе я не располагаю никакими сведениями, нет их и в записках А. У. Астафьева. Маловероятно, чтобы тогдашние школьники, особенно сельские, могли организованно протестовать, но вопрос о такой возможности всё же снимать нельзя. Каждая, даже самая локальная акция протеста в такую пору - к чести всего народа.

В последней главе - «Из предсмертных «записок сумасшедшего» - содержится отголосок ещё и такой детали советской жизни, как история государственных займов: Александр Ульянович завещает отдать тому, кто будет делать его гроб, не погашенные государством облигации на 350 рублей (на советские деньги образца 1961 г. это сумма, почти равная месячному окладу профессора в 80-х годах). История эта показывает, между прочим, что теперешняя политика конфискации уже заработанных человеком денег - это лишь вариант политики всех послеоктябрьских правительств нашей страны, только усиленный до того предела, который ещё позволяет не получить социального взрыва. Кроме конфискации зарплаты и сбережений, проведённой в 1947 г. в ходе послевоенной денежной реформы, правительство вплоть до 1957 г. ежегодно конфисковало примерно месячный

заработок трудящихся в форме подписки на государственные займы. С течением времени (очень медленно) займы возвращались в виде выигрышей, но с 1957 г., с выпуском последнего займа, правительство заморозило свои долги до 1977 г. Свидетельствую, что сколько-нибудь выраженного протеста это не вызвало: все привыкли к займам именно как к хронической конфискации - деньги, заплаченные за облигации, всегда считались пропащими. В 70-е годы погашение государственных займов было возобновлено, но в обещанные сроки не завершилось. Вот почему у Александра Ульяновича до 90-х годов остаётся не возвращённый государством долг. (Конфискованный при раскулачивании отцовский дом он долгом не числил. Дом возвращён его дочерям уже после его смерти, хотя раскулачивание отца было признано незаконным ещё в 1930 г.).

Правда, конфискационная политика советских правительств отличается от политики постсоветских тем, что конфискация проводилась всё же в фиксированных суммах. В настоящее время за счёт 10-кратного отставания роста зарплаты от роста цен, за счёт того, что и проценты Сбербанка по вкладам до востребования в 1991 - 1995 и в 1997 гг. составляли не более десятой доли инфляционных потерь, а в 1996 г. были и того меньше, и даже проценты по депозитам едва достигали половины уровня инфляции, наконец, за счёт постоянных задержек всякого рода выплат (вплоть до почтовых переводов) правительство конфискует не менее 90 процентов наших трудовых доходов от уровня 1990 г. Но ни эта, ни какая-либо другая величина конфискационных удержаний (скажем, более точная или по какой-то иной причине более приемлемая с правительственной точки зрения) нигде не фиксируется в официальных документах правительства. Между тем с учётом приведённой цифры население уже рассчиталось с государством и за ваучеры, и за приватизированные квартиры, тогда как правительство до сих пор утверждает, будто ваучеры и квартиры были розданы бесплатно.

И всё же, несмотря на эти различия, очень важно понять, что сегодня мы имеем продолжение старой конфискационной политики, её развитие до логического конца, а не какую-то новую политику. И в этом смысле напоминание А. У. Астафьева о государственном долге 40-летней давности сегодня столь же актуально, как и воспоминания В. А. Плотникова о таможенных барьерах на границах районов и о задержках зарплаты в советские времена: «не нов, не нов жестокий опыт», как говорил - по другому, правда, поводу - А. Т. Твардовский.

Таковы основные факты нашей истории, получившие то или иное отражение в записках сельского учителя[10].

4. Оформление текста в публикации

Данная выше характеристика «Записок изгоя», по-видимому, достаточно ясно показывает, что при публикации этого источника нет надобности воспроизводить текст буква в букву, как это было сделано в отношении мемуаров В. А. Плотникова. Повесть А. У. Астафьева печатается так, как печатаются обычные литературные

---

[10] Краеведческие работы учителя, ранее разбросанные по периодическим изданиям, недавно собраны в кн.: А с т а ф ь е в А. У. Уходящей жизни след. Юргамыш, 1998. К сожалению, книга вышла без научного редактирования и не свободна от устаревших и ошибочных сведений, никак не прокомментированных. Там же опубликована и часть стихов Александра Ульяновича (иногда в иной редакции, нежели в настоящем издании).

тексты, то есть по нормативной орфографии и пунктуации и с редакторской правкой, хотя и минимальной.

Правились отдельные неудачные или неясные выражения и иногда - устранялись повторы.

Не правились варианты названий одних и тех же населённых пунктов, представленные у автора: *деревня Горохова, деревня Горохово, село Горохово* и т. п.: поскольку литературный язык в этом пункте не имеет устоявшейся нормы для падежных и родовых форм топонима, всё оставлено так, как было написано в авторском тексте.

Заглавие повести дано Л. А. Астафьевой, но на основании слов самого автора, неоднократно называющего себя изгоем. Заголовки глав частично даны ею же, частично идут от автора. Разбивка текста цифрами внутри глав сделана мной: иногда она просто необходима в интересах читателя, иногда выполняет эстетическую роль, подчёркивая композицию.

Не воспроизводя полностью особенностей рукописи мемуариста, издатели всё же сочли необходимым включить в издание образцы почерка Александра Ульяновича (тем более что воспроизводимые документы дают дополнительные штрихи к обрисовке его характера).

Стихотворные эпиграфы к отдельным главам книги подобраны издателями. Тексты их все принадлежат автору мемуаров и потому даются без подписи.

Как и ранее изданные «Народные мемуары», «Записки изгоя» снабжены комментарием. Он содержит пояснение мало известных современному читателю фактов, исправление отдельных анахронизмов в терминологии, толкование диалектных и редких слов, а также дополнение характеристики тех лиц и событий, которые как живому свидетелю известны и мне самому (в основном это факты, относящиеся к периоду моей жизни и работы в Курганской области - с 40-х до середины 60-х годов).

Нумерация сносок в комментарии даётся по главам.

Чтобы не пояснять местные географические названия, к комментарию приложена карта Юргамышского района Курганской области (подготовленная С. В. Плотниковым).

Ввиду сюжетной, а не линейно-хронологической манеры изложения автор иногда начинает последующую главу с более ранних событий, чем те, какими заканчивается предыдущая. Эти хронологические возвраты затрудняют восприятие читателем последовательности событий жизни мемуариста. Поэтому я счёл целесообразным дополнить комментарий краткой хронологией жизни А. У. Астафьева.

Кроме дочерей автора Л. А. и Н. А. Астафьевых, активное участие в судьбе рукописи принял юргамышский краевед С. В. Плотников. По отдельным вопросам ряд уточнений сделали юргамышские старожилы А. Н. Белозёров и ныне уже, к сожалению, покойный А. М. Студенцов. По некоторым деталям юридического характера я обращался за консультацией к профессору Омского университета доктору юридических наук В. Н. Скобелкину. Некоторые моменты, касающиеся астрономии, помог уточнить сотрудник физического факультета Омского университета Е. А. Филатов..

Большой труд прочитать рукопись и оценить её с исторической и с филологической точки зрения взяли на себя рецензенты издания: сотрудники кафедры истории России Курганского государственного университета профессор Н. Ф. Емельянов и доцент В. В. Менщиков, доценты кафедры новейшей

отечественной истории и источниковедения Омского государственного университета В. П. Корзун и В. Г. Рыженко и доцент кафедры истории русского языка и методики его преподавания Омского государственного педагогического университета Л. Н. Донина.

Поддержку изданию оказало руководство Курганской области (глава администрации О. А. Богомолов, председатель областной думы Л. Г. Ефремов) и Юргамышского района (зам. главы администрации Н. И. Кармацких).

Особую благодарность выражаю курганскому предпринимателю, руководителю фирмы «Крым» Е. А. Плеханову, финансировавшему издание.

Б. И. Осипов

Записки изгоя

Да, знаю: страшную погоду
Я лишь случайно пережил.
Но перед совестью народа
Я сердцем чист. Не согрешил.

А. АСТАФЬЕВ

В Юргамышский отдел соц обесп
от Астафьева А.У.
(Юргамыш, Заводская 33)

Заявление

Прошу в соответствии с новым законом пересмотреть вопрос о размере моей пенсии на основании следующих данных

1) С 1/IX 1982 г я работаю в Юргамышском „Доме пионеров"

2) Мой общий педагогический стаж составляет свыше 45 лет (по документам а именно:

1) с 1/IX 1932 г по 1/IX 35 г — Мишкинское пед. уч

2) с 1/IX 1935 г по 1/IX 1937 г Песчанская средняя шк

3) с 1/IX 1937 г по 1/IX 1967 г Юргам средн школа

4) с 1967 г по 1970 г — Юргамышское мед. училище

5) с 1970 г по 1978 г - преподавал работал 6½ лет в разных школах Юргамышск р-на

III В Юргамышской средней школе я без перерыва работал 30 лет (1937 по 1967 г)

Мой паспорт II БС № 611761 Выдан отделом внутренних дел Юрг исполкома Кург области 3/XI 1978 г

На иждивении — один человек.

20/IV 1983 г А. Астафьев

Образец почерка А. У. Астафьева. Заявление с просьбой о пересмотре ПЕНСИИ

Вместо авторского предисловия

Из неотправленного письма А. У. Астафьева неустановленному адресату, написанного за два года до кончины - в 1992 г.

В моей памяти накопился огромный материал, охватывающий более трёх четвертей века нашей истории. Думаю, что он может представлять интерес не только для меня, но и для обширного круга людей различного возраста, включая и молодых...

Ввиду того, что я и члены моей семьи были дважды подвергнуты репрессиям, мне довелось не год и не два, а целое сорокалетие (1927 - 1967 годы) проходить через все круги не Дантова, а земного ада и участвовать почти в двадцати пяти действиях этой социальной трагедии. В моей памяти накопился материал с сотнями действующих лиц и драматических событий, которые по масштабу будут пострашнее трагедии короля Лира...

Я мог бы многое рассказать, что происходило не только в истории нашей педагогики, но и в других сферах. Как учитель я был на протяжении 50 лет связан с людьми педагогической профессии, как лектор был довольно хорошо осведомлён в том, что делалось на территории нашего района. Я никогда себя не представлял изолированно от своего дела и от того места, где на опушке бора стоял дом моего отца. Он и сейчас в моём представлении стоит на том же месте, невзирая на все подлости, какие были совершены в отношении нашей семьи в 1929 - 30 гг. со стороны государства и тех, кто выполнял его волю.

По-прежнему близки мне и такие уголки моей малой родины, как легендарное городище Чудаки, возникшее в скифско-сарматскую эпоху развития общества, т. е. задолго до новой эры. К числу избранных мест относится и великолепный обрыв над рекой Юргамыш, называемый Зайковской горой. Падунский лог с глубоким омутом, со склоном, поросшим таволгой и вишней, с могучей высокой сосной, на вершине которой находилось гнездо хищника. В моей памяти остались и первые вестники весны - колокольчатые цветы сон-травы и золотистого горицвета.

Именно здесь впервые возник у меня интерес к истории, к красоте и тайне звёздного неба, к шуму бора. В детстве я любил его слушать, притаившись на полатях и приложив ухо к отдушине в стене.

Так складывались основы моего характера, романтика моих чувств, бескомпромиссное отношение к понятиям «добро», «зло», «справедливость». Я беспощадно выкорчёвывал из своего сознания усилием воли гнилые пятна тщеславия, зависти, придерживаясь принципа «сотвори себя сам».

Педагогической работе я отдал ровно 50 лет, и в то же время в моей трудовой книжке нет даже ни одной благодарности[1]. И это справедливо: я служил делу, а не лицам. За время учительской работы я провёл с учащимися разных школ нашего и других районов 32 краеведческих похода, 20 лет руководил районной секцией учителей истории, работал на пионерских слётах участников краеведческих походов, проводил беседы и лекции для учащихся разных школ (в том числе Куртамышской, Шмаковской, ряда школ городов Кургана и Шадринска), на областной туристической базе, в Курганском областном саду, в клубах и библиотеках, на районных совещаниях работников культуры, для лекторов области, в сельхозинституте, в институте усовершенствования учителей. Прочитал не менее 5000 лекций, связанных с педагогической работой и краеведением. Это же огромный бесплатный труд, направленный на расширение знаний учащихся и их наставников.

Так почему же я оставался на положении Каина в понимании тех, кто возглавлял педагогическую работу в районе и области? Да потому, что у них не было в характере не только Прометеевой искры, а и просто необходимой компетенции во всех этих вопросах.

Во всём нашем районе в 1935 г. было только 2 человека с высшим образованием: это Р. В. Шаврин - районный агроном и я. Первым заведующим районо в нашем районе был Медведев Савелий Ильич - человек с начальным образованием.

В 1928 - 1929 годах в наше село в качестве уполномоченных из района приезжали В. Шурупов - председатель Юргамышского сельпо[2] и В. К. Бахарев - директор паровой мельницы. Первый закончил два класса Падунской школы[3], второй имел трёхлетнее образование. Они являлись на собрания граждан нашего села с наганом в кобуре. В таком виде «разговаривали» с теми, кого вызывали в ночное время на допрос[4]... Тот и другой смертельно ненавидели «гнилых интеллигентов», в том числе и учителей, считая их бездельниками и паразитами. Они в силу своего бескультурья оскорбляли население, являлись в классы во время уроков, даже не снимая шапки с головы, и устраивали проверку знания международного положения, а затем выясняли, есть ли среди учащихся остатки класса буржуазии.

Могли ли эти и подобные люди оценить работу учителя?

Главное же в том, что своей независимостью, отсутствием угодничества я не укладывался в рамки господствовавшей педагогической системы. Её устраивали не мыслящие люди, а безликие исполнители воли стоящих над ними чиновников от педагогики.

Глава 1
ДЕТСТВО

Вот иду я
в своей стороне
через годы -
не мальчиком, взрослым.
Где-то детство
аукнуло мне,
ему эхом
ответили сосны.
Может быть,
мне никто не кричал,
может быть,
пролетающий ворон
это сделал
совсем невзначай
над июльским
Гороховским бором.
А возможно, девчонки
грибы
где-то в этих местах
собирали
и беспечно
у белой горы
они просто
для смеха кричали.

1

Я помнить себя стал с трёх с половиной лет. По сохранившейся в памяти картине Моя Вселенная состояла всего из трёх элементов.

В тёплый летний вечер я нахожусь на руках отца, протягиваю руки к половине луны, нависшей над бором, и требую её достать.

Отец около деревни Зырянки ставит столб из бруса и досок, отделяющий Оренбургскую губернию от Тобольской, а я складываю в кучу обрезки - хочу увезти их домой.

Я нечаянно пролил чернила на новую клеёнку в гостях у тёти Ани, испугался и спрятался на огороде в смородину. Меня долго ищут, и тётя Аня долго убеждает, что наказывать меня не будут.

Вот и весь мой мир. Всё остальное - огромное пустое пространство.

До трёх лет тётя Аня, моя 15-летняя крестница, была моей нянькой. До конца своей жизни она сохранила ко мне доброе отношение.

2

Моя мать своих детей по каким-то неведомым принципам относила одних - к астафьевской породе, а других - к ерохинской. Ерохинцы считались более полноценными. К ним относились только двое: Федюня и Гриша. Остальные во главе со мной относились к «гороховянам» (астафьевская порода), из которых мы с Павлом составляли категорию постылых.

Григорий с трёх лет был взят на постоянное житьё в Ерохино, так как, кроме моей матери, у её родни детей не было. Но, попав в страшный мир старообрядческого Апокалипсиса, он превратился в инока, неохотно приходил в гости к своим гороховским братьям, сторонился их и вместе с бабушкой уходил обратно, наслушавшись страшных рассказов из жизни святых и ещё более жутких сцен из предсказаний Иоанна Богослова. Он был доведён до такого состояния, что в возрасте 7 лет умер от паралича.

Во время его отпевания я с матерью был в Ерохинской единоверческой церкви[1]. Это происходило в яркий, солнечный июльский день в 1923 г. Мне было 15 лет. В церкви было мрачно и пусто. Бледное, высохшее лицо умершего, загробный голос священника - всё это создавало невыносимое, гнетущее впечатление. Я выбежал из церкви, чтобы прийти в себя. Несколько раз обошёл вокруг неё, дошёл до кромки сосновой рощи, состоящей из редких, но могучих деревьев. В роще жили грачи. Они группами то взлетали, то садились на деревья, шумом и криком словно подчёркивали, что смерть ничего не стóит в сравнении с этой трепещущей жизнью рощи и облаками на лазурном небе.

Нелепая смерть Григория лишний раз убедила меня в том, насколько страшен религиозный фанатизм.

3

С отроческих лет я стал интересоваться вопросом, когда, кем и при каких обстоятельствах было основано наше село, и долгое время нигде не мог найти на него ответ. И только впоследствии выяснил, что в связи с заселением Юго-Западной Сибири в 1747 г. возникла Таловская слобода и одновременно деревня Гороховская, входящая в неё. Раньше этот край был на стыке интересов башкирских, татарских и казахских феодалов и вследствие этого подвергался действию разорительных набегов. По этой причине не имелось ещё на этой территории русских поселений. К середине XVIII века в связи с усилением русской общины опасность отпала. Сюда потянулись беглые крестьяне и по причине религиозных гонений - раскольники. Дик и не обжит был южно-зауральский край 200 лет тому назад. В северной его части тянулись дремучие бора, среди них сверкали зеркальной гладью многочисленные озёра. Небольшие речки

голубыми лентами спокойно лились среди необхоженных зарослей. Сосновый бор, чем дальше на юг, тем с меньшим сопротивлением уступал место берёзам и осинам. Полян, свободных от леса, было мало. Стаи многочисленных птиц наполняли воздух над озёрами криком и гоготанием. Кроме уток, гусей, журавлей и гагар, водились здесь лебеди и розовые пеликаны. Над зелёными вершинами леса, над островками степных пространств парили в воздухе пернатые хищники, зорко высматривая зазевавшуюся добычу. Богат был и животный мир края. Лось, косуля, волк, лиса, заяц - все находили себе убежище в обширных лесах. Водился здесь и сибирский удав - полоз, наводивший страх на первых переселенцев. Отдельные экземпляры его можно было встретить ещё 50 - 70 лет тому назад. Эти неядовитые змеи из семейства ужей, по утверждению рассказчиков времён моего детства, свернувшись кольцом, могли преследовать жертву со скоростью быстрого бега лошади. Ещё несколько лет назад на одной из дорог Мало-Белого был обнаружен убитый полоз длиной около 2,2 метра[2].

В летнее время на открытых полянах кочевали казахи Средней орды. С наступлением зимы они уходили на юг, в степи. Покидали эти места и перелётные птицы. В лесах и озёрах наступала почти мёртвая, дремучая тишина. Наконец, грустная, нередко дождливая осень уступала место прозрачной, суровой сибирской зиме. В лесу становилось светлее. Глубокие пушистые снега закрывали землю. Никто не нарушал величавого спокойствия зимы. Только тропы зверей да редкие охотники говорили о живых обитателях зимней природы.

И вот теперь эта лесная глушь должна была встретить нового хозяина, смело перешагнувшего «Каменный пояс». Он многое изменит и перестроит в её внешнем облике.

«Охочие люди», беглые с уральских заводов, крепостные крестьяне, солдаты и раскольники - все, кого давил и преследовал аппарат крепостнического государства, стремились найти здесь пусть суровую, но зато вольную жизнь.

Сибирь, как огромный океан, принимала в себя эти многочисленные ручейки и реки хлынувших переселенцев. Край был обширен, богат, вольная жизнь из мечты могла превратиться в живую действительность.

Окрестности возникшей в эту пору деревни Гороховской на крутых высоких берегах реки Юргамыш - притоке Тобола до сих пор привлекают внимание красотой сосновых боров, многочисленными источниками родниковой воды. В момент заселения этого края сосновый бор сплошным массивом тянулся по берегам реки Юргамыш через гороховские, кипельские и таловские места вплоть до Скоблиной. Теперь от этого массива остались только отдельные островки. Необычно для современного языка звучал адрес моей деревни: Оренбургская губерния,

Исетская провинция, Окунёвский дистрикт, Таловская слобода, деревня Гороховская.

Слышал я неоднократно и рассказы о скрывающихся в наших лесах каторжниках и солдатах, бежавших из армии, отшельниках, ушедших из мира по религиозным мотивам. Знаю кое-что и из родословных моего отца и матери. Были в этих родословных и беглые, и раскольники со своими не только трагическими, но и мужественными судьбами. Всё это дополнялось рассказами о «посельщиках» - ссыльных, которые на положении бродяг жили в окрестных населённых пунктах: в Красиковой, Таловке, Озёрках.

В окрестностях Горохова сохранились два городища и свыше 20 курганов скифско-сарматского времени.

Физический облик Земли не остаётся постоянным. Он результат воздействия как её внутренних, так и внешних сил. Через длительный геологический процесс прошла и поверхность нашей Курганской области. Но она была не только живой тканью этой эволюции. Её прошлое было непосредственно связано с многочисленными звеньями геологической истории. Об этом говорят морские окаменелости, кости древних животных, остатки материальной культуры первобытно-общинного строя и последующих периодов общественного развития.

На территории Юргамышского района во многих местах русла реки Юргамыш (мельница «Кооператор», Горохово, Зайковская гора) в большом количестве сохранились зубы давно вымерших акул, водившихся 55 - 35 миллионов лет тому назад в водах Третичного моря, покрывавшего нынешнюю Западно-Сибирскую низменность. Шли века. Менялся облик Земли. Море отступило. Обнажилась приподнявшаяся суша. Возник тёплый и влажный климат - необходимое условие для жизни гигантских животных - мамонтов. Они наряду с носорогами и другими животными в большом количестве водились на Урале и в Сибири, в том числе на территории нашей местности.

В ледниковую эпоху, пришедшую на смену тёплому климату, мамонты, не сумевшие приспособиться к изменившимся условиям жизни, вымерли. Кости же их во многих местах сохранились до настоящего времени. Часть таких костей, в частности зуб весом в 7 килограммов, были обнаружены в русле реки Юргамыш близ деревни Ерохино в 1937 г. В 1946 г. часть скелета мамонта была найдена Шадриным в Ольховском районе. С этой же ледниковой эпохой связаны следы жизни первобытных людей на Урале и в Сибири. Следы эти относятся к первым шагам общественного развития - к эпохе первобытно-общинного строя. Остатки этой культуры в виде древних стоянок и могильных холмов (городищ, курганов) сохранились и на территории Юргамышского района.

Один из таких посёлков типа Андроновской культуры находился близ села Кипели. Существовала эта культура 2500 - 3000 лет тому назад. Кипельская стоянка была раскопана в 1938 г. К. Н. Сальниковым. Связана она с той стадией первобытно-общинного строя, когда на смену матриархату пришёл патриархат. Родовые организации в это время состояли уже из отдельных патриархальных семей, но ещё не вели частного хозяйства. Хозяйство по-прежнему строилось на коллективных началах и принадлежало всему роду. Патриархально-родовой посёлок близ Кипели состоял из сравнительно большого количества хижин-полуземлянок. Каждая из них, площадью около 100 квадратных метров, вмещала в себя отдельную семью. Такие семьи, спаянные родством и коллективным хозяйством, составляли отцовский род. Преобладающей формой хозяйства было скотоводство и примитивное земледелие. Об этом говорят обнаруженные здесь кости животных и орудия труда, изготовленные из камня, кости и бронзы.

Остатки этой культуры относятся к средней ступени варварства, к переходу от каменной техники к металлу, к первым признакам распада родовой организации, к созданию предпосылок возникновения частной собственности. Такого же типа стоянка древнего человека обнаружена в 1951 г. учителем истории из деревни Барабышкиной Шадринского района Лобановым в обрыве рукава реки Исети.

Имеются на территории Юргамышского района и два древних городища - небольшие посёлки-крепости. Один из них, Чудаки, находится в полутора километрах от деревни Горохово, другой - близ деревни Острова.

Извилистой голубой лентой вьётся река Юргамыш. В неё впадают многочисленные сырые лога, заросшие лесом. В полукилометре от этой реки, почти в самом центре соснового бора, находится городище - небольшая примитивная крепость в виде правильного круга площадью около полугектара. По внутренней кромке рва тянулся высокий бревенчатый забор. Городище имело 6-метровый проезд, закрывающийся воротами, и два узких прохода. Один вёл к реке Юргамыш, другой - в лог, к водному источнику. На территории городища в виде гнилушек сохранились следы больших жилищ довольно сложного устройства. Они тянулись в виде кольца вокруг площади, находившейся в самом центре крепости. С 1937 по 1949 год городище трижды подвергалось раскопкам, которыми руководил вышеупомянутый К. Н. Сальников - сотрудник Свердловского университета. Были обнаружены кости животных, преимущественно лошадей, предметы домашнего обихода и вооружения (костяные шилья, остатки зерномерки, глиняные сосуды, осколки медной литой посуды и другие вещи). К какой группе народов относились жители городища - сказать трудно. Возможно,

это были те самые исседоны, о которых смутные сведения дошли до нас от греческого историка Геродота. Их название сохранилось в названии уральской реки Исети. Население этого городища, существовавшего около 2000 лет, жило в условиях патриархата.

Курганов, больших могильных холмов, на территории Юргамышского района около 20: Малобеловодский, Гороховский, Ерохинский, 4 Красиковских, 3 Быдинских, 3 Васильевских, Конезаводской, Щучанский. Это древние могилы, куда хоронили старейшин и других лиц, вместе с ними зарывали предметы домашнего обихода и оружие.

Так из глубины веков перед глазами современного человека встаёт давно минувшая действительность.

Относительно того, почему обитатели Гороховского городища названы чудаками, надо принять во внимание, что у местного населения не имелось ещё настоящих знаний об историческом прошлом. Даже в первые десятилетия нашего века старики села Горохово считали, что в этом городище жили люди, которые по самому внешнему виду отличались от обычных особей рода человеческого. Сказочные чудаки им представлялись одноногими, способными передвигаться только по двое, прижавшись боками друг к другу. Они, по мнению гороховских стариков, не ходили, а прыгали. И это ещё не всё. Чудак мог совершенно свободно снять голову и держать её в руке, затем надеть её на прежнее место. Эти забавные рассказы я лично сам в детстве не раз слышал от своей бабушки, любившей в долгие зимние вечера рассказывать мне и моим братьям разные занимательные истории и сказки.

Рассказы о чудаках пришли в Зауралье из далёких времён. Ещё предки наши во времена формирования русской народности чудью называли многочисленные племена, населявшие северную полосу Восточной Европы, начиная от берегов Балтики и кончая Северным Уралом. Гороховское название «чудаки» - туманный отголосок далёкого прошлого.

Религиозные разногласия нашей семьи, различие характеров, предания, связанные с её родословной, страшные рассказы о «чуди белоглазой», городища, «чёртовы зубы» - кости загадочных мамонтов, акульи зубы, живописная, не менее загадочная природа - всё это не могло не тревожить детское воображение, заставляло задумываться, что́ всё это значит в действительности. Из этого первозданного хаоса ещё нужно было сотворить себя, осознать своё место в окружающем мире.

4

Несомненно, возбуждала мой интерес и родословная семьи.

Много лет я время от времени занимался родословной жителей своего села. Опрос старожилов не дал положительных результатов. Времени

основания села никто уже не знал. Можно было сказать только одно: что своё название село получило по фамилии Гороховы.

Село Горохово раньше делилось на несколько краёв. Центральную часть его занимает Гороховский край[3]. На юг от него, по левому берегу реки Юргамыш, находится Писарев край, населённый преимущественно Астафьевыми. Противоположный правый берег назывался Хорьками. Вторая половина села, обращённая в сторону деревни Разбегаево, состоит из Одины, Красилова края, расположенных на левом побережье реки, и Кульгуев, разместившихся на правом берегу.

По рассказам жителя соседней деревни Ерохиной Андриевских Ивана Авдеевича (1813 - 1927), умершего на 114-м году жизни, Писарев край строился, когда тому было 10 - 12 лет. Значит, основание этого края, согласно его показаниям, происходило примерно в 1823 г. Около 30 дворов в этом краю составляли Астафьевы. Однако край назывался Писаревым, несмотря на то, что фамилии Писарев в указанном году в Гороховом вообще не существовало. Она когда-то была, но исчезла.

Я обратился за сведениями к метрическим книгам Петровской церкви, хранящимся в Курганском областном архиве. Самые первые записи в них были произведены в 1780 г. Интересно, что деревня Гороховская упомянута в них на самой первой странице. Значит, в 1780 г. она уже существовала. На первых же страницах этих книг встречаются гороховские фамилии: Гороховы, Красиковы, Коротовских, Андриевских и Масленниковы. Есть в них и фамилия Писарев, по которой получил своё название край, населённый ныне Астафьевыми. Но, как это ни странно, фамилии Астафьевых в этих книгах я долгое время найти не мог. Только спустя примерно полсотни лет, в 1829 г., впервые упоминается Ефим Астафьев. Сопоставляю эту запись с показаниями Ивана Авдеевича Андриевских. Они по времени совпадают. Вывод один: Писарев край действительно строился около 1823 г. Но он не являлся началом основания деревни. Тогда я вспомнил смутный рассказ своего деда Астафьева Ивана Степановича о том, что первые Астафьевы - три брата - бежали сюда с Урала.

Взяв книгу «Административное деление РСФСР», я стал искать на Урале населённый пункт, сходный по названию с нашей фамилией. Действительно, в южной части Челябинской области, недалеко от Магнитогорска, есть Нагайбакский район, в составе которого имеется Астафьевский сельсовет. Административный центр этого района имеет непривычное название для русского слуха - Фер-Шампенуаз. Я обратился к военным событиям 1812 - 1814 гг. Фер-Шампенуаз оказался селением во Франции, расположенным на дороге из Витри в Париж. 13 марта по старому стилю под этим селением были разбиты союзными войсками корпуса французских маршалов Мармона и Мартье. Русскими войсками

здесь командовал генерал Милорадович - тот самый, который впоследствии (14 декабря 1825 г.) во время восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге был убит Каховским. Но какое же отношение имеет уральский Фер-Шампенуаз к военным событиям 1812 - 1814 гг.?

Ясно, что уральский посёлок с французским названием был основан после окончания войны с французами и назван в честь одержанной победы под французским Фер-Шампенуазом. Около этого же времени могли появиться на Урале и Астафьевы, прибыв сюда из Центральной России. Такое переселение могло быть следствием крайне трудного положения крестьян после войны. Дело в том, что районы Белоруссии и Москвы были в то время совершенно опустошены войной. По сведениям министерства финансов, население России понесло убытков от войны на сумму 200 миллионов рублей. Таким образом, военное опустошение явилось дополнительной основой для стихийного движения крестьян, которые и без того были крайне недовольны крепостническими порядками в стране. В этом отношении положение государственных крестьян мало чем отличалось от положения частновладельческих. В этом же направлении действовали и голодные годы (1820 - 1823). В свете всех фактов становится совершенно ясным, почему правительство Александра I в 1822 г. издало указ, разрешивший государственным крестьянам переселяться в Сибирь. Оно стремилось этой мерой до некоторой степени разрядить обостряющуюся классовую борьбу.

Таким образом, кроме общих причин, связанных с наличием феодально-крепостнического и самодержавного гнёта, два дополнительных обстоятельства содействовали в это время переселению крестьян: военное разорение и царский указ.

Астафьевские сельсоветы (по теперешнему делению) имеются в двух областях Европейской части страны: в Уваровском районе Московской области и в Бельском районе Тульской области. Между ними расстояние не превышает 200 километров. А это как раз и есть те места, которые были опустошены войной 1812 г. Именно отсюда часть Астафьевых и могла переселиться на Урал в начале 20-х годов XIX века, что примерно и совпадает со временем основания посёлка Фер-Шампенуаз на Южном Урале, в районе которого и находится Астафьевский сельсовет. Об этом же говорят и другие соображения. Фамилия Астафьевы имеется также в Варгашинском районе нашей области. По рассказам сотрудницы Курганского областного архива Астафьевой, уроженки этого района, её предки прибыли туда из бывшей Смоленской губернии, из местности, расположенной недалеко от деревень Бородино и Уваровки (нынешний цкнтр Уваровского района Московской области; эта местность раньше входила в состав Смоленской губернии).

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что часть Астафьевых из центральных губерний переехала на Южный Урал. Но и здесь обстановка была тяжёлой. Об этом говорят волнения горнозаводских крестьян в 1622 - 1823 гг., охватившие большую часть трёх горнозаводских округов, 12 волостей. Не менее крупные волнения происходили в 1828 - 1829 гг. на Верх-Исетских заводах. Они были вызваны жестокой эксплуатацией и системой всевозможных злоупотреблений со стороны заводских администраций. Восставшие в 1828 г. крестьяне подали на владельцев заводов жалобу оренбургскому губернатору за подписью свыше 2500 человек. Девять активных участников этого движения были приговорены к смертной казни. Вполне возможно, что часть крестьян, в том числе часть Астафьевых, бежала в это время дальше на восток и осела на территории нынешней Курганской области. Рассказ моего деда о бегстве с Урала братьев Астафьевых в Горохово подтверждает это заключение, тем более, что их бегство по времени совпадает с началом основания Писарева края.

Гороховы - основатели деревни - из другого места. Гороховские сельсоветы имеются в трёх областях: Псковской, Рязанской и Воронежской. Но первые Гороховы приехали, очевидно, не отсюда. Ясность в этот вопрос вносит опять же одна из записей в Петровских церковных книгах. Из неё следует, что один из Гороховых прибыл в нашу деревню из района города Гороховца Владимирской губернии. Но он приехал, когда его родственники или бывшие односельчане уже жили в ней. Не исключена возможность, что своё название Горохово и получило от имени упомянутого города, как выражение памяти о далёкой оставленной родине.

Из Вятской губернии в 1883 г. приехали Ковязины. Из села Большая Грибановка - административного центра Грибановского района Воронежской области - в своё время прибыли предки современных Грибановых и Камардиных, живущих в Горохово и Красиковой.

Фамилия Андриевских, по рассказам, польского происхождения. Её первоначальное написание - Андриевски. Поляки в нашу местность как ссыльные могли попасть во время разделов Польши (1722 - 1795 гг.) при Екатерине II.

Кульгу́и - название одного из краёв села Горохово - явно нерусского (тюркского) происхождения.

5

Семья моих родителей в основном была мужской. Кроме дедушки и моего отца, она состояла из шести парней, среди которых я был самым старшим. Естественно, что между нами возникали разные недоразумения и стычки, хотя никто из нас никогда не тяготел к

хулиганским поступкам. Порой было трудно разобраться, кто из нас был прав, кто виноват. Мать обычно не вела следствия, да ей было и некогда этим заниматься. Она брала ремённую плеть-двухвостку и порола всех подряд - всё равно виновник окажется в числе наказанных. Для остальных - профилактика.

Отец мой был умным, рассудительным и добрым, но он вечно был занят работой, а в зимнее время нередко уезжал в город или работал на Сибирской железной дороге, строительство которой продолжалось, так что мать оставалась для нас «владычицей морской». Несмотря на всего лишь двухлетнее образование, отец довольно хорошо знал не только арифметику, но и ряд таких элементов геометрии, как измерение площадей и объёмов, владел приёмами рисования, черчения, интересовался географией и астрономией. Наряду с земледелием занимался плотницко-столярным делом и кузнечным ремеслом. Он никогда не пил, в церковь не ходил. В отличие от матери он никогда не наказывал детей, а влиял на них своим авторитетом. Со мной у него, как с самым старшим, всегда было взаимопонимание. В зимние ночи он подолгу работал в мастерской, а я в это время по мелочам помогал ему или выполнял домашнее задание, полученное в школе. Проработав часов пять, он делал перерыв часа на полтора, во время которого мы с ним решали задачи по арифметике или что-нибудь читали.

Когда в 1927 г. после окончания Куртамышской школы я прибыл на работу в Кипель, хорошо знавшая моего отца женщина спросила:

- Ты не сын Ульяна Ивановича?

И, получив утвердительный ответ, пояснила:

- Его мать Марфа Осиповна Попова родом из нашей Кипели. В Гороховой в то время ещё не было школы, и твой отец 2 года учился в одном классе с моим братом. В молодости он был гармонистом. Наши кипельские парни считали его по матери своим родственником и звали Улькой Гороховским. В отличие от других парней он не пил и не участвовал в драках, и его тоже никто не трогал. В Троицу, когда на нашей Крутихе собиралось для веселья огромное количество людей не только из Кипели, но и из соседних деревень, он обычно играл на своей гармошке. Но Улька не только был гармонистом. Он умел ремонтировать швейные машинки, стекольничать и по просьбе односельчан писал письма.

Как могли у отца выработаться черты многоликого умельца? Не знаю. Его отец такими данными не обладал. Вероятно, основную роль в этом сыграли его 16-летние скитания в зимние месяцы по городам и железнодорожным станциям Сибири, где он участвовал в строительстве вокзалов и других помещений как плотник и стекольщик (1908 - 1914 гг.). Сталкиваясь в это время с людьми разных профессий, возрастов и

характеров, он вольно или невольно расширял круг своих знаний. Это же обостряло у него интерес к географии и истории нашей страны, помогая ему разобраться в сущности религии.

Приходилось ему работать и в ремонтных мастерских, где он получил профессиональные навыки в области кузнечного дела.

Естественно, что эти годы, проведённые им в Сибири, обогатили его память многочисленными эпизодами из жизни её людей. Эти сибирские рассказы отца воспринимались мной с необычайным интересом.

Моя мать Анастасия Савельевна родилась и воспитывалась в семье старообрядцев-единоверцев деревни Ерохиной. Она фанатично, не вникая в смысл, придерживалась всех формальностей этого мрачного религиозного течения. Да это и не удивительно, ведь названная деревня находилась в стороне от больших дорог (около самой границы, отделяющей Оренбургскую губернию от Тобольской). Эта окраинность дополнялась ещё и религиозной замкнутостью её обитателей. К концу XIX века в ней грамотных (не в общеобразовательном, а в библейском смысле) было не более 2 - 3 человек и кроме единоверческой церкви, построенной в начале XX века, никаких других очагов культуры не существовало. Отсюда становится ясным, что всё образование моей матери состояло лишь в том, что её и небольшую группу девочек в течение полугода в зимнее время какая-то бабка-старообрядка научила читать Псалтирь (без осмысленного понимания его терминологии) и вместе с этим - писать в стиле церковной кириллицы. Каждая буква при такой записи не писалась, а рисовалась, стояла свободно, без внешней связи с другими знаками, и между словами не было никаких промежутков.

Что касается чисто практических дел и повседневных отношений с людьми, то они определялись у матери чаще всего не религиозными мотивами, а необходимостью строгой «бухгалтерии»: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Несмотря на требования религии быть покорной, мать обладала бойким характером, умела постоять не только за себя, но и за других и вместо «любви к ближнему», если тот проявлял к ней несправедливость, могла предпринять меры далеко не христианского характера.

Её мать - моя бабушка Степанида - рассказывала, как вела себя моя мать в молодости. Один парень её подруге сказал пошлость. Мать, надев на босые ноги обутки и засучив рукава, вызвала его за ворота и отвесила пощёчину.

Савельевна - это отчество фактически стало её именем: так её называли все знакомые. Оно в селе было единственным, да и сама она как личность была непохожа ни на одну из женщин.

Несмотря на свою неграмотность, фанатичную религиозность, сходную с фанатичностью боярыни Морозовой, она отличалась сильным характером и не позволяла себя оскорблять.

В июле 1919 г. пьяные солдаты колчаковской армии, остановившиеся на ночлег в нашем доме, в её отсутствие зарезали трёх гусей и перебили всю посуду в шкафу. Она взбунтовалась. Её арестовали и посадили в каменную кладовую богача Сивкова. Когда домработница хозяина в сопровождении ефрейтора принесла ей суп, хлеб и кувшин с квасом, мать выплеснула квас в лицо конвоиру, а тарелку и кувшин вдребезги разбила о закрывшуюся дверь. Чрез несколько часов ефрейтор вновь раскрыл дверь, чтобы доставить мать на допрос - в ответ в него полетели кирпичи, хранившиеся в подвале. Затем она загробным голосом начала петь: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его». После этого последовал выкрик:

- Вон, грабители! - и вновь: «Яко исчезают дни, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся Крестным Знамением» - и, крикнув ещё раз: - Гусятники, антихристы! - завершила; «О пречестный и животворящий Христе Господи, помогай мне с Пресвятой Госпожою Девою Богородицей и со всеми Святыми небесными силами всегда: ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Просидев в темноте ещё две ночи, арестованная потребовала керосиновую лампу, Псалтирь и молитвенник.

Её продержали трое суток, хотели было выпороть плетью, но побоялись, что весть о скандале дойдёт до начальства и капитан может лишиться дальнейшей карьеры.

На четвёртый день рано утром её выпустили на поруки отца соседки, взяв с неё подписку, что она скандалить по этому делу больше не будет. Мать расписалась - «Савельевна».

Её главное «методическое пособие» - плеть - неизменно висело на гвозде в кухонной стене, но никто из нас ни разу не решился взять её и выбросить. Как я уже упоминал, моя мать, подобно салтыковской Арине Петровне, делила нас на любимчиков и постылых. Главным любимчиком был Фёдор (Федюня). Он был на 2 года моложе меня. Я же не помню ни одного случая, чтобы она проявила ко мне настоящее материнское внимание. Это отражалось на моей психике. Я старался как можно меньше быть дома. Мой верный друг - пёс Филя добрым собачьим сердцем понимал мою «униженность и оскорблённость». Я уходил в бор, на берег реки и разговаривал с ним.

Моя мать не была злой и жестокой, но религиозный фанатизм настолько завладел её сознанием, что она, кроме мрака вокруг себя, ничего не видела, а что является злом и добром, толковала в

зависимости от того, угодно ли это Богу. При такой точке зрения добродетель становилась злом, лесть и угодничество - благородством, красота - безобразием и грехом, независимость - гордыней, радость - бедой.

Она не знала сказок.

В то же время она была отличным организатором. В 1916 - 1918 гг., когда отец в связи с первой мировой войной находился в армии, ей вместе со свёкром (моим дедом) пришлось вести всю хозяйственную деятельность нашей семьи. Дед отвечал за полевые работы, она - за домашние. К числу полевиков относился и я. Хозяйство в эти годы ничуть не уменьшилось. Посевная площадь составляла 10 - 12 десятин. Кроме того, у нас был большой огород. Чтобы полить его, требовалось около 150 вёдер воды. Поливали его мы с Фёдором в жаркую погоду 2 раза в день. Хотя огород и примыкал к реке, это было делом нелёгким. Я, как старший, носил воду, а помощник разливал по грядкам. А мне было к концу 1918 г. около 11 лет. Значит, мы мало чем отличались от некрасовского мужичка с ноготок. И навоз на огуречную гряду тоже мы с Фёдором возили - на лошади, запряжённой в двухколёсную «тарантайку».

Когда в 1920 г. мой третий брат Василий из «мужичка-ноготка» превратился во взрослого человека (ему исполнилось 8 лет), то я и мои братья стали основной рабочей силой нашего хозяйства. Мы ухаживали за скотом и пасли его, вывозили навоз в поле, рубили дрова, заготавливали сено, пахали и боронили, страдовали, возили снопы с поля на гумно, зимой доставляли солому и мякину для кормёжки скота, по субботам топили баню и одновременно помогали отцу в плотницкой мастерской и кузнице.

Эта система работ настолько была совершенной в смысле чёткости её выполнения, что не нуждалась в постоянном контроле со стороны старших. Всё происходило строго по графику, в определённое время, невзирая на то, что никакого принуждения не было.

Кроме того, под руководством матери пололи огород и ходили в лес за грибами и ягодами, сами же и обрабатывали их, умели стряпать пельмени, печь блины, лепёшки и пирожки. Не случайно соседка, увидев однажды, как мы с матерью возвращались из леса с грибами, смеясь, сказала:

- Вон опять Савельевна со своей храброй дружиной идёт.

Одним словом, наш дом, если на него посмотреть со стороны, был похож на работающий муравейник. По неписаному закону младшие братья должны были подчиняться старшему. В то же время у старшего не было права наказывать их. Всё держалось только на авторитете. Мне, как старшему, было труднее, чем младшим. Пахать я стал с 10 лет, с 14 лет выполнял обязанности взрослого человека, оставаясь один на

ночлег в поле, отвечал за лошадей, вспахивал в день не менее гектара, вставал с восходом солнца, работал до захода, готовил ужин - хныкать и болеть было некогда.

В хозяйственных делах у матери был абсолютный порядок.

Мы начинали работать с 5 - 6 лет. Я в зимнее время ездил со своим дедом Иваном за сосновыми брёвнами за 40 километров. Вставали в полночь, чтобы хоть поздним вечером вернуться обратно. Я, одетый в полушубок, ехал на своей лошади вслед за дедом. Обратно, сидя на толстом бревне, управлял вверенной мне подводой. Учась в третьем классе церковно-приходской школы, возвратившись домой, обязан был напоить трёх-четырёх коров, мелкий скот и всех их накормить. Это делалось без всякого приказа сверху. Бережным было отношение наше к природе. Находясь в поле, для костра мы использовали только старые пни: чтобы срубить или повредить живое дерево - даже в голову не приходило. Обижать животных, особенно лошадей, категорически запрещалось.

6

Конечно, не всё было идеально в такой системе труда и воспитания. Она была крайне трудна и даже надсадна для нашего возраста. Это понимал отец. Он неоднократно просил мать и деда Ивана не вязать чересчур больших снопов ввиду того, что мне их придётся подавать на воз. От тяжёлой нагрузки я надорвал грудную клетку и левую руку. Последствия надсады давали себя знать не менее 15 лет.

Но эта система приучала к регулярному труду, воспитывала характер, волю, серьёзное отношение к жизни. Не надо забывать, что моё детство и отрочество совпало с такими событиями, как первая империалистическая война, Февральская и Октябрьская революции, гражданская война 1919 г., голод весной 1922 г., нэп.

Мой дед Иван Степанович в сравнении с моим отцом никакими «философиями» не обладал. У него не возникало вопросов об истории русской земли. Он знал только одно - работать от зари до зари, механически повторять: «Господи Исусе, спаси и помилуй меня, грешного». С дедом я с 7 лет жил в поле, сначала в роли борноволоки, а с 11 - 12 лет выполняя все обязанности взрослого человека. Несмотря на то, что нас разделяло моё «безбожие», он кое-что «вдунул» в мою душу.

Когда деду становилось особенно грустно - он задушевным голосом пел русские народные песни, которые своей искренностью и горькой судьбой их героев тревожили моё сердце, и мне становилось стыдно, что я к их исполнению был иногда несправедлив и не всегда тактичен.

Конфликты у нас возникали по следующим причинам: утром мне приходилось вставать рано, а вечером ложиться поздно - на сон

оставалось мало времени. Дед, сам того не понимая, в эти короткие часы не давал мне спать. Меня раздражали его молебны. Он молился даже во сне. Я закрывал голову пологом, затыкал уши, но «Господи Сусе, помилуй мя, грешного» преследовало меня. Измучившись этой тиранией, я, наконец, решил спать за пределами избушки, но это оказалось не безопасно. Тогда с разрешения отца я привёз из дома брусья и, расположив их на крепких сучьях берёз, для прочности примотал их проволокой, на брусья настелил пол, таким же образом соорудил потолок, с боков замотал проволокой в виде сетки, и у меня получилась комната на высоте 5 метров от земли. У моего «зáмка» были и двери с замком. Поблизости располагались и мои друзья.

Во-первых, это был кот Кеша, который вначале охотился на мелких птиц, но, будучи наказан за это, не стал заниматься браконьерством. Он обыкновенно залезал на ночь на крышу моего сооружения.

Что касается другого моего приятеля, Фили - ему была сделана будка среди берёз, на которых находился мой «зáмок». В ненастные дни я поднимал Филю в корзине с помощью верёвки к себе.

Но самым оригинальным из моих друзей был «Соловей-разбойник» - огненно-золотистый петух-забияка, которого мы звали Пиратом. Соседи, приходя к нам, боялись его больше, чем злой собаки. Он был сильным. Соседский петух не решался с ним драться. За разбой и рыцарские подвиги его хотели зарезать, но я и мои братья запротестовали. Тогда его решили на летний сезон со всем его дамским обществом увозить в поле. Около избушки на высоте двух с половиной метров было сделано куриное седало (насест). Пират обычно располагался выше. Видимо, для того, чтобы не умалять своего достоинства.

Дед моё сооружение назвал скворечницей. Если в ночное время происходила сильная гроза или обложной дождь, дед выходил из избушки и кричал:

- Окаянный, слезай, иди в избушку!

Я, конечно, не слезал. Под шум дождя и ветра и покачивание берёз лучше спалось, да и по причине ненастья здесь можно было пробыть лишних 3 - 4 часа.

Здесь же, в скворечнике, находилась и моя небольшая библиотека, состоявшая из стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Неизменно со мной находились 2 - 3 книги Рубакина, произведения Жюль Верна, Лескова, Мамина-Сибиряка и Вальтер Скотта.

Пират хорошо знал, кто свой, кто чужой. Ни на кого из членов своей семьи он не нападал, но если около нашей избушки появлялись грибники или ягодники - в нём пробуждался разбойничий характер, и он сразу же начинал бой. К нему присоединялся и Филя. Тявкал он, скорее всего, только для порядка, так как был добрый и миролюбивый.

Незабываемый героический бой устроил Пират с пьяными колчаковцами в день освобождения из-под ареста моей матери.

Пьяные офицеры устроились в доме. Молодой солдат, очевидно, денщик, лихо наигрывал на гармонике. Офицеры нестройными пьяными голосами горланили озорную песню и хохотали. На ограде под навесом сидело два солдата. Один из них, разморённый жарким солнцем, обхватив винтовку двумя руками, храпел и выл, как кипящий самовар. Другой, откинувшись затылком к самой стене, спал тихим безмятежным сном. В это время огненно-рыжий Пират, кося то левый, то правый глаз на солнце, важно ходил по двору и подозрительно приглядывался к спящей страже. У Пирата был крайне дерзкий вид. Высоко подняв голову, он лихо маршировал возле спящих и с каждым разом всё больше и больше приближался у ним. Наконец, он долбанул спящего в носок его сапога и заорал во всё горло: «Кукареку!» Это, вероятно, выражало: «Эй, вы, головотяпы, знаете ли вы, кто я такой?»

В это самое время мы с приятелем, соседским мальчишкой Ванькой, сидели на заборе и с нетерпением ждали нападения петуха на своих противников. Петух, видимо, давно бы уже напал на них, но он был не только забияка, а ещё и дипломат. Он искал повода для военных действий. Мы решили спровоцировать его и стали бросать в него камешками. Он забегал, взъерошился, затем взлетел храпящему солдату на спину, стал хлестать его крыльями и долбить по голове. Солдат вскочил с места, замигал ошалелыми глазами и, не понимая толком, что происходит, бросился бежать. Пират в это время налетел на второго и долбанул его прямо в мясистый красный нос. Тот, с окровавленным лицом, забыв про винтовку, тоже пустился наутёк, но разъярённый Пират яростно его преследовал. Мы от удовольствия хохотали за забором, следя сквозь щель за сражением. На шум из комнаты на крыльцо выбежал лысый капитан лет сорока и громко захохотал над посрамлёнными солдатами. В раскрытые окна высунулись другие офицеры.

Солдаты, опомнившись, бросились на петуха, но он ловко увёртывался от их ударов и продолжал наступать. Перья у него на шее стояли торчком, глаза осатанели - петух совсем озверел.

- Негодяй, собака! - кричали солдаты. Один кинулся к винтовке, брошенной у крыльца.

- Не сметь! - заорал на него капитан. - М-ма-ладец петух! Люблю храбрых. Так, так их! Марш по местам! - скомандовал он солдатам.

И они, преследуемые Пиратом, бросились под навес.

Капитан сошёл с крыльца и шатающейся походкой направился к петуху:

- Я капитан. Ты понимаешь? - заговорил он заплетающимся языком. - Меня не трогать, понял?

Но Пират, недолго думая, взлетел ему на плечи и несколько раз долбанул ему в лысину. Капитан выругался отборной бранью, взмахнул руками и, запнувшись за обрубок бревна, во весь пласт растянулся на земле. Петух вскочил ему на спину и нанёс несколько ударов в мягкое место.

Солдаты бросились на выручку своего «благородия», но петух, почувствовав одержанную победу, запорхнул на крышу, похлопал крыльями и торжествующе пропел: «Ку-ка-ре-ку!» Несомненно, это означало: «Ну, теперь поняли, кто такой Пират?»

Солдаты схватили окровавленного капитана под руки и завели на крыльцо.

- Сволочь! - орал он. - Немедленно расстрелять!

В это время петух спорхнул в переулок и там не менее победно ещё раз прокричал: «Ку-ка-ре-ку!»

7

Особое место в нашей семье занимала тихая и добрая мать моего отца - бабушка Марфа. Она, как и мой дед Иван, была религиозной и неграмотной, но это не мешало ей смотреть на окружающий мир глазами добрых надежд. Ей виделось в нём больше света и доброты, торжества и справедливости. Это же превосходство света над тьмой преобладало в её сказках. Она их рассказывала своим внукам обычно в долгие зимние вечера, находясь вместе с нами на большой русской печи.

Добрая фея моего детства, похожая своим мироощущением и поведением скорее всего не на православную христианку, а на язычницу-славянку древней Руси! В её волшебных сказках жила поэзия одухотворённых явлений природы, торжество разума над силами тьмы и зла. Я не помню, чтобы она когда-нибудь шептала молитвы, ходила ли она в церковь или нет. Бог жил в её душе идеальным добрым существом.

Её бабушка Александра Михайловна была крепостной богатого помещика Калужской губернии. В семье его родилась девочка Наташа. Её рождение было омрачено смертью её матери, и крепостная Сашка в возрасте 7 лет стала её нянькой. Она заменила ей мать. Наташа привязалась к ней, как к старшей сестре и, уезжая в Москву к родне, брала её с собой. Ездила с ней за границу, выучила её французскому языку. После смерти отца, став единственной наследницей огромного имения, она не только предоставила своей няне личную свободу, а и наделила землёй, построила дом со всеми необходимыми хозяйственными принадлежностями, подарила корову и пару лошадей. Кроме того, считала её своей родственницей.

Вот одна из сказок, рассказанных бабушкой Марфой.

Змей Василиск

Жил-был один богатый и злой барин. Людям от него проходу не было. Издевался, порол, собаками травил. Пять жён в могилу свёл, шестую скотницей на заимке[4] сделал. Так и жил на пакость всем. Никому ни разу не сделал добра.

На пятидесятом году решил ещё раз жениться. Понравилась ему молодая красивая девушка Маша - дочь крепостного. Ну, барин и потребовал её к себе. Как ни молил барина отец девушки отказаться от Маши - не помогло. Отца выпороли, а девушку схватили и доставили в барские хоромы. Вечером назначили венчанье.

А церкви близко не было - вёрст за пятнадцать надо было ехать. Выехали под вечер. Пока шло венчанье - разыгралась метель. На обратном пути с дороги сбились. Ночь, ни зги не видать. Сколько ни крутились - одна мгла кругом. Метель крепла, а в полночь и совсем в бурю превратилась. Кони из сил выбились, стали. Видит барин: гибель приходит. Видно, Бог меня за мою грешную жизнь наказывает, думает он. Остановились кони, а буран бушует, будто все ветры в одно место собрались и закрутились. Так все три кошевы вместе с людьми и лошадями и похоронило.

К утру буран стих. Солнышко поднялось из-за леса, осветило снега. Только дуги одни остались наверху. В полдень по ним нашли погребённых. Половина лошадей замёрзли, людей удалось спасти. Только одной Маши ни живой, ни мёртвой нигде не было. Куда она девалась - никто сказать не мог.

Пришла весна, растаял снег - никаких следов. Напрасно убитый горем отец бродил до полночи и звал её. Барин после неудачной этой свадьбы совсем сошёл с ума: из хором никуда не выходит, пьёт вино да скандалит.

Оказывается, шестая жена барина, та, которую он скотницей на заимку послал, решила ему отомстить. Она сходила к доброй колдунье. Та научила её настоем на огненной траве напоить петуха. Петух снёс яйцо, скотница забросала его навозом. Из него вылупился змей Василиск. Глаза изумрудные, убивают взглядом всё живое. Жало у него аршинное, зубы по вершку.

Вышел вечером барин в сад, слышит чей-то голос: «Ну, что ж, барин, женился?» Тот смотрит - никого не видит, трясётся от страха. Голос продолжает: «Я змей Василиск, со мной можно говорить, пока я невидимый. Кто глянет в мои глаза - умрёт. Поклон тебе, барин, от Маши. Это я нагнал снежную бурю во время свадьбы. Это я унёс от тебя Машу, молодость её пожалел, а теперь к тебе за расчётом пришёл. Пожил ты, напакостил немало. Пора тебе и завещание на имя Маши написать. Не сделаешь - умертвлю. Зови слуг. Пусть перо, чернила и бумагу тебе принесут».

Барин в смертельном страхе всё сделал. «Теперь, - говорит змей, - давай сюда завещание, я его передам твоей наследнице Маше». Барин протянул руку - кто-то невидимый взял из неё бумагу.

«Теперь смотри», - сказал Василиск. На корнях старой берёзы лежал огромный змей с короной на голове, изумрудами отливали его горячие, как угли, глаза. Спина змея была покрыта острыми шипами. «Ну, видал, какой Василиск?» Барин, поражённый взглядом змея, упал на землю и окоченел.

Через полгода в барский дом вернулась Маша, весёлая, молодая, краше прежнего. Со слезами радости встретили её отец и все знакомые. Жила она до этого у доброй колдуньи в лесной избушке. Та приютила её, как родную дочь. Маша

не забыла её - пригласила в свой дом. Целую неделю в барском доме шло торжество, но не было здесь господ - одни крестьяне. Маша всех их отпустила на свободу и наделила землёй.

Вскоре она сыграла свадьбу. Взяла в дом красивого парня - своего бывшего соседа, с которым дружила с детства. Пока гости пили и гуляли, змей Василиск невидимый сидел на дереве в саду. Нельзя было ему показываться. После свадьбы Василиск высоко поднялся в небо, бросился вниз и красивыми огнями рассыпался на лету. Одни из них погасли, не долетев до земли, а другие превратились в цветные камни.

8

Дополняли нашу семейную панораму моя сестра Мария и сестра моего деда Настасья - монахиня, нередко навещавшая нас.

До 1916 г. мы жили ещё в старом доме, построенном в стиле крестьянской архитектуры XVIII века. Дом был высокий, с крутой двухскатной крышей, на верху её сидел деревянный раскрашенный петух, выполняющий роль флюгера. Недалеко от него на приколоченной палке находилась детская игрушка - «ветряная мельница». Дом состоял из обширной кухни с русской печью и деревянными полатями и горницы с самостоятельным отоплением. Между ними располагались обширные сени, служившие в летнее время жилым помещением.

Дом стоял на живописном высоком берегу реки Юргамыш, откуда была видна большая часть деревни вместе с деревянным мостом, перекинутым через реку. С южной стороны к дому почти вплотную примыкал дремучий бор.

Зимняя ночь. Завывание метели под окном, тревожный шум рядом стоящего бора и сам дом с его уходящей из жизни архитектурой, и мелодичный голос бабушки - всё это создавало особую психологическую атмосферу для восприятия романтических её сказок.

В нашей семье в отношении религии не было единства: моя мать, выйдя замуж, оставалась старообрядкой-единоверкой. В нашу Гороховскую православную церковь не ходила и её священника считала слугой сатаны. Она настояла на том, чтобы меня - первого её сына - крестить в Ерохинской единоверческой церкви. Значит, по месту жительства я был православным, а по месту крещения - единоверцем. Как быть со мной? Двуперстным крестом мне осенять себя во время молитвы или троеперстным? Сначала она водила меня на богослужение в Ерохинскую церковь, а когда мне пришло время учиться в Гороховской церковно-приходской школе, встал вопрос, как быть. Так я стал православным. Отец формально считался православным, но в церковь не ходил. В понимании матери он был «бусурманом». Мой гороховский дед Иван был церковным старостой Гороховской православной церкви.

Во время богослужения он продавал свечи, крестики и обходил богомольцев с медной тарелкой для сбора пожертвований.

Я до 12 лет был религиозным и однажды обратился к гороховской бабушке Марфе с вопросом:

- Как при молитве я должен складывать пальцы: по-гороховски или поерохински?

Она ответила:

- Как тебе нравится - так и складывай. Богу важно не это, а чтобы человек был добрым и никому не делал зла, не жадничал, не воровал.

С 1915 по 1919 год я учился в Гороховской церковно-приходской школе. Наряду с арифметикой, русским языком изучался Закон Божий. Я знал его почти наизусть и очень боялся Бога. Он представлялся мне в виде строгого карающего старика, наподобие отца Леонида, который к нам, ученикам, никогда не проявлял никакой снисходительности. Но в 4-м классе в моём сознании произошёл резкий перелом. Я возненавидел попа, перестал ходить в церковь. Значительную роль в этом просветлении сыграла «Общедоступная астрономия» Фламмариона, случайно попавшая мне в руки. В этом же направлении действовал и деспотизм отца Леонида.

И всё же детские и отроческие годы были омрачены страшным миром Апокалипсиса, оставили в сознании неизгладимый след. Это проявилось в то время, когда я, кроткий «ангелочек», вызубривший почти наизусть весь Закон Божий, вдруг прозрел. В результате возник острый, напряжённый конфликт между мной, с одной стороны, и, с другой, моей матерью и отцом Леонидом - священником русской церкви, обучавшим меня в школе. В это время мне исполнилось 11 лет. Конечно, возраст не солидный, но, согласно современным данным психологии, нередко уже в 10 - 12 лет с достаточной ясностью раскрываются интеллектуальные возможности человека. Дело началось с того, что я отказался на исповеди признаваться в грехах, которых у меня действительно не было. Зачем мне в ответ на вопросы священника говорить «грешен, батюшка, грешен», если я не курил, не сквернословил, Господа Бога всуе не упоминал, не врал, в чужие огороды за огурцами не лазал! Более того, был примерным учеником не только по арифметике, но и по Закону Божьему. Однако отец Леонид «за гордыню» - самый великий грех в его понимании - сначала ткнул меня кулаком в голову, затем схватил за шиворот и вытолкнул с клироса под одобрительные взгляды и голоса взрослых. Я с трудом удержался на ногах.

Был я тогда по-детски верующим, страшно боялся Бога, но мне было непонятно: зачем я должен лгать? Ведь за ложь Бог тоже может наказать. И почему Бог, видя несправедливость отца Леонида, молчит? Значит, оправдывает его, и сам он тоже несправедливый. Вопросы

подобного характера невольно возникали в моём сознании, но я не мог найти на них ответа и не вступал в конфликт с религией.

Я хотел убежать из церкви, но задержали взрослые. После этого отец Леонид подвёл меня к «Геенне огненной»: картина висела на левой стене церкви, на ней были изображены грешники, их в пылающих кострах мучили черти. Поп, указав на неё правой рукой, сурово сказал:

- Кайся во грехах своих.

Минут через двадцать он перевёл меня в правый угол церкви, где перед клиросом, предназначенным для церковного хора, висел огромный медный крест с распятым Христом, и, показав на него перстом, повторил ещё раз суровым голосом фразу, сказанную перед «Геенной огненной».

Минут тридцать я со страхом и отчаянием смотрел на покорный и скорбный лик Христа. На меня косо, неодобрительно взирали взрослые верующие и, как мне казалось, суровые лики святых и грозный, волосатый, с большой бородой Саваоф, изображение которого находилось под куполом церкви. Нервы мои не выдержали, и я с такой силой бросился бежать, что меня не могли задержать.

Но настоящая исповедь меня ожидала дома. Мать спросила:

- Был на исповеди?

- Был.

- Что отвечал батюшке?

Я рассказал. Она загнула мне рубаху да так «исповедовала» ремённой плетью-двухвосткой, что вся моя спина была потом в сплошных синяках.

Через два дня мой дед привёл меня на повторную исповедь. На этот раз я уже со злостью на все вопросы поповской анкеты ответил: «Нет, нет, нет». Отец Леонид растерялся, потом отозвал моего деда в сторонку и о чём-то с ним стал разговаривать. После этого принёс из алтаря новенькую, моих размеров одежду, похожую на ризу, и сказал:

- Бог простит тебя за такое поведение, если ты согласишься стать моим послушником. Вот в этой священной одежде будешь находиться во время богослужения и помогать мне.

Я отказался.

Я и сейчас вижу охваченное отчаянием и скорбью лицо моего деда. За эти «нет» моя мать вторично «исповедала» меня таким же образом, как и в первый раз. Затем мне попало за отказ перед сном творить вечернюю молитву, а с наступлением рассвета - заутреннюю. Обстановка была жуткая. На полатях лежал дед, заболевший оттого, что я его опозорил на всё село, на печи - моя добрая бабушка, голосили младшие братья, мать бесновалась. Даже взвизгивал и скулил мой друг Филя.

Мать бесило то, что я молчал. Она подвергала экзекуции уже не спину, а руки и ноги. В общем за десять дней я выдержал семь таких сеансов.

Не добившись цели, мать сходила в деревню Ерохину к Ивану Авдеевичу Андриевских - дяде её матери, начётчику-староверу, за советом, что делать со мной. По его рекомендации на меня была наложена епитимья. Она была не только наказанием, но и средством изгнания из меня нечистой силы. Я должен был в течение восьмидесяти суток каждый вечер не менее двух часов перед образами читать вслух молитвы: определённые разделы из Псалтиря с лéстовкой в руках, отсчитывая по ней «Господи, помилуй» и кладя земной поклон. В отдельных местах эту просьбу надо было произносить подряд 40 раз и столько же совершать челобитий. Впоследствии я подсчитал, что если бы эту процедуру выполнил до конца, мне бы пришлось произнести 25 тысяч «Господи, помилуй» и отбить столько же земных поклонов.

В это время умерла моя сверстница Таня, наша соседка, с которой я вместе ходил в школу. Её смерть была для меня страшнее моей беды. Её мать Александра Степановна обратилась к моей матери с просьбой провести за спасение души умершей молебны, а их полагалось 40. Моя мать решила эту обязанность возложить на меня. Дело в том, что я в это время знал не только Закон Божий, но и свыше 20 молитв наизусть, умел не только читать на церковнославянском языке библейские книги, но и понимать прочитанное. Получился парадокс парадоксов: грешник, в которого вселился дьявол, должен был молиться Богу за спасение души невинной девочки. Но об этом в присутствии её матери я говорить не стал. А когда она ушла - спросил:

- За что же справедливый и милосердный Бог отнял жизнь у Тани? Чем она провинилась перед ним?

Мать объяснила, что Бог её не умертвил, а из-за любви к ней взял её душу на небо. Теперь она находится у него в раю. Но если она уже взята за свою справедливость в рай, так зачем же молиться за неё? Однако спорить я не стал. Утром я молился за Таню, а вечером - за очищение себя от скверны. Всё это время я находился под домашним арестом: дверь из комнаты выходила в сени - мать её закрыла на замок. Теперь выйти на улицу я мог только через кухню, где мать обычно занималась делами. У этих вторых дверей в качестве сторожа был любимец матери - Федюня. В его обязанности входило следить за мной и докладывать ей, молюсь я или нет.

Но вскоре я впал в отчаянье. Отказывался есть, разговаривать с матерью. Школу в связи с этим я забросил. Днём или уходил с Филей в бор, или сидел в убежище, сделанном в большом стогу соломы на гумне. Я не видел никакого выхода. Моё состояние было равносильно чувству человека, незаконно приговорённого к смертной казни. Бородатый, жестокий Саваоф, страдающий Христос и зловещий лжец - отец Леонид неотлучно стояли перед моими глазами.

Через две недели я взбунтовался. Разорвал на части лестовку, с помощью которой отсчитывал поклоны, и оттолкнул от дверей стражу. На шум прибежала мать с плетью, но я ухватился за ремённую часть и так яростно защищался, что она ничего со мной сделать не могла.

Избавившись таким образом от очередной «исповеди», убежал в мастерскую отца и закрылся на крючок, а ночью тайно сбежал с Филей, несмотря на метель, к материным родственникам в деревню Ерохину. Мой ерохинский дед Савва Ананьевич, отец матери, был человеком молчаливым. Он становился весёлым и разговорчивым только после того, как «причастится», невзирая на староверие. В его разговорах никогда не было речи о Боге и Дьяволе. Как он в действительности относился к ним, трудно сказать, но едва ли он знал полностью хоть одну молитву или имена святых, что были изображены на многочисленных иконах двух божниц его дома. Этим монопольно ведала его старуха, как он обычно называл мою бабушку Степаниду Семёновну. Она, несмотря на неграмотность, обладала отличной, ёмкой и гибкой памятью, довольно хорошо знала через своего дядю Ивана Авдеевича историю раскола русской церкви, сказания о житии Николая Мирликийского, Иоанна Златоуста и содержание книги Откровения Иоанна Богослова. За справедливость, доброту и знание основ старой веры она пользовалась большим авторитетом в своей деревне, считалась продолжательницей дела её деда. Естественно, что она очень любила меня, но была и страшно расстроена из-за моего безбожия. Она искренне и серьёзно, когда я молчал, притворившись спящим, молилась перед целой группой староверческих икон, медных и деревянных. Она просила, чтобы эти суровые святые очистили душу отрока Александра от всякой скверны.

И здесь был всё тот же, но ещё более мрачный фанатичный мир, с той же геенной огненной, с тем же жестоким Саваофом, который в ближайшее время пошлёт своего сына во главе неумолимого воинства на землю для свершения страшного суда над грешниками, в числе которых обретался и я.

Через некоторое время бабушка Степанида запрягла лошадь и, взяв меня с собой, отвезла в деревню Пименовку, за 25 километров, где мой отец подрядился строить крестовой дом[5]. К вечеру мы вернулись с ним в Горохово. Отец никогда не скандалил с моей матерью, несмотря на её строптивый характер: обычно молчал, но всегда делал по-своему. На этот раз, загнув мне рубашку, он угрожающе спросил у матери:

- Что это такое? Даже Филя умнее и человечнее тебя. И что это за Бог, если он требует такой безрассудной жестокости?

Обратившись ко мне, он заявил:

- В церковь можешь не ходить, в школу пойдёшь через неделю, а теперь отправляйся к бабушке, пусть она тебя умоет и приведёт в порядок.

Мать на этот раз всё выслушала молча. После этого отец сходил в школу и договорился о моей дальнейшей судьбе. На следующий день учительница Мария Ивановна зашла в наш дом и подарила мне две книги. Одна из них была «Среди тайн и чудес» А. И. Рубакина, другая - «Астрономия» Фламмариона. Так закончился для меня мир Апокалипсиса.

Я рано научился мыслить и бескомпромиссно относиться к таким этическим понятиям, как истина, справедливость, добро и зло. И вот мне, в поте лица зубрящему наизусть Закон Божий, вдруг попала в руки книга Фламмариона, и через каких-нибудь три недели я увидел настоящий солнечный мир, красоту звёздного неба в совершенно другом озарении. Это был переворот в моём сознании.

Но, избавившись от плена религии, я не утратил интереса к ней. Вместо слепой веры в непогрешимые догматы я старался разобраться в истории религиозных представлений и в первую очередь - в истории христианства. А это значит, что надо было осмысленно прочитать Библию. Одновременно надо было ознакомиться с научной литературой.

С тех пор, как книга Фламмариона попала мне в руки, прошло много лет. За это время представление о Вселенной неузнаваемо изменилось в связи с появлением радиотелескопов, возникновением квантовой теории, теории относительности Эйнштейна, ядерной физики и непосредственным вторжением человека в космос. Достаточно сослаться на то, что в настоящее время та часть Вселенной (метагалактика), которая доступна действию радиотелескопов, составляет в диаметре около 25 миллиардов световых лет. В этом пространстве насчитываются миллиарды галактик - огромнейших материальных систем, родственных нашей галактике. Давно ли ещё ничего не было известно о пульсарах, квазарах и «чёрных дырах», и разве кто-нибудь во времена Фламмариона мог предвидеть, что в будущем откроют нейтрино - одну из самых загадочных и трудноуловимых частиц материи, что будут нейтринные телескопы! И всё же Фламмарион остаётся для меня Фламмарионом. Он первый прояснил моё сознание и возбудил неослабляемый интерес к тайнам необъятной Вселенной и красоте величественного звёздного неба.

9

Освободившись от плена религии, я ещё пять лет затратил на то, чтобы избавиться от всех последствий религиозного фанатизма. Я боялся один в ночное время остаться в собственном доме, не решался в

темноте пройти по кладбищу, искупаться ночью в реке. Пугал меня безотчётным страхом и ночной бор. Днём я смеялся над собой, а с наступлением ночи страх снова овладевал моим сознанием. Это страх был особый, не связанный с Богом или сатаной, а какой-то подсознательный, безотчётный и трудноискоренимый. Он делал меня жалким, лишал свободы и независимости, угнетал и оскорблял человеческое достоинство. Одним словом, мешал мне стать личностью. С наступлением дня я ставил перед собой задачу: ночью сходить, например, на городище Чудаки, расположенное в бору в двух с половиной километрах от нашего дома. С наступлением темноты храбрость у меня исчезала и намеченное мероприятие срывалось.

Наши основные земельные наделы находились вблизи Падунского лога. Здесь же, среди красивых берёз на склонах Падуна, располагалась наша полевая избушка. Среди берёз росли вишня, таволга, шиповник, в весеннее время цвело много цветов сон-травы и горицвета.

Солнце искру обронило
На поляночку в лесок.
Из неё волшебной силы
Вырос огненный цветок.

И горит неугасимо,
Его ярче света нет.
Оттого ему и имя -
Золотистый горицвет.

Если в сердце твоём рана,
Нету отклика в любви, -
Ты тогда на ту поляну
Как-нибудь весной сходи.

И цветок ты тот весенний
Прямо к сердцу приложи
И ему всё откровенно,
Без утайки расскажи.

Если быть тебе любимым -
Вспыхнет в сердце красота.
Если нет - навеки сгинет
В нём гнетущая тоска.

Ну, а если боли втрое
Вдруг усилятся твои, -
Значит, сам ты недостоин
Покоряющей любви.

В логу имелся прозрачный водоём с ивами вдоль побережий, где жили дикие утки. Вода была настолько чистой и прозрачной, что при

освещении её солнцем в глубине видны были плавающие рыбы. Водоём со стороны его течения начинался большим омутом с высокими обрывистыми берегами. Глубина омута составляла 25 - 27 метров. В 40 метрах от него на большой открытой поляне стояла могучая сосна с гнездом хищника на вершине.

В летний солнечный день трудно представить более красивый пейзаж. В голубом небе плывут и клубятся, меняя свои формы, снежного и дымчатого цвета облака. Под ними парят хищники. Пахнет цветущими травами. В омуте бойко плещутся и ныряют дикие утки, где-то в кустах тарахтят крикливые сорочата. Омут спокоен, величав. Невольно думаешь: чего же ты боялся в ночное время в этом месте?

И вот в возрасте 14 лет я тихонько встал, чтобы не разбудить деда, и, преодолевая страх, направился к этому водоёму, прислушиваясь к каждому шороху. Августовская ночь, озарённая луной поляна. Луна висит за далёкой берёзовой рощей, таинственно озаряя ночной мир. Время от времени надо мной со свистом пролетает утка. Природа отдыхает от жарких полдней. Из бездны Вселенной тысячами звёзд на землю взирает вечно загадочное небо.

Но вот и затаившийся омут. Он казался тёмным. Близко к нему я подойти всё же не решился, а в то время, когда я оказался под сосной, вероятно, метрах в двухстах от меня сверкнул огонёк, как вспыхнувшая спичка. И в это же время большая глыба подмытого побережья свалилась в омут, встревожила его поверхность. Я нырнул в густой вишняк и, приподнявшись из него, заметил, что две фигуры, сверкая огоньками, идут в направлении ко мне. Что делать? Осторожно выбрался из вишняка и тропинкой побежал к избушке, закрыл двери на запор, проверил, закрыты ли ворота в загон, где находились лошади, разбудил деда. Минут через пятнадцать залаял Филя. Кто-то пытался открыть дверь. Мы с дедом затаённо молчали. В двери раздались удары. Мы молчим. Раздаётся голос:

- Откройте, или мы взломаем дверь.

Взломать дверь было трудно - она снаружи окована железной решёткой. Но стук продолжался. Наконец, дед сказал:

- Не стучите. Идите своей дорогой. В избушке ещё трое рыбаков. Они недавно выпили самогону и спят, но если разбудите - снесут вам головы. Что вам нужно?

- Скажите, как отсюда пройти в Ракову? Сколько до неё вёрст?

Тут заговорил я - объяснил им дорогу.

- Хлеб у вас есть? - спросили из-за двери.

- Хлеб есть, - ответил я.

- Дайте нам хоть один калач или булку.

- Хорошо. За углом в стене отверстие. Возьмите через него.

Я им передал два калача.
- А вы кто? - спросил я.
- Мы? Вроде ваших крестьян, которые убегают от армии.
- Я минут двадцать тому назад видел вас около омута.
Это были два солдата, бежавших из колчаковских войск[8].

10

К 15 годам в русле реки Юргамыш я собрал 350 «чёртовых зубов», нашёл бивень мамонта и его зуб весом 7,5 килограмма. Они были найдены при впадении речки Клепичихи в Юргамыш близ деревни Ерохиной. В числе находок оказались и череп древнего быка, медный котёл сарматов. Все эти находки я держал под замком в амбаре. Вместе с ними хранился и Фламмарион.

Когда мне исполнилось 16 лет, я в тёмную ветреную ночь, когда небо плотно было обложено сплошными облаками, решил сходить на Зайковскую гору.

Кто бывал в селе Горохово, тот невольно любовался красотою его окрестных пейзажей. Особенно они привлекают внимание в тех местах, где река Юргамыш, покинув село, извилистой лентой тянется к деревне Красиковой. Её левый лесистый берег - одно из живописных мест района. Центральную часть его составляет Зайковская гора. Так здесь называют высокий крутой обрыв, господствующий над долиной реки. На вершине его стоят сосны. Трудно забыть их знакомый, трогающий душу шорох в июньский полдень, залитый солнечным светом. Недалеко от горы на открытом пространстве стоят два кургана. В светлую летнюю ночь, когда на них смотришь со стороны, они напоминают контуры древних животных, отправившихся на водопой к реке. У подножия горы река обнажила третичные отложения. В них встречаются ископаемые останки, куски минерала марказита, содержащего железо и серу. Встречаются здесь и глинистые известняки (мергель). Здесь же выходит на поверхность слой зелёно-голубой глины. Она пластична и годна для лепки.

Но сейчас была осенняя ночь. Бор шумел, дороги не видно. Её можно было опознать только на ощупь. Сердце у меня билось. Казалось, что мне грозит неотвратимая опасность. Чтобы вытравить в себе страх, я, медленно озираясь и останавливаясь, иду бором на Зайковскую гору. Вот обрывистый берег, на самой кромке которого проходит дорога. Это самое разбойное и дьявольское место. Сюда ни один взрослый не решился бы ночью идти. В то время, когда я по отвесному склону стал подыматься на вершину горы, недалеко от меня раздался страшный крик, похожий на уханье и дикий хохот. Я замер. Крик повторился. Это был филин, которого я не раз слышал в детстве. Его крик даже в какой-то мере

ослабил страх. Чего бояться? Постояв немного на горе, я стал возвращаться домой. На вопрос матери, открывшей мне дверь, где я был в такую страшную полночь, я ответил:

- На Зайковской горе.

От такого сообщения мать выронила лампу из рук.

11

Так я сделал ещё один шаг в своём избавлении от призраков страшного мира, тяготившего моё сознание. Злых людей с их реальной опасностью я не боялся, а непонятный безликий страх - ему можно противопоставить мужество, а это значит, нужно закалять нервную систему, подавить в себе ненужные реакции.

Был такой случай. Шёл я пешком на комсомольское собрание в деревню Щучье. Когда я из Юргамыша пришёл в Мало-Белое, солнце село за горизонт. Чтобы не опоздать, я быстро побежал лесной дорогой до Щучьего. Но пока проводил собрание, наступила густая осенняя ночь. На обратном пути в темноте я не заметил, что пошёл не по той дороге. Понял лишь тогда, когда оказался в бору и наткнулся на деревянный могильный крест. Стало ясно, что я попал на кладбище, не замеченное мной в первую дорогу. Это было в 1928 г., когда райком ВЛКСМ направил меня в деревню Щучье проводить собрание комсомольской ячейки. Раньше я здесь не был.

Я невольно остановился, стараясь осмыслить обстановку. В это время тучи разошлись. Полная луна, высоко поднявшись на горизонте, озарила небольшую поляну. И я вижу: в 10 - 12 шагах от меня лежит мертвец, обращённый вверх лицом, а рядом большой пустой гроб у разрытой могилы. Я, разумеется, знал, что мёртвый мне не опасен, и всё же, независимо от моей воли, волосы на моей голове то вставали дыбом, то ложились. У меня не хватало мужества перешагнуть через труп. Медленно, не сводя с него глаз, я обошёл его и, взяв влево, вышел на дорогу.

12

Значительное влияние на формирование моего характера и художественного вкуса оказала наша природа, лишённая той оранжерейности, что присуща южным районам страны. Я обязан ей уже тем, что она пощадила меня в день моего рождения.

12 января 1908 г. поздно вечером моя мать возвращалась из бани домой. Она шла по кромке бора, была метель. Внезапно начались схватки, и она родила меня под сосной. Это могло закончиться трагически для обоих, не окажись она в большом овчинном тулупе. Родив меня, мать вернулась в баню, чтобы привести себя и меня в порядок.

Затем, дойдя до дому, она упала и около трёх недель провела между жизнью и смертью.

Моё рождение в такой необычной обстановке не давало ей покоя. Смущало её и то, что цвет моих глаз постоянно менялся: то зеленоватый, то серый, то голубой. К тому же моё появление на свет совпало с двумя космическими событиями.

Вскоре после моего рождения появилась приближающаяся к Земле «дьявольская звезда» с длинным хвостом. Суеверные люди с ужасом следили за её поведением и ждали конца света. Речь идёт о комете Галлея. Ходили слухи, что с хвоста её спрыгнуло на землю 40000 маленьких чертенят, чтоб вселиться в новорождённых, в числе которых был и я.

Кроме того, шла молва, что в это время дьявол сбросил с неба огромный камень в сибирскую тайгу. Он вспыхнул при падении на землю и своим излучением повредил мозг у многих новорождённых.

Мать всё это связала с моим непутёвым рождением.

Но, наверно, не случайно я всегда любил ночной буран, шум векового бора, на опушке которого стоял дом моего отца.

А разве июльская ночная гроза, захватившая врасплох в поле, разгоняя мрак ослепительными вспышками молний, не создавала в сознании величественную красоту?

Навсегда остался я неравнодушен к бабьему лету - одному из дивных явлений природы. Разве оно не пробуждало взыскательного художника, не вызывало светлой грусти от криков улетающих журавлей? В эту короткую пору природа, прежде чем превратиться в спящую красавицу, словно на прощальном балу, ещё раз покажет себя.

Глава 2
ГОЛУБОЙ ПОЖАР

Ночь морозная, ночь тревожная.
Ветер-птица стучит в окно.
Вертит, крутит метель бездорожная,
Лес и небо смешав в одно.

Спит посёлок давно, как положено,
Погружённый в ночную мглу.
Только я, на всю ночь растревоженный,
Вероятно, один не сплю.

Всполошила неукротимая
В сердце вьюга пожар голубой,
Подарила крылья орлиные
И сказала: «Лети со мной!

Поднимайся быстрее с бесстрашием
Хоть в какую теперь высоту,
Если хочешь понять настоящую
Мою смелую красоту».

А поэтому в ночь тревожную
Пусть уж кто-нибудь спит другой.
Запалила метель бездорожная
В моём сердце пожар голубой.

1

После окончания мною церковно-приходской школы перед моим отцом встал вопрос о дальнейшей судьбе сына. Он понимал, что всех своих сыновей обычным крестьянским путём ему не вывести в люди. Старшие должны были раскрестьяниться: уйти в сферу другой деятельности. Первым «землепроходцем» в этом деле должен был стать я. Отец рассчитывал сделать из меня агронома. Для этого складывались необходимые предпосылки. Вскоре после изгнания в середине августа 1919 г. колчаковских войск была установлена советская власть.

В июне Красная Армия разгромила Колчака на западных предгорьях Уральского хребта, а затем освободила Урал от его войск. Остатки разбитых контрреволюционных сил тянулись к Тоболу, где они в районе Кургана рассчитывали перейти в контрнаступление.

Колчаковский офицер Певцов, квартировавший в деревне Колупаевке Юргамышского района, подверг 33 крестьян соседней деревни Корчажной такой порке плетьми, что спины у многих были изранены до обнажения костей.

Жертвой колчаковского режима стал также и житель села Кислянского Георгий Фролович Осипов - председатель Кислянского волостного исполкома. Попытку расправиться с ним предпринимали ещё белочехи. Утром 4 июня 1918 г. недалеко от железнодорожной станции Юргамыш на опушке берёзовой рощи белочехи расстреляли молодого комиссара матроса Василия Семёновича Карпова, незадолго до этого прибывшего сюда из Петрограда. Вместе с ним был арестован и Г. Ф. Осипов и передан на расправу. Об освобождении Осипова из-под ареста стали ходатайствовать родственники. В ответ белочешские офицеры заявили: «Освободим, если этого потребует население Кислянки». Они рассчитывали, что население не решится стать на защиту представителя советской власти. Но собрание жителей состоялось, и Осипов был выпущен на свободу. Когда на смену белочехам пришли колчаковцы, ему пришлось уйти в подполье. Обнаруженный белогвардейской разведкой в районе Кособродска, он вторично был арестован и заключён под стражу вместе со своими единомышленниками - П. К. Гороховым, В. Ф. Дикаревым и А. Ф. Петровым. Вопрос об их участи решался на совещании колчаковских офицеров в доме кислянского промышленника Шахова, возглавлявшего местную контрреволюцию. Узников предварительно подвергли жестоким истязаниям, а в полночь вывели на расстрел, в пути продолжая бить. Когда, измученные и обессиленные, они были не в состоянии уже идти, у придорожной рощи в глубоких сугробах вырыли для них яму и расстреляли. Эта расправа произошла ночью 15 марта 1919 г.

Армия Колчака переживала моральное разложение. Рядовые солдаты, насильно мобилизованные на фронт, не хотели сражаться с революционными войсками и при первой возможности сдавались им в плен. В лесах, в болотах и на озёрах, в густых высоких пшеницах - всюду можно было видеть колчаковских солдат, оставшихся ждать Красную Армию. С помощью карательных отрядов Колчак пытался восстановить и пополнить свою армию, но она распадалась. Дикие расправы с населением не только не сдерживали, а наоборот, ускоряли процесс её разложения.

И вот наступил август. В голубом небе плыли островки белоснежных облаков. Их гнал западный ветер на восток, вслед отступающим колчаковским войскам. Одновременно с войсками Колчака на восток тянулись обозы гражданской контрреволюции.

Но вот перед самым приходом Красной Армии наступило кратковременное затишье. Даже карательные разъезды колчаковцев, казалось, куда-то исчезли. Все чувствовали, что вот-вот придёт армия свободы. В один из ярких солнечных дней по дороге на Мало-Белое, у берёзовой пади[1], показалась небольшая группа солдат. Четверо из них

ехали на дрожках. В руках одного солдата было красное знамя, а дуга лошади, запряжённой в дрожки, была украшена красными лентами.

Эти люди, как позднее выяснилось, оказались переодетыми в красноармейскую форму колчаковцами. Заметив красное знамя и приняв их за красных, навстречу им из леса, где он до этого скрывался, вышел Михаил Ефимович Иванов - житель деревни Пестерёвой.

- Здравствуйте, товарищи! - сказал он восторженно, оказавшись перед ними. Свою ошибку он понял лишь тогда, когда по приказу колчаковского офицера его привязали к берёзе и начали глумиться. Солдаты проткнули ему насквозь штыком грудь, затем отрезали ему шашкой нос и разрубили голову. Над обезображенным до неузнаваемости телом они сделали надпись: «Смерть большевикам». Через три дня убитого обнаружили на месте расправы бойцы Красной Армии. Обречённые на полный разгром, колчаковцы пытались спрятать своё бессилие в безумных зверствах над мирным населением и пленными.

2

И вот война кончилась, но время продолжало оставаться очень тяжёлым.

Отец понимал, что всех нас поднять настолько, чтобы мы могли вести самостоятельное крестьянское хозяйство, он не в силах. Только чтобы построить один дом для меня, как старшего сына, он свыше 15 лет в зимнее время уезжал в тот или иной город Сибири, на строительство железной дороги, а в начале полевых работ возвращался домой. В роли крестьян могло остаться не более двух сыновей. Кому-то из нас, по его мнению, придётся быть учителем, агрономом или землемером. Значит, надо получить необходимое образование. С этой целью он отвёз меня в Кипельское двухклассное училище, после окончания которого я должен был получить первую дорогу в этом направлении, а затем поступить в сельхозтехникум.

Не было ни керосина, ни учебников, ни тетрадей, ни карандашей, ни чернил. Государство не располагало и средствами на содержание учителей.

Школа находилась фактически в беспризорном состоянии. Занятия часто срывались. Государство путём продразвёрстки забирало у крестьян не только излишки хлеба, но и минимум - семенной и продовольственный фонд, а это подрывало экономическое развитие деревни. Покупать и торговать было нечего и нечем. Торговля хлебом вообще была запрещена.

В Кипельском начальном училище я проучился с 1919 по 1921 г.

1921 год был засушливым. Не помогли и молебны о дожде, которые по просьбе верующих проводил отец Илья. Солнце беспощадно палило

землю, которая покрылась глубокими трещинами. На открытых местах, особенно на супесчаных почвах, пшеница достигала самое большее 15 - 20 сантиметров. Её невозможно было сжать серпом или выкосить литовкой[2]. Кое-какой урожай был собран только в низинах, вблизи сырых логов, около озёр и болот и между колками[3]. Приближался голод.

По распоряжению отца мы уже в июле и августе стали заготавливать для скота берёзовый корм, а после листопада - опавшие листья берёз и осин. Одновременно с этим заготавливали корм и себе. Для этого в июле - августе мы с отцом привезли 5 возов корневищ рогоза. Их можно было употреблять в пищу в печёном виде, а также высушить, размолоть на ручной мельнице и добавлять в пшеничное тесто[4].

Голод, вызванный неурожаем, особенно остро проявился весной 1922 г. Крапива, корни лопуха, корьё берёзы, мох, подземные части купены лекарственной - всё было превращено в продукты питания. Люди ели сусликов, собак. И, несмотря на это, они ходили с опухшими, едва передвигавшимися ногами.

К счастью, 1922 год был дождливым и тёплым. Рано появились грибы и ягоды, а вслед за ними и картофель.

В начале февраля 1921 г. в Кипельском училище не только было введено платное обучение, но и снабжение учителей мукой и другими продуктами было возложено на родителей учащихся. Это привело к тому, что училище прекратило своё существование.

Невзирая на мороз (41°) и резкий северо-западный ветер, я из Кипели пешком пошёл в Горохово. В дороге в двух километрах от Разбегаевой стал замерзать. Меня подобрал незнакомый мужчина, посадил в кошеву, завернул в свой тулуп, затем заехал в Разбегаеву, обогрел в одном из домов и довёз до Гороховой.

На вторую ночь моего пребывания дома в Горохово явился продотряд.

В клуб по списку было вызвано 40 человек, и каждому из них предложено в ультимативной форме сдать государству по 100 пудов зерна. Вызванные, ввиду отсутствия у них такой возможности, отказались выполнить предъявленные требования. Тогда их отпустили на час домой, чтоб они взяли с собой продуктов, и, невзирая на ночь и мороз, достигший 42°, погнали пешком под конвоем за 40 километров в село Коровье, где их дело, как им сказали, будет разбирать ревтрибунал.

Село как вымерло. Охваченные ужасом люди сидели дома и ожидали ещё более страшных последствий. Многие думали, что никто из арестованных живым не вернётся. В числе этих людей был и мой отец. В Коровьем их продержали больше недели и после длительных уговоров и угроз взяли с них подписи на сдачу хлеба государству, от 20 до 25 пудов зерна, и отпустили домой.

Получилась неразрешимая ситуация: с одной стороны, государству нужен был хлеб для снабжения армии и городского населения, с другой стороны, его не было у крестьян. Изъятие его в такой форме вело к разорению деревни и подрывало союз с рабочим классом.

Выходом из этого состояния стали нэп и кооперация, как это предложил В. И. Ленин.

3

Осенью 1922 г. с опозданием на месяц я стал учеником 5 класса Куртамышской школы II ступени. Отец поместил меня на квартиру к бабушке Горошихе. Её все так звали, по-видимому, за маленький рост. Я пробыл у ней год, но так и не узнал ни имени, ни фамилии. Жила она одна, никто её не навещал, в том числе и соседи. В её пятистенном доме[5] мне были отведены полати, которые являлись для меня не только местом ночлега, но и постоянного пребывания в её доме. Вероятно, Диогену в бочке было более удобно, чем мне в своём апартаменте. Утром я вставал и без завтрака уходил в школу. Когда возвращался из школы - хозяйка ставила на стол самовар и что-то приготовленное, вроде «пищи святого Антония»[6], и мы с ней молча приступали к завтраку. Я садился в угол, она - с другой стороны стола. Это же повторялось и вечером. Редким деликатесом служил поджаренный картофель и варёная свёкла. Меню являлось почти неизменным. Кроме старухи, жителем этого замкнутого мира являлся Николай Мирликийский. Местом его пребывания была божница, расположенная в переднем углу кухни. В горнице же, где жила хозяйка, в таком же углу находилось ещё три небожителя, и в том числе Иисус Христос, плюс несколько медных икон. На стене, слева от божницы, висел портрет Козьмы Крючкова - участника первой мировой войны, храброго и доблестного защитника христианской веры и российского императора.

В доме всегда было полутемно: маленькие окна, обращённые на север и восток, пропускали мало света. Огня ввиду отсутствия керосина старуха никогда не зажигала. Печь топила с вечера. Спать ложилась рано.

Не лучше было моё положение и в классе. Года полтора на меня никто не обращал внимания: плохо и старомодно одетый, я даже в перемены сидел безгласно за партой, боясь привлечь к себе чей-нибудь взгляд. Моим соседом по парте был Андреев - тупой, самодовольный, с иголочки одетый недоросль, сын местного нэпмана. В большую перемену он обычно, сидя со мной рядом, пыхтел и чавкал колбасу, ломтики хлеба, обильно смазанные маслом, и конфеты. Он, по-видимому, не считал меня человеком: за весь год не только не предложил мне ни одной конфеты, но даже не сказал ни единого слова.

Всё это дополнялось ещё и тем, что я на первом же уроке русского языка начал с неудач. Войдя в класс, учительница объяснила: «Сегодня будет урок свободного творчества», - и раздала листы бумаги. Мне и в голову не пришло, что нужно самому выбрать тему и за урок написать сочинение. Я сдал чистый листок, поставив свою фамилию. Так появилась первая двойка.

Положение безотрадное: ни то, ни сё, ни житель света, что-то вроде гоголевского Акакия Башмачкина. Голодно, одиноко, бесприютно. Но всё же я, невзирая на обстоятельства, отсутствие учебников, бумаги и других школьных принадлежностей, за полугодие получил хорошие оценки по всем предметам, только по русскому языку - двойку.

4

В Куртамыше до установления советской власти было 49 купцов и промышленников, многие из которых прибегали к найму рабочей силы. Большинство учащихся было детьми нэпманов, духовенства, зажиточных крестьян и кулаков. Меньшую группу составляли дети учителей, служащих и крестьян-середняков. Дети деревенской бедноты и мелких ремесленников по численности стояли на последнем месте. Между нэпчиками, как их тогда называли, и демократами (трудовая часть учащихся) существовала острая неприязнь, нередко возникали конфликты. Наиболее агрессивными были нэпчики, особенно по отношению к комсомольцам.

В составе учителей не было ни одного члена партии. Комсомольская организация даже в 1927 г. не превышала 10 - 12 человек. Кроме того, Куртамышский райком комсомола относился к учащимся школы II ступени с недоверием по социальной причине. Даже детей учителей и крестьян-середняков редко принимали в комсомол.

Учителя в основном были старой, «гимназической» формации, держали себя обычно отчуждённо от учащихся, ограничивали свою работу только ведением уроков. В школе не было библиотеки и предметного оборудования.

Директор школы - он же преподаватель физики, которую он преподавал по учебнику Краевича. У преподавателя биологии единственное пособие была книга Брэма. То, что в 7 классе у нас был наставник, - мы узнали только тогда, когда получили справки об окончании этого класса с его подписью - «классный наставник Григорьев». Так что мы были предоставлены самим себе.

5

В 1927 г. я окончил школу II ступени, которая дала мне элементарные знания по основам наук того времени, но они были получены в

результате дополнительного самообразования, особенно по гуманитарным предметам.

Для того, чтобы выпускники школы по выходе из неё могли без больших ошибок занять своё место в жизни общества в зависимости от их желания, начиная с 8 класса, знакомились с работой сельского учителя и работников кооперации, а также с культурно-просветительной работой. В связи с этим из нескольких учеников при школе была создана лекторская группа, в составе которой был и я. В 1925 - 1927 гг. я был председателем ученического комитета, что давало мне право участвовать в школьных педсоветах. Это позволило приобрести навыки работы с людьми. За эти же годы мною было прочитано для учащихся старших классов и родителей 17 лекций, кроме того, я преподавал ещё в школе для взрослых (ликбез): вёл арифметику и политграмоту.

Несмотря на все свои недостатки, большую роль в учебном процессе сыграл Дальтон-план.

Нас разбили на группы по 6 учеников по нашему желанию. Роль учителя сводилась к тому, чтобы дать учащимся задание, а затем, через некоторое время, проверить его выполнение.

За работу нашей шестёрки отвечал Бакланов, учившийся в основном на четвёрки. За солидную комплекцию и огромную физическую силу мы прозвали его Гераклом. Он двухпудовыми гирями играл, как мячиками. Ему ничего не стоило разогнать весь наш класс, тем более что он состоял наполовину из пигалиц - так обычно с усмешкой называл своих соучениц Геракл. Он возглавлял не только учебную работу нашей шестёрки, но и доставал билеты в клуб, если в нём, судя по объявлению, должен был состояться интересный спектакль. Он же находил работу, чтобы приобрести необходимые деньги. В отношении к своим соученикам был справедлив и бескорыстен. Если кто-то из них в каком-либо предмете был более сведущ - он не старался умалить его значение. Вообще завистью он не страдал и в отношении своих возможностей был объективен.

Геракл отлично декламировал стихи, особенно Есенина, но с исполнением их на сцене не выступал. Основной слабостью силача был русский язык. Он никак не мог справиться, по выражению его самого, с такими «пигалицами», как *не* и *ни*, угловатой была и письменная речь, хотя устной речью он владел в совершенстве и благодаря своему юмору был почти неуязвим. Он отлично разбирался в хозяйственных делах деревни, всегда был в курсе рыночных цен, являлся знатоком разных пород лошадей.

С выполнением заданий по таким предметам, как литература, история и политэкономия, было проще. Куртамышская районная библиотека располагала большим количеством разнообразных художественных

произведений как отечественных, так и зарубежных авторов. Это же нужно сказать и о книгах по истории. Работа с книгой была основным источником наших знаний. Но мы не ограничивались чтением и всё, что узнавали из книг, фиксировали в виде простых и сложных планов, конспектов и сочинений и даже - рефератов.

Прозанимавшись обычно часа два-три, мы делали перерыв на полтора часа и в это время обсуждали газетные новости или читали что-нибудь, не связанное с заданием. Так нами была прочитана поэма Есенина «Анна Снегина», помещённая в журнале «Красная новь» за 1925 г. Такое чтение являлось активным отдыхом.

По тригонометрии мы знакомились, например, с формулой Герона, а кто такой Герон? В учебнике почти ничего о нём не было сказано, кроме того, что он древнегреческий инженер и учёный. Значит, кто-нибудь из нас шёл в районную библиотеку за выяснением более подробных сведений.

Социальный состав учеников, как уже говорилось, был неоднородным. По численности преобладали дети бывших торговцев, нэпманов, духовенства, служащих, кулаков не только Куртамыша, но и многих сёл и деревень, расположенных в радиусе примерно 70 километров.

Официальных классных журналов не существовало, не было и ученических дневников. Каждый учитель вёл учёт успеваемости учащихся в какой-нибудь записной книжке. Учёт посещаемости вёл ученик, избранный для этой цели на классном собрании. Были и классные наставники, но они ничего не делали.

Органом, несущим ответственность за работу школы, был педсовет во главе с директором. В помощь ему существовал комитет содействия школе, называемый сокращённо комсодом. По численности он превосходил педколлектив. Членами его были родители куртамышских учащихся. Совместное заседание педсовета и комсода именовалось школьным советом. Педсовет состоял не только из учителей, но и из представителей от учащихся, которые избирались на классных собраниях и имели такие же права, как учителя. Я членом педсовета был три года. Существовал в то время и ученический орган школьной жизни - исполбюро школы. Он был не подотчётен педсовету, а существовал наравне с ним. Без его согласия директор и педсовет не имели права исключить ученика из школы. Председатель этого бюро с правом решающего голоса входил в состав педсовета.

В 1924/25 учебном году (я в это время учился в 7 классе) Куртамышская школа II ступени перешла на комплексную систему обучения, используя для этой цели соответствующие программы, одобренные ГУСом (Государственный учёный совет Наркомпроса). Но по причине ли абсурдности этой системы, внесшей в учебный процесс

полнейшую дезорганизацию, ввиду ли других обстоятельств, но уже в следующем 1925/26 учебном году учителя нашей школы вернулись к предметному обучению.

Чтецом и писарем в нашей шестёрке был Виктор Кочарин - сын бывшего купца села Кипели - земляка Бакланова. Он довольно выразительно владел искусством чтения и отличался чётким, красивым почерком, учился ровно, не проявляя однако особенного интереса ни к одному предмету.

Из Кипели же родом был Валентин Бреев - сын священника. Он хладнокровно относился к гуманитарным предметам, никогда не читал никаких стихов - единственное, к чему он проявлял повышенный интерес, была математика и физика. Он обычно, после того, как заканчивал какое-нибудь задание по стереометрии и тригонометрии, например, решение задач, выполнял чертежи или рисунки к этим задачам.

«Министр без портфеля» среди нас был Михаил Третьяков - сын зажиточного крестьянина деревни Скоблиной, владельца нескольких красивых породистых лошадей. При обнаружении разных вопросов, возникающих в связи с выполнением заданий, Третьяков в разговор не вмешивался, был совершенно далёк от художественной литературы, такое же равнодушие проявлял к истории и политэкономии.

Наша шестёрка состояла из двух неравных частей. В меньшую из них входили Нечаев и я. Во вторую - Бакланов и трое его спутников. Конфликтов на этой почве у нас не было. Бакланов не без юмора называл нас с Нечаевым романтиками: мы с ним читали произведения в основном романтического направления. Вася Нечаев однажды назвал Бакланова прагматиком. Это название закрепилось за ним и его спутниками.

Вне шестёрки мы были совершенно независимы друг от друга, как в выборе себе друзей, так и в проявлении своих интересов. У меня, например, были дружеские отношения с Д. Плахотиным, с В. Альчиковой, с Н. Тужихиной - моими соучениками, которые были и друзьями Нечаева.

В общем «деревенские лопухи», как называли нас нередко городские самовлюблённые «нарциссы», в массе даже учились лучше, чем они. У многих из нас была в прошлом нелёгкая жизнь, такой она оставалась и в школьные годы. В отличие от многих «куртамышских денди» мы были плохо одеты, жили в неудобных квартирных условиях, не имея мест для занятий. Карманных денег у нас, как правило, не было. Чтобы сходить на спектакль, надо было необходимые деньги заранее где-то заработать.

Вечным спутником Бакланова был Вито - Виктор Кочарин. Он, по-видимому, не только разделял его художественные вкусы. Везде следуя за ним, он был также поклонником Бахуса.

Из остальных четырёх человек нашей бригады наиболее оригинальным был Андрей Бакланов, который имел прозвище Заратустра. У него было два бога - Ницше и Форель[8]. С их книгами он не расставался и знал на память десятки цитат. Что касается увлечения Есениным, то он предпочитал стихи типа «Русь кабацкая», отлично декламировал «Чёрного человека» и «Возвращение на родину». Из других авторов он читал Арцыбашева и Сологуба.

6

Однажды директор школы Иван Михайлович Пономарёв дал мне тему для лекции «М. В. Ломоносов» и попросил зайти за необходимой литературой на квартиру. Это было 26 марта 1926 г. Я заканчивал 8-й класс. Директор жил на нижнем этаже школьного здания. Когда я подходил к школе, то, к своему удивлению, увидел его плавающим в большой луже, возникшей в результате таяния снега. Он возвращался в 6 часов вечера от своего друга - преподавателя математики С. В. Инфантьева, у которого отмечал день рождения его жены, и настолько опьянел, что по ошибке надел на голову шапку заведующего районо, а вместо своего пальто облачился в шубу хозяина, которая была ему до пят. Можно было лужу обойти, но недаром говорят, что пьяному море по колено. Он решил её пересечь посередине, упал, уронил очки и стал ползать, пытаясь найти их. Я зашёл в лужу, взяв его со спины, волоком вытащил, а затем дотащил до дверей квартиры и сдал жене.

Проходит 3 - 4 дня. После школьных занятий он останавливает меня одного, закрывает дверь на замок и, не объясняя ничего, с шумом и криками набрасывается на меня, обвиняя в хамстве, клевете и подлости, грозит не только исключением из школы, но и народным судом. Требует от меня, чтобы я сознался на общем собрании учащихся и написал опровержение в газету и таким образом реабилитировал его опозоренное имя. Выясняется, что в районной стенной газете, вывешенной в клубе, появилась статья «Большому кораблю - большое плаванье». В ней он был не только описан, но и нарисован в виде моржа, плавающего в море. Об этой статье я ничего не знал, а он решил, что автором являюсь я. Я объяснил, что автором не являюсь и опровержение писать не буду, да и как опровергать, если это правда?

- Я ж вас вытащил из лужи.

- Что, что? Повтори!

Я повторил.

- Меня? Пьяным? Сам ты был пьян и с пьяных глаз перепутал с каким-то спившимся идиотом.

- Хорошо. Перепутал. А почему Ваша жена приняла идиота за Вас?

- Вон отсюда, негодяй!

Мне было странно, что он как следует не подготовился к этому разговору и допускает логические ошибки. И я видел, что, будучи холериком, он не может управлять своими эмоциями. Он два раза хлопал дверью, убегал в свою квартиру и снова набрасывался на меня, повторяя одно и то же. Так продолжалось около двух часов. Наконец он выгнал меня из школы и закрыл дверь на крючок.

На следующий день ни один учитель не здоровался со мной. Учителя в знак протеста отказались заниматься. Школа гудела, как растревоженный улей. Группа куртамышских учащихся грозила мне физической расправой. Из 400 учащихся на моей стороне оказались только 7 во главе с Валей Альчиковой. Сути случившегося никто не знал, так как всё произошло в воскресенье. Я оказался на положении отверженного. Занятий не было около двух недель!

Давно ли мои сверстники-одноклассники слушали мою лекцию о романтизме? Я её даже читал для учителей по предложению Екатерины Васильевны, учительницы литературы.

Побыв в разгневанном улье, я ушёл домой, не зная, что мне делать. С наступлением вечера за мной прибежала тётя Катя - техничка школы - и заявила:

- Тебя вызывает в школу Сергей Васильевич. - (Это был математик, правая рука директора).

Начался всё тот же разговор. В конце концов я ему сказал:

- Сергей Васильевич, Вы прекрасно знаете, что директор был пьян. Вы отмечали день рождения Вашей жены, где директор так напился, что надел Вашу длинную шубу, в которой я его и вытащил из лужи. Ту лужу со временем можно забыть, а вот эту обывательскую лужу, которую Вы создаёте со своим другом, я никогда не забуду.

После этого меня обсуждали на трёх педсоветах.

На первом педсовете ничего нового в сравнении с тем, в чём меня обвинили директор и Сергей Васильевич, не было сказано. Всё сводилось к тому, что я должен сознаться, что оклеветал директора: извиниться перед ним не только на педсовете, а на общем собрании учителей и школьников, написать опровержение в районную стенгазету.

После педсовета я не пошёл на квартиру, а повернул на мост, перекинутый через реку Юргамыш, - моё любимое место. Над водой стоял лёгкий туман. В юго-западной части неба над бором висела тонким серпиком луна, звёзды в форме сочных набухших капель собрались в созвездия и пленяли своей красотой и загадочностью. Всё это контрастно противостояло миру только что закончившегося педсовета, который мне представлялся в виде огромной лужи с застоявшейся водой.

Ночь освежала душу, разряжала настроение.

Вскоре я заметил, что ко мне приближаются двое. По голосам я узнал наших учителей Бориса Николаевича и Надежду Ивановну Рукавишниковых. Они были родителями моей соученицы Гали, в которую я был горячо влюблён. Чтобы не быть узнанным, я наклонился лицом вниз над перилами. Поравнявшись со мной, Борис Николаевич спросил:

- Молодой человек, у Вас не найдётся закурить?

- Борис Николаевич, я некурящий.

- Так это ты, Александр? - спросил он с удивлением.

- Я, Борис Николаевич.

- А чего ты тут делаешь?

- Любуюсь красотой и загадочностью ночного мира. В жизни всё изменчиво и неповторимо. Ведь такой ночи, как эта, уже никогда не будет, и в том числе я и Вы будете уже другими.

- И давно ты таким философом стал?

- С детства, Борис Николаевич.

- Не ожидал. А мы с Надеждой Ивановной пошли к Малиновым, чтобы их пригласить в гости. У Галочки день рождения. Надежда Ивановна, ты иди, а я немного поговорю с Александром. - И он спросил меня: - У тебя есть приглашение на этот вечер?

- Есть.

- Придёшь?

- Нет. В силу сложившихся обстоятельств не приду.

- Как же так? Ведь Галочка будет обижаться.

- Не только Галя, но, может быть, и Надежда Ивановна, но зато довольны будете Вы. Здесь сейчас никого нет - и я могу Вам со всей откровенностью сказать всё, что по этому вопросу думаю.

- Говори.

- Вы ненавидите меня и даже подозреваете в том, что я на Галю оказываю дурное влияние, но ведь это неправда. Я знаю, что между Вами и Надеждой Ивановной идут по этому вопросу споры. Надежда Ивановна видит во мне романтика, и мне это дорого. Не скрою и того, что она является моей любимой учительницей. Даже одно это не позволило бы мне дурно влиять на её дочь. Не скрою и того, что у меня к Гале зародилось особое отношение. Она мне нравится, но я никогда не скажу ей об этом. Теперь жду только одного, чтобы быстрее окончился этот скандал и наступили каникулы. Так что Вы можете не беспокоиться за судьбу своей дочери. У лопухов тоже есть своя этика, порядочность, честь и не меньше благородства, чем у того круга людей, к которому принадлежите Вы. Я знаю, что по сравнению с Галей я лопух деревенский, и никогда не решусь между ней и собой поставить знак равенства, а поэтому начну с того, что не пойду на день рождения.

Борис Николаевич был ошеломлён такой откровенностью, растерялся, не зная, что ответить. Чтобы выручить его из такого состояния, я сказал:

- Борис Николаевич, Вас, вероятно, ждёт Надежда Ивановна. Вы идите.

Закончился наш разговор тем, что он, уходя, всё же сказал мне, чтобы я подождал их с Надеждой Ивановной, и мы вместе пойдём на вечер. Не дожидаясь их, я ушёл домой.

Вскоре послышался лёгкий, осторожный стук в дверь. Выйдя в сени, я спросил:

- Кто там?

- Это я, голубчик. Ты уж извини меня, что я так поздно беспокою тебя.

Это была старая учительница Федосья Михайловна. Войти в комнату она отказалась, чтоб не беспокоить хозяйку, а, взяв меня за руку, пояснила, что она со мной, голубчиком, хотела поговорить, и предложила мне пойти с ней во второе школьное здание, в котором находилась по соседству с Борисом Николаевичем и её квартира.

Я оделся, вышел, и мы пошли. Поднявшись на второй этаж, мы зашли в один из классов. Я поставил для неё стул, а сам остался стоять перед ней, приготовившись слушать.

- Ты уж извини меня, голубчик, я знаю, как тебе нелегко после такого педсовета, но я пришла только потому, что боюсь за твою судьбу. Ведь ты ещё очень молод. Я тебя не осуждаю. Ты это сделал по неопытности, без всякого злого умысла.

- Федосья Михайловна, я не понимаю, о каком умысле Вы говорите.

- Это хорошо, что ты Ивана Михайловича вытащил из лужи, но зачем ты написал статью в газету, изобразив его пьяным? Тебе, голубчик, надо было просить у него прощения и написать опровержение в газету.

- Федосья Михайловна, даю Вам честное слово, что я никакой статьи в газету не писал. Кто её написал - не знаю, но я не автор этой статьи.

- Тем лучше, - сказала Федосья Михайловна, - если ты её не писал, тем легче её опровергнуть, твоё самолюбие от этого не пострадает.

- А что опровергать, ведь в газете правда. Вся-то трудность в том и состоит, что Ивана Михайловича я вытащил в таком состоянии, что он не мог держаться на ногах. Значит, Вы, Федосья Михайловна, требуете от меня, чтобы вместо правды я сказал ложь? Если Вы на этом настаиваете, - я напишу в газету, что Иван Михайлович был совершенно трезвым и упал в лужу потому, что поскользнулся. Но знайте, что это будет ложь, и в какое же положение я себя поставлю, какими глазами я буду смотреть на своих учителей и с каким презрением будут относиться ко мне соученики! Вас это устраивает?

- Что ты, что ты, голубчик! Так Иван Михайлович действительно был пьян?

Федосья Михайловна заплакала, и я, растерявшись, не знал, что мне делать.

- Извини меня, голубчик, - говорила она, вытирая слёзы, - извини, это я расстроилась из-за того, что учителя требуют от тебя, своего ученика, говорить ложь, и только ради того, чтобы оправдать директора, совершившего скверный поступок... Как, голубчик, жить в этом мире? А ведь я думала, что ты был не прав. Нет, голубчик, не пиши никакого опровержения.

- Если меня ещё будут обсуждать на педсовете - не вздумайте меня защищать. Этим Вы едва ли поможете, а в Вашем возрасте, да ещё с пошатнувшимся здоровьем не следует наживать себе врагов. Спасибо Вам и за то, что Вы оказали мне моральную поддержку, поверив в мою правоту.

- Извини меня, что я только сейчас убедилась в твоей правоте.

- Федосья Михайловна, Вы устали. Давайте я помогу Вам дойти до квартиры.

- Спасибо, голубчик, я уже взяла себя в руки.

Мы вышли из класса в широкий коридор в форме прямоугольника, из которого двери вели в другие классы. Остановились у лестницы. Федосья Михайловна спросила:

- А у тебя, голубчик, есть друзья?

- Есть. Валя Альчикова и Ваша соседка - Галя Рукавишникова. Они не допускают мысли, что я могу оболгать директора.

- Трудно тебе будет жить, голубчик, с таким характером, но ты держись, не падай духом.

Я спустился вниз по лестнице, а вверху всё ещё стояла Федосья Михайловна и повторяла:

- Уж ты, голубчик, никаких опровержений не пиши!

Я пожелал ей спокойной ночи и вышел на улицу.

Её так всё это потрясло, что она три дня пролежала в постели.

На втором педсовете Сергей Васильевич заявил:

- Мы в узком кругу обсудили создавшуюся обстановку и пришли к выводу: 1) ты правильно поступил, что вытащил из лужи Ивана Михайловича; 2) мы пришли к убеждению, что ты не являешься автором этой позорной статьи; 3) педсовет допустил ошибку, обвинив тебя в том, что ты оклеветал директора.

Захваченный врасплох таким поворотом дела, я вначале даже растерялся, но, взяв себя в руки, спросил:

- Зачем же в таком случае я снова вызван на педсовет, да ещё на котором присутствовать будут не только учителя, а родители и ученики?

Сергей Васильевич ответил:

- Дело в том, что 26 марта Иван Михайлович был серьёзно болен, обращался в больницу, ему оказали помощь и дали справку о его состоянии за подписью В. И. Туленкова. Возвращаясь домой, он находился в лихорадочном состоянии, с трудом осознавал, что с ним. Естественно, он даже не заметил, как зашёл в лужу, и, потеряв сознание, упал в неё.

Мне было предложено перевестись в другую школу и обещано содействие со стороны администрации. Я спросил, в качестве кого меня доставят в другую школу, и заявил, что никуда я не поеду, потому что моей вины нет, да и что я скажу отцу о причине перемены места?

- Николай Кузьмич, - обратился я к преподавателю литературы, - на уроках Вы нас учили доблести и чести, справедливости. Посоветуйте, как мне быть!

Николай Кузьмич неохотно встал, снял очки, потоптался на месте и молча сел на свой стул.

- Павел Алексеевич, Вы наш классный наставник, может быть, посоветуете что-нибудь в связи с создавшимся положением?

В это время встала со своего места преподаватель литературы и русского языка Надежда Ивановна Рукавишникова - жена Бориса Николаевича - и сказала:

- Удивляюсь мужеству и прямоте этого почти ещё мальчика. Директор школы и Сергей Васильевич таскают его по ночам в школу на допросы, требуют от него невозможного - возмутительной лжи, чтобы ценой этого оправдать отвратительный поступок нашего директора. Довели этого мальчика до того, что он прямо назвал нас подлецами. К сожалению, это правда. Мы его тираним на педсоветах, но если его психика не выдержит и он попадёт в больницу, тогда что вы будете делать? Говорить о доблести, подвигах и славе? Я требую прекратить это издевательство над ним. Какой стыд и позор! Иди, Саша, домой.

- Хорошо, Надежда Ивановна, но прежде я бы хотел позвать сюда жену Ивана Михайловича - Валентину Ивановну в качестве свидетеля. Иван Михайлович, Вы не будете возражать?

Директор ничего не ответил.

- Не можно, нужно, - сказала Надежда Ивановна.

Председательствовавший П. А. Григорьев не знал, что делать. Он растерянно смотрел то на директора, то на Сергея Васильевича.

- Сергей Васильевич, что делать?

Тот огрызнулся:

- А при чём тут я? Вы ведёте педсовет - и решайте.

- Я сейчас попрошу Клавдию Ивановну - она моет пол в соседнем классе, - чтобы она пригласила Валентину Ивановну, - сказала Надежда Ивановна.

Когда пришла Валентина Ивановна, я сказал:

- Валентина Ивановна, извините меня за беспокойство, это по моей просьбе позвали Вас сюда. Вот меня уже обсуждают не на первом педсовете, обвиняя в том, что я оболгал Ивана Михайловича и вместо него привёл к Вам какого-то спившегося субъекта. Так вот, будьте добры, ответьте: кого я привёл в Вашу квартиру 26 марта и в каком состоянии? Я дошёл до того, что присутствующих назвал подлецами - в чём раскаиваюсь и прошу прощения. Кроме того, прошу ответить, ходил ли приведённый человек в больницу.

Валентина Ивановна, выслушав меня, сказала:

- Разрешите мне отлучиться на пять минут.

Вернулась она, держа в руках шубу и шапку, и заявила:

- Мальчику не надо просить прощения за свой дерзкий, но справедливый поступок. Он ни в чём не виноват. Сергей Васильевич, - обратилась она к Инфантьеву, - как Вам не стыдно своей подлости? - И она бросила в него шубу. - А теперь скажите: как она оказалась в моей квартире? И что за субъект в ней находился? Так вот, я скажу, что такой же подлец, как и Вы. Вы думаете, мне легко говорить эту грубую правду?

В это время Федосье Михайловне стало дурно. Её Надежда Ивановна и Григорьев взяли под руки и вывели в соседнюю комнату. Валентина Ивановна сходила в свою квартиру и принесла валерьянку. Вернувшись на педсовет, Валентина Ивановна сообщила, что с Федосьей Михайловной обморок, ибо она не могла вынести этого бесстыдства.

- Какой ужас: мой муж, - директор школы, со своим дружком Сергеем Васильевичем настолько обнаглели, что пьяными являлись на уроки, и главным организатором всех этих безобразий были, безусловно, Вы, Сергей Васильевич.

Я не знал, что мне делать. Все присутствующие сидели, как ошалевшие. Директор, не ожидавший такого исхода, покинул педсовет, растерянный Григорьев одеревенел, Инфантьев мрачно молчал. Надежда Ивановна обратилась ко мне с просьбой проводить Федосью Михайловну. Я покинул педсовет и вошёл в класс, где сидела учительница.

- Федосья Михайловна, - обратился я к ней, - извините, пожалуйста, меня за дерзость.

- Нет, голубчик, ты ни в чём не виноват. Я уже совершенно здорова и рада тому, что всё разрешилось, как надо. Спасибо всем. Голубчик, ты очень измотался, иди домой, я уж как-нибудь дойду сама.

- Нет, Федосья Михайловна, я дал слово Надежде Ивановне, что провожу Вас до квартиры.

7

После завершения осенних работ я вернулся в Куртамышскую школу. На сердце было холодно и тоскливо. Во главе школы стоял новый директор - Шульгин, производивший тягостное впечатление. Ни следа интеллигентности, жалкая фигура, невыразительное лицо с бородавкой на левой щеке, пожелтевшие от табака зубы, короткий нос, усики с загнутыми вверх концами, бесцветные, тусклые глаза - всё это создавало безотрадное впечатление. Старых учителей почти не осталось. Через две недели уедут и Рукавишниковы в Пермь. Значит, прощай, Галочка!

В школу я приходил молча, ни с кем не разговаривал, так же молча уходил. В конце октября началось холодное дыхание Севера, и земля оделась тонким снежным покровом.

Наконец, наступил тот роковой день, которого я страшился. При встрече со мной на улице Борис Николаевич сообщил, что завтра в 3 часа дня они уезжают, и просил быть в числе тех, кто придёт их провожать.

- Обязательно приходи, а то Галя будет обижаться. Она не успела тебя предупредить об отъезде потому, что мы решили уехать раньше прежнего срока на три дня. Придёшь?

- Конечно.

Но, несмотря на обещание, я долго спорил сам с собой, приходить или нет.

Всё к отъезду уже было готово. В одну кошеву были сложены чемоданы и прочие вещи, и всё это было связано бечёвкой. В другой кошеве уже сидели Борис Николаевич и Надежда Ивановна. Между ними Галочка. В каждую кошеву запряжено по тройке лошадей.

Увидев, что я вошёл во двор, Галочка выскочила из своей кошевы, чтоб попрощаться со мной. Упрекнула меня за опоздание. Времени не было, разговор был коротким. Она сказала, что как только приедет в Пермь, напишет письмо.

- Ты ответишь на него?

- Конечно.

- Приезжай на будущий год в Пермь. В ней ведь имеются медицинский и педагогический институты. Хорошо?

- Подумаю.

В это время послышался голос Бориса Николаевича:

- Галя, пора. Мы ждём.

Они каждый подали мне руку.

- Галя, желаю тебе самой светлой дороги в жизни. Надеюсь, у тебя появятся такие же друзья, какими были мы с тобой, но я чувствую, что наша встреча в будущем не состоится. Прощай.

Галочка вернулась на прежнее место, помахала мне рукой. Тройки выскочили за ворота, повернули за угол, быстро под звон колокольчиков помчались по улице и скрылись в вихре метели. Вскоре и от следов полозьев, засыпанных снегом, не осталось ничего. Это было действительно моё расставание с Галей. Оно осталось навсегда в моей памяти. Были ещё потом у нас короткие встречи, но пути наши разошлись[9].

Я вернулся к бабушке Горошихе и попросился остаться у неё на ночь. По старой памяти залез на полати и залился тихими слезами. Удивительно, что когда меня мать беспощадно порола плетью, я не обронил ни единой слезы. Спокойно выдержал 17 дней, когда меня Сергей Васильевич в ночное время вызывал на допросы, отстоял себя на педсоветах, а сейчас не мог обойтись без слёз - ведь это был итог тяжёлого пройденного пути, расставание не только со своими друзьями, но и прощание со своей неповторимой юностью, которой больше не будет.

Необычность обстановки состояла ещё и в том, что в то время я был единственным в деревне человеком, продолжившим своё образование после окончания начальной школы. Для того времени такое явление было необычным. Ко мне, конечно, не было открытой враждебности. Но мне, страдающему с детства стеснительностью, трудно было преодолеть и барьер непонимания. Я невольно чувствовал себя виноватым перед своими соседями, перед родителями, особенно перед отцом, который, в противоположность матери, взял на себя ответственность за моё образование. Я не находил оправдания своей виновности. Вот я учусь, а мой бывший одноклассник такой возможности не имеет. Я не виноват, конечно, что его отец умер от тифа, и всё же... В моём сознании стала формироваться черта ответственности не только за свои поступки, но и за судьбы других людей, чувство виновности за их несчастья и неудачи, что шло вразрез с обычным для окружающих равнодушием к чужому горю.

Моё положение в семье оставалось очень сложным. Борьба вокруг меня не прекращалась. Была недовольна тем, что я учусь, не только мать: недоволен был и дед. Какая бы неприятность ни случилась в нашем доме - объяснение одно: виноваты антихристы, т. е. я и отец. В глазах матери и деда я был бездельник и нахлебник, невзирая на то, что я уже с 10 лет работал, причём раньше других кончал учебный год и с опозданием на 2 - 3 недели начинал занятия в связи с полевыми работами. Виноватым я чувствовал себя и перед отцом. Поэтому в 1926 году я предложил ему выделить мне одну десятину земли для того, чтобы я мог обрабатывать её, посеять пшеницу, затем зерно сдать государству, из вырученных денег создать себе материальную базу и

таким образом разрядить семейный конфликт. В ответ он улыбнулся и сказал:

- Ну, что ж, попробуй, но тогда бери полторы десятины.

Дело в том, что ему после революции 1917 г. дали дополнительно 3,5 гектара земли. В одном из полей как раз и было 1,5 гектара. (Гектар примерно равен десятине). Этот участок находился в четырёх километрах от нашего дома, близ живописного лога. Здесь имелась родниковая вода, в окрестных рощах росли клубника и дикая вишня. Таким образом, у меня появилась своя «плантация», «чёртово поле», по выражению матери. Это была моя сверхурочная работа в виде дополнения к основной, связанной с общим хозяйством нашей семьи. Я поставил условие, чтобы в дела на моём поле никто не вмешивался. По-прежнему 5 дней я работал в общем хозяйстве. «Плантация» моя вызвала недоумение и самые невероятные разговоры жителей села, но теперь я уже был не тот, что во время конфликта с отцом Леонидом и моей матерью.

Заведя такое хозяйство, я практически лишил себя выходного времени. Даже в воскресные дни я работал, но это меня не смущало. Все полевые работы выполнялись мной самим. Я намолотил 140 пудов зерна, 40 из них отдал отцу. За остальные получил 120 рублей. На них можно было купить 3 - 4 коровы. Таких личных средств я никогда не имел. Часть их мы с отцом издержали на покупку первого настоящего модного костюма, двух пар ботинок и кепи. Это было для меня таким необычным явлением, что я никак не мог себе представить, как, облачившись, появлюсь в школе. Часть денег передал матери для покупки двух костюмов моим братьям. Ей же отдал ведро сушёной клубники и полведра вишни, заготовленных в окрестностях «чёртова поля», а около ведра этих же ягод подарил моей квартирной хозяйке.

Узнав о том, что у меня появились обновы, в наш дом явилась Варвара Самойловна - приятельница нашей семьи. Она обладала весёлым характером и умела своим юмором разоружать мать, не давая ей доходить до конфликтов. На этот раз, зайдя к нам, она прямо с ходу обратилась к матери:

- Савельевна, где же твой гимназист?

На её голос я вышел из комнаты.

- А почему ты не в новом костюме?

Как я ни отказывался - мне пришлось обрядиться не только в костюм, но надеть кепи и ботинки. Осмотрев меня со всех сторон, она вновь обратилась к матери:

- Савельевна, зря ты недовольна своим парнем: не пьёт, не курит, не сквернословит, заповеди Господни и молитвы знает не хуже отца Ильи. А ну-ка, молодой человек, прочти нам Символ Веры.

- Пожалуйста. - И я начал: - Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единовернаго, Иже от Отца рожденнаго прежде век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечишася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца...

Варвара Самойловна разразилась весёлым хохотом, а мать, не зная, что сказать, застенчиво улыбнулась.

Пройти по своему селу в новом костюме я так и не решился.

8

За месяц до окончания школы, с согласия дирекции, я уехал в Курган на двухмесячные курсы подготовки в вуз. Директор заверил меня в том, что как только закончится учебный год, напишет мне удостоверение об окончании школы. Я с нетерпением ждал обещанного. Наконец это ожидание стало настолько гнетущим, что я не знал, как от него избавиться. Срок подачи заявлений в вузы истекал. Мне ничего не оставалось делать, как идти пешком за документами. Расстояние до Куртамыша по тогдашним дорогам составляло около 100 километров. Безлесные пространства я преодолевал бегом, в рощах шёл шагом. Сбившись с пути, я оказался в деревне Берёзовке, расположенной в 10 километрах от Куртамыша. Заход в эту деревню мне стоил ещё 7 - 8 километров пути. Часов в 6 вечера я прибыл в Куртамыш. Два часа пробыл в ожидании директора Шульгина. Получив документы, дошёл до соснового бора, на опушке которого находился летний театр, рассчитывая здесь встретить кого-нибудь из знакомых. Наконец, решился через Закомалдино, Гагарье и Падун идти домой в Горохово. К заходу солнца я прошёл уже Закомалдино. К своему удивлению, пройдя уже около 115 километров, я всё ещё не чувствовал усталости. Светлая летняя ночь не только не осложнила ходьбу, а, наоборот, привлекала моё внимание к звёздным мирам и гасила мысли об усталости.

Пройдя километров 20, я почувствовал однако боль в ступнях, а перед Падуном настолько обессилел, что вынужден был лечь под берёзу на опушке рощи. Здесь я минут на 30 впал в забытьё. Мне казалось, что земля качается подо мной. Очнувшись, я дотянулся до ветки, держась за неё, с трудом поднялся на ноги и оставшиеся 12 километров шёл домой, как побитый француз при отступлении из Москвы. На восходе солнца,

оказавшись в ограде своего дома, я окончательно обессилел и упал на землю. Отец и брат подхватили меня на руки, завели в дом.

За 15 - 16 часов мною было преодолено 155 километров, в среднем по 10 километров в час! В обычной обстановке такой «марафон» едва ли был бы возможен. Необходимость мобилизовала все резервные возможности организма. Она же и подавила ощущение голода.

В доме я пробыл не более трёх часов. Отец на лошади довёз меня до станции Зырянка, а оттуда поездом я прибыл в Курган и явился на урок математики, к строгому, почти беспощадному учителю Белову. От меня веяло сухим жаром. Фигура Белова в моём сознании то появлялась, то исчезала.

На второй день, сняв копии с документов для поступления в вуз, пришёл заверить их в облоно. Заведующий Н. А. Абрамов год назад приезжал в нашу школу по поводу моего «еретического» поступка. Внимательно взглянув на меня, спросил:

- Вы не тот самый крамольник, из-за которого возник скандал в вашей школе в прошлом году?

- Тот самый, Николай Александрович.

- Нравится Вам новый директор?

- Нет. Пономарёв Иван Михайлович, несмотря на свой неблаговидный поступок, был лучше Шульгина.

- Чем?

- Умный, деятельный. А этот, как английская королева, царствует, но не управляет. Главным действующим лицом теперь является Сергей Васильевич Инфантьев, он же и секретарь педсовета.

- Это тот самый, на которого Вы написали эпиграмму?

- К сожалению, да.

- Почему к сожалению?

- Потому что это был несолидный поступок с моей стороны, хотя бы потому, что он был отличный математик и мой учитель.

- Но он был главным Вашим противником?

- Он им является и в настоящее время и даже не отвечает, когда я здороваюсь.

- Мне помнится, что у Вас были хорошие оценки, в том числе и по математике?

- Да, но это было до конфликта. Я обратил внимание, что моё удостоверение даже написано рукой Сергея Васильевича и оценки по всем предметам занижены на один балл, а по математике - даже на два, но это трагедия не моя, а моего учителя, оказавшегося рабом мелких чувств.

- Но это надо исправить!

- Как?

- Я могу заняться этим вопросом.

- Поздно, Николай Александрович, я и так уже опаздываю с подачей заявления в вуз.

- А куда Вы думаете поступать?

- Хотел в Ленинградский университет, но уже опоздал, кроме того, с таким удостоверением, да ещё из такой захолустной школы едва ли можно рассчитывать на поступление. Решил подать заявление в институт народного хозяйства имени Плеханова в Москве.

- Но ведь и в этот институт тоже нелегко поступить.

- Конечно. По всей вероятности, и в этот институт мне не поступить, но поездка всё равно для меня будет полезной. Пусть она будет первой разведкой будущего. Я ведь кроме Куртамыша и Юргамыша почти нигде не бывал.

- А если не поступите, что будете делать?

- Вернусь обратно и года три буду работать в деревне, скорее всего, учителем, и одновременно готовиться к поступлению в вуз.

В заключение нашего разговора Николай Александрович пожелал мне ни пуха ни пера и, подав на прощание руку, улыбаясь, сказал:

- А если уж с Плехановским институтом дело не устроится - заходите в облоно, помогу устроиться на работу.

9

Из Кургана в Москву я поехал с тревожным чувством: шансов на поступление в институт в самом деле не было, но вопрос заключался не только в этом. Этот отъезд являлся завершением юности. Было ясным, что многих своих соучеников я больше никогда не увижу. Хандрила в это время и погода. Пока я ехал от Кургана до Уфы - север гнал низкие дождливые тучи.

Но вот и Москва. В первый же день я узнал, что на факультет подано уже 41 заявление на каждое место. Очень много москвичей - значит, перспектив никаких.

Я был зачислен в группу опоздавших, которых оказалось 16 человек. Можно было сразу же отправляться обратно. Формально нас допустили до экзаменов - и всех до одного на первом же экзамене по политэкономии «срезали». Мне казалось, что я отвечаю на все вопросы на вполне заслуженную четвёрку, а получил два.

С одним таким же героем поехали в Пермь с надеждой поступить в педагогический институт. Ехали через Вологду, северной дорогой, через зону хвойных лесов, более мрачных в сравнении с нашими. Влияние севера особенно чувствуется в районе Перми.

К экзаменам нас допустили, но общежитием не обеспечили, и мы устроились в здании пустой церкви, стоящей вблизи Камы. С колокольни

этой церкви открывалась величественная панорама реки. С противоположной стороны тёмной полосой простирался северный лес.

Дров и освещения у нас не было. Солнце показывалось редко. Чаще всего из серых туч, плотно покрывавших небо, лил гнетущий, холодный дождь. Церковь служила нам всё же своеобразной пещерой, укрывавшей от дождя и ветра.

Так мы прожили больше месяца, а экзаменов всё ещё не было. Между тем жалкие финансы приближались к нулю. Пришлось временно устраиваться на работу в речной порт: разгружать астраханские арбузы. Денег платили мало, но арбузы есть не запрещали.

Но вот и первый экзамен. Большую группу экзаменующихся поместили в зал и каждого посадили за отдельный стол - светло и уютно, но в какой-то степени оскорбительной казалась система надзора над нами. Две женщины и мужчина зорко следили за каждым.

Мне повезло: попала хорошо изученная тема - «Лев Толстой как зеркало русской революции». По этой статье В. И. Ленина в школе я готовил лекцию и дважды читал в двух старших классах. В силу этого я быстро написал сочинение, два раза проверив с точки зрения орфографии и пунктуации, и, улыбаясь, стал посматривать на своих педантичных контролёров. В ответ на это ко мне подошла одна из дам и сказала:

- Вы почему улыбаетесь, а не работаете?

- Я уже написал.

- Не может быть. В Вашем распоряжении ещё час.

С её разрешения я сдал сочинение и вышел из аудитории.

Через день я явился сдавать устный экзамен по литературе. Найдя моё сочинение, женщина-экзаменатор спросила меня:

- Скажите, Астафьев, как нужно писать слово *Толстого*?

- Не понимаю вопрос.

- Как не понимаете? Последний слог.

- *Толсто-го.*

- А почему же Вы в сочинении трижды написали *Толсто-ва*?

- Вероятно, по рассеянности.

- Надо было улыбаться меньше и прежде чем сдавать работу, тщательно её проверить. Безусловно, Вы знаете, как пишется эта фамилия, но в сочинении она всё-таки написана с ошибкой, и с непростительной. Это никак не вяжется с теми безусловными знаниями, какие Вы обнаружили при раскрытии темы. Ваша работа заслуживает самой высокой оценки. Откуда это у Вас?

Я объяснил.

- Ну, хорошо. Что Вам нравится в творчестве Лермонтова?

- Всё.

- А что же именно?

- Мне сегодня просто везёт. Лермонтов - один из любимых мною поэтов. Я многие его произведения знаю наизусть.

- Какие же именно?

- «Песню про купца Калашникова», «Демон», «Парус», «Бородино», «Прощай, немытая Россия...»

- Какие же слова Лермонтова Вы могли бы предложить в качестве эпиграфа к его творчеству?

- О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью.

- А теперь прочтите что-нибудь из «Купца Калашникова».

И я прочитал о кулачном бое на Москве-реке.

- А это откуда - столько стихов наизусть?

- В школе я руководил кружком поэзии, а иногда и выступал как декламатор на вечерах художественной самодеятельности, а по заданию учительницы Екатерины Васильевны Сырневой даже подготовил и прочитал лекцию о романтизме как литературном течении. Поэтому я имел возможность познакомиться с отдельными произведениями Виктора Гюго, Байрона, Адама Мицкевича, Шиллера. Особенно на меня сильное впечатление произвела «Исповедь сына века» де Мюссе. Я прочитал двухтомник произведений Луначарского «История западноевропейской литературы».

В общем, мой экзамен по литературе превратился в интересную беседу. Я получил отличную оценку, а по сочинению - 4.

Моей собеседнице было лет 30. Это была сероглазая блондинка. Её интеллигентное лицо дополнялось изящной причёской.

В заключение она мне сказала:

- Молодой человек, если у Вас возникнет какая-нибудь неприятность, то Вы можете обратиться ко мне.

- Извините, но я даже не знаю Вашего имени и отчества.

- Анна Петровна.

- Керн?

Она улыбнулась и ответила:

- Нет, не Керн, а Волжанина. Могу дать Вам и домашний адрес.

- Адрес мне известен: улица Верхотурская, № 4.

- Совершенно верно! Но каким образом он стал известен Вам?

- С Вами рядом, в квартире № 2, живут мои знакомые - Рукавишниковы. Я заходил к ним и видел, как Вы вошли в ворота дома № 4.

- Где Вы познакомились с Борисом Николаевичем?

- Это мой учитель по Куртамышской школе. С их дочерью я даже учился в одном классе. Нынче она поступила в медицинский институт.

- А Вы живёте в общежитии?

- Нет. Там отсутствуют свободные места.

Я рассказал о церкви.

- Но ведь там холодно.

- Зато оригинально.

В это время вошла какая-то женщина, сказав:

- Анна Петровна, Вас просит зайти председатель экзаменационной комиссии.

Я попрощался и направился к выходу, но она мне напомнила, что наш разговор не окончен, и пригласила завтра в 5 часов зайти к ней в эту же аудиторию.

Вечером от Бориса Николаевича я узнал, что Анна Петровна окончила филологический факультет Московского университета. В Перми живёт пятый год и ежегодно проводит приёмные экзамены по литературе. Её отец, профессор Ленинградского университета, женат вторично, жена - француженка. Анна Петровна - отличная пианистка, любит Моцарта, Бетховена, владеет французским языком. У неё обширная библиотека.

Через неделю я был зачислен на исторический факультет, но в целом обстановка складывалась неудачно.

Оставаться в церкви было неприятно и холодно, к тому же мой коллега уехал в Новосибирск. Рассчитывать на получение места в общежитии, по крайней мере ещё два месяца, было невозможно. Затягивался вопрос и с назначением стипендии, а я к этому времени, вероятно, был похож на горьковского Челкаша. Являться в таком виде к Анне Петровне было просто невозможно. Даже в студенческие аудитории я входил крадучись, чтоб не показать рваные ботинки. Я не стал заходить к Рукавишниковым. Оставалось одно - бросать учёбу и ехать домой. Принимая такое решение, я отлично знал и теневую его сторону: как с таким итогом явиться домой? Правда, провал смягчался тем, что я жил на лично заработанные деньги.

Наконец, за два дня до отъезда я решился зайти к Анне Петровне на квартиру и рассказать о своём вынужденном решении. Но я не знал того, что по средам у неё встречаются её знакомые и друзья. В её квартире оказалось две студентки из медицинского института, молодая женщина - выпускница МГУ, специалист по истории античного мира и двоюродный брат хозяйки, поступивший на истфак. Перед таким обществом я растерялся, глупо улыбаясь в то время, как Анна Петровна знакомила меня с братом. Я чувствовал себя деревенским лопухом. Поэтому проходить я не стал, а заявил, что мимоходом и зашёл только для того, чтобы сообщить, что послезавтра я срочно уезжаю домой ввиду сложившихся обстоятельств. Я дал слово Анне Петровне, что до отъезда обязательно зайду к ней, и ушёл. Было уже темно. Где ночевать? Идти к

Кутикову, своему знакомому, в общежитие медиков, где я уже несколько раз ночевал, неудобно, и я отправился на вокзал Пермь-II.

Мой отъезд опять сопровождался ненастной погодой. Настроение было подавленное. Я несколько раз пытался заснуть, но гнетущее состояние лишало меня такой возможности. Только после Свердловска я стал успокаиваться, а после Челябинска уже повеяло знакомым мне Зауральем.

10

Пробыв дома дня три, я явился в Юргамышский райком комсомола, чтобы встать на учёт. Узнав, кто я и откуда, секретарь райкома предложил устроиться на работу в село Кипель. Там нужен был учитель и одновременно секретарь комсомольской организации.

Итак, я вернулся «на круги своя».

Секретарь райкома комсомола Каротин заранее предупредил меня, что секретарь партийной организации Кипели Иван Иванович Терехов обладает крутым нравом и не любит философии и сантиментов, обычно сразу берёт быка за рога, поэтому не рекомендовал мне лезть на рожон.

- Что же мне делать? Приспосабливаться к Ивану Ивановичу?

- Да не приспосабливаться, а находить разумный контакт. Через два дня я приеду в Кипель и перед открытым комсомольским собранием представлю тебя Ивану Ивановичу.

На собрание Иван Иванович не явился.

Прошло уже 4 месяца, а мы с ним ещё ни разу не перемолвились.

Наконец в школу прибежал десятник и сказал, что меня срочно вызывает Иван Иванович. Я явился после уроков в школе.

- Здравствуйте.

- Здравствуй! Садись! Почему с опозданием?

- Время рабочее. Бросить класс на произвол судьбы не мог, а отпроситься не у кого: Филиппа Ивановича (директора) вызвали в роно.

- Ты что же игнорируешь меня? Ни разу не зашёл, а я ведь как-никак секретарь партийной организации.

- Как и зачем мне заходить, если при встрече на моё приветствие следует молчание? Кроме того, секретарь райкома Каротин просил Вас присутствовать на комсомольском собрании, где решался вопрос, быть или не быть мне секретарём комсомольской организации Кипели. Вы согласились с его просьбой и всё же не выполнили её.

- Кто дал тебе право таким тоном со мной разговаривать, словно не я, а ты секретарь партийной организации!

- Возможно, я виноват в том, что не представился, но Вы должны понять и моё положение. Мне дали самый трудный класс, где уже два месяца не было учителя. Я в то же время и секретарь двух

самостоятельных комсомольских организаций: кипельской и гороховской. Мне почти каждые сутки приходится преодолевать 20 километров. Естественно, что нет свободного времени.

Кипельская комсомольская организация возникла в 1924 г. К моменту моего прибытия в ней состояло 24 человека. Она была интеллигентнее гороховской, но уступала последней в темпераментности.

11

Деревня Кипель возникла около 1747 г. Основатели Кипели прибыли из Шадринского дистрикта. Об этом говорят и названия её улиц. Одна из них, именуемая Шадровкой, уже подтверждает это мнение. Другая - Маслянская - уводит нас к истории Маслянского острога, основанного в 1669 г. в 20 километрах от Шадринска. О шадринском происхождении основателей Кипели говорит и часть их фамилий. Из рассказов старожилов известно, что предки нынешних Баклановых - из того же Шадринского дистрикта. Даже такое название, как Крутиха (так называют крутые лесистые склоны реки Юргамыш около деревни Елизаветинки), тоже, видимо, завезено сюда из шадринских окрестностей. Останин край (северная часть Кипели) был основан несколько позднее Шадровки и Маслянской. Основатели его - переселенцы из села Останина бывшей Пермской губернии Останины. Эта фамилия широко известна на Урале. В. П. Бирюков в книге «Урал в его живом слове» пишет, что она образовалась от древнерусского нехристианского имени Останя[10]. Название улицы Вихоровка произошло от фамилии Юхоров. Этот житель Кипели был участником крестьянского движения 1843 г. Казаками он и ряд других крестьян Кипели были подвергнуты порке.

С тех пор, как была основана Кипель, прошло более 200 лет. Многие события, связанные с её историей, исчезли из памяти людей. Названия же краёв и улиц превратились в документы летописного значения, по-прежнему помогают осмысливать прошлое.

В окрестностях Кипели есть небольшое озерко - старица реки Юргамыш. Старица со всех сторон окружена кольцом высоких тростников. К северу от неё тянется высокий речной увал. В прошлые времена он был покрыт лесом. С этой старицей связана первая страница истории села Кипели. В середине XVIII столетия на берегу названной старицы поселился первый прибывший сюда человек по фамилии Кипелин. Кто он был такой - теперь уже никто ничего определённого не знает. Известно только одно - что он прибыл сюда из района уральской реки Белой. Было у него четверо сыновей и три дочери. Время тогда было беспокойным. Край только что начал заселяться русскими. Нередки были случаи нападения кочевников на русские посёлки. Это же произошло и с усадьбой Кипелина.

Первое нападение было отбито. Но впоследствии он и его сыновья были убиты, усадьба разграблена, дочери отведены в плен. Дальнейшая судьба их неизвестна.

В настоящее время от этой усадьбы сохранилась только яма, над которой когда-то стоял дом её основателя. Вскоре после этой трагедии вниз по течению реки Юргамыш, в расстоянии одного километра от разрушенной усадьбы, был основан новый посёлок - деревня Кипель.

12

Итак, я обучал четвёртый класс в Кипельской школе и одновременно выполнял обязанности секретаря местной комсомольской организации, а жил в селе Горохово, в доме своих родителей. В Кипели оставался на ночлег только в те дни, когда в её клубе происходили спектакли или собрания. От Кипели до нашего дома 10 километров. Значит, почти каждый день 20 километров, независимо от погоды, приходилось ходить туда и обратно.

Несмотря на двойную нагрузку, мне и в голову не приходило, что можно было опоздать в школу или на какое-то собрание и мотивировать это обстоятельствами.

Летом я больше был связан со своим селом и в то же время не менее двух раз в неделю навещал Кипель.

Неповторимо ушли в прошлое вторая половина 20-х и начало 30-х годов нашего столетия. Но кто жил в то время и тем более участвовал в его событиях, тот никогда не забудет их сложностей, вызванных поворотом нашей деревни от частного хозяйства к новому общественному строю.

Яркую страницу этой социальной перестройки вписал и комсомол. В селе Горохово первичная комсомольская организация возникла в январе 1928 г. Чтобы понять особенности её работы, необходимо хотя бы в общих чертах представить сельскую жизнь тех лет. На территории Гороховского сельского совета находилось тогда 529 крестьянских дворов, из которых 256 приходилось на село Горохово. Крестьянство не было однородным. В Горохово была начальная школа, действующая церковь и в то же время отсутствовала библиотека. Не было и самостоятельной партийной организации, за исключением двух коммунистов, стоящих на учёте в Кипели. Абсолютное большинство населения было неграмотным, находилось в плену суеверий.

Я был свидетелем такого случая. В 1929 г., накануне 1 мая, к арке, сделанной над мостом через реку Юргамыш, комсомольцы приколотили красный флаг, а 4 мая десятка полтора пожилых женщин из деревни Ждановки шли в Гороховскую церковь на всенощную перед Пасхой. Дойдя до моста, паломники остановились, поворчали минуты две и

пошли искать другую переправу. Суеверный страх перед флагом - «безбожным знамением» - настолько был велик, что они не решились пройти под ним.

- Обождите, я перенесу флаг в другое место, - сказал я. Однако их и это не устроило. Поскольку он здесь висел, то через мост проходить уже нельзя до тех пор, пока кто-нибудь из служителей культа не осенит его крестным знамением и не прочитает на нём «Символ веры». И они прошли на другой берег реки, удлинив свой путь на два километра.

Основной формой массового повышения знаний деревенской молодёжи явилось тогда самообразование, состоящее из различных кружков, лекций, чтения газет, журналов, художественной и научно-популярной литературы. Вскоре с согласия райкома ВЛКСМ организовали школу самообразования для молодёжи. Объявили среду учебным днём и стали заниматься по урочной системе: арифметика с элементами геометрии - 1 час, политзнания - 1 час, научный атеизм - 1 час, художественная литература - 2 часа. В программу последнего предмета были включены преимущественно произведения, созданные нашими писателями в первое десятилетие жизни Советского государства, а именно: А. М. Горький - «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты»; А. Блок - «Двенадцать», «Скифы»; С. Есенин - избранные стихи, «Анна Снегина»; В. Маяковский - поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо»; Д. Бедный - басни, «Главная улица»; А. Неверов - «Ташкент - город хлебный»; Л. Сейфуллина - «Перегной», «Виринея»; А. Серафимович - «Железный поток»; В. Иванов - «Бронепоезд 14-69»; К. Федин - «Города и годы»; Д. Фурманов - «Чапаев»; Ф. Гладков - «Цемент»; А. Фадеев - «Разгром».

Конечно, наша школа была элементарной, но всё же она расширяла кругозор слушателей и пробуждала интерес к знаниям. Не случайно два её ученика впоследствии закончили техникум. Один из них стал сначала агрономом, а затем директором совхоза. Другой окончил учительский институт и стал преподавателем истории в семилетней школе. А трое получили даже высшее образование.

Но книг, к сожалению, в сельской местности было очень мало. Поэтому на одном из комсомольских собраний, состоявшемся в феврале 1928 г., было принято решение о создании в нашем селе комсомольской библиотеки.

С этой целью решили организовать посев пшеницы и овса, выращенное зерно сдать государству и на вырученные деньги приобрести книги. Сельский совет выделил нам за Падунским логом 10 десятин земли. Вся трудность состояла в том, что у части родителей комсомольцев не было лошадей, остальные были преимущественно однолошадниками. Всё же 7 годных для работы лошадей набралось.

Хуже обстоял вопрос с орудиями труда. Из 5 плугов было 4 «брянки», очень подержанных и практически почти негодных[11]. Так что в нашем распоряжении оставался один работоспособный плуг, принадлежащий моему отцу.

Решить плужный вопрос нам помогла Пасха, первый день которой в 1928 г. пришелся на 15 апреля по новому стилю. В пасхальные дни ни один верующий крестьянин работать не стал бы. Тем более что с обработкой земли можно было ещё не торопиться. Нам же медлить было нельзя. За два дня до начала работы мы возле нашей земли построили два шалаша и купили для кормления лошадей 20 вёдер овса. В дополнение к плугу моего отца взяли в аренду на четыре дня два «эккерта» (марка плуга) у зажиточных крестьян.

Вокруг нашего посева возникло немало разговоров. Одни в нём видели серьезное начинание, другие - иронически улыбались. Третьи, злорадствуя, называли его « антихристовой полосой». Положение было рискованным. Если бы хлеб не вырос, наши бы недоброжелатели заявили: «Это сам Бог их наказал».

Всё, казалось, шло хорошо. Всходы были удовлетворительными. В начале июня обложные дожди обильно смочили землю. Затем, правда, установилась жаркая погода, отрицательно влияющая на развитие растений. Но наш посев, расположенный среди берёзовых рощ и главное - рядом с низиной лога, меньше страдал от недостатка влаги.

С наступлением такой погоды отец Илья II (Илья I был убит молнией ещё в 1926 г.), возможно, по просьбе верующих организовал два молебна: один на Марае (лог), другой - на Падуне, примерно в километре от нашего посева. Участники молебнов во главе с духовным пастырем просили Всевышнего о ниспослании дождя, а природа ответила стихийным бедствием. Это произошло в тот день, когда Иван Тюленёв, Александр Попов и я пошли посмотреть нашу плантацию. Не успели мы пройти и трёх километров, как с северо-запада стала надвигаться грозовая туча. Ослепительные молнии и мощные удары грома нас не беспокоили. Тревожило другое - нарастающий шум, напоминающий грохот большого водопада. Особенно страшной выглядела центральная часть тучи, обрамлённая тёмно-синими облаками. От неё в виде изогнутого занавеса опустилась до самой земли полоса стального цвета. Шум и окраска - признаки града.

Мы торопились. Под всплеск молнии и сухой треск грома мы нырнули в шалаш и с тревогой смотрели из него на грозное небо, обрушившее на землю поток воды с редкими, но крупными градинами. Тюленёв чертыхался, Попов угрюмо молчал, и каждый из нас думал: неужели всё будет выбито - и наша полоса, и все окружающие её посевы?

Град на это раз, хотя и не был таким опустошающим, как за четыре года до этого, 5 августа 1924 г., всё же причинил большой ущерб посевам, расположенным по правую сторону Падуна, но на нашу землю упало лишь несколько сот градин, которые не нанесли вреда, хотя посев находился от полосы града в каких-нибудь 400 метрах.

Хлеб наш созрел, и мы (опять через комитет крестьянского общества[12]) достали две жатвенные машины и в один день не только скосили его, но и составили скирды. В этом субботнике кроме 24 комсомольцев участвовало примерно столько же несоюзной молодёжи и более взрослых людей, в числе которых был и мой отец. На одном «маккорнике»[13] жал он, а на другом под его наблюдением - я. Для того, чтобы придать субботнику наиболее общественный характер, мы на роли ответственных за отдельные участки работы поставили не комсомольцев, а взрослых людей. В центре внимания был вопрос качественной уборки, чтобы убрать не только хорошо, но и красиво.

Работу закончили на солнцезакате. Все уехали, кроме пятерых комсомольцев, среди которых был и я. Завтра утром нам нужно было сдать технику. Не спалось. Мы часа полтора сидели у костра, придававшего нашим чувствам романтическую настроенность. Августовская ночь с затуманенными звёздами вносила долю своей загадочности и красоты.

В полночь, когда все уже спали, я неожиданно проснулся от непонятного грохота. Всплеск света и удар грома дал мне понять, что севернее деревни Ждановки буйствует гроза. Я вышел из шалаша, прошёл возле бора, пересёк свою полосу.

Гроза прошла стороной. Всё затихло и скрылось в мутной мгле. И только в отдалении всё ещё ворчал гром уходящего лета.

Когда хлеб, сложенный в скирды, высох, нужно было его обмолотить и доставить в село, расположенное в 5 километрах от места уборки. Одновременно требовалось убрать и солому. Это была ещё более ёмкая и сложная работа. Чтобы выполнить её в один день, необходимо было использовать не менее 150 человек и около 40 лошадей.

Всех участников предстоящего субботника разбили на две группы и попросили возглавить их работу двух членов сельсовета: А. В. Аверина и Т. А. Астафьева. Сначала приготовили место для тока. Привезли две молотилки с конным приводом и пять ручных веялок.

Началась молотьба. Человек 30 во главе с Тюленёвым на 10 лошадях, запряжённых в телеги, подвозили снопы с поля на ток. Несколько человек их подтаскивали и складывали на откидные столики молотилок. Два человека серпами разрезали на снопах вязки, после чего машинисты направляли их под зубья быстро вращающихся и звонко гудящих валов. Так шёл обмолот.

Два десятка девушек во главе с Наташей Важениной, действуя граблями, откидывали от машины солому. 12 молодых людей, в том числе и я, с помощью носилок оттаскивали солому в зароды[14], которые затем превращали в длинные стога. Человек 30 отвеивали зерно, и такое же количество возчиков на 15 лошадях отвозили его в мешках в село. Напряжённое гудение машин, стук веялок, шелест соломы, движение людей, их смех и разговор - всё это сливалось в один разноголосый , но подчинённый единому ритму работы оркестр. Люди, забыв на время о своих личных делах, разногласиях, превратились в сложный механизм и как-то уже сами собой, автоматически выполняли добровольно взятые на себя обязанности.

Природа на этот раз подарила нам великолепное бабье лето с ласкающим солнцем, южным лёгким ветром и с белокурыми облаками, плывущими небольшими группами по голубому небу. Чарующей красоты берёзовые рощи и трепетные осинки, охваченные оранжевым пламенем, красочно вписывались в эту удивительную милую пору нашей осенней природы.

Варвара Самойловна, ответственная за работу веялок, подходит ко мне и, улыбаясь, говорит:

- Саня, а ведь интересная картина получается. Даже самые главные недоброжелатели комсомола сегодня участвуют в нашем субботнике! - И она с весёлым смехом указала на двух человек - владельцев молотилок, богатых крестьян нашего села, которые в это время, сменив машинистов, сами стали подавать снопы в свои гудящие машины.

- Тактика, Варвара Самойловна. А как с ними рассчитываться будем?

- На обычных условиях. Впрочем, они пока ещё почему-то отказались назвать денежную сумму за работу.

Так мы завершили в этот день самое главное - обмолотили снопы и зерно отвезли в амбар. Стóит ли сомневаться в том, что этот субботник явился экзаменом зрелости нашей комсомольской организации!

Мы получили 560 пудов пшеницы и 140 пудов овса - всего 700 пудов. Государственная цена пуда пшеницы тех лет составляла 2 рубля 20 копеек . Цена овса - 90 копеек. Это около 800 рублей.

Кроме того зимой 1928 г. мы провели в Горохово, Кипели, Токарёвке, Ерохиной и Красиковой 12 платных спектаклей и получили ещё 170 рублей и 50 рублей за рубку дров в школе. В нашем распоряжении оказалось свыше 1000 рублей. Согласно окладному листу по сельхозналогу на 1928 г. мой отец, владелец 12 десятин, имел доход в денежном выражении 515 рублей 20 копеек. Значит, он был по доходам маломощнее нас в 2 раза. Как мы использовали этот доход? Владельцам молотилок, поскольку они отказались взять с нас деньги, отдали часть соломы. Они в ней были заинтересованы в связи с тем, что часть их

посевов пострадала от града и засухи. Остальную солому отдали тем крестьянам, чьи лошади использовались на субботнике. Выделили из числа жителей села Горохова 20 самых нуждающихся семей и выдали им бесплатно от 1 до 3 центнеров зерна. Активным участникам субботника выписали 75 экземпляров центральных газет («Комсомольская правда», «Крестьянская газета» и «Безбожник»). Часть наших средств израсходовали на оборудование клуба. Сделали два больших шкафа для книг и даже приобрели кое-что из гардероба для драмкружка. Построили летнюю сцену и перед ней скамейки на 150 мест.

Не обошлось и без озорства. Илья II, псаломщик и руководитель церковного хора были удивлены, когда им почтальон принёс по номеру газеты «Безбожник». Верующие, узнав, что их духовные пастыри получают «антихристовы» газеты, были обескуражены. Склонный к юмору Иван Тюленёв выписал атеистическую газету и этим духовным лицам.

Но бóльшая часть средств была израсходована на приобретение книг. Книжного магазина в Юргамыше до 1934 г. не было. Поэтому мы через систему «Книга - почтой» в Москву, Ленинград и другие города сделали несколько заказов на художественную и научно-популярную литературу и получали её наложенным платежом. К середине 1929 г. в нашей библиотеке только одних художественных произведений было свыше 500 и около 250 научно-популярных книг. Кроме того на библиотеку были выписаны газеты и журналы, а также серии книг «Комвуз»[15] и «Народный университет на дому».

В конце августа 1929 года мы ещё израсходовали на книги около 200 рублей и таким образом довели книжный фонд до 1150 книг. Кроме того в книжный фонд поступило свыше 200 книг, купленных у частных лиц, преимущественно жителей села Кипель.

1350 книг - цифра по современным условиям, конечно, скромная, но для тех лет это большая ценность. При этом надо иметь в виду не только количество книг, а их художественное и научное значение. Это была классика нашей литературы XIX века, начиная от Пушкина и Лермонтова и кончая Чеховым и Толстым, и лучшая литература первой четверти XX столетия (Горький, Блок, Маяковский, Есенин, Сейфуллина, Фадеев, Иванов и др.) Был отдел и иностранных писателей и поэтов.

С тех пор прошло много лет, но я отчётливо помню весёлых, предельно энергичных и совершенно бескорыстных людей того окрылённого романтикой времени. Им не хватало знаний, многих удобств жизни, но они без капризов преодолевали все трудности и смотрели широко распахнутыми глазами в манящие горизонты.

13

Деревня тогда переживала годы нэпа. Хулиганство и драки по воскресеньям и в религиозные праздники были обычным явлением. Кроме вечеринок и хождения с гармошкой в большинстве случаев тогда других развлечений не было.

Вот и этом году: праздник Ильи-пророка длился два дня, но заядлые пьяницы продолжали пировать всю неделю. Диким быком с красными прожилками глаз ходил с колом по улице Василий Викторович. Все уступали ему дорогу. Характера он был сварливого и вспыльчивого. Жену свою Ефросинью беспощадно бил, не стесняясь посторонних. Он был постоянным гостем в доме Василисы, жившей через 2 дома от него. Василию было лет 40, Василисе 32. Мужа у неё не было. Василий неделю жил у неё, затем возвращался домой. Так его и звали Василием Двухдомным. Вступать с ним в спор никто не решался. Он мог и вилы железные в бок воткнуть или топором ударить. Пользуясь репутацией всесильного, он всю деревню держал в страхе и тайно был доволен своей властью.

- Не Мишка Козелков[16] у нас хозяин, а я, - кричал он страшным голосом, зло ворочая глазами и скрипя зубами. Это бахвальство сопровождалось ударами кулака в широкую волосатую грудь. Рубаху в пьяном виде он обычно не застёгивал, рукава отрывал, а брюки засыкал[17] выше колен.

На пятый день праздника он был особенно не в духе. Избив Ефросинью за отказ дать ему денег, он перебил посуду, вышвырнул вместе с кипятком и углями самовар на ограду и пошёл к своей «богородице» - так он звал Василису. Та была в погребе и не успела открыть ему вовремя ворота. Он перелез через забор. В это время показалась её голова из ямы. Он схватил Василису за волосы и стал таскать по ограде. Вопли Василисы сопровождались руганью Василия. К ограде собралась большая толпа народу. Несколько голосов кричали враз:

- Эй! Василий! Брось, что ты делаешь?.. Убил! Убил!..

Озверевший Василий схватил кол и бросился на собравшихся. Все пустились наутёк. Затем он снова принялся за Василису. Он рвал ей волосы, пинал её ногами, наконец, принялся душить. За воротами заголосило несколько женщин.

В этот момент, когда Василиса уже задыхалась, я влетел в ограду, с силой схватил Василия за плечи и опрокинул на спину. Затем схватил Василису за руки и вылетел за ворота .

Всё это произошло так неожиданно, что вставший на ноги Василий не сразу сообразил, в чём дело. Наконец, он опомнился, схватил кол и бросился за ограду. Женщины - врассыпную. Мужики отошли в сторону.

Положение было в самом деле опасным, но я не тронулся с места. Василиса лежала на земле и тяжело дышала. Все замерли. Василий, не добежав до меня метров пять, с диким остервенением ударил колом в землю, затем разорвал в клочья на себе рубаху, бросил её под ноги и давай топтать. Он визжал, матерился, выл, скрежетал зубами. Можно было подумать, что это не человек, а взбесившийся зверь.

Так продолжалось минуты две. Затем он несколько раз убегал в ограду, снова выскакивал и снова с остервенением бил колом. Затем швырнул кол в окно и с рёвом скрылся под крышей. Его трясло как в лихорадке.

14

Летом 1928 г. происходила проверка посевных площадей (преимущественно зажиточных крестьян). Часть комсомольцев принимала участие в этой работе.

В наше село в роли уполномоченного от окружного комитета партии приехал К. Ф. Приходько. В отличие от местных уполномоченных, он оказался политически образованным человеком, отличался демократическим образом жизни, обходился без демагогии, был отличным пропагандистом. Между ним и комсомольцами села сразу установились хорошие отношения. Цель его приезда - организовать и провести проверку посевных площадей, чтобы выявить скрытые посевы[18]. При его участии было создано 2 комиссии. Председателем одной из них был назначен я. Нам было поручено произвести обмер полей у самых зажиточных крестьян, в том числе и у наиболее скандальных. Их набралось свыше 20. Трудность измерения состояла в том, что земельные участки у каждого крестьянина в разных местах, отдалённых друг от друга до 7 - 10 километров, но и сами полосы находились между лесными колками и не имели строгих геометрических фигур. На эту работу пришлось затратить целый месяц. Причём одновременно с этим нужно было заниматься хлебозаготовками. С 7 до 10 часов утра занимались этим вопросом, затем ездили по полям. Само собой разумеется, что выявление скрытых посевов вызывало недовольство.

Обмер был начат с хозяйства моего отца. Я настоял на том, чтобы при обмере присутствовал Константин Фёдорович Приходько. Измерение производил землемер из Юргамыша. Посевная площадь отца оказалась на 7 соток больше.

Обострились отношения и с матерью. Она упрекала меня в том, что ей стыдно появиться в деревне, потому что я нехорошо поступил с её знакомыми.

- Ну, как я теперь встречусь с Дарьей Фёдоровной? Что я ей скажу о твоём дурацком поступке? Зачем ты три десятины пшеницы у них отобрал?

- Кто отобрал?

- Ты мог их не записывать. А Санька Власимов хочет тебя даже задавить.

- За что?

- За то, что ты приписал ему 4 десятины.

- Я не приписал, а выявил. Не я один, а комиссия из 5 человек.

- Бабушка Степанида из-за тебя даже заболела.

- А ты думаешь, мне приятно заниматься этим? Злятся они потому, что уличены в сокрытии части земли. Мы выявили свыше 100 га.

Живя в нашем селе, К. Ф. Приходько довольно основательно ознакомился с работой нашей комсомольской организации, съездил даже посмотреть комсомольскую плантацию. И даже в ночное время с группой комсомольцев сходил на городище и Зайковскую гору. Явившись в Курган, он рассказал о гороховских комсомольцах работникам окружного комитета комсомола, а они в ответ показали ему 2 анонимных письма и ещё одно - за подписью районного уполномоченного Е. Шурупова, из которого следовало, что отец мой - кулацкая стерва, дед - церковный староста, мать - вражина-староверка, а я обнаглевший прихвостень буржуазии, скупаю книжки не бедняцко-батрацкого происхождения, разлагаю трудящихся и никому не подчиняюсь.

Вскоре по моему делу приехали Ольга Макарова - инструктор райкома ВЛКСМ и молодая девушка из окружного комитета комсомола Наталья Ивановна. Прибыли они в воскресенье и не застали меня дома: я уходил в свою «читальню» на Зайковской горе. Близ горы находился глубокий овраг, посреди которого сохранился останец[19] высотой 5 - 6 метров. Я взобрался на его площадку и читал вслух Лермонтова, «Песню про купца Калашникова», и в то время, когда я произнёс: «Хорошо тебе, детинушка, удалой боец - сын купеческий», - я услышал голос Ольги:

- А как мы, сын купеческий, попадём к тебе?

Я встал и спросил:

- Зачем пожаловали? Наверно, опять с проверкой?

- Нет, - ответила Ольга, - вот приехала из окружкома комсомола Наталья Ивановна. Она заинтересовалась вашей комсомольской организацией и в частности её «плантацией», о которой идёт много слухов, а кто-то из ваших жителей назвал её даже «дьявольской полосой». Далеко ли она отсюда?

- Километров пять.

День был весёлый, в небе клубились облака, лёгкий ветер дышал освежающей прохладой. Вернувшись в село, Наталья Ивановна ознакомилась с библиотекой.

- Мне осталось неясно только одно: почему секретарь сельсовета Михаил Гоглев неприязненно настроен к комсомольской организации?

- К организации или ко мне?

- Особенно к Вам.

- А сам он не говорит, чем же он недоволен?

- Конкретно не говорит, отделывается общими фразами.

- Так я же его два раза уличал в жульничестве. Пользуясь неграмотностью крестьян, обсчитывает, дважды берёт налоги. Теперь он на меня пишет анонимки и подбивает других.

- Нелёгкое у тебя положение, сын купеческий.

После этого визита напряжённость вокруг меня несколько разрядилась, и комсомольской организации даже дали премию - детекторный[20] приёмник и собрание сочинений В. И. Ленина, 26 томов.

15

Это было в июне 1928 г.

Комиссия по хлебозаготовкам собралась в помещении пожарной команды. На её заседание приглашена часть крестьян, у которых, по мнению комиссии, есть лишний хлеб. Председатель я. В это время появляется Н. С. Горохов с двумя подвыпившими друзьями. Он подходит ко мне и бесцеремонно заявляет:

- Вот ты, молокосос, заготовляешь хлеб, а твой отец крупчаткой торгует.

Все знали, что это вымысел, но ведь обвинение брошено вслух, да ещё при членах комиссии.

- Что Вас вынудило, Горохов, лгать? Всем известно, что мой отец вообще ничем не торгует.

Но Горохов не унимался.

- В таком случае скажите, сколько он продал муки и кому?

- Моему шурину 25 пудов.

- Фамилия, имя, отчество Вашего шурина?

Горохов назвал.

- Его адрес?

- Чинеевский участок.

- А теперь не мешайте работать, оставьте помещение.

Он не подчинился. Пришлось перенести собрание на 7 часов утра. Сложилась фальшивая обстановка: уполномоченный по хлебозаготовке продаёт зерно на сторону! Я запряг лошадь в дрожки, посадил в них ничего не понимающего отца и сказал:

- Едем.

Только приехав в Зырянку, ввёл его в курс дела. Этого шурина отец знал: служил с ним в одной роте в первую мировую войну.

В Чинеевский участок приехали ночью. Войдя в дом, я представил хозяину своего отца и спросил:

- Вы его знаете?

- Знаю.

- Вы покупали у него 25 пудов крупчатки?

- Нет, вообще никогда ничего не покупал.

- В таком случае напишите, пожалуйста, подтверждение.

Он написал. Пришлось, невзирая на ночь, найти председателя сельского совета, чтоб заверить подпись. Часов в пять утра вернулись домой, и я в назначенное время открыл заседание комиссии. Вскоре сюда вновь явился Горохов и привёл уже не двух - десятка полтора пьяных и решил устроить скандал. Я попросил трёх членов комиссии подойти к столу, вынул из кармана подтверждение и попросил вслух прочитать.

16

После окончания проверки я продолжал курсировать между Кипелью и Гороховом, пренебрегая грозящей мне опасностью. Одна опасность назревала «сверху» от таких лиц, как В. К. Бахарев (директор паровой мельницы) и Е. Ф. Шурупов (председатель Юргамышского сельпо): оба были представители районного отдела ОГПУ[21]. Другая опасность - от таких недовольных результатами земельного обмера, как А. Горохов и Бакланов, а также от «героев» самогонно-хулиганского мира. Всё было бы проще, если бы я не был сыном крестьянина-середняка. Такому легче было приписать кулацкую идеологию. Даже земли отцу после Октябрьской революции добавили 3,5 десятины. Его хозяйство с крестовым домом, кузницей, плотницкой мастерской, телегами на железном ходу внешне бросалось в глаза и в спекулятивных целях могло быть объявлено кулацким, хотя ни одного наёмного рабочего у отца не было. Кроме того я вернулся в своё село с 11-летним образованием. «Интеллигентиков», да ещё с независимым характером, не каждый воспринимал как новое явление, нормальное в советской деревне. Это коробило в первую очередь тех администраторов, в понимании которых слово «интеллигент» несовместимо с понятием «советская власть».

Находясь в сложной обстановке, я приучал себя не знать плохой погоды, непроходимой дороги, отсутствия времени. Преодолевая трудности и собственные недостатки, я вырабатывал характер, в том числе и такие черты, как способность не прятаться за других, не теряться перед трудностями и встречать опасность с открытым забралом, заранее

зная, что ты рискуешь собой. Эта позиция обязывала служить делу, а не лицам. Я знал, что мне придётся сталкиваться лоб в лоб с так называемым «общественным мнением». Случались иногда срывы, кризисные состояния, тяжёлые раздумья. Стоит ли удивляться, если ты будешь окружён противниками со всех сторон и пощады тебе не будет?

В роковые минуты жизни мне помогала природа. Идёшь, например, в мутной мгле ночного лохматого бурана и невольно становишься не только более углублённым мыслителем, но и чувствуешь себя «рыцарем без страха и упрёка». Всё случайное, серое исчезает из твоего сознания - и ты полнее и ярче ощущаешь «души прекрасные порывы».

Однажды я пошёл навестить родителей моей матери в деревне Ерохиной и у Зайковской горы догнал красиковского старика 75 лет - Третьякова. Я спросил:

- Дед, Вы куда ходили?

- В сельский совет вызвали и взяли с меня второй налог.

- А в первый раз квитанцию давали?

- За Николой-угодником на божнице лежит.

- Может, Вы ошибаетесь?

- Никакой ошибки.

- А зачем Вы второй раз платили?

- А что я - старый да неграмотный - могу сделать? Заплатил, чтобы не наказали.

- Кто деньги взял?

- Секретарь Гоглев.

- Вот что, дед, если всё это правда - идём сейчас в сельсовет.

И мы пошли берегом реки Юргамыш. Деда я оставил на улице, зашёл в помещение, закрыл дверь и сказал Гоглеву:

- Вы взяли в сумме 40 рублей второй налог с жителя деревни Красиковой. Немедленно верните ему деньги и извинитесь перед ним.

Гоглев растерялся и побледнел. Немного помедлив, трясущимися руками отсчитал деньги и стал подавать мне. Я позвал старика, и Гоглев вернул деньги ему.

- А извинения кто будет просить?

Он извинился. С этого времени Гоглев стал злейшим моим врагом.

17

Напряжённую борьбу вёл комсомол с самогоноварением, пьянством и хулиганством. Для борьбы с пьянством была создана специальная группа молодёжи. В праздники она следила за сохранением общественного порядка. Нарушителей или отводили домой, или садили в сельсоветский амбар. Заведовал этой группой Яков Андриевских. Количество нарушителей постепенно стало уменьшаться.

Комсомолец Иван Костылев был председателем рабочкома. В то время в кулацких хозяйствах использовали труд наёмных батраков. Рабочком составлял договора между нанимателем и нанимающимся и ограничивал эксплуатацию, защищая батраков.

На общем собрании граждан я был избран сельским судьёй. Сельский суд разбирал мелкие конфликты.

Много внимания комсомол уделял ликвидации безграмотности - занятиям в системе ликбеза, борьбе с предрассудками и религиозным мракобесием.

Зимой 1928 г. монашками была сфабрикована плачущая икона Богородицы. Они были с ней в Ерохиной, Красиковой, Падуне. Но, боясь разоблачения, в наше село не пошли. Для ознакомления с этой иконой я ездил в Падун.

Слёзы скорбящей Богоматери демонстрировались обычно с наступлением сумерек, при зажжённых свечах. Монашки, показывающие это чудо, уверяли, что Богоматерь плачет за грехи людей, молит их образумиться. Горящие свечи, скорбный лик «плачущей» Богоматери, постные лица монашек, одетых в чёрные одежды, действовали впечатляюще. Узнав о том, что божьи девы с иконой прибудут в Падун, я запряг лошадь и решил съездить и своими глазами посмотреть «чудо». Пока я ехал, наступил безлунный вечер. Небо, затянутое сплошным слоем серых облаков, усиливало мглу сгущающихся сумерек.

И вот деревня. Около одного большого крестового дома теснилась огромная толпа. С трудом пробравшись в помещение, я предстал перед ликом «скорбящей заступницы». Икона стояла под божницей в переднем углу на лавке, освещённой ярко горящими свечами. Из её глаз одна за другой стекали одиночные слезинки. Близко к иконе подходить не разрешалось. Между ней и зрителями оставалась свободное пространство метра полтора. Вся остальная комната была забита зрителями, главным образом пожилыми людьми.

Впечатление было сильным. Я сначала растерялся, но постояв минут пять и овладев собой, сказал:

- Разрешите мне посмотреть икону - и я вам покажу, отчего она плачет.

- Держи его - это враг Христа, - раздался чей-то голос. Поднялся шум, крик, давка. Пользуясь суматохой и сумерками, я вырвался в сени, выскочил в ограду, переметнулся через забор, вскочил в кошеву и погнал вдоль улицы. За мной гнались, но сильная и быстрая лошадь за несколько минут вынесла меня за посёлок.

«Божьи люди» с плачем икон десятки раз выступали и в прошлом. Так, в 1720 г. с помощью «плачущей Богородицы» реакционное духовенство решило настроить население против реформ Петра I, демонстрируя её слёзы в Троицкой церкви Петербурга во время отсутствия царя.

Распространяли слухи, что Богородица слезами своими возвещает великое несчастье новому городу, а может быть, и всему государству. Пётр, извещённый об этом «чуде», срочно вернулся в столицу, увёз икону из церкви во дворец, в присутствии придворных разобрал её, вскрыл механику обмана, приказал наказать обманщиков.

Зимой 1929 г. решили провести в клубе диспут на тему: «Существует ли бог?» Атеистическую точку зрения должен был представлять комсомол, а религиозную - священник местной церкви. Диспута ждали все. Заранее было объявлено о согласии на участие священника, которого звали Ильёй. Но накануне диспута он от участия отказался, чем и подорвал свой авторитет у многих верующих. Кое-кто из них иронизировал: «Прогневил ты Господа Бога, отказался защищать Его. Смотри, как бы Он не метнул в тебя грозовую стрелу».

18

Авторитет комсомольской организации быстро рос. Она была уже не только в числе первых ячеек, но и пользовалась известной популярностью в Курганском округе и была премирована.

Из сказанного становится ясным, почему её так ненавидели самогонщики, хулиганы, жулики. Зимой 1929 г. на комсомольцев было совершено нападение в клубе. Одним из организаторов его был А. В. Горохов. Собрав группу пьяных, он привёл их в клуб и решил действовать. Они атаковали участников самодеятельности прямо на сцене. Завязалась схватка. Часть комсомольцев получила ножевые ранения. Потерпев поражение, пьяные не унялись. Они вооружились кольями и часа два осаждали клуб, выбив все стёкла, и дали несколько выстрелов из охотничьих ружей. Спектакль был сорван. Так была отмечена годовщина Красной Армии. Участники погрома получили по 3 месяца принудительных работ.

Классовые противоречия, свойственные деревне той поры, приближались к драматической развязке. Одним из вопросов, вокруг которого они обострялись, была борьба за хлеб. Она не прекращалась ни днём, ни ночью. Дело осложнялось не только противодействием ряда наиболее зажиточных сограждан. Следует подчеркнуть и тот факт, что люди, отвечавшие на местах за проведение хлебозаготовок, не всегда обладали политической зрелостью, допускали не только ошибки в своей работе, но и сознательно искажали политику советской власти в деревне, вплоть до принятия недозволенных мер против некоторой части крестьянства. Уполномоченные, облечённые властью, в большинстве случаев не имели не только образования, но и политической культуры, в силу своей чванливости и тупости используя при контакте с крестьянами только политику диктата. Своим самодурством и произволом они

превзошли даже героев Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города». Я бы мог привести в подтверждение этого десятки различных примеров, очевидцем которых был лично сам. Ограничусь несколькими.

В 1928 г. (зимой) в Гороховский сельсовет приехали уполномоченные Е. Ф. Шурупов и В. К. Бахарев. Они взяли с собой председателя Гороховского совета Михаила Ковязина и поехали через Токарёвку в деревню Тамбовку. Там они вызвали к себе наиболее состоятельных мужиков, предъявили им совершенно непосильную норму сдачи хлеба государству. Мужики, ввиду отсутствия такого количества у них хлеба, выполнить это требование отказались. Тогда их, несмотря на ночь и начавшуюся метель, по бездорожью, прямо по сугробам погнали на Гороховское городище Чудаки с угрозой там расстрелять. На семикилометровом пути мужиков несколько раз останавливали и требовали выполнить приказ. Они отказывались, и вот их, измученных и выбившихся из сил, загнали по крутому подъёму высотой в 40 метров на городище и ещё раз предложили выполнить требование. Мужики вновь отказались. Тогда уполномоченные их поставили в ряд и стали проверять боеспособность своих наганов. По команде дали несколько выстрелов поверх головы. После этого вновь предупредили, что сейчас их расстреляют. Мужики сдались, и всё, что у них было, включая и семенной фонд, решили сдать государству.

Оставив мужиков на городище, заготовители вернулись в село Горохово.

Второй случай.

Возвращаясь из Кипели в Горохово в полночь, я обратил внимание на свет в школе. Бесшумно войдя в тёмный коридор, я увидел через открытую дверь, как у стола, держа в руках рукавицы, стоит Астафьев Егор Семёнович, а с другой стороны стола сидит перед ним худощавый мужчина с нервным лицом. Это был Бахарев. Он требовал, чтобы Егор оформил подписку на облигации государственного займа в сумме 350 рублей. В ответ тот повторял одну и ту же фразу:

- Я подписал на 50 рублей, больше у меня нет.

Бахарев нервничал:

- Ты что, сукин сын, дурака валяешь? Или тебе советская власть не нужна?

Раздражённый Бахарев в это время долбил пальцем правой руки в стол, а Егор, согнувшись коромыслом, не поднимая глаз, смотрел на бахаревскую шапку, из-под которой торчало дуло пистолета.

- Я тебя в последний раз спрашиваю: ты будешь подписываться или нет? - и сунул ему бумагу. - Или ты расписываешься, или я тебя до утра в холодный амбар посажу.

- Нету-ка у меня денег, и расписываться я не умею.

Бахарев нервно схватил со стола шапку, и Егор невольно скосил глаза на оружие.

- Да или нет?

- Так и быть: пятитку наброшу.

- Что? - вскочив на ноги, закричал Бахарев. - Повтори, негодяй, что ты сказал?

- Пятитку, говорю, наброшу.

Бахарев схватил револьвер, подскочил к Егору, стал дулом тыкать то в нос, то в подбородок, то к виску Егора, сопровождая угрозы нецензурной бранью. В это время я молча вошёл в комнату, сказав:

- Здравствуйте! Извините, что без разрешения.

Бахарев опешил, положил револьвер на стол и закрыл шапкой. Было видно, что он не знает, как ему быть. На скандал со мной он всё же не решился.

- Я вижу, что ваш разговор с Егором зашёл в тупик и сегодня его не разрешить. Дайте ему дня три на раздумье, а теперь отпустите домой

Бахарев молчал.

- Егор Семёнович, идите, а Вы, Валерий Константинович, свою царь-пушку не забудьте взять, а то ещё завтра утром кто-нибудь из учеников воспользуется её боевыми свойствами.

Несколько слов о Егоре. Это тёмный, неграмотный мужик. Его социальное положение - между бедняком и середняком. Что такое «индустриализация», ради которой были выпущены облигации государственного займа, ему настолько же было неясным, как, например, что такое Австралия, и сумма 350 рублей для него была неприемлемой. Дорогой я посоветовал ему подсчитать все свои материальные возможности и подписаться в пределах 100 рублей, так как наше государство действительно нуждается в помощи со стороны населения, иначе оно не в состоянии будет снабдить деревню сельхозтехникой. Егор на третий день явился в сельский совет и выразил желание подписаться на 75 рублей.

В декабре 1928 г. произошёл новый конфликт. Его организовали И. В. Горохов (как потом выяснилось, фельдфебель колчаковских войск) и тот же самый В. К. Бахарев.

Это произошло в самый разгар хлебозаготовок. Невзирая на то, что мой отец план сдачи хлеба выполнил, они решили обложить его дополнительно. С этой целью поздно вечером собрали активистов, пригласили отца, посадили его , как подсудимого, на переднюю скамью. Один из присутствующих заявил:

- Пока активисты хлеб не повезут, и мы сдавать его не будем.

Я об этом судилище ничего не знал. Меня специально отправили в деревню Ждановку на 3 дня. В этот срок нужно было сделать перелом в

хлебозаготовке, а я сумел этого добиться в течение суток. Провёл собрание и пешком вернулся в Горохово, но прежде, чем идти домой, свернул в клуб. Единственная керосиновая лампа еле освещала помещение, до отказа забитое людьми. Я не сразу понял, что здесь происходит: шум, крик, реплики. Но вот Бахарев дал слово В. В. Астафьеву. Тот предложил обязать моего отца сдать 800 пудов и добавил:

- Пусть актив проложит нам дорогу.

- А где его сынок? - крикнул Н. С. Горохов. - Почему он не присутствует?

В это время я молча раздвинул публику, прошёл на сцену и взял табуретку. Молча отодвинул фельдфебеля влево, председателя сельсовета - вправо и сел к столу. Моё появление было равно грому среди ясного неба. Все затихли и насторожились. Первым опомнился Бахарев. Он заявил:

- Не бойтесь, говорите. Мы этого кулацкого щенка завтра же исключим из комсомола.

Молчание продолжалось. Молчал и я.

- Поступило предложение Астафьеву Ульяну сдать 800 пудов хлеба, - заявил Бахарев. - Кто за это предложение - прошу поднять руку.

Ни одной руки. Даже В. В. Астафьев, предложивший эту дикую цифру, не голосовал. Бахарева трясло, как в лихорадке. Я молча налил стакан воды из графина и преподнёс ему. Первым опомнился Иван Васильевич. Он елейным голоском заговорил :

- Мужики, что мы делаем? Все мы знаем, что у Ульяна Ивановича - первого человека в деревне - хлеба нет, он же сдал свой план государству. По-моему, надо остановиться на 250 пудах.

Учитывая, что противники сами попали в ловушку, я встал, внимательно посмотрел на собравшихся и спросил:

- Михаил Иванович, объясните мне, что здесь происходит? И к какому активу относится В. В. Астафьев?

Молчание.

- Хорошо. Какой актив представляет собой Н. С. Горохов?

Ответа не последовало.

- Почему среди присутствующих нет ни одного комсомольца, кроме председателя сельсовета М. Гоглева? Почему нет Варвары Самойловны? Или она не входит в понятие «актив»?

Ответа не последовало.

- Тогда разрешите мне ответить. Здесь решили обсуждать не отца, а меня, причём не на комсомольском собрании, а на довольно странном активе. Цель - навязать дикую цифру сдачи хлеба, исключить меня из комсомола. Мой отец план сдачи хлеба выполнил. У него осталось 72

пуда 24 фунта. Я лично дважды проверил, и Вы сами всё это отлично знаете. Некоторые здесь заявили: «Пока активисты первыми хлеб не сдадут, мы его сдавать не будем». Запомните это! Вы оскорбили моего отца, издевательски предложив сдать 800 пудов. Так вот, учтите: эту цифру независимо от отца я принимаю сам. Вы сказали: как только активисты (Вы имели в виду меня) согласятся везти хлеб - повезём и мы. Со мной вопрос решён. Теперь дело за вами.

О чём «генералы» рассуждали, оставшись одни - неизвестно. Только рано утром, когда начинали топиться печи, десятник прибежал из сельсовета и вручил бумажку. На ней было написано: Астафьеву Ульяну сдать государству 25 пудов. Это вместо 800!

Я заявил отцу:

- Вези, а через три дня я тебе зерно верну.

Хорошо знакомый человек якобы для себя купил 25 пудов пшеницы и нелёгким путём переправил её к нам.

19

30 июня 1932 г. я случайно оказался в Окунёвском сельсовете. Раздался телефонный звонок. Дежуривший взял трубку. Вызвавший абонент ругал его за то, что в селе прекратили сев. Дежурный отвечал, что вся свободная земля засеяна.

- Корчуйте тогда лес, распахивайте и сей-те!

- Какой лес?

- А что, у вас нет колков среди полос?

- Это невозможно, и поздно уже.

В адрес возражающего летели слова:

- Оппортунист, кулацкий подпевала, прихвостень паршивого империализма!

Я не выдержал и сказал:

- Дайте мне трубку. - И спросил: - Вы серьёзно говорите или в шутку? О какой раскорчёвке леса можно говорить 30 июня? Древние славяне это делали в феврале.

- А ты знаешь, с кем разговариваешь?

- Знаю. С пошехонцем.

- А что это означает? И кто ты такой?

- Во всяком случае - не сумасшедший.

На следующий день я пешком пошёл в Юргамыш и увидел такую картину: в 50 метрах от дороги сидел на меже старик, раскинувшуюся перед ним полосу земли пахал трактор. Погода была жаркая, земля высохла, трактор её выворачивал глыбами, которые перемежались с кустами полыни. Я поздоровался и спросил:

- Дед, что Вы делаете?

- Как что? Семена хороню.

- Семена не хоронят.

- А я хороню.

Оказалось, что тракторист пашет заброшенное поле под пшеницу. Я говорю:

- Дед, да ведь она не взойдёт.

- А кто тебе сказал, что взойдёт? Приказали - вот я её и хороню.

В 1931 г. я видел: по спущенной сверху директиве нужно сеять пшеницу. Это было в конце апреля или начале мая. В это время выпал глубокий снег (до 25 сантиметров). Как быть? Два крестьянина, передвигаясь на лыжах, из лукошка разбрасывали пшеницу прямо в снег!

20

В первой декаде марта 1928 г. план хлебозаготовок всё ещё не был выполнен. Так же обстоял вопрос и в других сельских советах Юргамышского района. Для того, чтобы добиться перелома хлебозаготовительной кампании, Юргамышский райком партии решил провести совещание не только с участием уполномоченных, секретарей партийных организаций, председателей сельсоветов, но и секретарей комсомольских ячеек. Совещание было по-фронтовому коротким.

Когда оно закончилось, я заявил секретарю райкома партии Бакунину и секретарю райкома комсомола Н. Каротину о том, что гороховская ячейка в состоянии организовать «Красный обоз» с хлебом.

- Только уберите уполномоченного.

- Ты что - против представителя советской власти?

Всё же я упросил разрешить нам собрать хлеб без уполномоченного[22].

- Хорошо, - сказал секретарь райкома партии, - а знаешь ли ты, как с тобой поступят, если это дело закончится провалом?

- Знаю, меня, самое меньшее, выгонят из комсомола.

- Срок - три дня. Можешь идти.

Вечером в этот же день было проведено комсомольское собрание. На нём также присутствовали председатель сельсовета Михаил Ковязин и Варвара Самойловна Астафьева - почти единственный в то время член партии в нашем селе.

Постановили организовать хлебный обоз ко Дню Парижской Коммуны[23]. С этой целью на следующий день во всех населённых пунктах Гороховского сельсовета, насчитывающих 529 хозяйств, провели общие собрания. Но главную роль сыграли индивидуальные беседы с крестьянами.

Мне пришлось разговаривать с самыми «твердолобыми», потому что я в то время, кроме учительницы Е. К. Родиной, был единственным человеком во всём селе, имеющим среднее образование. К тому же я

каждого жителя знал лично и довольно хорошо разбирался в психологии различных групп крестьянства.

Самым оригинальным и безнадёжным из «твердолобых» был «Иисус Христос». Так называли хитрого и наиболее богатого мужика во всём селе, любившего говорить о своей бедности и ханжески повторять фразу: «Господь терпел и нам велел».

- Я же с голоду умру, - сказал он в ответ на моё предложение принять участие в хлебном обозе.

- В таком случае, - ответил я, - Господь учтёт все Ваши благородные страдания, Иван Васильевич, и, несомненно, предоставит Вашей душеньке самое лучшее место в раю. Что же касается Вашего, как Вы говорите, грешного тела, то я буду ходатайствовать перед отцом Ильёй, чтобы отвёл для его погребения самое почётное место в церковной ограде.

Он, конечно, понимал характер этой любезной иронии, но не подавал вида. И всё же после длительных разговоров о своей бедности и прочего до тошноты противного пустословия он, наконец, сдался.

- Ну, что ж, Саня, коли хлебец нужен для советской власти и дело это государственное, я от других не отстану, возик увезу, а себе с Божьей помощью куплю где-нибудь.

- Не возик, а самое меньшее семь, Иван Васильевич. Астафьев Елизар Егорович в несколько раз Вас беднее, да и то без всяких разговоров согласился сдать 25 пудов, это же сделал и Андриевских Степан Андреевич, а однолошадник Григорий Максимович Тюленёв не только сам выразил желание увезти 15 пудов зерна, а уже и завербовал несколько сдатчиков. Это же нужно сказать и о Вашем соседе Иване Абрамовиче. Неудобно же будет Вам, если они явятся сюда и будут Вас обучать уму-разуму. Я уверен, если Вы примете участие в обозе как хлебосдатчик, то никто уже из состоятельных мужиков нашего села не решится остаться в стороне от него. Одним словом, Вы везёте семь возов. И к Вам ещё одна просьба: вот список состоятельных крестьян, добейтесь того, чтобы они последовали Вашему примеру.

«Христос» что-то ещё хотел сказать, но, видя, что попал в окружение, молча взял бумагу.

Не обошлось и без конфликтов. Николай Семёнович Горохов, обладающий вспыльчивым характером, в то время, когда к нему по поводу сдачи хлеба зашёл его сосед комсомолец А. Попов, натравил на него злую цепную собаку. Но и этот нервозник тоже на третий день присоединился к обозу.

Что касается Ивана Васильевича, он действительно повёз хлеб на пяти подводах да ещё и убедил последовать за собой ряд своих собратьев.

Так 13 человек, составляющих комсомольскую ячейку села Горохово, с участием 20 - 25 активистов из трудовых крестьян разрешили нелёгкую задачу - организацию «Красного обоза».

Обоз подготовлен. Однако в ночь на 18 марта никто из гороховских комсомольцев не спал: слишком у нас были напряжены нервы, да и не до сна: в клубе проводили генеральную репетицию концерта, предназначенного для участников обоза. Смущала и погода. С вечера мечущийся ветер гнал снежные змейки по улицам села. Хмурилось и небо. Сквозь тонкие прозрачные облака еле заметными расплывчатыми огоньками просвечивали звёзды. Приближалась метель. Разошлись по домам только тогда, когда задымились трубы и из синеватой мглы начинающегося утра стал доноситься звук бадьи у колодца и скрип открываемых ворот.

Наконец, старт дан. Гармонист И. Т. Астафьев, устроившись на первой подводе под реющим на ветру красным знаменем, бойко развернул меха, и энергичная мелодия песни «Вперёд, заре навстречу» полетела над селом. Обоз двинулся.

Реющие флаги, звенящие колокольчики - всё это на фоне мглистого рассвета и ворвавшейся метели ещё ярче подчёркивало романтический характер песни. Обоз шёл, растянувшись на два с половиной километра. Он вёз 5,5 тысяч пудов хлеба государству.

Ночью шёл концерт, посвящённый Парижской Коммуне.

21

Между тем борьба в деревне приближалась к своей кульминации. Громить клубы стало уже невозможно, оставалось действовать из-за угла.

20 июля 1928 г. я должен был явиться с отчётом в райком ВЛКСМ о подготовке к занятиям в предстоящем учебном году. Около деревни Ильинка я встретил в дороге секретаря райкома Каротина. Остановив коня, он вылез из дрожек и сказал:

- Я еду по срочному делу в Таловку. Отчитываться будешь Ольге Петровне, инструктору.

Позже выяснилось, что ехал он не в Таловку, а в наше село. К его приезду Бахарев и Шурупов собрали в клубе всех комсомольцев, сюда же пригласили взрослых деревенских активистов - в общей сложности человек 50. На повестке дня стоял только один вопрос: исключение из комсомола Астафьева А. И пока я отчитывался перед райкомом, в родном селе обсуждали вопрос о моём пребывании в ВЛКСМ!

С обличительной речью выступил В. К. Бахарев. «Прокуратор» в своём выступлении говорил, что у всей комсомольской организации всего-навсего 7 лошадей, из них 3 принадлежит отцу Астафьева. У

большинства комсомольцев жилые помещения - избы и пятистенки, а у него крестовый дом. У Астафьевых не только кузница, но даже крупорушка, а мать у них, продолжал Бахарев, - настоящая вражина: Псалтирь читает, молится за спасение души, дед - церковный староста, а его сестра - даже монахиня.

- А как он себя ведёт? Надо же додуматься - уполномоченного райкома партии выгнал из Горохова, а другого посадил в сельсоветовский амбар и там держал целую ночь. Могут сказать, что при его участии был организован хлебный обоз. Совершенно верно. А как он его организовал? Втянул в это дело даже кулаков и даже такого, как Коротовских! С попом у него довольно странные отношения, даже приглашает его в клуб для чтения Библии. Здесь мы имеем, товарищи, дело с очень опасным и хитрым классовым врагом. И даже райком комсомола в этом вопросе потерял бдительность, о чём будет сообщено не только в райком партии, но и в ОГПУ товарищу Кареву.

Выступление «прокуратора» дополнил «товарищ Валерьянт» - Ефим Шурупов. Его так назвал Иван Тюленёв, потому что в выступлении он часто говорил: «Вот вам, товарищи, один валерьянт». Любимыми выражениями у него были: «контра», «раздраконю», «рассобачу», «до какой апогеи мы дошли». Несогласному с ним говорил: «Нам таких не нады».

Председательствующий Александр Попов спросил:

- Кто ещё выступать будет?

Молчание длилось несколько минут. Чтоб сдвинуть вопрос с места, вторично выступил Бахарев:

- Если на этом собрании мы не исключим этого «красного кулацкого сына» из комсомола, мы найдём другой способ, чтобы обезвредить комсомольскую организацию от его опасного влияния.

На это заявление откликнулся только М. Гоглев - секретарь сельсовета. Он обвинял меня в том, что я занимаюсь подрывом авторитета работников сельсовета и приезжающих к нам уполномоченных, одним словом, занимаюсь дискредитацией органов советской власти, а потому внёс предложение исключить Астафьева из комсомола и передать дело на него в следственные органы.

- Кто ещё хочет выступить? - спросил Попов. Снова наступило молчание.

- Товарищи, - сказал Попов, - перед нами стоит очень важный вопрос. Дело не только в том, что решается судьба нашей комсомольской организации, но и судьба всех её начинаний, а потому, прежде чем голосовать, я прошу убедительно всё обдумать. Обвинение Астафьева в кулацком происхождении - это смехотворная чепуха, а вот вопрос - кому она нужна? Товарищ Бахарев, если мы исключим Астафьева из

комсомола на основании Ваших несолидных, прямо скажу, суждений, - кулаки нам за это большое спасибо скажут. А товарищу Гоглеву прямо заявляю: никогда Вам не быть секретарём нашей комсомольской организации! Скажите, пожалуйста, на каком основании, - продолжал Попов, - Вы вторично взяли налог с 75-летнего старика и кто Вас заставил вернуть деньги по назначению? Это тот самый Астафьев - контра, как выразился товарищ Шурупов. Так кто же занимается дискредитацией советской власти? За это преступление Вас надо было исключить из комсомола и отдать под суд, а Вам дали только выговор. Можно было бы уже голосовать, но интересно было бы послушать всех, здесь собравшихся, не считаясь с тем, что собрание затянется. Кстати, я только сейчас сообразил: а почему мы обсуждаем вопрос об Астафьеве без его присутствия? Это же незаконно.

В ответ Каротин пояснил:

- Так сделано по моему указанию, чтобы все присутствующие более объективно и откровенно высказали мнение о своём секретаре. Да он бы сам, вероятно, внёс такое предложение. Так что, товарищи, будем ещё обсуждать этот вопрос или приступим к голосованию?

- Всё ясно, но я всё-таки предлагаю продолжить обсуждение Саши. Позвольте мне слово, - сказал Г. И. Тюленёв.

- Пожалуйста, Григорий Иванович.

- Товарищи комсомольцы (смех), я постарше вас, а потому о семье Ульяновых - так их нередко называют - знаю больше, чем Вы, товарищ Бахарев. Вот Вы наличие у них крупорушки считаете признаком кулацкого хозяйства, а Вам, как уполномоченному, непростительно не знать, что хозяйство становится кулацким только в том случае, если оно использует наёмный труд. Но у Астафьева Ульяна Ивановича никогда не было ни одного наёмного рабочего, и зачем они ему? В составе его семьи 6 парней, и все с детства приучены к труду. Вернусь к крупорушке. Да она сделана Ульяном Ивановичем! А что здесь такого? Она небольшая, два человека без особых усилий приводят её в действие, и все посторонние ею пользуются бесплатно. Я и сам размолол на ней два с половиной пуда зерна. Что касается «вражины» Савельевны (все засмеялись) - так что тут удивительного? У меня вот жена тоже молится. Братья Астафьевы, Саша и Фёдор, готовят трёх человек из батрацких семей для поступления в техникум. Сегодня, возвратясь из Юргамыша, Саша будет ещё проводить собрание в Кипели. Вероятно, не все присутствующие ещё знают, что он является секретарём и Кипельской комсомольской организации.

- Как он там оказался? - спросил случайно зашедший Г. С. Важенин.

- Очень просто, - ответил Иван Тюленёв, - он же хитрый: тихой сапой проник, чтобы окулачить кипельских комсомольцев! (Все захохотали). Где

же Ваша бдительность, товарищ Бахарев? В Горохово приехали исключать из комсомола, а сами, живя в Кипели, просмотрели изворотливого классового врага! (Смех).

Обычно нервный, не терпящий возражений Бахарев на этот раз настолько растерялся, что кроме фразы «Но мы ещё в другом месте разберёмся с этим» ничего другого сказать не мог.

- Ваня, - обратился Попов к Костылеву, - ты у нас отвечаешь за работу рабочкома, в обязанности которого входит защита батраков при найме, особенно в кулацкие хозяйства. Скажи: были ли у Астафьева наёмные рабочие?

- Нет.

- Вот Вы, товарищ Бахарев, возмущаетесь, что гороховский комсомольчик уполномоченного райкома партии целую ночь в сельском амбаре продержал - и это правильно. Тот напился и потребовал от работников сельсовета доставить ему бабёнку для ночных собеседований и, получив отказ, бегал по улице, гонялся за женщинами и девушками. Его потом обсуждали на заседании райкома партии. Он не мог сказать ничего в оправдание и уехал куда-то из нашего района. Мне непонятно, зачем товарищу Бахареву и товарищу Шурупову понадобилось исключать из комсомола Александра, предъявив ему совершенно ложное обвинение - кулацкое происхождение. Если у Вас с ним существуют личные разногласия, так Вы о них и говорите.

Затем слово взял его сын - Иван Тюленёв (член сельсовета).

- Я вполне согласен с отцом. С момента организации комсомольской ячейки в нашем селе прошло только полгода, а результаты налицо: работают 2 школы для взрослых, проведено несколько субботников, работает самодеятельность, пьянство и хулиганство пошло на убыль.

Тут в клуб влетела Савельевна и крикнула:

- Где он?

- Здравствуйте, тётя Анастасия! - сказал Попов. - Ваш сын в Юргамыше. Вечером вернётся. Что случилось? Почему Вы прибежали в клуб?

Выяснилось, что соседка ей сказала, будто приехало какое-то начальство судить её сына.

Мать пригласили на сцену для беседы.

- Вы знаете, кто такой кулак?

- Правый или левый? - спросила Савельевна (смех).

- Нет, я не об этом.

- Это богатый, верующий в Бога мужик.

- А Вы Литякова знаете?

- Да кто же его не знает: жадный, злее цепной собаки, всех обманывает, работников голодом морил.

- Значит, он кулак?
- А кто же ещё?
- А твой Ульян кулак?
- Не кулак, а бусурман бесстыжий.
- Это почему же?
- В Бога не верует, в церковь не ходит, курит.
- Пьёт?
- Нет.
- А крупорушка у Вас есть?
- Есть. Бусурман сделал.
- Кто ей пользуется?
- Все, кому не лень. Вчерась приезжал красиковский мужик и целый мешок зерна перемолол.
- Сколько же вы с него взяли?
- Ни копейки. Бусурман запретил.
- А в гороховскую церковь ходите?
- Нет, нет.
- Значит, тоже бусурманка?
- Типун тебе на язык. Я же не щепотница[24], я единоверка. У меня своя, ерохинская церковь, - и она осенила себя двуперстным крестным знамением.

Неуверенность в исходе собрания у его организаторов оправдалась. Савельевна завладела вниманием собравшихся и превратила собрание в сплошной хохот.

22

Вскоре после ремонта клуба комсомольцы проводили вечер, посвящённый подписке на газеты и журналы на второе полугодие 1929 г.

К 12 часам ночи вечер закончился, но молодёжь не торопилась расходиться по домам. Тогда я попросил своего соседа Ивана Тимофеевича Астафьева, как гармониста, остаться ещё часа на полтора, а сам ввиду начавшейся мигрени пошёл домой. Когда я подошёл к своему дому на опушке бора, то здесь всё находилось во власти ничем не нарушаемой тишины. Дремлющий бор, казалось, не проявлял никаких признаков жизни. Крутым берегом реки пройдя метров триста, я вернулся домой. Засветив керосиновую лампу, открыл окно, обращённое в палисадник, и, устроившись около него, начал просматривать «Комсомольскую правду». Накрапывающий дождь стал усиливаться. Теперь было отчётливо слышно, как он шелестит в листве молодого тополя.

Тут послышался какой-то дополнительный шорох в углу садика. Я, ещё не осознавая опасности, но предчувствуя что-то неприятное, закрыл

окно, задёрнул занавеску и занялся чтением. Прошло минут десять. Вдруг стекло в раме со звоном разлетелось, лампа, стоявшая на столе, упала на пол, разбилась и погасла. Что-то тяжёлое ударило меня в левый бок и пролетело к противоположной стене. Я сгоряча выскочил из дома в ограду, но, кроме шума дождя, ничего не услышал и вернулся к месту происшествия. Мать, спавшая в соседней комнате, тревожным голосом спросила:

- Что случилось?

- Я уронил и разбил лампу, - ответил я.

Только сейчас, почувствовав боль, сходил на кухню за второй лампой и, осветив комнату, увидел огромный, до двух метров, остро заточенный кол. Полотенцем обернул себя, чтобы закрыть рану, надел пиджак, пошёл к своим соседям и рассказал о случившемся Варваре Самойловне. Затем вернулся домой и лёг в постель, сказав матери, что заболел, и просил рано не будить.

К 7 часам утра весть о происшедшем разнеслась по всему селу. Одни думали, что я убит, другие - ранен. Услышав под окнами дома громкий шум, я посмотрел в окно и увидел собравшуюся толпу примерно из сорока человек. Толпа осаждала мать, требуя правды о случившемся. Некоторые из женщин даже всхлипывали. Открыв окно, я громко крикнул:

- Здравствуйте, женщины! Что это вы тут митингуете?

- Да выйди ты сюда, - сказала тётя Марья, - мы хоть убедимся, что ты жив.

- А разве я похож на покойника? - Я вышел на улицу, загнул рубаху и сказал: - Это я полотенцем перетянул себя, чтобы не растолстеть.

Все засмеялись. Александра Степановна - одна из моих соседок - сказала:

- А тебя, Саня, хоть ты и антихрист, а Бог, видно, любит и не дал злодеям погубить.

- Меня, тётя Александра, спасла оконная коробка. Кол ударился в неё, изменил направление и не воткнулся мне в бок, а прошёл между левой рукой и туловищем. В результате чего пострадала только кожа.

На второй день я узнал ещё об одном ЧП: парторганизация Кипели по инициативе Бахарева и поверившего ему секретаря этой ячейки И. И. Терехова в этот же самый вечер приняла решение об исключении меня из комсомола «за агитацию Библии и других буржуйских книг среди населения» (так написано в протоколе).

Три дня я сидел дома. На четвёртый день ушёл на Зайковскую гору. Настроение было подавленное. Даже яркий солнечный день с кучевыми облаками в сине-голубом небе и тёплый южный ветер не сразу разогнали мрак в моей душе. Хотя я взял с собой несколько книг - включиться в чтение так и не мог. Возвратившись домой, я встретил на скамейке у

наших ворот трёх комсомольцев (Попова, Ковязина и Тюленёва). Рядом с ними сидели Варвара Самойловна и Наташа Важенина - девушка, недавно прибывшая в наше село, но сразу включившаяся в комсомольские дела. Они пришли по поводу незаконного решения партийной организации об исключении меня из комсомола и собрались завтра ехать в Юргамышский райком партии и опротестовать это решение. Им хотелось сначала выслушать моё мнение по этому вопросу.

- Зачем ехать? Это решение до тех пор не будет иметь силы, пока меня не исключит из своих рядов гороховская комсомольская организация. Я же не являюсь членом партии - это одно. Второе - партийная организация не имеет права исключать из комсомола. Она правомочна только лишь в том, чтобы поставить вопрос перед Юргамышским райкомом. За полтора года меня уже четвёртый раз на основании вымышленных мотивов исключают из комсомола. Таких мотивов, как «агитация Библии и других буржуйских книг». Всё это ерунда, невежество и дикость.

Одним словом, я просил своих защитников пока не предпринимать никаких мер и держать себя так, как будто ничего не случилось.

Но когда по этому вопросу секретарь Юргамышского райкома партии Б. вызвал к себе в кабинет Ивана Евдокимова, тот не только категорически запротестовал против исключения меня из комсомола, а потребовал за эту диверсию наказать Терехова и Бахарева.

На следующий день после этого разговора в газете «Красный Курган» появилась заметка о покушении на секретаря комсомольской организации села Горохова, перепечатанная затем «Известиями»[25]. Покушение приписывалось кулакам, но потом (об этом будет рассказано) я узнал, что это не так.

Между тем Юргамышский райком партии вскоре признал решение о моём исключении несостоятельным, а Терехов за это даже получил выговор.

Статья в газете за 29 мая 1929 г. была подписана «Селькор 12/15». Кто скрывался под этим названием, я долгое время не знал.

Вскоре милиция арестовала в селе Горохово 16 человек, продержала их две недели в КПЗ[26] в Юргамыше. Я назвать фамилии предполагаемых террористов отказался. Арест был произведён по чисто формальным признакам. В числе арестованных оказался даже мой «друг» отец Илья, отец моей первой учительницы Марии Ивановны Гороховой. Говорить милиции по этому поводу что-либо было бесполезно. Нередко представители милиции появлялись в селе нетрезвыми и пьянствовали с местными собутыльниками.

По представлениям того времени считалось, что если кто-то является кулаком, то он обязательно будет врагом советской власти. Это же

шаблонное утверждение распространяется на всех членов семьи. В этом же смысле было написано в газете «Красный Курган».

23

Многие события комсомольской жизни становятся летописными преданиями. Но вместе с тем они являются определённой ступенью комсомольской истории, незабываемой страницей юношеской романтики и бескорыстной борьбы за новый общественный строй.

После покушения я стал более осмотрительным. Чтоб ускорить своё прибытие домой, я иногда преодолевал 10 - 15 километров бегом. Рассчитывать захватить меня в поле было нелегко. Мне могли только устроить засаду. Во избежание такой неприятности я в ночное время возвращался разными дорогами, а их было три. Одна из них возле озера Митькино, другая - правее Разбегаевой и третья - через Разбегаеву. Однажды меня всё же выследили, организовав засаду. На это раз ночью в воскресенье 16 сентября, пройдя деревню Разбегаеву, я стал приближаться к Одине[26]. В дороге меня захватил дождь. Чтоб не запачкать брюки, я загнул их до колен и стал подниматься на пригорок. С правой стороны, в низине, примыкавшей к реке, были огороды. В них росли высокие тополя и вётлы. Из низины, с расстояния около 50 метров, поскольку я шёл по пригорку, моя фигура, вероятно, была видна.

Вдруг раздался выстрел. Я невольно повернулся в ту сторону, откуда стреляли. Последовало ещё два залпа. Я почувствовал, что моя правая нога ранена. Припал к земле. Всё стихло, только слышался шум дождя в листве. В ботинке раненой ноги хлюпала кровь. Обойдя Одину слева, я поднялся на бугор, прошёл по плотине водоёма Вилки, минуя своё село, затем зашёл в него с другой стороны, примыкавшей к бору, на опушке которого был родительский дом. Прошло минут 15 - ни звука, ни шороха.

На вопросы матери сказал, что в темноте запнулся за бревно и напоролся на гвозди, а отцу было сказано всё, как было. Он не стал меня упрекать за ночные путешествия, а заметил: «Говори спасибо случаю, что легко отделался, могло быть хуже». К кипельскому фельдшеру И. И. Терехову я не пошёл, а обратился в Курганскую окружную больницу. Там мне ногу промыли и из ран извлекли 2 самодельные пули. Кость не была повреждена, но болела нога почти полгода. Обсудив это вопрос с отцом и Варварой Самойловной, мы пришли к решению пока никому о происшествии не говорить, чтоб оно отрицательно не сказалось на комсомольской организации. Во-вторых, мы хотели дать понять противнику, что выстрелы не произвели никакого впечатления.

Время шло. Многие события ушли в прошлое, но для меня они останутся навсегда живыми страницами. С ними связана юность, комсомол, становление моего характера.

Помню, как в феврале в сильную ночную метель в Гороховский клуб, где шла репетиция спектакля, вошла весёлая незнакомка. От неё веяло юностью, свежим ветром и подкупающей красотой. Создавалось впечатление, что она явилась к нам вместе с ночной непогодой. В руке у неё был роман Войнич «Овод». Её плечи, платок и вьющиеся волосы были запорошены лепестками зимних ромашек - хлопьями снега. Мы прервали репетицию. Вошедшая назвала себя Наташей и пояснила, что будет жить в Гороховой, а потому пришла в кружок художественной самодеятельности.

Выяснилось, что она уроженка нашего села, хотя около 16 лет ничего об этом не знала. Вскоре после её рождения умерла мать, и её из многодетной семьи отца взяли на воспитание жители деревни Гагарье Дмитрий Павлович Тельманов и его жена. Однако в 1919 г., когда ей было 7 лет, её приёмного отца, ставшего коммунистом, расстреляли колчаковские каратели. После этого приёмная мать увезла её в Донецк. До 16 лет Наташа ничего не знала о своих истинных родителях, но после окончания 8 класса ей стало известно гороховское происхождение - и она решила приехать сюда, к родственникам в гости. Большую роль в формировании её личности, конечно, сыграл город. От своих сверстниц она отличалась знаниями и культурой поведения. Быстро найдя со многими общий язык, она помогала им в самообразовании. Она пробыла в Горохово около двух лет.

Узнав, что в Куртамыше готовится спектакль по роману «Овод», мы, 7 человек, сходили пешком за 40 километров, чтобы его посмотреть. В этой семёрке была и Наташа. На обратном пути, проходя через Гагарье, зашли на кладбище, нашли могилу её приёмного отца и возложили на неё букеты из полевых цветов.

Озарённость души Наташи вдохновляла других. Это была первая девушка в нашей комсомольской ячейке. С появлением её как-то стало больше смеха, небо казалось более высоким и раздвинутым - горизонт. Она участвовала во всех комсомольских делах.

Красной нитью через всю работу комсомольской организации прошла художественная самодеятельность, выражающаяся преимущественно в постановке спектаклей и проведении концертов. Эта работа в то время, когда не было ни радио, ни телевидения, являлась наряду с лекциями основной формой приобщения жителей к культуре.

Помню: 7 июня 1928 г. мы отмечали столетие великого русского писателя Л. Н. Толстого. Наташа на этом вечере вела программу и в заключение прочитала рассказ Толстого «После бала».

Иногда летним вечером мы отправлялись полюбоваться красотой ночной природы, захватив с собой гитару. Река, бор и облака после жаркого дня находились в чарующем затишье. Метеоры, изредка озарявшие высь, ещё сильнее романтизировали красоту ночного мира. Это же ощущение придавали и далёкие полыхающие зарницы. В долине реки настойчиво скрипел коростель. Ему с вершины холма бойко отвечала перепёлка: «Не скрипи, не скрипи...» Вскоре из-за линии обнажённого горизонта величественно выплывала луна, и мир, озарённый её спокойным сиянием, представал перед нашими глазами во всей его неповторимой прелести. Мы читали стихи Есенина, Луговского, Светлова, Уткина. Наташа пела романсы.

Последний раз я её видел в конце августа 1929 г. Это был день моего отъезда в Ленинград. При выходе из села я встретил Наташу. Она шла с корзинкой грибов. Проводив меня за околицу, она свернула к реке и прежде чем скрыться в берёзовой роще ещё раз помахала мне рукой.

Такой в моей памяти осталась первая комсомолка села Горохова - Наталья Семёновна Важенина.

25

В августе 1929 г. меня вызвали в окружной потребсоюз и предложили на два года поехать в Ленинград на курсы кооператоров. Я категорически отказался, заявив, что у меня к этому нет никаких интересов и, кроме того, я ещё год должен пробыть в своём селе, а затем поехать учиться в вуз.

Окружной потребсоюз обратился за содействием к окружному комитету комсомола. Явившись туда, я объяснил, почему должен отказаться от этой командировки. Меня поддержала только одна Надежда Ивановна. Отказавшись наотрез, я уехал. Через 2 недели вызов повторился - и на этот раз я отверг командировку. Через неделю мне поставили ультиматум: или я поеду, или сдам сейчас же комсомольский билет.

- Хорошо, я поеду, но заранее говорю, что никакого кооператора из меня не выйдет.

Меня снабдили документами, деньгами, билетом и стипендией за месяц в сумме 50 рублей.

Так начинала действовать бездушная административно-бюрократическая система с её многочисленной номенклатурой. Люди творческого характера ей были не нужны.

И вот я в Ленинграде. Большинство приехавших в техникум оказались без среднего образования. Мне делать было почти нечего. Часто бродил

по городу, познавая его достопримечательности. Побывал дважды в Эрмитаже, посетил Русский музей, прошёл по коридорам Ленинградского университета, был в институте имени Герцена. День провёл в Пушкине, затем в Павловске, любуясь его естественными пейзажами.

Прошёл месяц, а обещанной стипендии нет. Стал пропускать занятия ввиду необходимости заработка. Работал грузчиком в Петропавловской крепости, ряд камер которой был превращён в картофелехранилище. 15 октября 1929 г. во время начавшегося наводнения, невзирая на опасность, пробирался через Марсово поле на Троицкий мост, возле которого стоял памятник Суворову. Ветер свистит, льёт дождь, кругом пусто. Я почти в середине разведённого моста, смотрю, как в виде гигантского дракона ворочается, пытаясь вырваться из каменных берегов, Нева. Раздался выстрел - я вздрогнул и увидел подбежавшего вооружённого матроса. Он, видимо, сначала кричал мне, но я из-за свиста ветра и гневно шипящих волн его не расслышал. Он, махая винтовкой в воздухе, стал прогонять меня с моста. В это время воды Невы ринулись на Марсово поле. Когда я поравнялся с матросом, он крикнул:

- Ты что, сумасшедший?

И я по лужам бросился бежать через Марсово поле, словно за мной гнался Медный всадник.

Прошла ещё неделя - денег нет. Курсы пришлось бросить и перейти на положение безработного.

Прошло два месяца. Денег так и не выслали. Что делать?

В это время институт народного хозяйства имени Ф. Энгельса объявил дополнительный набор студентов на первый курс. Я подал заявление, сдал экзамены и стал студентом. Вскоре меня избрали в состав комсомольского руководства института, где я исполнял две обязанности: заместителя секретаря и ответственного за сектор культмассовой работы. Затем появилась третья нагрузка - замредактора институтской газеты «Путь экономиста». Всё как будто вошло в норму, но в это время началась коллективизация и раскулачивание.

Студентов, на которых с места жительства родителей поступал материал о раскулачивании семьи, исключали из институтов и комсомола, затем отправляли на Север, в том числе на Соловки.

Комсомольский комитет в связи с этим рассматривал дело студента Снегова. Во время заседания вошла одна студентка и передала письмо от моего брата, где было сообщено, что родители раскулачены и ждут выселения, а пока живут в заброшенной бане. Сообщалось в письме и о том, что я самым бесовским образом оклеветан и превращён в жулика и злейшего врага советской власти, личная библиотека и домашний музей ликвидированы и самое страшное - «раскулачена» комсомольская

библиотека, на создание которой я затратил огромный труд. Письмо заканчивалось тем, что меня разыскивает ГПУ. Есть слухи о том, что я арестован и сослан в Соловки.

Прочитав письмо, я покинул заседание комитета, явился в общежитие, написал два письма. В одном написал, что уехал в Крым в дом отдыха, а в другом - уехал в командировку в Тбилиси на практику.

Между тем аресты студентов продолжались, а потому, подойдя к общежитию, я предварительно выяснял, нет ли милиции в вестибюле. Если нет - заходил. Если есть - уходил куда-нибудь. Однажды я ушёл в Эрмитаж. В это время кто-то обокрал нашу комнату, и я остался без пальто.

На следующий день я пошёл в военкомат на улице Белинского, чтобы встать на учёт. Подал через окошечко военный билет работнику военкомата. Тот внимательно посмотрел на документ - и заявил:

- Вы арестованы.

Оставив билет на столе, он отошёл к телефону и стал вызывать милицию. Я дотянулся рукой до своего билета, схватил его и выбежал на улицу.

26

Ночью я скрылся. Начались 270 страшных дней. У меня не было в городе знакомых. Я оказался без квартиры, тёплой одежды и денег. Первую ночь я решил провести на вокзале, не зная, что в 12 часов его закрывали и всех просили удалиться. Движение трамваев уже заканчивалось, редкие прохожие исчезали. У одного прохожего спросил:

- Где здесь ближайшая гостиница?

- По улице Белинского есть дом туристов, - и он показал, куда идти.

Когда я постучал в закрытое окошечко - из него высунулась сонная физиономия и ответила:

- Мест нет, обращайтесь в бывший монастырь близ Смольного.

Там мест тоже не было. Такая же заспанная физиономия изрекла:

- Идите в Мариинский дворец. Это около Исаакиевского собора.

Попробуй найди его в большом незнакомом городе, да ещё в такую тёмную ночь. Улицы опустели, спросить не у кого. И всё же я оказался у Исаакиевского собора, походил вокруг холодных колонн и только тут заметил здание, залитое электрическим светом. Это была Мариинка. На стук в дверь, не открывая её, человек ответил:

- Мест нет.

Я с трудом умолил его, чтобы он разрешил мне хотя бы согреться. После он выяснил, кто я и откуда, и повёл меня вниз по лестнице. Наконец он открыл дверь и сказал:

- Входите.

Это был огромный подвал со множеством заправленных кроватей. Дверь закрылась на замок, щёлкнул выключатель - и мой за́мок погрузился в непроницаемую тьму.

На другой день в половине четвёртого тот же человек меня разбудил и попросил следовать за ним на второй этаж. Я оказался в комнате с большим окном. Указав на кровать, он сказал:

- Можешь здесь находиться три-четыре дня.

Этот пожилой человек был свидетелем трёх русских революций. Учитывая моё деревенское происхождение и интерес к истории, он несколько раз рассказывал о событиях минувших времён и однажды спросил:

- Ты знаешь, что это за комната?

Разумеется, я ничего не знал.

- Здесь неоднократно бывал и выступал с речами Александр Фёдорович Керенский - председатель министров Временного правительства.

Так состоялось первое знакомство с Ленинградом.

27

Я решил ещё раз заглянуть в бухгалтерию кооперативного техникума и выяснить, не прислали ли из Кургана деньги. Бухгалтерия занимала две комнаты. В первой сидели три женщины. Двоим было лет по 30, а третьей - не более 18. Она выполняла обязанности секретаря. Одна из старших женщин была младшим бухгалтером, а другая - кассиршей. Главный бухгалтер занимал вторую комнату. Когда я заговорил с женщинами о своей стипендии, главный бухгалтер, покинув свой кабинет и подойдя ко мне, сказал:

- Молодой человек, зайди в мой кабинет и посиди минут 10, а я зайду к директору и выясню вопрос о твоей стипендии.

Бухгалтер, выйдя из комнаты своих сотрудниц, закрыл дверь на ключ. Кассирша удивлённо спросила:

- Что это значит?

- А это значит, что он ушёл не к директору, а чтобы вызвать милицию для ареста этого молодого человека. Ведь у нашего бухгалтера имеется письмо из Кургана, в котором говорится о задержании его, как только он появится у нас.

- Что будем делать? - спросила вторая из взрослых сотрудниц. Не дожидаясь ответа, младшая забежала в соседний кабинет и сказала, чтобы я немедленно скрылся и, подбежав к окну, открыла его и крикнула:

- Прыгай!

Я выскочил.

Через две недели, возвращаясь из Петропавловской крепости, на Дворцовом мосту я встретился со своей спасительницей.

- Здравствуй, герой! Рада видеть тебя. Как живёшь?

- Живу отлично, а вот куда иду - не знаю. У меня нет даже собачьей конуры. Что было, когда вернулся бухгалтер?

- Дико орал, обвинял нас в том, что не задержали жулика. «Сергей Павлович, - возражала я ему, - мы ту ни при чём». Но главное не в этом. Он говорил, что ты опасный классовый враг - сын махрового кулака, которого разыскивают органы государственной власти. «Значит, он был нужен милиции. Что я теперь скажу, когда она явится сюда? Из-за вашего головотяпства меня самого теперь заберут». - «А что он натворил?» - «Украл 800 пудов хлеба». - «Не может быть. Где он его возьмёт? Он ещё очень молод». - «Хватит молоть чепуху. Не я, а вы будете отвечать перед милицией!»

- Что же дальше?

- Вваливается в нашу комнату трое вооружённых с двумя овчарками, матерятся и, назвав нашего бухгалтера дураком, уходят. Он долго не мог прийти в себя после такого конфуза. Через неделю уволился. У нас его многие ненавидели, хотя открыто это не проявляли. Говорят, что он донёс на одного из сотрудников, которого арестовали. - И она опять спросила: - Так ты куда всё-таки идёшь?

- Не знаю. Если бы я был в сельской местности, то переночевал бы где-нибудь в стогу соломы. Я пытался спать в подъездах, но оттуда меня выгоняли, грозили вниз головой сбросить с лестницы или сдать в милицию.

- Я забыла, как тебя звать.

- Василий Нечаев.

- Значит, Вася. А почему в бухгалтерии другое имя? А, поняла, поняла. Так вот что, Василий, идти тебе некуда - пойдешь со мной.

- Как это «со мной»?

- Очень просто. У меня, кроме мамы, никого нет.

- А как к этому отнесётся мама?

- Думаю, что положительно.

- А где твой отец?

- Он четыре года назад бросил нас и с одной кралей уехал на Север.

- Он тебе помогает?

- Пытался, но я отказалась, несмотря на то, что работаю одна и получаю мизерную зарплату. Мама ввиду болезни сердца ушла с работы. Она швея и немного зарабатывает на дому.

- Да, пожалуй, у тебя положение не лучше моего, хотя не грозит арест. Послушай, я встречаюсь с тобой уже второй раз и не знаю имени.

- Мама меня зовёт Наташей. Да что мы стоим здесь? Идём-идём.

- В роли кого же я буду жить в вашей квартире?

- Квартиранта. Я соседям скажу, что ты являешься двоюродным братом . У нас одна большая и две маленьких комнаты. В одной их них живёт мама, а другую займешь ты. А невеста у тебя есть?

- Предполагалась, да вышла замуж за другого.

- Но ты её, по-видимому, забыть не можешь.

- Главное не во мне. Она больше себе навредила. Избранник её оказался пошляком и пьяницей.

- А ты не пытаешься с ней наладить отношения?

- Их уже не наладить. Можно реставрировать картину, а сердце нет. Хорошо бы, Наташа, тебе закончить какой-нибудь техникум.

- Этим вопросом занималась жена директора нашего техникума. Она преподаватель бухгалтерского дела. У нас нет заочного отделения. Но директор уже договорился с преподавателем, чтобы мне помогли.

- Вот и прекрасно. Я тоже кое в чём тебе помогу, например, в математике, политэкономии. В школе по этим предметам у меня были отличные оценки и около двух лет я занимался самообразованием по книге «Народный университет на дому».

- У меня есть ещё одна задача: не знаю, что делать с бабушкой.

- Где она живёт?

- Недалеко от города Боброва, в деревне у своей дочери - сестры моей матери. Там ей оставаться невозможно. Дело в том, что мужа моей тёти Нины Васильевны в 1928 г. обложили хлебным налогом, который он выполнить не смог. Его арестовали, последний хлеб, и продовольственный и семенной, конфисковали, корову и двух лошадей забрали, самого посадили в тюрьму, где он через полгода умер. У его жены осталось четверо детей, да ещё моя бабушка. Я уже думала привезти её сюда, да работу бросить нельзя.

- Так это я могу сделать. А где бы мне работу найти?

- У моей мамы в Ленинграде есть родственник, который хорошо к ней относится. Он заведует крупным овощехранилищем, принадлежащим Ленинградскому потребсоюзу. Он говорил, что ему нужны два-три дополнительных грузчика.

Наташа явилась для меня великолепной находкой. В такой тяжёлой обстановке она сохранила светлый ум и открытую чистую душу. Она была искренняя, естественная и никогда не теряла юмора. Драматические обстоятельства жизни она словно не замечала. Её внешняя красота подчёркивалась красотой её поступков, отношением к жизни и людям.

Мы сели в трамвай и ехали минут 15, а затем около километра шли пешком. Дом её оказался на самой окраине города. Он был построен её отцом, имел огород не менее 10 соток. Часть огорода была занята

смородиной и малиной, остальная часть использовалась под овощи. Огородными делами занималась Наташа... Осмотрев её плантацию, я сказал, что кое-что смыслю, занимался подобным хозяйством с 6 - 7 лет, так что могу помочь, разумеется, под её руководством. Наташа искоса посмотрела на меня, стараясь понять, серьёзно я говорю или нет, затем засмеялась и сказала:

- Теперь ещё рано об этом говорить, а с наступлением весны увидим. Ты будешь управляющим.

Выходя из огорода, она мне показала рукой на небольшую дверь, ведущую в подполье дома.

- А это зачем?

- Как зачем? Хранить овощи. А может, запасной ход понадобится, тем более что тут вплотную растут кусты смородины.

- Понял, понял. Учту.

Я попросил её по-прежнему называть меня Васей, запомнить моё отчество - Григорьевич и фамилию - Нечаев. А также считать меня не сумевшим поступить в вуз. Итак, Вася Нечаев.

Через 2 дня, как и обещала Наташа, я стал грузчиком в хозяйстве её родственника. Через 2 недели я привёз её бабушку с двумя внучками. Одна из них была тоже Наташа, другая - Надя. Одну из маленьких комнат отвели детям, Наташа перешла в комнату матери, а я, сделав полати, занял это поднебесье. В сравнении с моими квартирами на пригородных станциях и в подъездах, откуда меня гнали, как беспризорного пса, теперь я был, как в раю. Надолго ли? С согласия матери Наташи, но втайне от неё самой я написал её отцу письмо, дипломатически сообщив, что в связи с приездом бабушки и её двух внучек в Ленинград положение Наташи настолько трудное, что она вынуждена была взять меня в качестве квартиранта. Недели через 3 по почте пришёл перевод на 200 рублей. Когда ей принесли извещение, она нахмурилась и спросила:

- Это твоя работа?

- Моя, но я ничего у него не просил, а только сообщил, что живу в его бывшем доме в качестве квартиранта и что сюда же приехала из-под Боброва бабушка с двумя внучками.

Наташа засмеялась:

- Ты, оказывается, ещё и дипломат.

28

Вскоре и над Наташей нависла угроза ареста: её обвиняли в организации моего побега. Оставаться в её доме была опасно для нас обоих.

Получив повестку с требованием срочно явиться в ОГПУ, она со слезами бросилась ко мне и сказала:

- Теперь давай на всякий случай распрощаемся.

Мы дали друг другу слово: что бы с нами не случилось - сохранить добрую память.

- Я тебя провожу до квартиры и уйду, - сказал я.

Это была наша последняя с ней встреча, и, как назло, оказалась несносная погода. Над Балтикой висело чёрное небо. Шёл влажный снег, по-собачьему выли провода. В душу вцепилось отчаяние.

Мы условились, что завтра Наташа, если её не арестуют, оставит записку под камнем на Марсовом поле, и так мы будем переписываться.

Было отчего потерять голову. История с Наташей надолго выбила меня из колеи. Я почувствовал страшную опустошённость, стал безразлично относиться к угрожающей опасности, не видел смысла жизни, бродил, как несчастный Евгений из «Медного всадника» после страшного наводнения. Боялся я лишь одного: потерять рассудок. Даже возможность моего ареста казалась мне пустяковой в сравнении с возможной трагедией Наташи.

Трамваи уже не ходили. Я с трудом добрался до места моей работы. Сторож, находясь в теплушке, был удивлён моему приходу. Я всю ночь пролежал с открытыми глазами и на рассвете попросил сказать директору, что я, вероятно, дня два из-за болезни не явлюсь на работу. В 6 часов явился к беседке на Марсовом поле и под камнем на бумажке прочёл: «Нет». Так повторялось несколько дней, а затем никаких ответов не стало. Значит, что-то случилось.

На следующий день я рискнул зайти в техникум с надеждой узнать хоть что-то. В коридоре я встретился с кассиршей.

- Ты с ума сошёл, - сказала она мне шёпотом, - Наташа арестована, сейчас находится в кабинете директора. Его тоже привели сюда. Там три сотрудника ОГПУ разбирают директорские дела. Немедленно уходи, пока тебя кто-нибудь не заметил.

Я вернулся на место работы и сообщил заведующему о случившемся. Он попросил меня больше на работу не являться.

- А Вы помогите чем-нибудь матери Наташи, девчонкам и бабушке.

- Постараюсь.

- И ещё одна просьба: я попрошу отца Наташи выслать переводом деньги на Ваш адрес по месту работы. Если он это сделает - передайте Наташиной матери.

- Хорошо, только пусть это останется между нами.

- Разумеется.

Через месяц я решил съездить в тот край города, где жила Наташа. С этой целью я зашёл в дом к Марье Никитичне, находящейся в хороших отношениях с мамой Наташи. Она рассказала, что Наташа всё ещё под арестом, а её мама через 3 недели после ареста умерла. Хорошо, что

ещё её бывший муж перевёл к этому времени 250 рублей, а то бы и хоронить не на что было. На мой вопрос, где бабушка с девочками, она сообщила, что их увёз обратно новый муж сестры Наташиной матери.

Заброшенный судьбой в опасный океан бурь и несчастий, я бессильно старался выкарабкаться на какой-либо берег и не забывал думать о судьбе Наташи.

В мае 1930 г. я вновь посетил Марью Никитичну. Вот что она мне рассказала: «После нескольких месяцев тюремного заключения Наташу освободили. Вскоре от её отца пришло письмо с сообщением, что он со своей кралей расстался, признаёт себя виновным и просит её поскорее приехать к нему. Наташа продала свой дом и уехала. Где она сейчас - никто не знает, так как отец собирался сменить местожительство».

29

Несмотря на отсутствие постоянного пристанища, безденежье и угрозу ареста, я до весны ещё посещал лекции в институте, стараясь появляться в аудитории незамеченным[28]. Там же, в институте, в марте 1930 г. мне довелось увидеть В. В. Маяковского.

1 февраля 1930 г. в Москве была открыта его выставка «30 лет работы». Затем её решили показать в Ленинграде. В связи с этим сюда прибыл и сам Маяковский. Открытие выставки состоялось в Доме печати на Фонтанке. Маяковский не только участвовал в её подготовке, но ещё и выступал с чтением своих произведений. 4 марта он с этой целью был в университете и педагогическом институте имени Герцена, а на следующий день на открытии выставки читал свою поэму «Во весь голос». Последнее его выступление в Ленинграде состоялось 6 марта в институте народного хозяйства имени Ф. Энгельса (улица Марата, 27).

Хорошо помню, что в начале марта в Прибалтике установилась ясная, солнечная погода... Любуясь весенним городом, я сначала часа два бродил по Невскому, а затем решил зайти в свой институт. Меня поразило необычайное скопление людей в коридоре, ведущем в лекционный зал института. Узнав, что там читает стихи Маяковский, я решил во что бы то ни стало попасть на его выступление. Эта задача оказалась не из лёгких. Коридор у дверей зала был до отказа забит людьми. Тогда я поднялся на следующий этаж и стал пробираться на большой балкон того зала, со сцены которого доносился голос поэта.

Хотя я до тех пор не видел Маяковского, но всё равно бы узнал его, если бы даже предварительно мне не была названа его фамилия. Он стоял на сцене и энергично читал шестую главу из поэмы «Хорошо», воспроизводящую штурм Зимнего. С тех пор прошло много лет, а слова «Которые тут временные, слазь! Кончилось ваше время» я, мне кажется, всё ещё слышу так, как они были произнесены поэтом.

Несмотря на огромное скопление слушателей, в зале и на балконе стояла заворожённая тишина. Внешний облик поэта, его могучий голос, богатая дикция, огромный размах мыслей, темпераментность - всё это органически отливалось в монументальную художественную бронзу.

Затем он прочитал «Стихи о советском паспорте» и «Во весь голос». Итог тот же - бурные аплодисменты.

На этом, видимо, программа выступления заканчивалась, но по настойчивой просьбе слушателей Маяковский решил прочитать ещё несколько произведений. Прежде чем это сделать, он снял с себя пиджак и повесил его на спинку стула. На сцене держался свободно, как будто находился не перед публикой, а в домашних условиях. Не было у него никакого конферансье. Он сам объявлял название стихотворения и тут же без всяких предисловий начинал его декламировать. Так он прочёл дополнительно «Шесть монахинь», «Подлиза», «Ответ любимой Молчанова», «Тамара и Демон».

Когда закончил читать, между ним и одним студентом произошёл разговор.

- Владимир Владимирович, - обратился к нему студент, - когда я читаю Ваши стихи - получается скверно, когда Вы - превосходно. Почему это?

- Очень просто: читать не умеете, - ответил Маяковский.

И он показал, что мало знать буквы, чтобы читать и писать. Он обратил внимание на лозунг, висящий на стене зала:

- Разве так пишут?

Лозунг призывал выполнить пятилетку в четыре года, но написан был неаккуратно, сформулирован нечётко, не обладая необходимой краткостью.

- Совершенно верно, - согласился студент и тут же спросил: - А как бы Вы его сформулировали?

Маяковский экспромтом произнёс:

- Хотя бы так:

Пятилетку полным ходом
Выполним в четыре года!

Зал на это ответил аплодисментами.

Наконец, не вытерпел и я:

- Владимир Владимирович, на Ваше выступление я опоздал и многих прочитанных Вами стихов не услышал. Прочитайте, если можно, ещё «Юбилейное».

Он взглянул на часы, отставил стул в сторону и сразу же начал:

Александр Сергеевич,
разрешите представиться...

Задушевный разговор с Пушкиным, критика пушкинистов, не понимающих поэта, и, наконец, «ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь» - всё это не только с предельной чёткостью отработано в стихотворении, но и с исключительной выразительностью было передано им как декламатором.

Опасаясь опоздать на московский поезд, который отходил в десять часов тридцать минут вечера, Маяковский быстро сбежал по лестнице в зрительный зал и скрылся за выходной дверью.

Разве могла мне прийти в голову мысль, что это было одно из последних его выступлений! 15 апреля стояла такая же солнечная погода. Я возвращался из книжного магазина, где только что купил сборник его стихов. Вдруг в одной витрине на странице развёрнутой газеты я увидел портрет Маяковского. Каково же было моё потрясение, когда я прочитал сообщение о его трагической гибели! Я подошёл к витрине и, невзирая на неоправданность своего поступка, взял газету, развернул её во весь размах и, не обращая внимания на неодобрительные взгляды встречных, шёл таким образом по улице и с напряжённым вниманием читал сообщение о смерти поэта и его посмертное письмо. Оно настолько прочно закрепилось в моей памяти, что я с тех пор помню его наизусть.

Выступление в институте народного хозяйства и трагедия, происшедшая в Москве 14 апреля 1930 года, никак не совмещались в моём сознании. Эта смерть и сейчас кажется мне нелогичной.

Несколько дней я ходил удручённым, не выпуская из рук сборник его стихов. Если раньше я знал наизусть не более трёх-четырёх его произведений, то теперь выучил до трёх десятков. Событие 14 апреля 1930 года возбудило во мне острый интерес к жизни поэта и его творчеству. Его стихи для меня и для многих людей моего поколения стали революционным манифестом советской поэзии[29].

Глава 3
ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Вечер осенний,
багровый закат,
Ветер порывистый,
резкий.
Кто он?
Почти сумасшедший взгляд.
Молча выходит
на Невский.
Знаю, нигде не бывало
чудес,
Нет и в эту эпоху.
И всё ж не Христос ли
спустился с небес?
Не вновь ли идёт
на Голгофу?
Вечер осенний,
в небо, как лёд,
Ветер порывистый, резкий.
Это из мёртвого дома идёт
Снятый с креста
Достоевский.

Дача княжны Юсуповой

1

Однажды я бродил по великолепным и унылым осенним пригородным улицам Ленинграда. Забрёл в закусочную. Ко мне подсела интеллигентная молодая женщина. Перекинувшись несколькими словами, она как бы невзначай спросила:

- Вы не хотите поработать в организации, в которой я занимаю не последнее место? Могу предложить и жильё. Зовите меня леди Марианна.

Так я попал в особняк в бору недалеко от Финского залива. Вокруг глухой забор, а в доме два волкодава.

- Этот дом принадлежит княжне Юсуповой, - сказала леди Марианна.

Войдя внутрь, Марианна закрыла входную дверь на ключ, пригласила пройти в комнату, на стенах которой висели портреты Шаляпина и Есенина.

- Сэр, Вам придётся три ночи спать в одной комнате с нашими прелестными друзьями. Я имею в виду Борю и Витю. Только помните, что они не любят дурных запахов и мужицкого храпа, так что будьте добры не крутиться с боку на бок, дышите нормально, не сопите носом.

Во избежание неприятностей сбросьте с себя лохмотья, сходите в ванную, вымойтесь и переоденьтесь. Одежду даст княжна Юсупова.

Княжна, молодая девушка, действительно выдала мне одежду.

Когда я переоделся, Марианна открыла мне ещё одну дверь, ранее мной не замеченную. Перед моим взором оказалась какая-то старуха в монашеской одежде. Перед ней на столе лежала открытая Библия, на противоположной стене был изображён в человеческий рост распятый Иисус Христос. Старуха, не повернув головы в нашу сторону, молча держала в руке лéстовку.

Когда мы вернулись в прежнюю комнату с портретами Шаляпина и Есенина, Марианна пояснила, что эта святая была когда-то настоятельницей монастыря на Афоне, потом ушла из монастыря, стала нищенкой. Из жалости Марианна привезла её на эту дачу, вскоре старуха сошла с ума и стала считать себя боярыней Морозовой.

Затем Марианна пригласила меня в приготовленную спальню. С правой стороны кровати на одеяле и подушке лежал цербер Витя, а с левой стороны - цербер Боря. Я лёг между ними, причём мои соседи даже головы не повернули в мою сторону.

- Спокойной ночи, принц Датский, - сказала Марианна и закрыла на замок дверь. Я до утра не сомкнул глаз.

Наконец, двери открылись.

- А теперь я познакомлю Вас, принц Датский, ещё с одной знаменитостью нашей дачи, - улыбаясь, сообщила Марианна и крикнула:
- Филипп Петрович!

К нам подбежал белокурый пудель, который до этого времени не подавал признаков жизни.

- Это цирковой артист мирового класса. Если рассказывать о его родословной - потребуется много времени, но она не менее богата событиями, чем биография Дюма или Бальзака. Скажу одно, что его предки были украшением придворного мира Людовика XV.

Сказав это, Марианна взяла гитару, и под её аккомпанемент Филипп Петрович стал выделывать различные трюки: он плясал, делал невероятные прыжки, ползал по-пластунски, в позе рыбака «ловил рыбу», раскланивался перед дамой, дирижировал лапами, «произносил адвокатские речи», объяснялся в любви, указывая лапой на сердце. В общем, он был настоящим маэстро-виртуозом. Затем он раскланялся перед зрителями.

- Превосходно? - спросила Марианна.

- Превосходно, - подтвердил я.

Так состоялось моё знакомство с обитателями дачи.

Во вторую ночь, находясь со своими коллегами - церберами Витей и Борей, - я уже вёл себя более спокойно, но, постоянно просыпаясь,

думал: что же меня ждёт в этом страшном и непонятном доме? Сопоставляя и анализируя разные факты, я понял, что пойман в волчий капкан, но зачем?

Для меня стало ясно, что псы здесь содержались не только для охраны этой дачи, но и для нагнетания страха тем «датским принцам», которые по своей глупости попадали сюда. Я понял, что леди Марианна умна, образованна, очень хитра, хорошо знает человеческие слабости, беспощадная авантюристка. Мне стало ясно, что княжна Юсупова попала сюда аналогичным образом. Она жертва, а не хозяйка этой преступной дачи, нужная Марианне, как подчинённое ей лицо. В соответствии с этим я стал искать ответ на вопросы: 1) кто Марианна? и 2) зачем я ей?

Я понял, что при малейшей неосторожности я буду отравлен или разорван псами.

2

Прошло уже несколько дней, а положение моё оставалось прежним. Значит, Марианна изучает меня.

Однажды я обратился к ней с вопросом:

- Леди Марианна, скоро ли Вы выпустите меня из Вашей прелестной дачи? Я не ленинградец, и мне пора собираться домой!

- Милый принц, я сделаю это хоть сейчас, если Вы рассчитаетесь за одежду, обувь и обслуживание.

- Отдайте мне моё барахло и отпустите.

- Принц, княжна Юсупова по санитарным соображениям его сожгла. Поэтому наберитесь терпения и уважения к этой даче, и всё устроится, как надо.

- Сколько же времени нужно ждать?

- Это зависит не от меня, в от Вашего благоразумия. Леди умеет быть щедрой. Чтоб зря не скучать - воспользуйтесь нашей библиотекой. В ней найдётся описание жизни не только великих художников, композиторов, писателей и поэтов, но и знаменитых авантюристов - людей, как правило, умных, без которых жизнь во многом была бы более серой и однообразной. Не так ли, дорогой принц? И зачем Вам, дорогому принцу, уходить отсюда? Вы здесь сыты, одеты, живёте как почётный гость. На улице холодно, туман, дождь, ветер, а здесь тепло и уютно, главное - безопасно. Я отпущу Вас - а там где-нибудь Вас схватят мильтоны как бродягу-бездельника, отправят, это ещё хорошо, если в какую-нибудь коммуну бывших беспризорников, а если на Колгуевы острова в шахты копать руду? Тогда что?

- Ну, в таком случае скажите - зачем я Вам?

- Я же сказала: наберитесь терпения, не сразу же Москва строилась.

- Согласен. Убедили.

- Вот и отлично.

3

Но самым страшным существом этой дачи был высокого роста горбун с лицом, обезображенным шрамами и морщинами. Он походил на гориллу. Его сухие руки с длинными искалеченными пальцами свисали ниже колен. За всё время моего пребывания в этом обиталище я не слышал от него ни одного звука. Он ни разу не вышел из комнаты, в которой жил вместе с тремя псами. У него даже не было отдельной постели - и он спал вместе с каким-нибудь из этих псов. Марианна называла его Князем Тьмы. Трудно представить, что это чудище когда-то было человеком. Превращённый в глухонемого, лишённый памяти и рассудка, он знал только одно - кормить сырым мясом собак. Марианна утверждала, что она из жалости подобрала его на одном из ташкентских базаров и привезла сюда. Кто он и откуда - Марианна не говорила, а княжна Юсупова не знала: когда Марианна привезла её на дачу, он уже был таким. Марианны он неосознанно боялся и по движениям её рук понимал её требования.

В комнате псов в пол был вмонтирован лоток, одним концом уходящий наружу. Псы были приучены пользоваться этим туалетом.

«Князь Тьмы» никогда не умывался, не причёсывался и во всех отношениях представлял образец, возникший в результате самого страшного издевательства над человеческой личностью. Не мог же он таким попасть сюда! Марианна или какой другой «специалист» довёл его до такого состояния? Я понял, что он нужен был не только для кормления псов, но, как «боярыня Морозова», для демонстрации попавшимся «принцам» того, что будет с ними, если они не будут подчиняться требованиям. Однажды я спросил синьору Марианну:

- Если Вы его держите из жалости, то почему он содержится вместе с псами?

- Он сам лично избрал это место для жительства и обязанности ухаживать за ними. Я предлагала ему занять одну из комнат, но он отверг моё предложение. Так что же мне было делать, выбрасывать его на улицу? Он тогда ещё был в уме и владел речью. А что же я сейчас могу с ним делать?

- Если он был в уме и владел речью, то почему же он стал таким?

- Дорогой принц, Вы забываетесь, кто Вы такой и в каком месте находитесь. Может быть, Вы хотите занять место этого Князя Тьмы и воспользоваться его должностью? Что ж, если будете задавать подобные вопросы - я удовлетворю Ваше желание.

Я переключился на другую тему.

- Вот так лучше, дорогой принц. Вижу, что Вы сообразительный субъект и не будете больше ущемлять моё самолюбие. Я щедра и поэтому прощаю Вам эту непозволительную дерзость. Дорогой принц, а кто Вам нравится из наших поэтов, кроме Пушкина и Лермонтова?

- Александр Блок - наш второй Пушкин, самый честный и неподкупный среди своих сверстников.

- Вы не будете, естественно, возражать, если я Вам подарю сборник избранных его стихов? - она, не дождавшись ответа, вошла в комнату княжны и взяла с книжной полки названную книгу.

- Спасибо, синьора Марианна, за подарок. Если хотите - я даже на память могу прочесть Вам блоковскую «Незнакомку».

Она слушала внимательно, ответила аплодисментами и даже позвала княжну и сказала ей:

- Кажется, мы многое потеряли, не начав раньше разговор с нашим дорогим принцем о культуре. Оказывается, он большой знаток классической поэзии.

Наконец, Марианна поблагодарила меня за великолепную беседу, пожелала спокойной ночи и ушла в свою комнату.

4

Неопределённость моего положения настолько угнетала меня, что я готов был пойти на любой риск, чтобы только вырваться из этой ловушки.

Княжна со мной почти не разговаривала, уходила в одну из комнат и молчала. Однажды я услышал её рыдания, постучал и, не получив ответа, вошёл и застал её в слезах.

- Княжна, что с Вами?

Ответа не было. Через минуту она посмотрела на меня измученным взглядом, с отчаянием в глазах, и еле слышным голосом сказала:

- Принц, я умираю.

- Да нет же, нет, - заговорил я. - Вы будете жить!

И принёс ей воды.

В это время старуха громко постучала в двери своей комнаты и попросила, чтобы я пригласил к ней княжну. Причём никаких признаков безумия у старухи в это время не было.

«Боярыня Морозова» попросила сесть и сказала:

- Я здесь уже более семи лет сижу под видом «боярыни Морозовой». Временами я и в самом деле схожу с ума, вижу дьявола, кричу и оказываюсь в обморочном состоянии. Это происходит оттого, что меня гнетёт эта жуткая тюрьма, из которой нет выхода, и, кроме того, синьора Марианна давала мне какие-то таблетки от кашля, от которых мне становилось дурно, и я не раз теряла сознание. В моменты просветления меня вновь охватывал ужас. И так прошло более семи лет. Я чувствую,

что смерть моя не за горами - она для меня единственный выход. Сегодня, может быть, моё последнее просветление. Слушайте же, что я вам скажу: убегайте отсюда как можно быстрее, иначе вас ждёт гибель.

- Как? - спросил я.

- Я вам открою один секрет, которого не знает эта с дьявольской душой женщина. В угловой комнате, где находится портрет Шаляпина, под полом в стене у самой земли есть тайный выход, закрытый металлическим люком. Он замаскирован кучей битого кирпича. Отбросайте его в сторону, откройте этот люк и немедленно уходите. Силы мои кончаются. Кто я такая и как сюда попала - уже рассказывать вам не могу.

Она упала и умерла. Её глаза остались открытыми. Казалось, с горьким упрёком смотрели они на этот страшный мир, жертвой которого она была. Поражённая этим событием, княжна убежала в свою комнату и так там голосила, что я тоже был на грани истерики.

Вскоре явилась Марианна. После сообщения о случившемся она вошла в комнату «боярыни Морозовой», которая окоченевшим глазами смотрела ей в лицо. Марианна выскочила в коридор и минут десять взад и вперёд ходила по нему. Затем, придя в себя, сказала:

- Завтра утром я поеду в похоронное бюро, а Вы, княжна и принц, приготовьте усопшую к захоронению.

И она принесла две кофты, красивое платье, чулки, мягкие туфли и покрывало. Утром она уехала, сказав, что через 5 - 6 часов вернётся. Мы с княжной переодели усопшую и перенесли её на два составленных вместе стола, с трудом расправив подогнутые ноги. Сложив по-христиански руки усопшей, оставили её перед взором распятого Христа.

Затем я залез в подполье, отбросил в сторону битый кирпич, с трудом открыл люк. Хорошо подогнанные друг к другу кирпичи за люком не были скреплены. Ногами я выдавил их наружу, вылез через образовавшуюся дыру из подполья и увидел, что кирпичи были замазаны известью и окрашены под общий фон коричневой краской.

5

Через два часа мы с княжной были в десяти километрах от этого страшного места. Не знаю, какое впечатление произвёл наш побег, как была похоронена «боярыня Морозова».Передо мной стоял вопрос, где устроить княжну хотя бы дней на десять. Я вспомнил Тамару Васильевну Левицкую, с которой учился два месяца в кооперативном техникуме. Поскольку другого места у меня не было, мы явились к ней. Жила она недалеко от Казанского собора.

Несмотря на то, что она имела одну комнату и у неё не было второй кровати, она оставила княжну у себя при условии, что я буду приносить

продукты. У противоположной от кровати стены поставили два чемодана, на них постелили матрас, положили подушку и одеяло.

Потрясённая пережитым, княжна - на самом деле простая одесская девушка Валя Харитонова - заболела, ночами бредила и кое-как пришла в себя только в конце второй недели. Как быть дальше? Домой, в Одессу, ехать нельзя. Мать у неё умерла. Отец вторично женился. Мачеха невзлюбила свою падчерицу. Вале после окончания 9-го класса пришлось уйти в общежитие и работать в швейной мастерской. В таком положении леди Марианна, оказавшись в Одессе, встретила её на рыночной площади и, пообещав ей кисельные берега и молочные реки, увезла её в Ленинград.

К счастью, у Вали в Казани жила тётя - сестра её матери. Значит, к ней. Заняв у Тамары Васильевны деньги на билеты, мы прибыли в Казань. Тётя оказалась доброй женщиной, взяла Валю к себе, мне вручила деньги на обратную дорогу.

Так княжна Юсупова снова стала Валей Харитоновой.

Распрощавшись, я снова возвращался в Ленинград, где у меня по-прежнему не было ничего. Вновь поиск случайной работы, квартиры, булки хлеба. И всё тот же завьюженный город.

6

В Казани «княжна» раскрыла мне и ту часть тайны, над которой я мучительно ломал голову. «Дача княжны Юсуповой» являлась предварительной разведывательной школой, проверявшей на пригодность попавшего сюда «принца» стать филером, доносчиком. Опытная Марианна сначала неделю-другую приглядывалась к жертве, изучала её поведение, воздействовала на психику собаками-волкодавами, сумасшествием «боярыни Морозовой», всей обстановкой пыталась убить в подопытном личность, дать понять, что отсюда нет выхода. В то же время, чтоб не превратить «принца» в идиота, развлекала баснями о Шаляпине, Рахманинове и Сергее Есенине. Если попавший сюда «принц» не поддавался её воздействию, она говорила: « Дорогой принц, я убедилась, что Вы не хотите оставаться в чудесной даче княжны Юсуповой. Что ж, пусть будет по-Вашему. Завтра вечером я с грустью расстанусь с Вами. Прошу извинить меня за то, что я не всегда была с Вами вежлива и, чтоб у Вас осталось всё же доброе воспоминание об этой даче, я перед отъездом проведу прощальный вечер, который будет сопровождаться лучшими угощениями нашей кухни. Об этом уже оповещена княжна Юсупова». Обычно на таких прощальных вечерах Марианна смеялась, пела романсы под аккомпанемент своей гитары, шутила, рассказывала эпизоды из жизни знаменитостей. Вечер завершал Филипп Петрович.

Затем Марианна брала с собой волкодавов, ссылаясь на небезопасность дороги, и, закрыв дачу на замки, уходила сопровождать счастливчика. Всё просто, и свидетелей нет.

Того же, кто соглашался стать иудой, она отвозила в город в специальное учреждение, где его устраивали на работу.

7

По возвращении в Ленинград я зашёл на квартиру к Тамаре Левицкой. Она спросила:

- Что это была за девушка?

Я ей в общих чертах рассказал эту тайну, взяв обет молчания. Она схватилась за голову и повторяла:

- Какой ужас!

А через несколько минут сообщила, что месяц назад была в Сестрорецке у сестры, и та рассказала, что недалеко от Финского залива в бору обнаружен труп женщины лет 25 - 27.

- Не твоя ли это Марианна? - спросила Тамара.

- Марианна - результат жестокости нравов и, естественно, рано или поздно должна была от неё же и погибнуть. Если убитая и не она, то всё равно Марианна неизбежно окажется в числе уничтоженных.

Тамаре Левицкой

1

Снежинки падали,
ложились мне на плечи,
Блестя в лучах электрофонарей.
Я шёл к тебе,
искал с тобой лишь встречи,
Стоял, волнуясь, у твоих дверей.

И вот камин. И зеркало большое.
И ты опять садишься за рояль.
Темнеет море, небо грозовое -
Всё предвещает мне девятый вал.

Но час, другой. Смолкал к полночи Невский.
Свисала мгла над снежною рекой.
Я уходил, но вал в грозовом блеске
И в свете молний следовал за мной.

2

Давно ты Балтику забыла,
Где у Невы под говор волн

Меня судьба к тебе прибила,
Как бурей выброшенный чёлн.

Остыли чувства, стёрлись лица.
Взошла заря другого дня.
Но иногда Нева мне снится
Под тусклым светом фонаря.

И если луч весны заглянет
Мне в душу - в тёмное окно,
Мне жаль тебя, Тамара, станет
И на залив меня потянет,
Где нет тебя давным-давно.

Подземный мир

1

И вот я ушёл в подземный мир огромного города - колыбели социалистической революции. У меня ни денег, ни работы, ни одежды, ни квартиры. В городе введена карточная система на хлеб и все остальные продукты питания. Обувь и одежду можно приобрести по ордерам, выдаваемым профкомитетами[1]. Значит, наступил мой апокалипсис. Ещё в общежитии мои вещи, в том числе пальто, украли. Каждый день гнетущие проблемы: что есть, где ночевать или хотя бы на 2 - 3 часа скрыться от холода, а главное - не заболеть и не сойти с ума. Порой отчаяние хватало меня за горло.

Моя социальная трагедия была частицей трагедии века, крушения светлых идеалов передовой части человечества.

Вокзалы, пригородные станции, водосточные трубы, пустые финские домики, Петропавловская крепость, часть помещений которой была превращена в картофелехранилище. Там я работал грузчиком, таская пятипудовые мешки, и там же, с разрешения администрации, оставался ночевать, вместо постели используя мешки. По случайно оказавшимся у меня документам я значился сыном крестьянина из деревни Берёзовки Куртамышского района, Курганского округа, Уральской области Василием Григорьевичем Нечаевым. Своё положение объяснял тем, что приехал в Ленинград, не поступил в вуз, денег нет на обратную дорогу. Я был подобен одинокому парусу, попавшему в океан яростных бурь. Всё теперь зависело от каприза Фортуны с завязанными глазами[2]. И всё же не нужно было убивать в себе надежд на возможность уцелеть в этом одичавшем мире, переполненном предателями, доносчиками и всякого рода другими дегенератами.

Опять бесцельные поездки в трамваях и ночи на пригородных вокзалах. Холодные ветры Балтики, блоковские метели и густая ночная мгла.

Однажды в трамвае на меня обратил внимание мужчина лет 45. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

- Вы что-то по-лёгкому одеты, молодой человек.

- А Вам какое дело до этого?

- Вы случайно не гоголевский Иван Иванович?

- Напрасно мудрите.

- Дело в том, что я Вас видел в здании кооперативного техникума.

- Да, я там учился два месяца.

- А теперь?

- Да что Вы ко мне пристали?

- Я Гондаев Пётр Андреевич, преподаватель этого техникума, но с Вами не занимался. Куда Вы едете?

- Никуда.

- Где живёте?

- Нигде. Нахожусь на иждивении святого Антония.

- Как Вас зовут?

- Это что - допрос?

- Просто хочется по-человечески поговорить.

- Но я же не человек.

- А кто?

- Не знаю. Преступник, и на этом разговор окончим.

- Ну, зачем же так грубо?

Наступило молчание. Оскорблённый Гондаев заявил:

- Давайте на этом прекратим разговор, а минут через 10 выйдем на 7-й линии Васильевского острова, и прошу пожаловать ко мне в гости.

Хотя я на это ничего не ответил - он закончил:

- Ну, вот и хорошо.

Войдя в квартиру, он провёл меня в светлую просторную комнату и крикнул:

- Марья Васильевна, приготовьте нам чего-нибудь позавтракать.

После этого он принёс из соседней комнаты новое пальто и сказал:

- Оно принадлежит брату, находящемуся в Красной Армии. - Гондаев почти насильно надел на меня пальто: - Отлично. Теперь ты совсем другой человек.

На стене у него висела скрипка. Заметив мой взгляд, он ответил:

- Балуюсь.

Затем отвёл меня в небольшую комнату и, указав на кровать, добавил:

- Можешь ей пользоваться сколько заблагорассудится. - Он обратился к жене: - Маша, у меня в три часа занятие, и я до шести часов буду занят, так ты уж не позволяй скучать молодому человеку. Итак, до скорой встречи!

Когда он ушёл - лицо его жены, ещё молодой и миловидной женщины, изменилось. Я спросил:

- Может быть, из-за меня?

- Да, молодой человек, надевайте это пальто и немедленно уходите! Никакой он не Гондаев и не преподаватель, а бухгалтер. Он хотя и скрывает от меня, но я давно уже догадываюсь, что у него имеется связь с особыми органами.

- Значит, филер?

- Вот именно. Уходите немедленно, пока за Вами не пришли, а пальто берите - он же сам его отдал.

Я ушёл из расставленной для меня ловушки. Оказавшись на вокзале в Гатчине, я размышлял: как это могло случиться, что я чуть не попался? Ведь это же тот самый бухгалтер, что пытался меня сдать в милицию! Но как я ни пытался вспомнить его лицо при первой встрече - ничего не получалось, да и неудивительно: в то время я его видел несколько секунд. Мне даже казалось, что тогда он был без бороды и усиков и причёска - другая.

2

Однажды, когда я квартировал на вокзале Гатчины, недалеко от меня сели на скамейку девушка и юноша, примерно такого же возраста, как мой. Из их разговора я узнал, что юношу зовут Сергеем, девушку Таней. По их внешнему виду я догадался, что у них тоже нелёгкая жизнь. Минут через десять мы разговорились. Они брат и сестра. Родителей у них нет: детдомовские, из Вологды. Сначала они жили в детдоме, а затем их взял на воспитание дядя. Сергей был старше сестры на год, но школу закончили одновременно. Хотя у дяди было своих трое детей более младшего возраста, он отдал Сергею и Тане все имевшиеся деньги и отправил их учиться в Ленинград. Таня сдала экзамены в пединститут имени Герцена и была зачислена на 1-й курс филфака, а Сергей сдавал экзамены в лесной институт и провалился. Но ради своего брата, невзирая на протесты, Таня покинула институт. Попытка их устроиться на работу не увенчалась успехом - и они оказались в условиях, сходных с моими. Семья их дяди была раскулачена и выслана неизвестно куда.

Я в шутку предложил им организовать «триумвират» с целью преодоления трудностей. Таня засмеялась, но потом сказала:

- Серёжа, а ведь он дело говорит.

Я вспомнил, что осенью, пробираясь по побережью Финского залива, попал на заброшенное кладбище. Вблизи берега находилась небольшая, но хорошо сохранившаяся часовня. При входе в неё была небольшая комната с круглой печью. У меня мелькнула мысль: не перебраться ли туда? Решили завтра совершить поездку на это место.

3

Да, я не ошибся: это небольшое здание оказалось часовней, нижняя часть которой состояла из хорошо сохранившегося каменного фундамента высотой в полтора метра, а остальная часть - деревянная. Часовня была под железной крышей.

Боковая комната, похожая на келью монаха-отшельника, освещалась большим окном с металлической решёткой. Печь оказалась исправной. Мы с Сергеем наломали старых досок, затопили печь и разместились на самодельных сиденьях вокруг неё. В комнате стало тепло.

Для нас это помещение явилось не только местом, где можно было ночевать, укрыться от морозов и ветра, но и своеобразной крепостью. К нашему счастью, недалеко от часовни сохранился старый полуразрушенный забор из толстых досок, которые можно было использовать в качестве дров. В первую ночь из-за отсутствия постели спать пришлось сидя, но никто из нас заснуть не мог. Я ушёл в воспоминания и отчётливо видел обрывистый берег реки, на котором у самого бора стоял родительский дом. А где они сейчас, мои родители? Может, и в живых уже нет. Страшила судьба братьев. Какое жуткое время! И что мне принесёт завтрашний день? Перед моими глазами воскресала картина за картиной. Вспоминались ранние весенние цветы сон-травы и горицвета.

И вдруг всё это сменилось страшными реалистическими условиями жизни никому не нужного изгоя. И всё же этот изгой сегодня в какой-то степени счастлив: пылающая печь, новые друзья.

Когда я проснулся, Таня сказала:

- Ты, наверное, сейчас видел сон: твоё лицо становилось то строгим, то озарялось такой добродушной улыбкой!

- Да, я видел во сне своё детство и нашу природу. Видел и свою бабушку - добрую фею, знавшую много сказок. В одной из них говорилось, что злая мачеха в зимнюю метель выгнала свою плохо одетую падчерицу из дома. Оказавшись в лесу, она стала замерзать, но в это время появилась фея-волшебница, подарила ей небольшой камешек и сказала: «Перебрось его, девушка, из руки в руку». Когда замерзающая девушка это сделала - вся окрестность в поперечнике 200 шагов изменилась: ярко светило солнце, на поляне зацвели цветы, кругом запели птицы. На девушке вместо лохмотьев оказалось нарядное платье, а перед ней - корзина с фруктами. В это время вокруг оазиса бушевала метель. «А теперь, - сказала фея , - переложи камешек из руки в руку три раза». Когда девушка это сделала - она оказалась в валенках, тёплой шубке и пушистой шали. Прощаясь, фея напомнила: «Если я тебе буду нужна, произнеси своё имя дважды - я окажусь рядом с тобой». Сказав это, она исчезла.

Закончив сказку, я вспомнил о своей собаке:

- В детстве у меня был чудаковатый, беспредельно преданный друг - пёс Филя. Нам бы сейчас иметь такого друга.

Заснули мы только во второй половине ночи.

4

Днём съездили в Петропавловскую крепость на заработки. Короткий ленинградский день быстро уступил место вечерней тьме, и мы решили в свой кладбищенский особняк не ездить. Уставшие от работы, несмотря на неуют и холод, быстро заснули. Вернувшись на следующий день в соё убежище, затопили печь и стали обдумывать, что делать дальше. Решили, что Серёжа с Таней съездят на квартиру доносчика, назвавшегося Гондаевым, и предъявят ему ультиматум, а в этот день на работу уеду я один и куплю что-нибудь из продуктов.

Встреча с филером состоялась. Когда он узнал, что пришли от их друга, которому он подарил пальто , лже-Гондаев пригласил их в комнату и плотно закрыл дверь. Видно было, что двойник Гондаева встревожен, хотя и пытается принять равнодушный вид. Сергей показал на сестру и сказал:

- Это Сивилла Мадонна, пророчица.

- Я что-то не пойму.

- Сейчас всё поймёте. Да, извините, - сказал Сергей, - я забыл Вашу фамилию и имя.

- Гондаев Пётр Андреевич. А Вы чем занимаетесь, Серёжа?

- У нас создано общество свободных мыслей и справедливых действий. Его руководителем является Робин Гуд.

- Гуд или Гут? - спросил двойник.

- Гуд. А я его заместитель. Сивилла Мадонна у нас не только пророчица, но и королева. Без неё ничего не делается.

На лице двойника можно было прочесть страх и растерянность.

- А теперь, Пётр Андреевич, будете отвечать на вопросы. Предупреждаю, что ответы должны быть правдивыми. Первое: Ваша настоящая фамилия, имя, отчество?

- Не понимаю. Я же вам сказал.

- Сивилла Мадонна, правду он говорит?

- Нет.

- Сивилла Мадонна, он, видимо, забыл своё имя. Назови его.

- Сосискин Виктор Семёнович.

- Второе: где и в качестве кого Вы работаете?

- В кооперативном техникуме преподаю политэкономию.

- Сивилла Мадонна, правду он говорит?

- Нет, он не преподаватель, а бухгалтер.

- Третье: где Вы ещё работаете?

- Как где? Нигде.

- Сивилла Мадонна, напомните ему.

- Должность, которую он выполняет наряду с бухгалтером, - филер.

- Филер? - спросил двойник. - А что это такое?

- Шпик, доносчик.

Двойник до неузнаваемости изменился в лице.

- Это недоразумение, это ошибка. Я в суд на вас подам за оскорбление.

Он хотел выйти из комнаты.

- Минуточку, - загородив ему дорогу, сказал Сергей. - Садитесь. Сейчас мы кончим эту комедию. Для какой цели Вы заманили нашего друга и подарили ему пальто своего брата?

- Из жалости к нему.

- Сивилла Мадонна, он правду говорит?

- Нет.

- Что же он с ним хотел сделать?

- Передать в тот орган, которому он помогает в роли филера.

- Всё ясно. Подведём итог, - сказал Сергей. - Мы за Вашу Иудину подлость хотели предать Вас самой жестокой, но справедливой казни. Скажите спасибо Сивилле, что она пока отвергает возмездие. Но учтите, если кто-нибудь из нас по Вашей вине окажется арестованным, то остальные члены нашего общества, а их там уже 13 человек, утопят Вас в невской проруби, как Григория Распутина, а затем повесят вниз головой на сучке дерева в Павловском парке. Таким образом, Вы заранее теперь знаете, что Вас ждёт. А теперь у нас к Вам маленькая просьба: достаньте нам одну подушку, один небольшой матрас и одно одеяло - это для Сивиллы Мадонны. Мне и Робин Гуду - по 4 одеяла. Два заменят матрасы. Мы люди нетребовательные, обойдёмся без подушек. Вот Вам 75 рублей. Где Вы всё это достанете - это дело Ваше: на чёрном ли рынке или свои отдадите. Мы бы не стали обращаться к Вам, но в магазинах без ордеров купить ничего нельзя. А кто нам, людям подземелья, даст ордера? Срок три дня.

Двойник трусливо залепетал:

- Всё будет сделано, молодой человек.

- Вам я не молодой человек, а заместитель Робин Гуда.

- А можно мне вам сделать предложение?

- Можно.

- Сивилла, я могу и сейчас отдать Вам подушку, одеяло и матрас. Ими никто не пользовался. Они находятся в другой комнате.

- Можно.

Двойник хотел пойти за вещами, но Сергей загородил ему путь:

- Только вместе со мной.

Получив вещи, брат и сестра аккуратно свернули и перевязали их шпагатом.

- Если денег будет недостаточно, и Вы издержите больше, то разницу мы оплатим. Итак, на четвёртый день мы будем здесь. Ещё раз напоминаю: что если...

- Что вы, что вы!

- Сивилла Мадонна, нарисуй, пожалуйста, для наглядности этого субъекта, висящего вниз головой на сучке дерева...

- Такой рисунок у меня уже есть, - ответила Таня и вынула его из книги «Собор Парижской Богоматери».

Когда они вышли из квартиры, Сергей спросил:

- Таня, он нас не выдаст?

- Ни в коем случае. Это же подлец и трус, а такие страшно боятся смерти. Теперь он, наверно, трясётся от страха, как осиновый лист.

5

Однажды мы стояли на мосту и смотрели на открывающуюся взору панораму города. В это время проходившая по мосту симпатичная блондинка, повернувшись к нам, вдруг восторженно обратилась ко мне:

- Здравствуй!

- К сожалению, я не знаю Вас.

- Ведь Вы из ЛИНХа? - спросила девушка.

- Да, был студентом.

- А я из пединститута Герцена. Между нашими институтами проводились соревнования по успеваемости и культуре. Для этого устраивались художественные вечера с викторинами и диспутами. Я помню, как на одном из вечеров вы заняли первое место за чтение стихов Лермонтова и Маяковского. Вспомнили?

- Конечно. Я тогда был заместителем секретаря комсомола института и отвечал за работу культурно-массового сектора.

Выяснилось, что девушка является племянницей профессора пединститута. Живёт в Пушкине[3], где у профессора собственный дом. Зовут девушку Зина, а её дядю - Юрий Александрович. Родителей у неё нет. Жена профессора работает в филармонии. Своих детей не имеют. Зина занимает в доме дяди две комнаты. Живёт в мире науки и музыки. Она дала нам свой адрес и сказала:

- Жду вас в гости. Если хотите - едемте сейчас.

Мы не поехали. Дойдя до моста, она обернулась и крикнула:

- Жду!

Положение у нас с приобретением спальных вещей улучшилось. Но стряслась беда: я заболел воспалением лёгких. Прошла неделя, а

облегчения никакого. Лечение состояло в прогревании горячим песком, насыпанным в чулок. Таня целые ночи прогревала мне грудь. На работу она не ходила, и теперь на плечи Сергея легла тройная нагрузка. Беспокоясь за меня, Сергей съездил в Пушкин и всё рассказал Зине. Она хотела даже через дядю достать какой-то автомобиль, но Сергей запротестовал, заявив, что к нашему жилищу нет никакой дороги, а можно пробраться только пешком.

- Мы с Таней обложим его грелками и как-нибудь доведём до остановки, затем привезём. Меня смущает одно, - сказал Сергей, - устроит ли этот гость Вашего дядю?

- Он очень добрый человек, и его это не только устроит, но он обратится, я уверяю, за помощью к врачам. Есть у него два врача - друзья с юности.

Поместили меня в одну из комнат, обложили грелками. Зина сказала дяде, что мы бывшие студенты с неудачно сложившимися обстоятельствами. Он не только не осудил её, но и похвалил за доброту. Сергею отвели место в светлом флигеле, расположенном в маленьком садике, а Таня поселилась в одной комнате с Зиной. Профессор заявил Сергею, что пока я болен, тому на работу ездить не надо, и выдал ему взаймы 100 рублей на всякие расходы, причём даже не спросил, откуда мы и чем занимаемся: знал только то, что сказала Зина. Врач, осмотревший меня, сказал профессору, что положение тревожное, остаётся надеяться на чудо. Таня постоянно дежурила около меня, её сменяла Зина.

Однажды профессор пригласил Сергея в кабинет и попросил рассказать, как мы оказались вместе. Выслушав, он сказал:

- Каким нужно было обладать мужеством и волей, чтобы выдержать этот кошмарный ад, да ещё в таком юном возрасте, мало того - сохранить совесть и порядочность и не озлобиться на этот чудовищный мир!

Через неделю состояние моё стало улучшаться, но ещё неделю профессор не разрешал мне выходить из дому.

Вскоре по предложению Сергея мы решили поехать в Вологодскую область, где в одной затерявшейся в бору староверческой деревне жили их с Таней родственники по матери. От станции до деревни около 35 километров идти пешком.

Сначала мы ехали до Вологды поездом, затем шли, дорогой три раза обогревались костром. Деревушка, куда мы пришли, состояла не более как из трёх десятков домов, принадлежавших раскольникам-староверам. Нам показали пятистенный домик, в котором жила Матрёна Егоровна Спиридонова - родственница Сергея и Тани. Ворота были закрыты на

засов. Сергей постучал несколько раз. Наконец, открылась дверь в сени и женский голос спросил:

- Кто там?

- Свои, - ответил Сергей.

Женщина повторила вопрос:

- Какие свои? У меня нет своих.

Сергею пришлось долго объяснять, кто мы и откуда.

- Не знаю я таких. Нет у меня ни своих, ни чужих, была одна дочь, да и та уехала в Вологду.

Сергей постучал вновь:

- Неужели Вы не помните мою мать Валентину Васильевну? Она же Вам племянницей приходится.

- Ничего не помню, - твердила старуха. - Ночью я никого не пущу, приходите, когда рассветает.

- Матрёна Егоровна, - закричал Сергей, - но мы замёрзли. Пустите хоть на полчаса.

Но старуха уже закрыла двери.

- Что делать? - почти в отчаянии спросил Сергей и начал во всю силу стучать в ворота. Ответа не было. Тогда он перелез через забор, открыл ворота, и мы вошли в ограду. На стук в двери - ответа не последовало. К счастью, на огороде имелась баня. Затопили печь и до утра просидели в бане. Наконец, старуха вышла во двор и, по-прежнему не пуская нас в дом, долго расспрашивала, кто мы и по какому делу. Она стояла на том, что никакой племянницы у неё нет.

- Была одна в каком-то городе, да и та умерла.

- Матрёна Егоровна, так это моя мать.

- Ма-ать! Ну, так сразу бы и говорил, а то свои да свои. Ну, проходите, стало быть.

Сразу из XX века мы попали в XVIII столетие - в суровый раскольничий мир. Старуха обратилась ко мне:

- А ты кто? Может, нехристь какая?

- Нет, Матрёна Егоровна, мои родители тоже староверы, я свято храню их обычаи.

- А как ты попал сюда?

- Приехал в Ленинград для поступления в институт, да провалился на экзаменах. Затем случайно познакомился с Сергеем и Таней и вот вместе с ними прибыл сюда.

- А пошто ты хотел поступать в безбожную школу?

- Школа школой, а вера в Бога - другой вопрос.

- А молитвы ты знаешь? И заповеди Господни соблюдаешь?

- Конечно, Матрёна Егоровна, как же иначе.

- И описание жизни праведного Иова читал?

- Не только про Иова, но и про многих святых великомучеников читал.

- Про всех читал? И знаешь, кто был святой человек Аввакум?

- Ещё бы! Если хотите - я могу Вам наизусть прочитать любую молитву.

- А кто тебя научил?

- Сам, а помогала мне бабушка Степанида Семёновна.

Убедившись, что я не самозванец, не антихрист, она успокоилась. Окажись мы православные - не дала бы и напиться из её посуды.

Кроме коровы и семи куриц у старухи никакого хозяйства не было.

В переднем углу её кухни на большой божнице стояло несколько икон с распятием Христа.

Деревня жила ожиданием конца света и страшного суда над богоотступниками. По мнению хозяйки, это должно было произойти в 1933 году - так будто бы сказано в священном писании. Она, разумеется, ни в какой школе не училась, но Псалтирь читать умела.

- А школа у вас в деревне есть?

- Прислали нам сюда какую-то молодую вертихвостку. Через месяц сбежала - некого обучать. Родители в безбожную школу детей не отпускают. Моя-то дура, Ольга, из-за этой школы, бесстыжая, развелась с мужем, забрала Серёжку и сбежала в Вологду. Тот теперь учится в третьем классе, а сама она поступила на работу и шьёт.

- А молитвенный дом у вас есть?

- Некому сейчас вести наши молитвенные дела.

- Почему?

- Был у нас начитанный человек Филипп Петрович, да милиционеры забрали его вместе с книгами и увезли куда-то. Вот теперь я по воскресным вечерам и читаю своим людям Псалтирь, а они мне за это привезли два воза дровишек. Есть у меня ещё старый забор, да распилить его некому.

- Это мы сделаем, Матрёна Егоровна.

- Только я вам кроме «спасиба» ничем отплатить не смогу.

- Да что Вы? Мы так Вам сделаем.

- Ты молодой, но мне понравился. Может быть, останешься в нашей деревне?

- Зачем?

- Заменишь меня - поговорю с общиной.

- Что Вы, что Вы, Матрёна Егоровна. Здесь нужен пожилой человек, хорошо знающий священное писание. А я кто? Да у меня здесь нет ни лому, ни дому. И где я тут работать буду? А главное - нехорошо бросать своих родителей.

- Вот это ты правду говоришь. Родителей надо беречь. А надолго вы сюда приехали?

- Всё будет зависеть от Вас и Ваших родственников.

- Всё бы ничего, да кормить-то вас чем буду?

В разговор вмешался Сергей:

- А магазин у вас есть?

- Нет. Только по понедельникам из района приезжает лавка.

- А до района далеко?

- 30 вёрст.

Оставив Таню, мы с Сергеем во вторник отправились в райцентр с расчётом что-нибудь купить из продуктов. Всю дорогу пришлось идти пешком. Пришли поздно вечером. Стучались во многие дома - никто не пустил переночевать. На окраине посёлка стояли стога сена. Вырыли в одном нору, залезли и закрыли вход. Новый день не принёс ничего лучшего: кроме пряников ничего не купили[4]. После долгих хождений встретили подвыпившего мужика - и он продал нам пуд муки и два ведра картошки. Всё это погрузили в рюкзаки и, не найдя оказии, ночью снова пешком отправились домой.

6

Дома нас ждала новая беда - заболела Таня. Все признаки воспаления лёгких. Поблизости нет даже фельдшера, а в райцентр везти не на чем. Мы испилили старухин забор на дрова, с трудом достали три литра молока, стали прогревать больную горячими отрубями, насыпая в старухины чулки. Мы в отчаянии метались, не зная, что предпринять. Наконец, уломали одного местного двоедана[5] за двойную цену довезти больную в кошеве до райбольницы. На седьмом километре от деревни она скончалась. Охваченные ужасом, мы с Сергеем выли, как дикие волки. На старуху же эта смерть не произвела особого впечатления. Она сказала:

- Так Богу угодно.

Мы перенесли Таню в горницу, положили на два составленных стола. Старуха отпела рабу Божью Татьяну. Мы сколотили гроб из старых досок и пошли на кладбище рыть могилу.

Кладбище находилось среди редких сосен. Около одной из них была копна сена. Перетаскав её на другое место, стали рыть землю. Могилу копали несколько часов. На второй день гроб на санках отвезли на кладбище, схоронили Таню и поставили деревянный крест, на котором вырезали имя «Таня». На похоронах присутствовали только четыре неизвестных старушки.

После этой смерти ещё один рубец остался на моём сердце и вечный упрёк себе в том, что не смог ничем помочь Тане.

Явившись на квартиру, мы отдали старухе купленные продукты, сказав, что через год приедем сюда и сделаем оградку и посадим полевые цветы на могиле Тани. Этой же ночью мы покинули деревню.

Так ушла из жизни наша Сивилла Мадонна.

7

Снова в ночное время шли мы по завьюженной дороге до железнодорожной станции. Голодные и замёрзшие, шагали молча. Выручала только отчаянная воля.

Измученные, с обмороженными лицами, мы с трудом переступили через порог вокзала и свалились на пол... Какие-то мужики перетащили нас на другой конец помещения, посадили на скамью, где-то достали кипятка. Две женщины дали нам два калача. Длинная ночь была кошмарной: мы то приходили в себя, то впадали в забытьё. В полдень следующего дня начальник станции по договорённости с машинистом посадил нас в теплушку товарного поезда, идущего в Ленинград. К моменту прибытия поезда мы всё же пришли в себя.

Но положение оставалось кризисным. Денег ни копейки, продуктов нет. Явиться в дом профессора не позволяла совесть. Мы и так многим были ему обязаны. Ехать в Петропавловку[6] уже поздно. Да и таскать пятипудовые мешки в таком состоянии мы были не в силах. Нужен был перерыв хотя бы на три дня. Оставался один вариант - «особняк» на кладбище. Хорошо, что там осталась постель. Но не было воды: туда мы её приносили в бидоне из города. Впрочем, в саду есть чистый снег. К счастью, в «особняке» осталось с полведра картошки.

Часа через три, оказавшись там, мы затопили печь и из снежной воды приготовили кипяток. Мы отдыхали два дня, нигде не показываясь.

На третий день решили тщательно обследовать наше подземелье: а вдруг обнаружим что-нибудь ценное! Конечно, неприятно находиться среди истлевших трупов, от которых остались одни кости, но что делать! Мы спустились под пол, развели небольшой костерок для освещения и стали обследовать железные двери, на которых висело два ржавых замка. Мы пытались их сбить кирпичами, но они не раскрывались. Сергей сообразил, что надо ломать не замки, а кирпичи, к которым эти двери были навешены. Открыв дверь, мы увидели куполообразный свод, сделанный из кирпичей. Посередине на каменной подставке стояло пять гробов, закрытых покрывалами из парчи. Вокруг них возле округлой стены был оставлен проход, так что умерших можно было осмотреть со всех сторон. Сергей чиркнул спичку и поднял конец полуистлевшего покрывала с крайнего гроба - и на нас сквозь стекло, вставленное в крышку, взглянул безглазый череп, отделённый от шеи. Мы невольно отскочили в сторону. Сергей прикрыл череп парчой.

Мы вылезли из склепа и решили, что прежде чем заниматься этой археологией, нужно хоть на неделю устроиться грузить картофель в

Петропавловке, заготовить продуктов на 3 - 4 дня. Для этого решили обратиться к начальству крепости с просьбой, чтобы нам за деньги или за работу уступили пуда два картошки как грузчикам.

Затем продолжили работу в подземелье. Через 5 дней приступили к обследованию склепа: простукивали кирпичи, стараясь обнаружить пустоты. Первый день закончился ничем. Я предложил прекратить поиски, но Сергей настоял на том, чтобы продолжать и только если в течение двух дней ничего не обнаружим, то больше в этот подземный мир не спускаться.

8

В конце второго дня Сергей обратил внимание, что один из кирпичей не связан с другими, и вытащил его. В отверстие воткнул ручку найденного на кладбище ржавого молотка. Конец её уткнулся в какой-то нетвёрдый предмет. Сергей обследовал его рукой, но вытащить не мог: предмет не проходил в отверстие. Тогда мы разрушили края отверстия, и в руках у Сергея оказалось что-то в виде шкатулки, закрытой на внутренний замочек. Открыть мы его не могли - пришлось разломать. Там оказалось 120 рублей золотом! Сергей от восторга исполнил русскую пляску.

Возник вопрос: что с этим золотом делать? Мы совершенно не представляли его современную стоимость. Тогда решили 10 рублей подарить Зине.

Я сразу отказался решать судьбу этой находки. Сергей же взял два рубля и пошёл на барахолку. Чтобы привлечь внимание, он взял в руки два медных пятака и стал перебрасывать из руки в руку, сопровождая это пением частушек. На голове у него была шапка-ушанка из собачьей шкуры, на ногах старые валенки с подшитой подошвой: когда копали могилу Тане, местные старухи принесли ему на кладбище такое снаряжение. Превратив своё лицо в дурацкую физиономию, он ходил по рынку и скоморошничал. Одни молча проходили, не обращая внимания на него, другие с пренебрежением уступали ему дорогу, третьи - аплодировали и хохотали. А «деревенский лопух» продолжал перебрасывать из руки в руку и кричал:

- Золото, продаю золото!

Один мужчина, остановив его, сказал:

- Ну-ка, покажи товар! - и захохотал: - Так у тебя же, Иван-царевич, золото-то глиняное.

Наконец, какой-то молодой человек, подойдя к нему, заявил:

- Слушай, лопух, хватит дурака валять, пока тебя в милицию не забрали. А ну-ка, отойдём в сторонку и серьёзно поговорим! Ты что, в

самом деле продаёшь что-нибудь или с ума спятил? Кому нужны твои медные пятаки?

Сергей вытащил из кармана золотой рубль и показал ему.

- Вот это другое дело. Сколько ты за него просишь?

- Не знаю.

- Не знаешь? Тогда слушай. Мой дядя работал в Эрмитаже. Он квалифицированный ювелир, а у него приятель зубной врач - вот с кем нужно разговаривать по этому вопросу. Но его рубль, конечно, не устроит. Я тебя с дядей познакомлю, если только таких пятаков не два.

- Хорошо, - сказал Сергей. - Только как я в таком виде явлюсь на квартиру к Вашему дяде? У меня других атрибутов нет.

- Идём, артист.

И вот Сергей в одном из домов Литейного проспекта, недалеко от пересечения с Невским. У дяди хорошо обставленная квартира, на стенах картины, огромные зеркала с красивым обрамлением. Сергей от неожиданности растерялся: снял шапку, спрятав за спину, но куда деть ноги с такими валенками? Дядя был лет пятидесяти, с шевелюрой Леонида Андреева. Ни жены, ни сына, ни дочери дома не было: день стоял ясный, солнечный, и они уехали в Павловский парк полюбоваться зимними пейзажами.

- Дядя, я привёл к тебе интересного парня. А ну, показывай, - обратился племянник к Сергею, - что у тебя есть!

Сергей достал из кармана рубли и подал их ювелиру.

- Да, это настоящие золотые, но ведь их только два.

- А сколько Вам нужно?

- Ну, хотя бы рублей 20.

- А если 50?

- Вы не шутите, молодой человек?

- Нет.

- Это меня устраивает.

- А если 70?

- Что? - с недоумением спросил ювелир.

- Даже не 70, а 100.

- В такое чудо я не верю. - Дядя с недоумением посмотрел на племянника и, повернувшись к Сергею, спросил: - Откуда они у Вас?

- Получил в наследство от ярославской тётушки.

- Не может быть.

Сергей мне потом пояснил: «На выпускном экзамене я писал сочинение на тему «Образ Раневской по произведению А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Моя героиня, не дождавшись 15 тысяч от ярославской тётушки, уехала за границу. Вот я эти деньги и получил».

- Я уверен, что это золото ты не украл, хотя бы потому, что украсть его негде, да и на вора ты не похож. Значит, оно к тебе попало случайно. Ну, а как - не моё дело. А ты кто?

- Беспризорник. Отца не помню вообще - он умер, когда мне было полтора года. Когда мне исполнилось семь лет - умерла и мать, и нас с сестрой отдали в детдом. С поступлением в институт не получилось. Ехать мне некуда.

- А родственники есть?

- Была сестра. Месяц назад умерла. Мы с другом похоронили её на кладбище в деревушке под Вологдой.

- Где же ты живёшь?

- Где придётся: в стоге сена, в водосточной трубе, на пригородных вокзалах. Неделю назад с другом ночевали в Эрмитаже.

- Как в Эрмитаже?

- Очень просто. Явились туда, как зрители, а перед закрытием спрятались на третьем этаже недалеко от гробницы Александра Невского. На другой день с открытием музея вышли из укрытия.

- А знакомые у вас есть?

- Появились, но не будем же мы без конца злоупотреблять хорошим отношением к нам. В числе наших знакомых есть один профессор. Без него мы бы уже на том свете были. Теперь у нас одна забота - продать это золото, подброшенное фортуной, и рассчитаться с долгами. У моего друга положение ещё хуже.

- Где он сейчас?

- Это тайна, но в общих чертах - он находится в одном из пригородов в склепе, который мы назвали «особняк Мэри».

- Почему?

- В склепе имеется пять гробов с истлевшими трупами. Судя по волосам, три скелета женских и два - мужских. Чтобы не было страшно, мы мысленно оживили их и дали им имена. Так по соседству с нами появились княжна Мэри, Вера, княгиня Лиговская. Одного из мужчин хотели даже назвать Грушницким, а другого Печориным, но побоялись новой дуэли.

Ювелир по своему характеру не был сентиментальным.

- Мне всё ясно, - как бы подвёл он итог разговору. - Вот что, молодой человек, я плачу тебе за находку 2500 рублей. Сегодня ты получишь 500, а остальные две тысячи после получения остальных золотых. Это, конечно, несколько ниже их стоимости, но больше дать не могу.

Для Сергея это было неожиданностью, и он не знал, что отвечать.

- Хорошо, а куда мне с находкой явиться: сюда или в какое-то другое место?

- Сюда к 6 часам вечера.

Получив 500 рублей, Сергей собрался уходить, но ювелир остановил его:

- Сбрось ты с себя эту собачину и эти замызганные валенки!

- Как сбрось, а в чём я пойду?

Ювелир подал ему шапку и утеплённые ботинки.

- Не возьму!

- Возьмёшь! - решительно ответил ювелир. - Племянник, сдёрни с молодого человека его рваные валенки! И, кроме того, возьми его с собой и подбери для его друга подходящую шапку и обувь, а завтра я рассчитаюсь с тобой.

- Хорошо, дядя, только мне никакого расчёта не нужно.

Перед тем, как уйти, Сергей спросил:

- Одному мне приходить или с другом?

- Лучше с ним.

9

Все окрестности: залив и побережье - были залиты бледным лунным светом, когда Сергей возвратился домой. Казалось, весь мир впал в забытьё. Ни шелеста, ни звука. Только снежинки, озарённые лунным светом, то вспыхивали разноцветными искорками, то гасли и загорались вновь. Но этот мертвенный свет, чуждый проявлению земных радостей, не то чтобы тяготил сознание Сергея - он, скорее всего, говорил о временности всего живого, скоротечности жизни, напоминая о том, что она сложна, противоречива и неповторима. Все лежащие в могилах этого заброшенного кладбища когда-то мечтали о счастье, клялись в верности и вечности любви - и что от всего этого осталось? В таком раздумье он и подошёл к «особняку Мэри». Железные крепкие двери изнутри были закрыты на два толстых железных стержня. Сергей постучал.

- Кто там?

- Это я. У меня сенсация.

- У меня тоже, - ответил я ему.

- Не рассказывай ни о чём! - Сергей положил пачку бумажных денег на стол и сказал: - Считай!

Через минуту я сообщил:

- 500 рублей! Это где ты взял?

Сергей рассказал всё, как было, и добавил:

- Завтра мы с тобой отдадим 100 золотых и получим ещё 2000 рублей.

- Отлично, мне бы с такой задачей не справиться. По существу это твои деньги.

- Как мои?

- Ты нашёл золото и продал его.

- А разве ты непричастен?

- Конечно, нет.

- Кто нашёл эту часовню? Даже поиск был начат по твоей инициативе. Ну, а у тебя что за сенсация?

Я развернул найденное мной на дне шкатулки письмо и положил его перед Сергеем.

- Странно и интересно. Ты где его взял?

- Под картоном на самом дне шкатулки. Мы просто его не заметили сначала.

От времени чернила выцвели, почерк стал плохо разборчивым, бумага пожелтела и утратила прочность. Я несколько часов сидел над расшифровкой, чтобы уяснить общий смысл письма. В нём говорилось, что женщина дарит это золсто тому, кто его обнаружит.

- Значит, золото принадлежит опять же тебе, - сказал я Сергею, - ведь ты его нашёл.

- Да, это действительно уникальная сенсация. Кто же она, оставившая это наследство?

- Фамилию её разобрать невозможно. Место, где написана фамилия, распалось. А имя её - Лиза.

Неожиданная встреча

1

На следующий день, идя по Литейному проспекту, я совершенно неожиданно встретил Ивана Тимофеевича Астафьева. Это был друг моего детства, мой хотя и далёкий, но родственник. Он шёл в группе солдат и, увидев меня, крикнул:

- Здравствуй, Александр!

И обратился с просьбой к старшине[7], чтоб его по случаю встречи с земляком отпустили часа на три. Получив разрешение, он остался со мной. Мы вошли во дворик одного жилого дома, сели на скамейку. Он сообщил, что ездил домой в отпуск.

- А ты знаешь, Саша, что там произошло?

- Знаю! Меня объявили не только сыном кулака, но и злейшим врагом советской власти, жуликом, укравшим 800 пудов зерна, а сейчас мною, как опасным преступником, занимается ОГПУ.

- Не только это. Твоего отца, дядю Ульяна, раскулачили, всё у вас отобрали, твоих родителей и братьев с сестрой ночью в мороз выгнали на улицу. Забрали даже все иконы и церковные книги, на другой день их приколотили к стене амбара, и Ефимка Ковязин с Мишкой Гоглевым расстреляли их из берданок.

- А что с комсомольской библиотекой?

- Все книги бросили в салаги[7] и вывалили в сельсоветовский амбар. Амбар не закрывается. Теперь ими растапливают печь. Да, чуть было не

забыл: твоего деда Ивана Степановича арестовали и куда-то увезли. Дядя Ульян со своей семьёй жил в заброшенной бане, в которой нет даже дымовой трубы. Сейчас они находятся в Ерохиной у дедушки Савелия под домашним арестом. Федюню исключили из комсомола и из школы: он учился в 9 классе Куртамышской школы. Но он из Ерохиной сбежал и, говорят, уехал в Москву на приём к Калинину.

- Ваня, условимся так: мы не виделись, и ты мне ничего не говорил. Хорошо?

- Хорошо. А где ты живёшь?

- Где придётся. У меня нет ни квартиры, ни денег и ни постоянной работы.

- Может, я чем-нибудь могу тебе помочь? У меня есть лишние сапоги, фуфайка. Где я могу тебя встретить, чтобы их передать? Завтра я свободен и могу отпроситься часов на пять в город. Наша часть находится на Карельском перешейке за Сестрорецком.

- Хорошо. Буду ждать около Зимнего дворца около трёх часов. Спасибо, что рассказал мне эту страшную правду.

Условленная встреча состоялась, и мы договорились в следующий выходной встретиться на Финляндском вокзале. Расставаясь со мной, он сказал:

- Не сдавайся - всё равно будет и на твоей улице праздник. А если тебе, Саша, уехать хоть месяца на 2 - 3 куда-нибудь?.

- Куда? Да у меня нет и денег для покупки билета. Кроме того, в большом городе легче скрываться, чем в маленькой деревне.

Он дал мне свой адрес и обещал поговорить обо мне с одной женщиной - нашей землячкой, Ксенией Михайловной Ерёминой.

Попрощавшись, мы расстались.

Ксения Михайловна... Да это же старшая сестра Раисы Ерёминой, с которой я учился в одном классе Куртамышской школы! В моей памяти воскрес образ молодой элегантной блондинки. Она заведовала райбиблиотекой и была активной участницей драмкружка при районном Доме культуры.

При следующей встрече я спросил:

- Ваня, а как ты познакомился с Ксенией?

- Она раза три приезжала в нашу часть с лекциями. Узнав, что она из Куртамыша, я подошёл к ней и сказал, что наша гороховская учительница К. К. Родина тоже училась в Куртамышской школе. Она ответила: «Совершенно верно. Мы с ней закончили школу в 1925 году». И пригласила меня как земляка навестить её. Я заходил к ней два раза. Она читала мне стихи Есенина, а ещё какого-то Блока. Я слушал, но для неё я едва ли был интересным собеседником. Другое дело ты, и она даже, по-моему, будет рада такому знакомству.

2

И вот я «как денди лондонский, одет» (в фуфайку, в помятую фуражку) и вхожу в квартиру Ксении Ерёминой.

- Здравствуйте, Ксения Михайловна! Я тот самый герой, с которым решил Вас познакомить Иван Астафьев.

- Рада Вас видеть, проходите.

- Дальше этого места в таком изящном костюме я не пойду. Поставьте сюда стул.

- Нет, нет! Снимайте Ваши сапоги и повесьте фуфайку на вешалку.

Пришлось подчиниться.

- Вы, конечно, не помните меня, хотя я с Вашей сестрой Раей учился в одном классе и даже два раза заходил к Вам на квартиру. Вы жили тогда на втором этаже дома на перекрёстке улиц.

- Совершенно верно. Так кто же Вы?

- Я расскажу, а Вы пойдёте к телефону и вызовете милицию?

Ксения Михайловна засмеялась:

- Что Вы, товарищ Романтик, разве так с гостями поступают! Что касается Ваших преступлений - так мне они известны от Вашего друга детства. Он рассказал мне о Вас, не называя имени и фамилии. И если Вы верите в мою порядочность, то давайте без загадок и ребусов. Я тоже не знаю ничего о своём отце. Он куда-то исчез, после чего моя мать вскоре умерла.

- А где Рая?

- Рая после школы вышла замуж за инженера, уехала с ним на Дальний Восток, и с тех пор я о ней ничего не знаю. Я с мужем развелась и вот теперь живу одна, работаю в библиотеке, и у меня кроме книг и музыки никаких друзей нет. Правда, имеются хорошие знакомые, но это всё не то. Хочется съездить в места моего детства и юности, но и там у меня уже никого. Так что ничего романтичного в нашей жизни нет. Есть только бессильные сумеречные мечты. А теперь рассказывайте, если для этого есть настроение.

- Сегодня я ничего рассказывать не буду. В следующий раз, если у Вас будет настроение слушать. Ведь в моём рассказе ничего приятного не будет: одни утраты, огорчения и опасности. Одним словом, настоящий кошмар нашего жестокого времени.

Вскоре Ксения Михайловна получила письмо от сестры из Новосибирска, куда та переехала с Дальнего Востока после окончания договора. Сестра предложила ей переехать к ним, так как они получили

трёхкомнатную квартиру. Ксения Михайловна уехала так быстро, что я даже не успел рассказать ей и половины своей эпопеи.

3

Продав золотые монеты, Сергей решил ехать на свою родину и попытаться найти своё место в жизни хотя бы на ближайшие 3 - 4 года. Мы договорились встретиться через год в Ленинграде, а затем съездить на могилу Тани, чтобы сделать металлическую оградку. Но состоится ли эта встреча - никто не знал. А я решил ехать в неизвестность в надежде, что на мутном горизонте вспыхнут светлые зарницы. Где мои родители, братья, сестра? Может быть, кого-то уже нет в живых... Осталось только заработать деньги на дорогу.

Сейчас, когда прошло с тех пор 60 лет, мне становится страшно от того, как я, голодный, простуженный, в измятой фуражке, в потрёпанном пиджаке, надетом на старый свитер, бродил по огромному городу, как брошеная собака. Нередко, когда становилось темно, я заходил в какое-нибудь здание, обычно на третий этаж, садился в угол коридора, чтоб хоть немного отогреться и отдохнуть, и, как назло, в это время выходил кто-нибудь из квартиры и, заметив непрошеного гостя, начинал выгонять меня на улицу, называя подонком, вором и другими синонимами. На крик открывались другие двери, и начинался настоящий базарный шум. Один орал: «Надо вызвать милицию», другой - «Спустить вниз головой по лестнице». Оставалось одно - уйти. Особенно издевались над тем, что у меня в авоське было несколько книг - всё моё богатство: «А он ещё и профессор! Голодранец!» - неслось мне вслед.

Но бывали и положительные реакции. Один раз я поднялся в коридор на четвёртый этаж дома в той части города, где находились, по выражению Пушкина, «львы сторожевые». Меня также стали было выгонять, но в это время из одних дверей вышел мужчина лет 45 и громко сказал:

- Прекратите базар. Вы что, не видите, что с ним случилось какое-то несчастье? - и, обратившись ко мне, пригласил в свою квартиру.

Я вошёл, его жена напоила меня чаем, завернула в газету две французские булки, дала мне таблетки от простуды, а сам хозяин сказал:

- Если у Вас будет безвыходное положение - приходите вот по этому адресу в ремонтную мастерскую, расположенную в районе Охты. Я этой мастерской заведую. У нас можно переночевать и даже временно устроиться на работу.

Расстраивало меня то, что от Сергея нет никаких писем, да и куда ему было писать, если я без конца скитался, как перекати-поле, гонимое ветром!

Наконец, когда я пришёл в дом профессора, Зина, показывая письмо, стала заставлять меня плясать. С тревогой распечатал я конверт и с первой же строки понял, что случилась непоправимая беда. «Дорогой мой Васенька - Василий Григорьевич, - писала какая-то женщина, - горе-то у нас какое! Нет больше на свете горемычного Серёжи. Похоронили мы его вчера. Когда он вернулся из города, то долго не мог устроиться на работу, а у него ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, да и жить-то ему, несчастному, было негде. Пожалели мы его с сестрой Марьей и взяли к себе в дом вместо родного сына. Ни у меня, ни у сестры детей нет. Смотрим, парень приходить стал в себя, хозяйственными делами стал заниматься, на шофёрские курсы хотел поступить, но, видимо, не судьба ему. Он часто сестру свою вспоминать стал и о тебе беспокоился, называл тебя, Вася, своим другом. Не мог он примириться, что нету у него больше сестры. Тосковать стал, молчать и даже избегал встреч с людьми. Он дошёл до того, что заболел, изъян в голове какой-то получился, заговариваться стал и попал в больницу. Там то приходил в себя, то снова становился неразумным: с тобой разговаривал и с сестрой. Врачи 3 месяца его лечили, но умер наш Серёжа. Могилу ему выкопал детдом, он и хоронил его. Спасибо директору детдома, даже музыкантов нанял. Но одно мы не можем простить директору, что на работу ему не помог устроиться. Серёжа ведь его воспитанником был. Мог и в своё учреждение принять. Можно было уволить вечного пьяницу завхоза, а Серёжу-то вместо него принять. Вот так, Васенька, ушёл из жизни твой друг и мой всё равно что сыночек. Марья Сорокина с сестрой Валентиной».

Я несколько раз прерывал чтение, не в силах сдержать слёзы, и думал: до чего ж несправедлива и превратна эта бездушная судьба, так жестоко и бессмысленно оборвавшая жизнь Сергея! А ведь этой смерти могло бы не быть, если бы тот директор по-человечески отнёсся к Сергею, своему бывшему воспитаннику.

Я свернул письмо, положил его в карман, обхватил свою голову руками и, закрыв глаза, окаменел. В таком состоянии меня застала Зина и громко закричала:

- Вася, что случилось?

- Обожди, Зина, дай прийти в себя.

Она хотела принести валерьянки, но я сказал:

- Не надо.

Итак, я из бывшего нашего триумвирата остался один. Состояние моё было настолько жутким, что я не знал, куда себя деть. Отчаяние до боли сжало сердце.

Зина села со мной рядом и, видимо, не узнавала моего лица: такой ужас исходил из моих глаз.

- Вася, Вася, - трясла она меня за плечи, - да очнись же ты и скажи хоть в двух словах, что случилось!

- Непоправимая беда, Зина. Вот, сама читай.

Я ещё не рассказал, что в этом письме было написано на его обратной странице.

«Дорогой Васенька, Василий Григорьевич Нечаев, ты теперь всё равно что родственник нам с сестрой. Если будет у тебя времечко и желание - приезжай к нам в гости хоть на недельку, хоть на год, можешь и совсем остаться. Если нет денег - мы их на дорогу тебе вышлем. Ты ведь тоже, как наш Сергей, один-одинёшенек на свете, а уж хлебнул горя и бед столько, что и представить невозможно».

Я вспомнил про убежавшую Зину и застал её в комнате с заплаканным лицом и с таким горем в глазах, что испугался за неё и подошёл к телефону, вызвал скорую. Хорошо, что в это время не было Юрия Александровича. Он уехал в Москву по какому-то делу. Я попросил Зину не говорить ему о случившемся.

Смерть Сергея была таким ударом по моей нервной системе, что моё состояние приближалось к безумию и я стал бояться подходить к перилам моста, проходил мосты посередине.

По рассказу свидетеля

1

В таком состоянии я забрёл в какую-то небольшую церковь на окраине города. В ней было сумрачно и пусто. Вслед за мной вошла женщина лет пятидесяти, одетая в чёрное, и спросила:

- Тебе, юноша, что здесь нужно?

- Я ищу Бога.

- Бог и все святые на небе, а здесь только лики.

В это время в правом углу, на клиросе, я увидел длинноволосого человека. В одной руке он держал книгу, а в другой зажжённую свечу.

- А это кто?

- Это отец Стефан. Сегодня он по просьбе верующих читает молитвы за упокой душ и за здравие.

- Мне он и нужен.

Когда я приблизился к нему - он спросил:

- Вы ко мне?

- Да. Я ищу Бога.

- А кто Вы такой?

- Иван Карамазов.

- Иван Карамазов - это выдумка Достоевского. Да если он и был, то давно уже умер. Он же самоубийца.

- Его, то есть меня, воскресил дьявол и сказал: «Найди Бога и спроси Его: зачем он создал этот преступный мир? Почему Он меня и других людей, не причинивших Ему никакого зла, жестоко и несправедливо наказывает? Кругом зло, лицемерие, клевета и дикая вражда. Никому ни в чём нельзя верить, в том числе и Вам, и даже самому Богу.

Я вытащил из кармана два булыжника. Он, отшатнувшись от меня, осенил себя крестным знамением.

- Не бойтесь, Вас я не задену. Ответьте мне только на один вопрос: Вы действительно священник или облачённый в церковные одежды агент ОГПУ?

- Юноша, ты болен. Я за твоё здравие отслужу молебен.

- У меня нет денег для его оплаты.

- Не надо никаких денег.

- Мне сейчас некогда слушать Ваши лживые молебны. Мне нужен Бог.

Священник показал мне на икону с изображением Иисуса Христа. Я подошёл к ней и спросил:

- Ты действительно сам Бог? Или Божий сын? Да, сын Божий Иисус Христос, всемогущий и справедливый, значит, всё от тебя зависит. Всё! Так почему же в таком случае, куда ни посмотри - везде несправедливость, жестокость и зло? Почему тебе так нравится человеческая униженность и жуткие человеческие страдания? - И, подняв булыжник и крикнув: «Добро, строитель чудотворный!» - я со всей силой швырнул в образ и, теряя сознание, упал на пол.

Святой отец и прислужники, как мне впоследствии стало известно, с трудом поставили меня на ноги и завели в боковую комнату, расположенную между папертью и молельным помещением. В ней оказалась ещё одна прислужница. Меня положили на кровать и смазали лоб и переносицу елеем в виде креста. Ночами, по рассказам этих прислужниц, я бредил, вскакивал на ноги, звал Наташу, Таню и Сергея или спрашивал, где я нахожусь, что со мной здесь делают. Прислужницы умывали меня святой водой и молились за моё выздоровление.

2

Пробыл я здесь 4 дня, а затем меня на носилках доставили в больницу. Там меня опознал врач. Это был один из друзей профессора, в квартире которого он лечил меня от воспаления лёгких.

Когда я пришёл в себя, он сказал, что оставаться здесь опасно и на квартиру к профессору идти нельзя. Он и Зина арестованы, и квартира их заселена другими жильцами. На второй день он меня выписал из больницы. Анатолий Сергеевич (так звали врача) отвёз меня в Парголово, где у него была дача - финский домик. Здесь в летнее время

жила его мать Татьяна Артемьевна и овчарка Миша. Врач познакомил меня со своей матерью и сказал:

- Мама, пусть этот гость поживёт здесь с месяц. Он из Сибири, не сумел устроиться в институт. Он только что из больницы - отнеситесь к нему как к родственнику, да и тебе будет веселее.

Я обратился к нему с вопросом:

- Может, Вы разрешите мне заниматься в вашем саду каким-нибудь делом? Я не садовник, но с этой работой знаком.

- Не возражаю - тебе это полезно.

Через день он вновь приехал сюда, привёз мне сердечные капли, какие-то порошки и продукты. После его отъезда я по указанию Татьяны Артемьевны занялся поливкой. Налил из колодца чан вёдер на 30, чтоб согреть на солнце воду для полива огурцов. На другой день прочистил дорожки и занялся прополкой овощей. Татьяна Артемьевна в это время сидела в саду на стульчике и рассказывала мне о достопримечательностях города и о членах своей семьи. Кроме Толи у неё было две дочери. Одна из них - детский врач - жила в Москве и каждое лето сюда приезжала со своими детьми. Другая дочь - геолог - работала с мужем в одной из партий в Сибири. Она приезжала реже и только в зимнее время. На даче имелась библиотека из нескольких сот книг - ими пользоваться предложила мне сама хозяйка. Так что я неожиданно оказался в особом мире - контрастном моей судьбе. Быстро признал меня за родственника и пёс Миша. Он неразлучно находился возле меня, смотрел добрыми глазами и выражал свою благосклонность вилянием хвоста. Настроение моё посветлело, хотя в глубине души не исчезла затаившаяся притуплённая боль. За каких-то полгода столько нервов, горя, опасностей и тревог! Я чувствовал надломленность организма. Ещё бы: за шесть месяцев я убыл в весе на 14 килограммов. Последней искоркой надежды оставалась поездка брата в Москву, на приём к Калинину. Но как мне узнать о результатах? И я стал готовиться к отъезду домой. Кроме того, несмотря на все казни египетские, я всё ещё надеялся на победу справедливости над злом с помощью верховной власти, считая, что весь этот произвол есть дело местных властей. Окончательное понимание обстановки наступило у меня только после поездки летом 1930 года в родное село и особенно после прочтения письма Ленина партийному съезду, текст которого мне удалось получить в 1931 г. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но помогла мне разобраться в этом вопросе и лживо-лицемерная статья Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в печати 2 марта 1930 г. В результате моего прозрения мир предстал мне ещё более жестоким и страшным. Я понял, что у нас при такой тирании и не может быть правды, истины. От демократии и советской власти осталась только одна

форма. Нет диктатуры пролетариата. Все, в том числе и партийный аппарат, подчинены всесильной тирании сталинского преступного единовластия.

3

Наконец, у меня после бесконечных мытарств появились с трудом заработанные деньги - и я летом получил возможность ехать в неизвестность. К тому же встретил Павла Бокшанского - студента института народного хозяйства, с которым жил в одной комнате в общежитии на улице Ярославской, 14. Увидев меня, он от удивления закричал:

- Куда ты делся? Я полгода тебя ищу.

Эта неожиданная встреча состоялась на Дворцовом мосту.

- Ну, рассказывай, что случилось? Почему ушёл из института?

- Это длинная история.

Мы спустились к набережной Невы и сели на ступеньку каменной лестницы, спускающейся к воде.

- Расскажу, но с условием, если об услышанном никто не будет знать.

- Разумеется.

И я коротко изложил ему причину ухода из института и рассказал, чем занимался в это страшное время.

- Но почему ты сразу ничего не сказал? Побоялся, что донесу?

- Не поэтому.

- Напрасно. Я бы нашёл тебе квартиру у хороших знакомых мне людей, и тебе не пришлось бы проходить через все круги Дантова ада. Ну, да ладно. Хорошо, что встретились. Едем!

- Куда?

- К моим знакомым. Они живут за городом.

- Не поеду. Я собрался ехать домой.

- Безумный, да тебя же там сразу схватят.

- Возможно. И всё же поеду, ведь я не знаю ничего о родственниках.

- А что, ты им поможешь, что ли?

- Я решил ехать.

- Ну, хорошо. Поезжай, но только сообщи мне о себе вот по этому адресу. А вот это, - он достал из кармана и подал мне своё студенческое удостоверение, - возьми с собой. Я сейчас тебе напишу, кто мои родители, и их адрес. Может, пригодится. Кстати, мой прадед - участник польского восстания 1863 - 65 годов и после его подавления был сослан в Красноярск. Запомни, что ты с этого времени Бокшанский Павел.

Из огня да в полымя

1

Решил я в последний раз перед отъездом навестить Тамару Левицкую, жившую, как я уже упоминал, в центре города, недалеко от Казанского собора. Её квартира была для меня оазисом, где я мог изредка часа на полтора отвлечься от действительности, невзирая на то, что хозяйка квартиры Валентина Васильевна смертельно ненавидела меня, как приверженца того мира, который, по её понятиям, погубил её мужа. Его исключили из партии и сослали в Соловецкий лагерь на 10 лет. Сама она ещё работала в бухгалтерии какого-то учреждения, молча, отчуждённо выполняла свою работу и молча уходила домой. Все знакомые от неё отвернулись из-за боязни попасть в число подозрительных. Одну комнату её квартиры занимала Тамара, в другой жила она. Я её за 4 месяца видел не более трёх-четырёх раз.

На этот раз Тамары не оказалось дома. От Валентины Васильевны я узнал, что она ушла на день рождения знакомой и, вероятно, вернётся домой только завтра. Я объяснил, что пришёл в последний раз и, невзирая на её неприязнь, хотел бы внести ясность в один вопрос, но с условием, чтоб об этом не знала Тамара. И я ей рассказал о раскулачивании родителей. Это я рассказал не ради оправдания или поиска сочувствия, а потому, что эту тайну слишком тяжело было держать, как в запечатанном конверте. Я сказал, что ничего не знаю о судьбе моих родственников и о том, что будет со мной дальше.

- Извините меня за откровенность, но мне нужна была эта исповедь. Не знаю, встретимся ли мы ещё. Вероятно, нет. Я хотел бы на память Тамаре подарить вот эти книги: «Отверженные» и «Собор Парижской Богоматери» с надписью: «На добрую память. Алесь». (Так меня звала Тамара). Вот и всё. Я не знаю, где я буду, но сюда я уже заходить не стану. На это я не имею права. Сами понимаете, что могу ухудшить положение Тамары и Ваше.

Я не думал, что мой разговор вызовет такое воздействие на мою собеседницу - 45-летнюю женщину, ненавидящую меня. Она старалась подавить чувства, вызванные исповедью, затем села за стол, обхватив руками голову, и зарыдала:

- Извини меня, Алесь, за непростительное отношение к тебе. Я подавлена личным горем, не подумала о том, что оно может случиться и с другим.

Я старался её успокоить.

- Алесь, Алесь, что же ты наделал? Как мне быть с Тамарой? Она же будет расстраиваться. Может быть, ты ночуешь в её комнате, а завтра сам всё объяснишь ей?

- Это, Валентина Васильевна, только ухудшит её состояние. Альтернативы в данном случае нет. Мы должны расстаться, а раз это неизбежно, то бессмысленно переносить расставание на другой день. Расскажите ей всё и скажите, что я срочно уезжаю в Сибирь и оттуда пришлю письмо, если останусь цел.

Когда я опускался по лестнице, Валентина Васильевна в приоткрытую дверь просила меня:

- Алесь, Алесь, если не уедешь, то сообщи нам о себе.

- Обязательно.

2

Ночь была ясной. По звёздным часам было около 12. Трамваи уже не ходили - и я, пройдя по Невскому проспекту до площади Восстания, повернул в сторону Смольного, решил зайти к Каримову. Его квартира была недалеко от студенческого общежития ЛИНХа. Мы с ним познакомились в Эрмитаже, куда он приводил студентов на экскурсию. Он дал мне свой адрес и в случае необходимости приглашал заходить к нему. Каримов жил у своей тёщи, ожидая квартиру. Это был умный, начитанный и общительный человек. Хотя он был старше меня на 7 лет, но держался благожелательно, не подчёркивая своего превосходства. Я заходил к нему ещё будучи студентом. Оказавшись во дворе, я заметил свет в его окне. Осторожно поднявшись на третий этаж, легонько постучал в дверь. Узнав меня, он открыл дверь и сказал:

- Садись. Что случилось?

- Не знаю, какое-то предчувствие подсказало мне явиться к Вам в неположенный час.

- Да, ты прав. На днях меня исключили из партии, поставили вопрос о лишении учёной степени, освободили от занятий в институте. По всей видимости, в ближайшее время мне грозит арест и ссылка на Соловки.

- За что?

- Ни за что. Меня обвинили в сокрытии прошлого и в шпионской деятельности. Будто бы мой прадед - даже не дед, прадед - был скотовладельцем. Был или нет - я ничего не знаю. Меня обвинили и в том, что мой дед был лицом духовного звания. И деда своего я не видел. Он умер за три года до моего рождения. Что касается моего отца - так он учитель математики, а мать домохозяйка. Вот и вся моя родословная. Мало того - тёща скандал подняла, требуя, чтобы её дочь немедленно развелась со мной, и вчера предъявила мне ультиматум.

3

Через три дня я северной дорогой, через Вологду, Вятку и Пермь, отправился в путь. В Перми решил остановиться на один-два дня, чтобы

увидеть Галочку Рукавишникову. Я уже более восьми месяцев не писал ей ни одной строчки.

Погода стояла ясная, но настроение отверженности Жан Вальжана меня не покидало: 270 чёрных дней давали о себе знать. В памяти невольно оживали воспоминания о них. Нередко мысль моя переключалась на Галочку. Как её встречу? Говорить ли ей о случившемся или нет? Не ясен был и вопрос, где я остановлюсь, когда прибуду в Пермь. Скорее всего, на вокзале Пермь-II. Чем ближе подъезжал я к этому городу, тем обострённее становились мои чувства. Выйдя из поезда, я не сразу пошёл на Верхотурскую, 4, а часа полтора бродил по городу, узнавая знакомые места. Я чувствовал себя так, будто вернулся с того света и никак не мог освоиться с тем, что вернулся в земной мир. Но вот и Верхотурская, 4. Я остановился, укрывшись в группе тополей у ограды. Из раскрытого окна лилась музыка Моцарта. Входить или не входить? Что за нелепый вопрос? Зачем же тогда было делать остановку? Из комнаты слышался разговор. Значит, у Анны Петровны очередная «среда». Зайду туда! Я осторожно, по-воровски открыл калитку, поднялся по лестнице на крыльцо, незаметно проскользнул в коридор и постучал в знакомую дверь.

- Войдите, - послышался чей-то голос.

Как только я вошёл, раздался возглас Галочки Рукавишниковой:

- Ура! - и она, подскочив ко мне и громко смеясь, продолжала кричать: - Здравствуй, крамольник! Откуда ты явился? А мы уж думали, не случилось ли что с тобой!

Анна Петровна, прекратив игру, представила меня своим знакомым. Среди них я узнал преподавательницу античной истории, медичку-студентку, остальных видел впервые. Рассказывать о себе, несмотря на просьбы Галочки и Анны Петровны, я, конечно, не стал, а коротко сообщил, что еду домой из Ленинграда, а своё восьмимесячное молчание объяснил общей фразой «ввиду сложившихся обстоятельств» и попросил Анну Петровну продолжать игру на рояле.

- Что Вам сыграть? - спросила она.

- Я ведь плохо разбираюсь в музыкальной культуре. Играйте на Ваш выбор.

И вновь Моцарт, Бетховен - «Лунная соната». Когда она окончила, я попросил исполнить романс Глинки «Я помню чудное мгновенье».

- Хорошо, а Ольгу Васильевну мы попросим спеть.

Речь шла о преподавателе истории античного мира.

Потом всё же начались вопросы ко мне. Я уклонялся от разговора.

- Да Вы не стесняйтесь - здесь ведь только мои друзья.

- Анна Петровна, - взмолился я, - отложим разговор на завтра.

- Но завтра не будет моих друзей.

- Но я же для них посторонний человек, и едва ли им интересен будет мой рассказ.

- Ну, хорошо, - согласилась Анна Петровна, - перенесём разговор на другой раз. Я завтра почти весь день буду свободна.

- И я, - сказала Галочка.

- А где Вы остановились? - спросила Анна Петровна. Вот тут по закону дипломатии мне пришлось сказать полуправду:

- В общежитии у одного знакомого студента.

- Значит, завтра, - подытожила Анна Петровна, - я жду Вас в 12 часов дня. Это Вас устроит?

- Да.

Пробыл я в гостях ещё часа полтора, ушёл на вокзал Пермь-II, сдал вещи в камеру хранения, сам сел на скамейку в угол и, утомлённый дорогой, быстро заснул.

4

На другой день в назначенный час я явился на Верхотурскую, 4. У Анны Петровны, кроме Галочки, никого не было. Заставив меня позавтракать, Анна Петровна заявила:

- Теперь мы будем слушать.

Пришлось говорить всё, как было:

- Анна Петровна, Вы за кого меня принимаете? Вы думаете, что я являюсь тем студентом, у которого Вы принимали тогда экзамен по литературе? Вы ошибаетесь. Я - Павел Бокшанский, студент института народного хозяйства имени Фридриха Энгельса, живший с Вашим знакомым когда-то в одной комнате.

Сказав это, я достал из кармана удостоверение и подал его Анне Петровне.

- Не может этого быть.

- Почему же не может? Нас с ним часто путали, даже наши общие знакомые - игра природы, уникальный случай. Я еду в Красноярск, где живут мои родители, попутно заехал в Пермь, съезжу и на родину Вашего знакомого, узнаю, что же там произошло. А теперь внимательно слушайте и не спорьте со мной.

Анна Петровна с недоумением переглянулась с Галочкой, не зная, верить или не верить странному сообщению. Поняв их ощущение, я добавил:

- Единственно, что нас различало с Вашим знакомым - он на 2 сантиметра выше, а во всём остальном - полнейшее совпадение. Невероятно и то, что мы с ним родились не только в один год, но даже месяц и число - 12 января.

- Галя, что будем делать?

- Не знаю. Галлюцинациями мы с Вами не страдаем и знаем, что это не сон.

- Конечно, не сон. Хоть убейте меня, но я ни за что не поверю, что Вы не Саша Астафьев, а какой-то Павел Бокшанский. Зачем эта авантюра?

- Ну, хорошо, принимайте меня за Астафьева. Это же не изменит сути дела.

Галочка ещё раз взглянула с недоумением на Анну Петровну.

Я попрощался и ушёл на вокзал. Это была последняя встреча с Галочкой.

5

В дороге я заболел. Пришлось делать вынужденную остановку в Кургане, где жил бывший соученик по Куртамышской школе. Во время болезни я вновь осмыслил прожитый путь. Самым удивительным явлением был сон, который длился с перерывами три ночи, как трёхсерийный фильм, отразивший мою жизнь.

Я оказался в преддверии юности. Вновь состоялась встреча с моей бабушкой Марфой Осиповной, которая была единственным другом детства. Когда она умерла, я долго не мог смириться с её потерей. Эта утрата чувствуется мной и сейчас. Став взрослым, я с грустью приходил на кладбище и стоял у её простенькой могилы с деревянным крестом.

Встретился я во сне и с несостоявшейся невестой Галочкой, вновь пережил все краски утренних и вечерних зорь, грозы, всполохи и вьюги своих чувств. Галочка осознала свою вину. Я пожелал ей светлого счастья. Расстались мы как настоящие друзья. Обещали хоть изредка, но писать друг другу. И всё же я боялся за её дальнейшую судьбу. В этой несостоявшейся любви она потеряла всё, а я, как ни странно, пострадал меньше.

Люди всегда стремятся к счастью, а его не купишь на золото. Чем гениальнее человек, тем требовательнее он подходит к этому понятию. Главное, по-моему, не счастье, а стремление к его недосягаемой вершине. Достигнув одной высоты - стремиться выше, скрываясь где-то за чертой видимости. Поэтому не может быть абсолютного счастья людей, кроме счастья дураков и ожиревших в сытости вельмож или провинциальных пошехонцев. Но в какой бы области человек ни стремился к счастью - он не достигнет его. О каком счастье можно говорить, если рядом с тобой живёт зло, ложь и коварство, если даже ты по горло сыт, живёшь в роскошной квартире, а сотни людей низведены до положения тварей: живут в нищете и умирают от голода? Путь к счастью порой не только труден, но и трагичен. На пути этом стоят Голгофы, виселицы и гильотины. И нередко самыми счастливыми оказываются не тираны, стоящие во главе власти, а герои с петлей на

шее. У каждого счастья свой масштаб, объём, своё содержание. Степень его определяется количеством ступеней бесконечной лестницы, по которой ты поднимаешься вверх, чтобы приблизиться к нему.

Что касается меня - о каком счастье я могу мечтать, оставаясь на положении проклятого Каина, хотя, в отличие от Каина библейского, никакого Авеля, разумеется, не убивал!

Я счастлив тем, что светит солнце, дует свежий ветер, луна, поднявшись над пригорком, озаряет ночной мир. Я счастлив тем, что пока не арестован, что сидел около раскрытой печки, в которой горели дрова, и читал «Собор Парижской Богоматери», когда в трёх метрах от меня под полом моего «особняка» стояли пять гробов с истлевшими трупами. Я счастлив и тем, что, скрываясь от правосудия, в дьявольских условиях не утратил человеческого достоинства, не превратился в Иуду-предателя, не сделался подлым доносчиком.

Я бы мог привести десятки таких примеров, но уже из этих видно, что порой требуется совсем немного для того, чтобы быть счастливым. Я создал себе особый материк из кучевых облаков, двурогой луны, тайн звёздного неба, июльской грозы, февральских лохматых буранов, книг и легенд своего края, из понимаемой мной независимости и свободы, разума и красоты...

Из Кургана я поехал сначала в Омск, где учились мои бывшие одноклассники по Куртамышской школе, в том числе и Валя Альчикова, поступившая в ветеринарный институт.

6

День я пробыл в Омске: знакомился с городом, ходил по правому берегу Иртыша, видел дом, в котором находилась резиденция Колчака. День был ветреным. Иртыш выглядел серым, грозным и взъерошенным. Его вспененные волны, сталкиваясь с берегом, то выбрасывали на него измельчённые частицы грунта, то слизывали их обратно. Иртыш мне казался огромным живым существом, похожим на гигантского сказочного дракона, который, тяжело дыша и хрипя, переворачивался с боку на бок. Он с остервенением стремился выбраться из стесняющих его берегов. Я ещё нигде не видел такой большой и свирепой реки.

В Омске ждала меня неудача. В институте моих соучениц не оказалось: ни Вали Альчиковой, ни Тани Боголеповой. Таня уехала в Куртамыш, а Валя - на практику в Кулундинскую степь. Это от Омска не менее 300 километров. По железной дороге можно доехать только до Славгорода, а затем 100 километров пешком. Я решил ехать.

Позади Славгород. Кругом бескрайняя степь с остатками кое-где сохранившихся колочков. В небе - ни облака, беспощадно палит солнце. Пусто: ни одного живого существа. Это безмолвие и безлюдье угнетает

не меньше хмурой осенней ночи. Поблизости от дороги я не встретил даже самого маленького озерка. Я пересёк только одну деревню, населённую баптистами. Куда бы я ни обратился с просьбой напиться - ворота были наглухо закрыты: или никто не показывался, или говорили: «Воды нет».

Наконец, преодолев сто километров, я оказался в какой-то деревне, возле которой была даже берёзовая роща.

Из Ленинграда я привёз 6 томов Гейне - подарок Вале. Она так была удивлена и растрогана моим появлением, что от восторга закружилась вокруг меня.

Я не стал ей рассказывать о своих злоключениях, а лишь сообщил, что приехал навестить их с Таней. В комнате Вали жили ещё две практикантки. Чтоб не стеснять нас своим присутствием, они куда-то вышли, несмотря на просьбу остаться. После двадцати минут нашей беседы Валя спросила:

- А где Галя?

- Она отреклась от меня - вышла замуж.

- Может, это лучше для тебя?

- Не знаю.

- Ты не обижайся на меня, если я тебе что-то скажу.

- Говори.

- Ты был влюблён в «гения чистой красоты», а Галя, несмотря на многие свои достоинства, им не была. Кроме того - это твоя первая любовь, а у неё были поклонники и до тебя. Молчишь? Значит, ты был влюблён в образ, созданный твоим воображением, а не в реальную Галю. Вы с ней совершенно разные люди. Будь ты попроще...

- Как - попроще?

- Ты не пьёшь вино, не куришь, не любишь сальных анекдотов, а проявляй ты интерес к этому, хотя бы частично - она бы осталась с тобой. Ей нужен поклонник «земной», а не такой, как ты.

- Ты меня так отчитала, что от меня остались рожки да ножки, и всё же я с тобой не совсем согласен.

- Ты надолго приехал?

- Самое большее на два дня.

- А почему бы тебе не побыть дней десять? Я бы познакомила тебя с моим женихом. Он тоже во многом похож на тебя.

- В чём?

- Ну, как тебе сказать? У него гораздо меньше звёзд на небе. Он, наверно, о Гейне не слыхал ничего. Вообще стихов не читает. Но он скромен, справедлив и вежлив.

- И где он живёт?

- В ста шестидесяти километрах отсюда. Останешься?

- Нет. Обстоятельства не позволяют.

- Зря. У нас здесь имеется десятка полтора девиц, в числе которых есть и настоящая Афродита. Может быть, встреча с какой-нибудь из них и окажется тем «чудным мгновением», с которым ты ещё ни разу не встречался.

- И всё же не могу. Завтра утром я должен отправиться в обратный путь.

В комнате было жарко, и она предложила пойти в берёзовую рощу. Было 9 часов вечера. Мы устроились на копне сена и просидели до утра. Ночь была великолепной: не менее светлой, чем белые ночи Ленинграда. Всё находилось в заворожённой тишине, дышало приятной прохладой, отчётливо горели звёзды в лёгком прозрачном сумраке неба. Порой вспыхивали яркие метеоры и рассыпались на отдельные части, не долетая до земли. Когда вырвались первые лучи солнца, я сказал:

- Мне пора.

Валя пошла меня проводить. Я просил её вернуться, но она шла, словно чувствуя, что мы с ней встретились в последний раз. Наконец, когда мы поднялись на пригорок, она с грустью сказала:

- Вот здесь и будет наше расставание.

Она сорвала какой-то скромный полевой цветок близ дороги и подарила мне на память. Я удалялся, а она всё стояла и махала мне рукой. Я оглядывался несколько раз и видел её фигурку всё в том же положении.

Так состоялась моя последняя встреча и грустное расставание и с Валей Альчиковой - неизменным другом моей юности. Такие встречи и разлуки оставляют светлые воспоминания на всю жизнь. А разве в этом нет скромного и вместе с тем пленительного счастья?

После подпольного Ленинграда я теперь находился совсем в другом мире. Он мне являлся подарком за все муки и опасности, пережитые мной в конце 1929 года. Значит, свет побеждает тьму.

Втянутый в смерч социальных драм, я порой не имел ни времени, ни сил следить за всем, что происходит в мире, и я потерял из вида след Валиной жизни. Впоследствии три раза ездил в Куртамыш, чтобы что-нибудь узнать о ней. Никто ничего не знал. Только один раз мне кто-то сообщил, что Валя Альчикова умерла молодой, но я в это не верю. Не может она умереть. Писал в Омск - ответа не получил. Я всё жду прекрасного случая, чтобы найти её, ещё раз встретиться с ней. Валя, где ты? Откликнись!

Не представляю, чтобы серость жизни могла превратить её в равнодушного человека. Что касается цветочка, подаренного мне Валей, - он жив, хотя от времени окрошил свой венчик. Это не дань сентиментальности, а скромная реликвия, напоминающая о том, что

даже в страшном мире зла и насилия иногда сохраняются маленькие оазисы вечного стремления людей к разуму и свету.

7

Из окон вагона замелькали знакомые зауральские места с разбросанными берёзовыми рощами, островками пшеницы, полями клубники и зарослями вишни. Высоко в небе звенят жаворонки, и под облаками парят канюки. Это всё знакомые с детства места. Даже не верится, что рядом с этой красотой живёт зло. Всё залито солнцем. На небосклоне, как снежные горы, блестят кучевые облака, где-то далеко на юго-западе по сгустившейся синеве змейкой скользнула молния, а поезд, ничего не замечая, выбрасывает клубы чёрного дыма, с грохотом и стуком идёт на запад. Через 3 часа он пересечёт территорию моего района. Но ведь у меня сейчас практически нет родины. Я - изгнанник.

Вот-вот покажется Юргамыш. Стою у открытого окна, чтобы видеть всё, а самому остаться незамеченным. Осталось не более километра... Промелькнула последняя будка. Две минуты, и поезд остановился.

Среди людей, толкающихся на перроне, я узнал знакомое лицо инструктора райкома комсомола Ольги Петровны Макаровой. Та же улыбка, те же вьющиеся волосы. Она хотела сесть в мой вагон, но, заметив, что у дверей второго вагона меньше людей, - вошла в него. Значит, мы едем почти рядом. Встретиться с ней или нет? Голос разума запротестовал: «А о чём ты с ней будешь говорить?» Но как хотелось бы узнать о своих родных!

Снова нахлынули мысли о Галочке. Пришло на память собственное стихотворение:

Мне вспоминались
гордые сосны,
Вечно твои молодые глаза,
Первое чувство,
ставшее взрослым,
Буйная, с ветром,
ночная гроза...

Две драмы, социальная и личная, накладываясь одна на другую, создавали острую боль.

Я невольно вспомнил январь 1928 г., когда я пешком за 70 километров шёл в деревню Ждановку, в которой работала моя Галочка. Я считал её будущей невестой, ради которой бросил институт в Перми, чтоб вместе с ней через год-два поехать заново учиться. Я никогда не назову эти мечты ошибкой и не сделаю даже упрёка ей за провал моих надежд. Без этой трагедийности я, быть может, никогда бы не познал красоты великого, редкого чуда - любви, её мучительных страданий, беспредельного

отчаяния, ярких надежд, романтической болезни сердца, без которой жизнь утрачивает смысл, а поэтому за всё это я говорю: трижды спасибо тебе, Галочка, спасибо и за то, что в роковые 270 дней подземелья ты тоже помогала мне жить и сохранять человеческое достоинство.

Глава 4
РАСКУЛАЧЕННЫЕ

Мир земной - бесконечная проза:
Лицемерие, хамство, вражда.
Не для нас расцветают розы,
И увозят нас поезда
Лишь туда, где по злому навету
Погибают в колымский мороз
И вершин сияющих нету -
Лишь равнина, огромный погост.

Возвращение

1

В 1930 г. я приехал в Горохово, чтобы навестить места моих минувших лет после 270 дней пребывания в подземном мире. Нашей семейной реликвии - могучей сосны - уже не было. Мои бывшие соседи сказали, что Мишка Гоглев и Ефимка Ковязин спилили её, чтоб уничтожить следы, напоминавшие обо мне. Спилили сосну как кулацкое дерево!

Впоследствии я из этой части бора привёз маленькую сосёнку и посадил её в огороде на Малобеловодском кордоне. Теперь ей 16 лет. В переводе на человеческую жизнь у неё преддверие юности. Это не чудачество, а память о прошлом, поклонение красоте, сыгравшей немалую роль в формировании моей души.

Никогда не стремился я отомстить даже тем, кто в 1929 г. моё оклеветанное имя не только распял на грубом нестроганом кресте, но даже срубил сосну, стоящую на опушке бора, под которой я родился поздним вечером 12 января.

В Юргамыше, в том числе и в райкоме ВЛКСМ, меня отлично знали и многие даже хорошо ко мне относились, особенно инструктор Ольга Петровна Макарова. Знали они и о том, что я никогда не стремился «кверху», но гвардии рядовым был безусловно[1]. Мой брат Фёдор, быть может, в какой-то степени иронически, называл меня «народником». А что здесь плохого? Да, я был - просветитель. Об этом говорят мои лекции, школа для молодёжи и та библиотека, которую «леквидировали».

Однажды Наташа Важенина на уроке литературы (по линии ликбеза) читала вслух отрывок из романа Э. Войнич «Овод». В это время без разрешения в клуб вошёл «леквидатор» Шурупов. Он поднялся на сцену, постоял молча и сообщил:

- Я уполномоченный из района.

Затем потребовал книгу. Наташа подала. Он прочитал: «Войнич». Ему объяснили, что автором является английская писательница, что книга

рассказывает о борьбе итальянского революционера, имя которого - Овод. Шурупов не только ничего не понял, но и объявил нас приспешниками английского империализма. Положив книгу в портфель, заявил, что передаст её в ОГПУ. Я поднялся на сцену и предложил ему вернуть книгу, объяснив, что тут идёт урок литературы. Я на листке бумаги написал: «Э. Войнич. Овод» - и подал ему:

- Вот с этой запиской идите в ОГПУ.

Как бороться с такими держимордами?

Я не виню своих знакомых, что в самое трудное время они не набрались мужества встать на защиту моего оболганного имени: во-первых, это было им не под силу, во-вторых, ничего не изменив, они себя бы подставили под удар. Не прощаю я им только одного: зачем они сами приняли участие в этой подлости? Вот этому предательству не может быть прощения.

Взять хотя бы моего односельчанина Ивана К. Костылева, который в год смерти моей жены был ещё жив[2]. Его мать кроме швейной машинки, на которой она исполняла заказы своих односельчан, да избы-развалюхи ничего не имела. Зажиточные крестьяне её презрительно прозвали Костылихой, а у самого Ивана кроме как Ванька Костыль другого имени не было. Мальчишки кидали в него камни и нередко били. Однажды - это было в декабре 1921 голодного года - его сбили в снег, стали пинать, но мой отец разогнал истязателей, вытащил его из сугроба и замёрзшего притащил в свой дом. Моя мать - «вражина-староверка» - загнала его на печь, напоила горячим чаем, накормила. Увидев его полуразутые ноги, отдала ему валенки одного из моих братьев. Отец отвесил ему пуд муки, несмотря на то, что наша семья в это время не имела достаточного количества продуктов питания. С этого времени редкий день Ваня не заходил в наш дом в качестве гостя. Его научили читать, писать, а его мать только в нашем доме чувствовала себя человеком.

Позже он вступил в комсомол и был ответственным за работу рабочкома, в обязанность которого входила защита батраков, работавших по найму в кулацких хозяйствах.

И вот в период раскулачивания он предал моего отца.

Но в этом мире произвола и лжи встречались люди и с чистой совестью, и бескорыстные, которые помогли мне выдержать беспощадный экзамен.

Спасибо тебе, дорогая ленинградка Зина, спасибо и Вам, Юрий Александрович. Спасибо всем, кто, невзирая на грозившую им опасность, помогли мне, обречённому изгою, выжить и сохранить человеческое достоинство. Спасибо и тебе, Таня - давно ушедшая из жизни «княжна Мэри», за то, что ты сыграла не последнюю роль в моей драме, истинный смысл которой даже далёкие потомки поймут не сразу...

Я никогда не заявлял о любви к своей родине, не твердил о верности ей, как это нередко делают лицемеры.

Я тебе не клялся в верности, Россия,
О любви своей я не орал.
Твоё имя в сердце
с гордостью носил я,
По нему поступки проверял...

Не забывал я о родной стороне даже и в самые критические дни своего существования и считал, что главный меридиан планеты проходит через мою малую родину - село Горохово, где на опушке соснового бора стоял дом моего отца. А ведь место, где ты родился, твоя малая родина - своеобразное многоцветное окно, через которое лучше видится и понимается вся страна.

Сталинские опричники и местные пошехонцы, репрессировавшие моего отца и всю его семью, творцы дикого произвола, настолько были тупы и жестоки, что не только объявили меня жуликом и политическим преступником, которого разыскивали органы ОГПУ, чтоб учинить расправу по статье 58, но они «леквидировали» с моими личными книгами и комсомольскую молодёжную библиотеку, созданную по моей инициативе и при моём непосредственном участии на средства комсомольской организации. Это по тем временам была лучшая по подбору книг библиотека в сельской местности всего Курганского округа.

Книги отвезли в незакрывающийся амбар сельсовета. Там вместе с дровами они беспорядочно валялись на полу, пока их не растащили разные лица, а частично их сожгли, используя в качестве растопки.

По возвращении в Горохово моим первым вопросом, заданным Якову Андриевских - секретарю комсомольской организации, - был: «Где библиотека?» Когда мы с ним зашли в пустой запылённый амбар, я от неожиданности растерялся. На грязном полу среди бумажного мусора таскался «дух изгнанья» - тоскующий врубелевский Демон - иллюстрация из тома произведений Лермонтова. И это было всё, что осталось от библиотеки!

- Ну, как, «царь познанья и свободы», теперь ты знаешь, что такое «людей минутная любовь»?

Подняв изгнанника с полу, я свернул его, положил во внутренний карман пиджака и молча вышел из амбара.

- Как вы могли дойти до такой дикости? - обратился я вновь к смущённому Якову, хотя он тут был ни при чём: что он мог предпринять, если жизненного опыта у него не было, а всё образование состояло только из двух классов начальной школы? Ретивый же Бахарев и его хотел арестовать и судить как контру.

Так закончила свою жизнь комсомольская библиотека с пушкинским девизом:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

От неё, кроме врубелевского Демона, сохранилась только «Библия для верующих и неверующих» Е. Ярославского, и то только потому, что во время ареста оказалась на руках у одного читателя.

А мою Библию и «Общедоступную астрономию» Фламмариона уполномоченный ОГПУ Шурупов лично сам сжёг в сельсоветовской печке.

За что же «леквидировали» молодёжную библиотеку? За то, что авторы её книг были не батрацко-бедняцкого происхождения, за то, что они ничего не сделали для мировой революции, за то, что их книги стали «развращать рассуждения трудящихся нашего села». Вред определялся по названиям книг: «Капитанская дочка», «Пиковая дама», «Демон», «Дворянское гнездо», «Воскресение», «Пармская обитель», «Собор Парижской Богоматери» и др. Фамилию Байрон истолковали в значении «барон», а вместе с названными произведениями забрали и все остальные, в том числе трилогию Гарина, и за всю эту «мразь» и «контру», и за то, что я в атеистических целях использовал Библию, «леквидаторы» посвятили мне целый номер стенгазеты, назвав в ней свою статью «Жулик с комсомольским билетом».

2

Копию этой статьи (её мне передала О. П. Макарова[3], инструктор райкома ВЛКСМ того времени) до сих пор хранится у меня. Это творение не уступает рассказу Марка Твена «Как меня избирали в губернаторы» и достойно внимания читателей.

Вот его содержание. (Грамматика и правописание соответствуют оригиналу).

Жулик с комсомольским билетом

В 1928 г. комсомольская ячейка произвела земледелие пшеницы и овса на десяти десятинах. Так эта хапуга весь обмолот хлеба в сумме 800 пудов присвоил. Его несколько раз по директиве наших руководящих товарищей Бахарева и Шурупова пытались выгнать из комсомола но комсомольцы попавшие под его подлую власть и бедняцко-средняцкий актив потеряв пролетарскую бдительность и отдавшись опортунизму встали на его защиту. После этого он совсем обнаглел. Он действительно выявлял скрытые посевы. Путем эксплуатации молодежи завел комсомольскую пашню, был избран судьей благодаря его димагогии. Делал доклады о чем помогал публике. Произвел хлебный обоз. Но ведь это он делал только для вида чтоб под этой маской вредить мыслям наших трудящихся. Несмотря на международное положение и политагитацию в стране он чтоб обмолотить

комсомольский хлеб нанял двух кулацких элементов у которых были молотилки и согнал на этот оброк полсела молодых и взрослых. Дальше он дошел до такой бесстыжей наглости, что несколько раз по указанию попа читал в клубе библию а одной старухе вражине советской власти даже купил такой же молитвенник и подарил его при всем народе. За это его вызвал к себе в Кипель Иван Иванович Терехов на переговоры а он и из этой махенации вышел сухим из воды. После этого они проникли даже в суждения комсомольцев. Он наталкал в комсомольскую библиотеку гнилой дворянщины и чертовщины дворянское гнездо, капитанская дочка чтоб тем самым обуржуазить рассуждения трудящихся нашего села. А в годы пятилетнего плана рядом с сочинениями В. И. Ленина поставил книжки меньшевика Плеханова. При руководящей роли наших передовых товарищей его пытались убить. Но вражина уцелела и видя страх разоблачения из села скрылась, но была схвачена ОГПУ и сослана на Соловки но улизнула оттуда в Германию. Необходимо вспомнить что этот паразит привозил на молодежный вечер в гороховский клуб токаревскую учительницу дочь попа чтоб бренчать на гитаре и ерохинскую Лизку Доронину тоже не батрацко-бедняцкого происхождения чтоб выть буржуазные романы, голосить о колокольчике ямщика и бродягах и учить наших девок танцулькам царского режима. Несмотря на эти каверзы мы товарищи идем вперед и поем: мы наш мы новый мир построим. Но чтоб его сделать до конца мы должны раздавить не только всех Чемберленов и Чайканшей[4] международного империализма но и прикончить внутренних гадов товарищи.

Итак привет рабочим всех городов мира. Да здравствует диктатура пролетариата во главе с вождем товарищем Сталиным.

Не уйти от кары и жулику с комсомольским билетом. Все равно она найдет его и поставит к стене.

Подписи: ГОГЛЕВ
ШУРУПОВ
КОВЯЗИН
Неразборчивая подпись

Корреспонденты настолько вдохновились на борьбу с классовым врагом, что забыли в этом гневном документе написать мою фамилию.

Нет, я не осуждаю их бескультурье - они в этом не виноваты. Их вина в подлости, а вот этому нет прощения.

3

Итак, отца вместе с семьёй ночью в мороз выгнали из дома. У моей семилетней сестры даже сорвали с головы платок. Когда стали забирать с божницы репрессированных богов моей матери - она просила оставить ей икону с изображением Богородицы. Завалюев схватил мать за шиворот, выволок на улицу и бросил в сугроб. Затем отобрали всё, до последней чашки и ложки. Раскулаченных таким образом поселили в заброшенной бане, сделанной по-чёрному. Вместо печи в ней была каменка без дымовой трубы. Из этой арестантской никто не имел права отлучиться. Семья состояла из 10 человек, включая деда Ивана 77 лет. Вот это гуманизм! Вот это союз пролетариата со средним крестьянством!

Хозяйство моего отца относилось к мелкому товарному производству, основанному на личном труде. Середняцким оно сделалось только при советской власти. У действительных кулаков в 1918 г. во время передела земли часть её была изъята и передана трудовой части деревни. Мой отец получил дополнительно 3,5 десятины, так как у него было 6 сыновей, и надел стал по 2,5 десятины на человека. Отец всегда работал, даже в праздники.

Пользовался авторитетом.

Это он руководил работами по созданию водоёма Вилки в 1911 г. Этот водоём в первые годы даже называли Ульяновым прудом.

Это он строил в 1913 г. мост в Горохово через реку Юргамыш. Во всех населённых пунктах, расположенных на этой реке, во время сильного наводнения в 1914 г. мосты сорвало, а его устоял.

Это он в 1918 г. организовал первое потребительское общество. Он был первым в числе тех крестьян, которые стремились вести сельское хозяйство на основе агрономической науки, и я не помню года, за исключением засушливого 1921, чтобы урожай пшеницы у него был ниже 100 пудов с гектара.

Вероятно, кто-нибудь из моих раскулаченных родственников умер бы с голоду, если бы во вторую ночь раскулачивания кладовщик колхоза тайно не принёс им пуд муки, сковородку, две тарелки, несколько ложек и ведро. Вскоре из Горохова в Разбегаево приехал секретарь Гороховского сельсовета Михаил Гоглев и Ефим Андреевич Ковязин - Ефимко, как его звали обычно, пьяница и хулиган. Они забрали репрессированных богов моей матери, прикрепили их к стене амбара и расстреляли из берданок.

Моему брату Фёдору удалось бежать из-под этого домашнего ареста. Представители НКВД пытались его поймать, но он без денег и продовольствия каким-то чудом добрался до Москвы и попал на приём к Калинину.

В 1927 г. Фёдор (Федюня) окончил седьмой класс Куртамышской школы II ступени. Затем там же учился дальше в 1928 г. В конце года был переведён в Курганскую школу II ступени. Перевод обусловливался тем, что при новом директоре Шульгине крайне обострились отношения между нэпчиками и детьми рядовых служащих, рабочих и крестьян. Хулиганские группы из нэпчиков начали нападать на комсомольцев и избивать их. В числе таких комсомольцев был и Фёдор. При безвольном директоре разрядить эту обстановку было некому, да и система обучения и воспитания школьников искусственно обостряла классовую борьбу, и брат после нескольких нападений в октябре 1929 г. перевёлся в Курган.

Вскоре начались сталинская коллективизация и раскулачивание. Фёдора исключили из комсомола и школы. Боясь ареста, он из Кургана

уехал и тёмной ночью в конце января 1930 г. пришёл в деревню Ерохино, где жил у родителей матери.

Моего деда Ивана Степановича увезли в Юргамыш на допрос по поводу того, что он был церковным старостой. Он так и исчез.

Отец обратился с просьбой разрешить ему с семьёй из бани переселиться в деревню Ерохино. Ему разрешили, взяв подписку, что он не скроется. Отец дал расписку и за Фёдора. Пробыв в Ерохино недели три, Фёдор решил тайно ехать на приём к Калинину. Дед Савелий и бабушка дали ему деньги на билет.

Когда Фёдор проходил по деревне Горохово, его заметил Ефим Ковязин и доложил милиционеру С. Е. Полетухину. Тот направил вслед за братом трёх вооружённых мужиков, которые возвращались с охоты на зайцев. Полетухин приказал арестовать Фёдора и доставить в сельсовет. Около деревни Разбегаево они догнали его. На вопрос одного мужика:

- Ты, Федя, далеко идёшь? - Фёдор ответил:

- Нет, по просьбе деда Савелия иду в Кипель к его сестре Мавре Ананьевне - сказать ей, чтоб навестила деда: он болен и хотел бы повидаться перед смертью. А вы куда путь держите?

- Да вот ходили за зайцами, да так ни одного и не добыли. А где у тебя старший брат?

- Был в Ленинграде, но недели две тому назад уехал на практику в Грузию.

Охотники, пройдя километра полтора, до прудка между Разбегаевой и Кипелью, постояли ещё минут семь-десять и пошли назад. Полетухин назвал из ослами и позвонил в Юргамыш в отделение милиции, чтоб направили двух сотрудников для ареста Астафьева Фёдора, который, по его мнению, движется в Юргамыш.

Фёдор действительно зашёл в Кипель по указанному адресу и попросил сына Мавры Ананьевны Адриана Васильевича Кузьмина надеть тулуп, ему тоже дать тулуп и довести его в нём до станции Юргамыш.

- В тулупы зачем? Ведь погода не холодная.

- Прежде чем войти в вокзал, поднимем воротники тулупов, и нас, может быть, в таком виде не узнают, если кто из милиции окажется. Они ждут меня одного.

- Но ведь это ненадёжно.

- Конечно, но другого выхода нет. Придётся рискнуть. Если куплю билет, то в тулупе зайду в вагон, а перед отходом поезда выброшу его тебе.

Предположение Фёдора сбылось. Когда «тулупники» с поднятыми воротниками вошли в помещение станции, на скамейке в пяти метрах от кассы сидело двое: Полещук, пригнавший сюда на лошади, и незнакомый

мужчина. Билет куплен. Пассажиры вышли на перрон. Не замедлил прибыть и поезд. Фёдор сел в один из средних вагонов. Садясь, заметил, что в последний вагон заскочил сотрудник местного отдела ГПУ, с которым Фёдор был знаком и даже находился в близких отношениях. Хорошо, что весь поезд был перегружен пассажирами. Фёдор быстро перешёл в первый вагон. Дежурному потребовалось бы 10 - 15 минут, чтоб добраться до него. Отъехав километров 20, Фёдор открыл дверь тамбура и выпрыгнул в сугроб. Выбравшись из снега, он пешком дошёл до разъезда Сладкое и с товарным поездом доехал до станции Мишкино. Ночевать на вокзале не стал, а ушёл к знакомому.

На четвёртый день прибыв в Москву, переночевал на вокзале, затем долго ходил по столице, выспрашивая у прохожих, как попасть на приём к Калинину. Прежде он побывал у Пятакова и Сокольникова в каком-то учреждении на Моховой, а затем уже оказался в приёмной Всероссийского старосты.

Принимая обычно пожилых бородатых мужиков, тот, естественно, удивился, увидев такого молодого ходока. Спросил:

- Мальчик, ты ко мне?

- К Вам, Михаил Иванович.

В ответ Михаил Иванович предложил отойти пока в сторону. Затем, минут через сорок, предложил перейти за соседний стол и сказал:

- Ну, мальчик, как ты сюда попал?

Брат стал рассказывать суть дела, одновременно отвечая на вопросы. Затем Калинин просмотрел окладные листы за два года, на основании которых можно было судить о категории хозяйства отца.

Чуть позже Калинин спросил брата, не желает ли он ознакомиться с Москвой, и, получив утвердительный ответ, прикрепил его к столовой бесплатно, устроил в общежитие и сказал:

- Когда надумаешь ехать домой - сообщи об этом.

Фёдору был вручён бесплатный проездной билет от Москвы до Кургана. Он вернулся с каким-то правительственным поездом, привёз от Калинина документ о реабилитации.

Юргамышский райисполком вынес решение: «Астафьева Ульяна Ивановича от выселения освободить и в суточный срок вернуть всё принадлежащее имущество».

Но под давлением ОГПУ это решение не только не было выполнено, а начались новые бесчинства.

На вопрос: «Где наш дед?» - нам ответили: «Мы его выпустили, а куда он исчез - выясняйте сами». Так мы его и не нашли.

Весной 1931 г. председатель коммуны «Животновод» А. А. Важенин увёз отца в Разбегаево и поселил его с семьёй в пятистенчик. Там отец стал за «чечевичную похлёбку» бесплатно ремонтировать

сельхозмашины, а мать в качестве технички обслуживать контору колхоза и столовую, то есть мои родители были поставлены в условия крепостных-дворовых. Важенин хотел перевести отца в члены колхоза, но секретарь партийной организации Кипели И. И. Терехов не разрешил это сделать. Вновь стали придираться к моей матери, как к «вражине советской власти», возмущаясь тем, что у неё опять появились Псалтирь и иконы (о значении которых ни Иван Иванович, ни работники ОГПУ не имели никакого представления). А. А. Важенина обсуждали на собрании, записали выговор за то, что он под своими крылышками пригрел недобитых кулаков - вражин нашего государства. Наконец, в Разбегаево приехал представитель из Челябинска от 78-го военного завода вербовать рабочих на строительство цехов. Его сопровождал начальник Юргамышского ОГПУ. Он внёс в список фамилию моего отца, не спрашивая его желания. Отец заявил:

- Пока не возвратят моё имущество - хоть убейте, но я никуда не поеду.

В ответ на это ему сочинили документ, согласно которому он сдавал дом в Разбегаево во временное пользование коммуне «Животновод» до востребования.

- Почему только один дом? А амбары, телеги, лошади, коровы и всё остальное? А гороховский дом?

Ему сказали:

- Года три поработаешь в Челябинске, затем вернём остальное имущество.

Отец сослался на Калинина и на решение исполкома от 14 апреля 1930 г. Представитель ОГПУ заявил:

- Здесь, на местах, распоряжается не Калинин, а мы.

Это была уже явная угроза. Что ему оставалось делать? Ждать такого же произвола, который был применён к его отцу - деду Ивану? Это же было время бесконтрольного насилия над людьми, которые были лишены самых элементарных прав.

На 78-м военном заводе города Челябинска такие изгои, как мой отец, были обречены. Непосильный труд, недоедание, отвратительные бараки с нарами. Люди превращались в дистрофиков - их переводили в отдельный барак, который назывался «больничным», в этом заведении лежали «доходяги», никто не собирался их лечить, но они были освобождены от работы, так как толку от них всё равно не было... В этот барак вскоре попал и мой отец. Правда, на другой день его оттуда выбросили:

- Кулаков не лечим.

Он умер от инфаркта. За два часа до смерти ему сообщили, что его сын Павел вновь арестован.

Вскоре умерла от паралича в Ерохино и моя бабушка по матери.

Семья её единственной дочери осталась без угла, без хлеба, без будущего. Старик Иван Степанович прикончен, муж дочери погиб, детей сгоняют в лагеря. Этого бабушка пережить не смогла.

Первым из репрессированных братьев был Иван. Его обвинили в том, что он выполнял задания самого Троцкого и в деревне Разбегаево хотел поднять контрреволюционный мятеж.

- Какой мятеж? - переспросил следователя Ванька, когда услышал обвинение.

- Я тебе, сволочь, покажу, как дурака валять!

И следователь так показал, что при виде любого сотрудника ОГПУ Ванька уже без наводящих вопросов твердил одно и то же:

- Дяденька, я контра, контра!

Ему в то время было всего 14 лет.

В 1935 году, вскоре после смерти Кирова, арестовали моего брата Василия и сделали его каторжанином одного из самых страшных лагерей в Сибири, где он пробыл до середины 1939 года.

Из рассказа Василия

1

Ехали мы в закрытых наглухо вагонах. Не знаю названия остановки, так как поезд остановился за населённым пунктом. Долго гнали по тайге конвоиры с овчарками.

Полуобмороженных заставили сооружать большой барак, крышу затянули брезентом.

Едва уставшие, промёрзшие, голодные люди притихли на нарах, в барак ввалились пьяные конвоиры и большими ножами с верхних нар распластали в нескольких местах брезент:

- Это чтобы вы на звёзды любовались.

Мороз - минус 60° С. Утром с нар сняли около десятка трупов. И так каждую ночь на нарах коченели люди. Рано утром - на лесоповал. Кто не выполнит норму валки леса - тому хлеба не дают. Ослабевший человек норму не выполняет снова и снова. Если после очередной ночи в холодном бараке он ещё жив, его волокут в «лазарет» - место для умерщвления. В «лазарете» никто и не собирается лечить бедолагу - людей просто забрасывают на нары, как дрова, чтобы утром сложить новую поленницу мертвяков. Часто в эту поленницу тащили ещё живых:

- Не всё равно, где ему подыхать?

К весне динамитом взрывают землю и зеков заставляют бросать в большую яму мёртвых и заодно ещё живых. Идёшь на валку, глянешь, а из-под комьев земли торчат руки, ноги, земля буграми поднимается. Сам видел, как из лазарета вынесли неходячих и положили на снег:

- В бараке делаем дезинфекцию.

Держали до тех пор, пока многие не умерли, а кого обратно занесли - те вскоре тоже в поленнице оказались.

Я был в лагере смертников: шансов выжить не было. Озверевшие овчарки, озверевшие люди. Голод. Холод. План валки леса - непосильный. Конвоиры-нелюди изощряются в лютости, жрут спирт и сходят с ума: на пнях обливают ледяной водой

живых людей, превращают в статуи. Дескать, смотрите, вражины, как человек в мрамор превращается, слушайте, падлы, как он завывает напоследок. Это вам будут наглядные примеры, что вас ждёт, если норму не выполните.

Бежать некуда, мы даже не знали, в какой местности находимся. Да и куда побежишь: даже если удастся от пьяного конвоира скрыться - кругом сугробы, зверьё таёжное, одеты кое-как, без хлеба.

Весной водоём неподалёку оттаивал. Разгул среди начальства начинался. Набирали две команды зэков. В водоём два столба забивали. На лодках шестёрки везли двух зэков к столбам, заставляя на них стоять. Чьи зэки раньше со столба в ледяную воду упадут и утонут - та команда проиграет.

Я выжил с трудом, объединившись с двумя товарищами по несчастью. Друг друга на лесоповале убеждали взглядами: дескать, дотянем норму. Ночью часа два двое спят спина к спине, а третий оттирает спящих, чтоб не замёрзли, а потом меняемся.

Срок мой - 5 лет - к концу подошёл. Почти никто срок не выживал, редкие, но и этих счастливчиков конвой в тайге расстреливал. Объявят, что свободен, сдерут фуфайку, шапку, валенки и пинками из зоны. А там и «охотники» за несчастными гонятся, травят, пока не прикончат.

Настал и мой черёд мишенью стать. Посоветовали мне мои друзья:

- Попробуй, Вася, в пересменку конвоя уйти.

Исчез в пересменку. В какую сторону - не знаю. Шагнул - жду, что пристрелят. Тихо. Ещё несколько шагов. Не стреляют.

Голодный брёл ночами. Ждал, что звери набросятся. Лунными ночами несколько раз в полусне натыкался на статуи - замороженных на пне. Страха не было. Подойду, обниму:

- Здравствуй, дорогой, родня ты мне кровная.

Постою - и дальше.

Набрёл на хутор староверов. В конюшне место отвели. И за то спасибо. Месяц дрова колол, за скотиной ухаживал. Дали хлеба и дорогу правильно показали. Снова пришёл в староверческую деревню, сказал, у кого работал, - приняли. Снова батрачил, опять хлеба дали, куда дальше идти, показали. Девять месяцев из тайги выбирался. Когда за Юргамышом оказался - упал в лесу и трое суток проспал.

2

Когда Василий прибрёл к родным - никто его не узнал, даже мать. Месяц он не мог говорить вообще. Его приняли за человека не в себе. Кормили. Он сидел на лавке. Поест и молчит. Тут же спал. На вид был стариком: морщины на лице вдоль и поперёк, согнутый почти пополам, худой, оборванный.

Через месяц от мне прохрипел:

- Я Василий.

Я не поверил, но сказал матери. Она взъерошилась, разозлилась:

- Да неужели бы я Васю не узнала?

Однажды Василий угрюмо глянул на меня:

- Уйдём на улицу.

С паузами, надолго умолкая, он рассказал мне о пережитом. Заметив, что я всё ещё не уверен в том, что он брат мне, Василий начал

рассказывать мне подробности, которые посторонний человек знать не мог.

Я с трудом убедил своих родных, что старый угрюмый человек, поселившийся на лавке, - наш Василий, а не юродивый, которого мы из милосердия никуда не гоним, но держимся с ним настороже, так как не знаем, чего от него ждать.

Василий навсегда остался сутулым и молчаливым. А до ареста это был самый смешливый из братьев.

Он отказывался подписать протокол обвинения, но его заставили. Это выглядело так: раздели донага и приказали стоять посреди комнаты, в окнах которой зимой с четырёх сторон не было стёкол. Сам же следователь сидел в углу с револьвером в меховом полушубке и унтах. Василий стоял долго на сквозняке, начал падать - его ударили. Тогда он сказал:

- Чёрт с вами, подпишу, когда пальцы начнут сгибаться.

Другие расправы

1

Не избежал пыток при допросах мой брат Павел. Его арестовали в апреле месяце 1936 г. в возрасте 22 лет. Он работал учителем литературы и русского языка в Окунёвской школе. Его увезли в Челябинскую тюрьму. Били жестоко, но он отказывался признать, что он враг народа. Тогда его повесили вниз головой. Сняли без сознания. Потом повесили снова вниз головой, с притянутыми к туловищу руками.

По приказу Сталина в середине этого года был арестован и посажен Ягода, преданно служивший Сталину 15 лет. Но этот преданный пёс, знавший все тайны сталинских репрессий, был больше не нужен и опасен «отцу народов», и он решил его уничтожить. Его место занял Ежов. Началась временная «оттепель», и кое-кто из тюрем был освобождён. В этом числе оказался и мой брат. Но в покое его не оставили. 1 сентября на квартире Павла в Зырянке был произведён обыск. Ввиду того что у меня в то время не было удовлетворительной квартиры, мою новую библиотеку, около двух тысяч книг, увезли в Зырянку к Павлу. Часть их ему была нужна, т. к. он был в то время заочником Магнитогорского пединститута. Обыск производили два представителя НКВД. Книги просматривали, а затем бросали на пол. Это были в основном классические произведения.

Книги вновь конфисковали, а Павла вторично отправили в Челябинскую тюрьму.

Я обратился к местному прокурору Воронову с вопросами:

- На основании каких данных арестован мой брат?

- Не знаю, - ответил он, - это идёт не по линии прокуратуры.

- А почему конфискована моя библиотека?

- Обращайтесь к тем, кто конфисковал, - и добавил: - Советую Вам никуда не ходить и считать, что никакой библиотеки не было.

Я и сам это знал. Вскоре мне стало известно, что начальник райотдела НКВД Доможиров Иван Захарович собирается обыскивать и мою квартиру.

Каким-то чудом я избежал ареста, но четверть века жил на грани этой опасности. Каждый мой шаг был на учёте НКВД, куда меня часто вызывали на допросы, связанные с положением братьев - «врагов народа» и «кулака»-отца, требуя письменного отречения от них.

2

Во второй половине 30-х годов раскулачивание крестьян-середняков продолжалось. Я сам видел, как десятка полтора семей, свезённых на площадь близ церкви из соседних деревень (из знакомых в их числе был Ефрем Жданов), ждали отправки. Рёв ребятишек, вой женщин до сих пор в моих ушах.

Однажды у деревни Ильинки я встретил повозку. Посредине телеги из-под полога торчали голые ноги. Я спросил мужчину, управлявшего лошадью:

- Что это такое?

Он откинул полог и сказал:

- Смотри. Не узнаёшь? Это один из активистов нашего села Астафьев Иван Абрамович - «Крестьянин» (это была его кличка).

- Что с ним случилось?

- Заморили голодом в Юргамышской чижовке[5]. Везу в Горохово хоронить.

Заморённого я хорошо знал. Это был крестьянин-бедняк.

В числе жертв оказался и другой активист - середняк Астафьев Елизар Егорович. В камере его превратили в дистрофика и отпустили домой. Встреча с ним произошла при следующих обстоятельствах: я только что прибыл в своё село и на пригорке возле бора стал беседовать со своими односельчанами. В это время из своей ограды, с трудом переставляя ноги, опираясь на палку, вышел человек и стал подниматься на пригорок, но подняться ему сил не хватило, и он пополз по направлению к нам на четвереньках.

- Саня, полюбуйся, что со мною сделали, а ведь в этом ты виноват, потому что под твоим влиянием я стал активистом.

Мне было страшно стыдно - не от упрёка, а от того, что сделали с этим порядочным человеком.

Через два дня он умер.

На фоне таких массовых трагедий Сталин лицемерно заявлял, что самым ценным в жизни нашего общества являются сами люди!

В 1933 г., в июне, я вечером проходил деревней Разбегаево. На берегу реки у моста встретил толпу людей. Подойдя, увидел, как они топором рубили посиневшее мясо павших лошадей и делили меж собой. Один из них сказал, указывая на труп ободранной лошади:

- А ведь это, Саня, твоя бывшая Гнедуха. Хорошая была лошадь.

А в это время газеты трубили об успешном выполнении первого пятилетнего плана, о счастливой жизни советских людей.

3

Вернувшись в Ленинград в конце 1930 г., я вновь стал студентом. Как военнообязанный прошёл медицинскую комиссию. В диагнозе мне написали: невроз сердца, неврастения. Вес с 80 килограммов уменьшился до 64. Значит, я съел 1/5 часть самого себя.

В комнате общежития на Ярославской, 4 мы жили двое: я и Павел Бокшанский, с которым мы учились на разных факультетах, обладали разными характерами и разным отношением к жизни, но как соседи уживались.

Из этого периода жизни запомнился такой эпизод: я стоял на Литейном проспекте в ожидании трамвая, который запаздывал. За моей спиной был киоск. В купленной в нём газете прочитал о 48 вредителях в пищевой промышленности. На третий день из газет узнаю: приговор приведён в исполнение - их расстреляли. Затем подобные приговоры стали приводиться в исполнение в течение 24 часов.

В начале 1931 г. Бокшанский пришёл в комнату, закрыл дверь на крючок и сказал:

- Я принёс копию одного интересного документа, но если узнают, что мы её прочитали - расстрел ждёт обоих. Читать?

- Читай.

Это была копия завещания В. И. Ленина, адресованного партсъезду. В нём давалась характеристика Сталина. Каково? Расстрел за чтение сочинений Ленина! Открывалась и подтверждалась страшная истина: Сталин - враг народа, непревзойдённый во всей мировой истории тиран. Как жить с такой истиной?

Операция «Голод»

1

В 1931 г. я, как студент Ленинградского института народного хозяйства имени Ф. Энгельса, был с Владимиром Рудневым, моим однокурсником, направлен на практику в Полтаву. Там нас включили в состав комиссии

по проверке состояния зерна в разных хранилищах Полтавской, Харьковской и Черниговской областей. Наша задача сводилась к проверке весового обмера, определения влажности, температуры и заражённости клещом. Проверка зерна происходила под контролем ОГПУ. Мы побывали в Прилуках, Миргороде, на станциях в Краснограде и многих сельских пунктах.

Зерно хранилось в больших брезентовых палатках, в деревянных строениях, а в одном пункте пшеница была засыпана в паровую мельницу, начиная с первого этажа и кончая последним. Было немало случаев, когда зерном были засыпаны конюшни с земляным полом. В брезентовых хранилищах зерно засыпано было или на деревянный пол, или прямо на землю, так что снизу прорастало и гнило.

Мы с Рудневым работали на совесть, стараясь выявить все недостатки. Возглавлял работу мужчина лет пятидесяти. О нашем приезде с проверкой заранее было известно. Порченое зерно тайно пытались вывозить и сжигать. Сколько было сгноено пшеницы - я, конечно, не знаю, но судя по увиденному - думаю, что сотни тысяч пудов.

Был я во многих сельских пунктах. Бросалась в глаза характерная деталь: около домов, на улицах мертво - ни одного человека, словно этот населённый пункт был покинут. На стук в ворота обычно никто не отвечал, а если выходили в ограду, то на вопрос отвечали «нема» или «ничего не знаю». В столовой кроме жидких капустных щей ничего не было. Хлеба невозможно было купить нигде. На станции Лозовая я обнаружил 25 тысяч пудов совершенно испорченной пшеницы. Отвечающий за её состояние унизительно просил не составлять на него акта, иначе ему дадут 10 лет тюремного заключения. Я прошёл по пшенице в ботинках - ощущение было такое, как будто бы шёл по мягкому ковру: ноги в зерно совсем не проваливались. Отвечающий за сохранность зерна утверждал, что не его вина в порче зерна, что причина - отсутствие транспорта.

Последним пунктом нашей работы был Красноград Харьковской области. Нам для ночлега предоставили комнату в каком-то большом здании. Продуктов у нас не было. Я решил зайти в столовую. Мне сказали: кроме галушек, ничего нет. Решил попробовать это блюдо, о котором я знал из сочинений Н. В. Гоголя. Купил. И что же? Пол-литра воды и ровно три комочка сырого теста.

Сидим мы с Рудневым в своей комнате усталые, мрачные и голодные. Вдруг видим через открытые двери, как в зал вошёл мужчина упитанного вида. Под мышкой левой руки - окорок из свинины. Зашёл в соседнюю комнату, сел за стол, отрезал кусок и стал жрать. Минут через двадцать в эту комнату явилось ещё несколько человек, связанных, как и мы, с

проверкой. Вскоре нас всех пригласили войти в комнату к чиновнику с окороком, и он нам заявил:

- Если вы в трёхдневный срок не закончите обмер зерна и не выявите, в каком оно состоянии - все пойдёте на рассмотрение ревтрибунала. Вот вам инструкция.

А было известно, что зерна в Краснограде находится несколько миллионов пудов. Мы начали рано утром, используя для освещения фонарь, проработали 16 часов, проверив около миллиона пудов, и сделали следующие выводы: 1) на складах Украины в октябре - ноябре 1931 г. имелись солидные запасы зерна, 2) в большинстве случаев зерно находилось в неудовлетворительных условиях. Его своевременно из глубинок[6] ввиду отсутствия транспорта не отправляли на хранение, и оно заражалось клещом или портилось по другим причинам.

В каком состоянии хранилось зерно в других местах Украины - я не знаю, ибо мы побывали только в 12 городах и населённых пунктах. Вероятно, картина была аналогичная. Видимо, в конце августа и в сентябре 1931 г. зерно было из сельской местности свезено в неудовлетворительные хранилища глубинок и ближайших железнодорожных станций. Немало зерна хранилось в ворохах под открытым небом.

Так что голод на Украине, особенно проявившийся в 1931 - 1932 годах, искусственно создавался уже во второй половине 1931 г.

2

Что происходило в эти годы в Западной Сибири?

В первую половину 1932 г. я дважды был в Новосибирске. Из окна поезда, проходившего через северную часть Казахстана, можно было видеть, как около полотна железной дороги сидели истощённые дети. Встречались и мёртвые.

В мае я приехал в деревню Ерохино навестить родителей моей матери. Перед деревней в редком старом сосняке у норы лежал опухший от голода человек и с помощью петли пытался поймать суслика. По его словам, он уже съел двух кошек, собаку и перешёл на ловлю сусликов и крыс.

У родителей моей матери хлеба не было, но имелась хорошая дойная корова и небольшой запас проросшей картошки. Это их спасло от голодной смерти[7].

Дальнейшие события уже не внесли ничего нового в мою оценку Сталина, а только подтверждали её. Когда в 1934 г. был убит Киров, я, не имея никаких конкретных фактов, уже на основании логики был убеждён в том, что это дело Сталина, и я пришёл к выводу, что у нас нет советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, а

имеется самая дикая, циничная и непревзойдённая во всей истории тирания Сталина[8].

В 1932 г. после окончания института я из 1200 студентов оказался в числе девяти лиц, выделенных для прохождения аспирантуры. Мне была предоставлена возможность специализироваться в области философии. Я целую неделю думал над этим вопросом - и от аспирантуры отказался. Какой же философ получится из меня при отсутствии свободы даже в науке? Если всё должно происходить только в том направлении, куда укажет перст великого мыслителя, а выйдешь за рамки - пойдёшь на Голгофу!

3

Когда умер великий Пан - создатель и правитель нашей Вселенной, я не скажу, что был рад его смерти, хотя и ждал её. Уход тирана из жизни, по моим представлениям, должен был стать первой возможной предпосылкой для коренных преобразований нашего общества. Но кто и когда этим займётся? Я думал, что для этого потребуется 50 - 70 лет. Ведь, объективно говоря, во всей нашей стране не было ни одного человека, которого в том или ином отношении не искалечила тираническая сталинская система. Все мы, независимо от возраста, национальности, компетенции, звания, должности, чина, профессии, партийности и беспартийности, стали её жертвами, только с той разницей, что одни оказались «счастливчиками», а другие несчастными. «Счастливчики» стали фюрерами в низовом аппарате, опричниками в карательных органах. Они, как спруты, обзавелись многочисленными щупальцами и присосками в виде филеров, доносчиков, предателей и прочих подонков. Многие журналисты, писатели и поэты, превратившись в херувимов, занялись восхвалением мудрости великого творца. Многие учёные-философы и им подобные, исходя из того, что этот великий мудрец достиг во всех областях наук абсолютных истин, занялись на этой базе популяризацией его великих творений в виде кандидатских и докторских трудов, получая награды орденами и Сталинскими премиями. Одновременно с этим как херувимы, так и учёные-философы писали друг на друга доносы и, обличая врагов народа, по нескольку раз в своих кляузных письменах повторяли: «Распни их, распни!» Самые счастливые, идя на расстрел, кричали: «Да здравствует великий Сталин!»

Выступления на собраниях и траурных митингах, посвящённых смерти Сталина, сопровождались истерическими воплями и рыданиями.

Я не спорю с тем, что народ многое делал, несмотря на трудности и лишения, для развития промышленности, сельского хозяйства и культуры, но ведь среди этого же народа было немало клеветников и доносчиков, служивших опричниками Сталина и его окружения.

Нам нужна не однобокая лакированная картина, а пусть самая горькая, со всеми её трагическими последствиями, но правда. В противном случае мы останемся лжецами, демагогами и лицемерами.

Лебедев-Кумач писал:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Так мог написать только или наивный простачок-пошехонец, или холуй. Он что, не знал, что эта огромная страна была превращена в один сплошной лагерь?

Так что рассчитывать на быстрые перемены было невозможно. Кроме того, после смерти Сталина ещё длительное время боялись его, даже мёртвого. Страх стал генетическим наследством.

В 1956 г. XX съезд партии осудил культ личности. При Хрущёве были реабилитированы миллионы людей. Сталин был разоблачён, но его бюрократическая система осталась со всеми её аппаратчиками, их взглядами и привычками, с тем равнодушно-постным отношением к добру и злу, - осталась и в годы Брежнева поставила общество на грань катастрофы.

Счастливчикам-слепцам в годы сталинской тирании было легче: они свято верили, что торжественным маршем идут к сверкающим вершинам коммунизма. А как было тем, кто обладал зрячими глазами и жил в этом кошмарном мире?

4

Когда 1 апреля 1938 г. вторично арестовали моего брата Павла - учителя Зырянской средней школы, то Андрей Петрович Полушин, мой коллега по школе, при встрече со мной сворачивал в переулок или шёл на противоположную сторону улицы, притворяясь, что не видит меня[9]. Совершенно по-другому вёл себя заведующий учебной частью нашей школы Сергей Семёнович Соседов. После ареста брата я зашёл к нему в кабинет и обратился с просьбой, чтоб он освободил меня от ведения истории в 10 классе в связи с создавшейся обстановкой. Соседов возразил:

- А при чём здесь Ваш брат? Вы что, должны отвечать за его поступки?

И в дальнейшем он вёл себя так, будто ничего не произошло: нигде ни словом, ни делом не проявлял ко мне никакой неприязни и недоверия. Я ещё раз разговаривал с ним на эту тему, убеждая, что его самого могут обвинить в потере бдительности и из-за меня он может пострадать. Он остался непреклонным.

А вот как поступил Дмитрий Данилович Попов - директор школы. Он дал знать Кукарину, сотруднику местного отдела НКВД, что я сын кулака и брат арестованного. Мне об этом доносе стало известно через сестру Кукарина Сашу, ученицу 10 класса. Она по секрету рассказала всё своей подруге Шуре Рыбиной, а Шура с согласия подруги сообщила мне:

- Александр Ульянович, я знаю, что Вы никому не скажете, если я Вам сообщу одну новость. Мы знаем, что у Вас арестован брат.

- Кто мы?

- Многие, но я имею в виду Шуру Кукарину и меня.

- Ну и что же, что арестован?

- Мы боимся, что и Вас арестуют.

И она рассказала о доносе Д. Д. Попова.

- Шура, спасибо Вам за искренность и заботу обо мне. Мой отец действительно незаконно раскулачен, а затем восстановлен в своих правах, и документ есть. Но я знаю, что это не гарантирует мне безопасность. Скажите Шуре Кукариной, что ни её брат, ни прокурор Воронов не имеют никакого отношения к аресту моего брата. Это сделано по приказу свыше. Брата моего, может быть, ещё отпустят, как это уже было. Лет через 10 - 15 многое не только прояснится, но и изменится к лучшему в нашем мире.

Уже из изложенных выше фактов становится ясным, кто совершал покушения на меня и кто принимал участие в раскулачивании моей семьи.

Об участниках покушения мне стало известно через полтора года. Одним из них был Гоглев - секретарь Гороховского сельсовета - самолюбивый, завистливый и мелочный человек. Он дополнял свою характеристику ещё и тем, что считал себя высокообразованным, невзирая на то, что вся его наука состояла из шестимесячных курсов счетоводов. В разговоре с другими людьми, чтоб показать свою учёность, вставлял в свою речь бухгалтерские термины и тем самым становился до нелепого смешным. Писал он вычурными буквами с разными крючками и завитушками. Если в магазине ему сдавали мелочь, он её тщательно пересчитывал, сопровождая это словами: «С точки зрения счетоводческой науки, денежки любят счёт». Он всех из-за угла критиковал, а кроме того, оказался нечист на руку.

Фамилии стрелявших в меня, возможно, и остались бы неизвестными, если бы не проболтался Гоглев. После того, как по настоянию Бахарева, Шурупова, И. В. Горохова и М. И. Ковязина был раскулачен мой отец и внесён в соответствующий список, Гоглев торжествовал и решил, что пора раскрыть тайну его «геройского поступка», и на одном собрании в присутствии И. Т. Астафьева и Варвары Самойловны открыто заявил:

«Жаль, что мы тогда только подстрелили, а не ухлопали эту гадину и контру».

Узнав, что Ульян Иванович реабилитирован Калининым, М. Гоглев куда-то исчез из нашего села.

5

Несмотря на то, что на детей Ульяна постоянно падала мрачная тень «врагов народа», все они сумели получить высшее образование. Фёдор закончил философский факультет Лениградского университета и стал позднее кандидатом наук. Из всей семьи Астафьевых он был самый везучий, самый дипломатичный, самый большой оптимист. Во время войны он дошёл до Берлина и вернулся обратно в Ленинград без единой царапины. Работал в Ленинградском университете, затем в академии художеств[10]. Братья Павел и Василий - узники Гулага - впоследствии закончили заочно Магнитогорский пединститут. Оба в период Отечественной войны были взяты на передовую. Николай, самый младший, был призван в армию с последнего курса Сталинабадского пединститута[11]. Павел пропал без вести в 1944 г., Василий в том же году погиб в Будапеште, а вскоре был убит и Николай. Все трое братьев в звании лейтенантов погибли в один год, и мать враз получила три похоронки: две в один день, через месяц - третью. Иван с 1941 г. восемь лет пробыл в армии: участвовал в германской и японской войнах - был бортмехаником, ранен, имел высшее педагогическое образование, работал учителем и в 1973 г. умер в Киргизии, в городе Ош. Там и похоронен.

В конце 30-х годов в связи с очередной волной репрессий Савельевна вместе с единственной дочерью Марией уехала в Среднюю Азию. После окончания Сталинабадского пединститута Мария работала преподавателем русского языка и литературы в школе. Перед началом войны она приехала к брату Фёдору в Ленинград. Началась война, Фёдор ушёл на фронт, и Мария вслед за ним добровольно пошла медсестрой. После ранения попала в госпиталь, оказалась в блокадном Ленинграде, была обречена, но по «дороге жизни» была вывезена на Большую землю. После лечения вернулась к матери в Среднюю Азию. Вскоре вышла замуж за офицера-пограничника и всю остальную жизнь проработала в школе. Похоронена вместе с братом Иваном и матерью Анастасией Савельевной в городе Ош (Киргизия). Савельевна умерла на 101-м году жизни.

Я окончил Ленинградский институт народного хозяйства имени Ф. Энгельса в 1932 г. Отказавшись от аспирантуры, был распределён в г. Новосибирск, куда и отослали мой диплом[12].

Заехав в отпуск на месяц домой, я отбыл на место распределения. Там я случайно встретился с профессором Макаровым - преподавателем моего только что оконченного института. За маленьким столом у самых дверей сидел счетовод - бывший профессор ЛИНХа. Он сделал вид, что не узнаёт меня, и шёпотом сказал: «Уходи немедленно». В комнате были и другие сотрудники. Я сам видел, как из здания краевой конторы, занимавшейся вопросами планирования хозяйства края, два раза выводили арестованных её сотрудников на глазах остальных. Обстановка была жуткой. Все сидели молча не только во время арестов, но и в остальное время. Никто никому не доверял. Ждали предательства, боясь за свою судьбу.

Впоследствии жертвой этой волны репрессий стал и сам секретарь крайкома партии Эйхе. После зверских пыток во время допросов (перелом позвоночника) 4 февраля 1940 г. он был расстрелян, так и оставшись убеждённым, что Сталин был невиновен в репрессиях, а виноват Берия и его подчинённые.

В Новосибирске я проработал 4 месяца в гнетущей обстановке. Репрессии усиливались, и по совету профессора Макарова, вскоре после того арестованного, я покинул Новосибирск, даже не забрав диплом о высшем образовании.

Снова родные места. В 1932 - 1935 годах я работал в Мишкинском педтехникуме преподавателем. Диплома у меня не было - и опять надо было начинать всё снова. В 1933 г. я поступил в Московский институт истории, философии и литературы на заочное отделение. В 1938 г., перед получением диплома, в связи с повторным арестом брата Павла я был исключён из института. В это время у меня на иждивении было двое детей, мать, сестра и младшие братья.

Несмотря на то, что в 1963 г. брат Фёдор выслал мне удостоверение об окончании ЛИНХа взамен утраченного диплома, мне по-прежнему, до пенсионного возраста, продолжали выплачивать зарплату на 10 % меньше, чем было положено учителю с высшим образованием[13].

Глава 5
РОМАНТИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ СЕРДЦА

Всё, что вижу,
всё, что слышу
И о чём пою порой, -
Это мне дано не свыше,
А навеяно тобой.

Галочка

1

На шестнадцатом году я впервые влюбился. Влюбился, как уже знают читатели, в Галочку Рукавишникову - пятнадцатилетнюю девушку, дочь преподавателя химии Бориса Николаевича. Это была красивая голубоглазая блондинка. Её живость, легко переходящая в грусть, прямой и открытый характер - всё казалось мне непревзойдённым совершенством. Ни днём, ни ночью я не мог забыть о ней. Всюду передо мной был её образ. Во всём её поведении тоже чувствовалось желание быть со мной. Состояние влюблённости для меня было мучительным. Стеснительность, которой я страдал с детства, мешала мне сказать прямо, что она мне нравится. Я считал себя хуже её: она в моём представлении была слишком идеальной, чего я не мог сказать о себе. Кроме того, она была дочерью интеллигентных родителей. Я же - обыкновенный плебей, случайно попавший в школу. Единственное моё достоинство - я хорошо учился, шёл впереди многих своих сверстников. Но учителя к таким, как я, в те годы не проявляли особенной симпатии.

Борис Николаевич был неплохим человеком. Он нравился ученикам, хотя у него были свои любимчики и постылые. Я до поры не относился ни к тем, ни к другим. Всё дело испортила сама Галина. Её симпатия ко мне не ускользнула от взора Бориса Николаевича, и он решил её уберечь от этого увлечения.

Однажды она пересела на мою парту и сидела со мной целую неделю. Дома ей за такую вольность порядком попало. Её прежде всего лишили хорошего платья. Несколько дней она ходила в поношенном. Косо смотрел Борис Николаевич и на меня. Как-то на уроке химии кто-то бросил бумажку на мою парту. Заметив это, Борис Николаевич вызвал меня к доске. Началось состязание, длившееся добрых 30 - 35 минут. Я отвечал ему на всевозможные вопросы, писал химические формулы. Всем было понятно, что он пытается меня срезать. Класс напряжённо следил за нашим поединком. Я сначала растерялся, но скоро вошёл в курс дела и так быстро отвечал ему на вопросы, что он не успевал подбирать их. Всех напряжённее следила за мной Галочка. Я чувствовал свою правоту, уверенность в победе, сочувствие класса и осмелел до

того, что после каждого ответа поворачивался лицом к Борису Николаевичу и слегка улыбался, а тот угрюмо молчал и, подбирая всё новые вопросы, не хотел сдаваться. Его раздражала моя уверенность. Наконец, несмотря на то, что я ответил на все его вопросы, на этот раз он поставил мне четыре, в то время как раньше ставил только пять. После звонка соученики с торжествующим смехом обступили меня кругом и откровенно восхищались моим поведением, но я не чувствовал себя героем дня: мне моё поведение казалось бестактным. Хотя я только оборонялся, не хотел уронить своё достоинство и скорей бы согласился быть битым, чем получить плохую оценку.

Надежда Ивановна - мать Галочки - красивая, ещё молодая брюнетка с живыми, выразительными глазами, относилась ко мне значительно лучше. По крайней мере, бестактности по отношению ко мне не допускала. В меру строгая, она всегда входила в класс с лёгкой улыбкой. Её стройная фигура, вьющиеся волосы, лучистые глаза резко выделяли её из остальных членов педколлектива. Борис Николаевич рядом с ней казался почти Квазимодо. Трудно было представить, как он мог ей нравиться, тем более что был значительно её старше.

Время летело. Я мучительно страдал, не в силах изменить сложившейся обстановки, не мог себе представить разрыв с Галей, но и считал невозможным наше сближение. Это был трагический тупик. Так я жил, раздираемый противоречиями.

В Галочку был влюблён не только я. В числе влюблённых был мой друг Давид Плахотный. Он не скрывал своей к ней симпатии, но она ему не симпатизировала, а даже иронизировала над ним.

2

Педсовет разрешил мне, Нечуятову, Галочке Рукавишниковой и Вале Альчиковой поступить на курсы подготовки в вуз в городе Кургане. Мы с Нечуятовым устроились на квартире по улице Советской, 27. Девчата жили в другом месте. Занимались по 10 часов в сутки. С Галочкой я встречался каждый день и вечер. Навсегда остались в моей памяти высокие тополя у нашей квартиры. Не раз мы сидели с ней под их кроной, любовались вечерним небом, серебристой луной, яркими звёздами.

Здесь же мы строили планы нашей будущей работы. Сколько красивых, ярких надежд жило в юношеском сердце, сколько благородных стремлений рождалось в беспокойном мозгу! Энергия вулканической лавой кипела в крови: всё изменить, всё перестроить, отдать все свои силы молодой и великой стране. Это было время романтических грёз и необузданных стремлений. Где-то далеко рисовалась величественная Москва, а за ней колыбель революции - город Ленинград. Как

очарованные, смотрели мы в эту даль. Маяками свободы, науки и культуры представлялись нам эти великие города. Это они дали миру Октябрьскую революцию, в кровавом пламени которой погиб старый мир. Но среди дыма пожарищ, бушующих океанских волн, вулканических потрясений появился новый Феникс - очертания коммунистического общества. Мы вступили в жизнь с огромным запасом благородной необузданной энергии. Разве можно было оставаться безразличным ко всему старичком? Мы дышали свежим ветром Октябрьской революции, проверяли свой пульс по её курантам.

Вперёд, вперёд, вперёд - в этом коротком призывном слове был сконцентрирован глубочайший смысл нашей философии: в нём жили буйный порыв ветра, всплеск молний, синева неба, в нём жили грозные раскаты социальных потрясений, вера в торжество коммунистической справедливости, идеальное понимание любви, бескорыстной дружбы.

Время шло быстро. Через две недели курсы заканчивались. Большой неожиданностью для меня был преждевременный уход с них Вали Альчиковой. Дней через пять уехала с курсов и Галя. Её срочно вызвала тётушка. Напрасно я уговаривал Галю остаться. Договорились, что через три дня она вернётся.

С отъездом девушек всё изменилось. Тревожная грусть заползла ко мне в сердце. Так же каждый день за речной долиной, за лесными холмами появлялось солнце, так же в синеглазый полдень плыли по небу пушистые облака, с той же тихой грустью, залитые лунным светом, стояли в садике серебристые тополя. Всё было на месте, но всё утратило поэтическую прелесть.

Наконец, от Вали пришло письмо, где она писала, что отношения отца и мачехи вновь испортились, и она во избежание скандала не будет у них просить денег на поездку в вуз. Она собиралась год-два работать. Решение её было окончательным. «В нынешнем году учиться я не могу, заканчивай курсы и поезжай с Галей в Москву. Я попала в полосу длительной непогоды, но через год-два я буду учиться. Срок большой, но мы будем переписываться, а в каникулы и встречаться. Сообщи, когда поедешь в Москву. Поезд пройдёт через мою станцию. Я тебя встречу. Валя».

Я знал прекрасно гордость Валентины - подруги Галочки. Лишённая с детства материнской ласки, она рано привыкла к самостоятельности. Её зрелый критический ум был не только результатом наследственности, но и тяжёлой для неё домашней обстановки. Она была способна на отчаянный риск даже в том случае, когда это шло вразрез с её личными интересами.

Не приехала обратно на курсы и Галя.

Когда я возвращаюсь мысленно к тем местам, где прошла молодость, перед моими глазами невольно появляется стройная белокурая девушка. С тех пор прошло много времени, но никакие события не вытеснили Галю из моей памяти, несмотря на то, что мы пошли разными дорогами. Меня судьба забросила в Ленинград. Девушка же, в которую я был пылко, по-юношески влюблён, вскоре после этого вышла замуж за другого.

3

Сегодня я хочу подвести итог тому мучительному состоянию, что возникло у меня в связи с трагедией минувших лет. Я смотрел тогда на жизнь ясными глазами. Образ девушки, с которой я хотел связать свой жизненный путь, мне представлялся фокусом, в котором преломились все лучшие мысли и чувства, все надежды начавшегося века. Я был на вершине того психологического состояния, которое люди называют счастьем. Но оно продолжалось недолго. Оно мелькнуло перед моими глазами волшебной сказкой, опоэтизировало мои чувства и, как огненный метеорный фонтан, навсегда погасло в чёрной бездне.

Как сражённый громом, свалился я с вершины оптимистического настроения. Долго я бродил у подножия своей горы, стараясь изгнать из сердца гнетущую боль. Рухнули мои идеалы. Казалось, последний луч солнца исчез где-то за далёкими вершинами гор - и на землю навалилась свинцовой тяжестью непроглядная ночь. Несколько лет бродил я с места на место, нигде не находя минуты покоя.

Эти чувства были для меня Гималаями, выше которых моя душа уже не поднималась никогда. Это своего рода рекорд по высоте и напряжению психологических переживаний.

И сейчас я чувствую, что глубокая рана, возникшая в юности, не заросла, кровоточит.

Я возвожу в культ моей эстетики не реальный, а идеальный, потенциальный образ и берегу его, как величайшее сокровище.

В глубине моего сердца есть заповедник, куда я не допускаю никого. Это тайная тайных моего я. Здесь скрыты солнечные искры несбывшихся надежд. Как «вечный жид» Агасфер, скитаюсь я с места на место и нигде не нахожу психологического равновесия.

А я вот
  о глазах -
    бездоннейших озёрах -
Столько лет
  напрасно промечтал.
Зовите чем угодно -
  логикой иль вздором -
Всё равно
  ничтожнейший финал.

Неотправленные письма

1

Галина Борисовна, здравствуйте![1]

Вы, конечно, будете удивлены этому письму. Мы с Вами не встречались 15 лет. Последний раз я Вас видел в 1929 г. Это было в Перми, где я останавливался проездом из Ленинграда.

В памяти отчётливо сохранилась Куртамышская школа и Ваша пермская квартира на Верхотурской, 2. Хорошо я помню Бориса Николаевича и Надежду Ивановну. Из всех школьных учителей самое яркое впечатление у меня осталось от Надежды Ивановны. Именно она в критический момент помогла мне сохранить оптимизм. Неизгладимо в моей памяти остался и Ваш отъезд из Куртамыша.

Когда я сейчас начинаю перебирать минувшие события - какая-то грусть, как лёгкое прозрачное облако, заволакивает сердце. Вот уже промелькнуло 15 лет. Жуткая цифра, как огромная геологическая эпоха. Легла она в глубину биографии нашего с Вами поколения. Как буйные молодые ветры, разлетелись мы все в разные стороны.

У каждого человека бывает своя весна. Она называется юностью. Первым цветком в моём буйном юношеском саду была роза с тончайшими прекрасными лепестками. Я называл её тогда Галочкой. Может быть, она случайно прикоснулась к моему сердцу и, как видно, расцвела не для меня.

Через 15 лет цветок своей первой любви я вспоминаю как самый яркий, неповторимый момент моей юности.

Оставил ли я какое-нибудь светлое впечатление о себе - не знаю, не знаю и того, каким человеком стала Галочка, теперь уже Галина Борисовна. Человек остаётся в памяти таким, каким он был при последней встрече.

Александр Астафьев.

2

...Вспоминая Вас, я всегда вспоминаю самый красивый, лирический месяц апрель. Вы были первым подснежником моей юношеской весны. Первая любовь оставила много трагического в моей жизни. И всё же Вы - ощущение светлой грусти, вечного вдохновения и немеркнущей красоты.

Этот первый подснежник цветёт и сейчас. Я по-прежнему бережно храню его в своей памяти. Время от времени я для себя писал стихи.

Апрель.
Распускаются почки.
Лёгкий порыв ветерка.

Глухое молчание ночи
Лишь нарушает река.

Шумит,
но её я не слышу,
Хотя и стою на мосту,
Луна же
всё выше и выше
Взбирается в высоту.

Стою,
хоть и очень уж поздно,
И вижу,
как в водной глуби
Мерцают красивые звёзды -
Глаза голубые твои.

В июле 1928 года я по непредвиденным обстоятельствам выбыл из своего села. Дальше начались такие события, что о них говорить трудно. Я восемь месяцев жил на положении отверженного. Так начались мои университеты в Ленинграде. Впрочем, обо всём этом я напишу когда-нибудь в другой раз. Скажу только одно, что жизнь у меня была суровая.

Может быть, неуместно ворошить прошлое, но оно мне слишком дорого, чтоб не говорить о нём.

К числу равнодушных людей я никогда не относился, но и близких друзей у меня было немного. Не могу мириться ни с какими мерзостями, а у нас их бездна. Вот так и промелькнуло 30 лет.

И всё же образ Вашей молодости по-прежнему волнует моё сердце, нет-нет да и выглянет, будто пленительный луч солнца. Какая Вы теперь? Не знаю, но то, что осталось от былого, я не хочу разрушать и вычёркивать из своей памяти.

Формально я ничего не сделал Вам плохого, даже намёком не оскорбил, но я прошёл мимо красивой и чистой любви, и это меня мучило всю жизнь. Я любил Вас, но жизнь у меня была дикая (мог быть арестован в любую минуту). Всё это трудно объяснить даже через 30 лет. Мне ведь тоже было нелегко наступать «на горло собственной песне». Я хорошо помню последнюю ночь перед моим отъездом в Ленинград. Как мне хотелось расковать своё сердце и рассказать Вам правду! Берёзы, освещённые утренним солнцем, капельки росы, небо такое же голубое, как Ваши глаза. Красивая боль в сердце ещё и сейчас отзывается поэзией возвышенного чувства.

Много солнца, красивой грусти,
Светлой радости и огня...
Но не жду я ответного чувства:
Вам удобнее жить без меня.

Вот и всё. Я как будто кончаю,
А ответите - вновь напишу!
Вам сердечный привет посылаю,
Словно сам к Вам по рельсам спешу.
Ставлю точку, но вновь не закончил -
Оживают далёкие сны.
Посылаю нижайший поклончик
И от той высочайшей сосны,
Под которой мы как-то стояли
На высокой Зайковской горе...
Хороши вы, знакомые дали,
И весной, и в любом январе!

3

Станция. Сижу в ожидании поезда. В моём распоряжении 2 часа. С 23 июня я нахожусь в отпуске. Собирался съездить в несколько мест, но всё это останется в области мечтаний.

Писать очень неудобно. Кроме деревянной скамейки - никакой мебели.

Ещё один год канул в вечность, не оставив после себя следа.

Нынче у нас первая половина года была особенной: апрель был тёплым, даже жарким, май - холодным, во второй половине июня стояла высокая, почти среднеазиатская температура. Теперь третий день ненастная погода. Юргамыш принял серый вид. Небо задёрнуто сплошным покровом тёмно-серых туч. Под ногами грязь.

Начиная с первого апреля часто ходил в лес и встретил первый подснежник, но не сорвал его. Апрель - мой любимый месяц, время светлых чувств. Мужество и нежность - его характерные признаки. Они отражены в первенце весны - подснежнике.

Ваши письма - осеннее и последнее - мною получены. На первое Вы просили не отвечать. Я исполнил Ваше желание. Кроме того, ответить на него было бы невозможно: смысл его крайне неясен, облачён в туманную романтику «Страны дремучих трав».

Никакого предательства по отношению ко мне с Вашей стороны я не нахожу. Если Вы разочаровались во мне как человеке - так это не предательство, а переоценка ценностей.

Во втором письме Вы пишете о том, что то осеннее письмо было ошибочным. Возможно, но я не знаю характера его ошибок, и мне трудно писать о нём. Какое отношение моя первая «Синяя птица» могла иметь к Вашей «Стране дремучих трав», или, вернее, Ваша «Страна дремучих трав» к ней - неясно. «Страна дремучих трав» - это же мир Ваших романтических представлений, а «Синяя птица» - символ моей оптимистической молодости, первой любви, оставшейся без ответа. Я не понимаю, как эта птица, от которой осталось единственное пёрышко, могла оказаться в «Стране дремучих трав»: она улетела давно. Но,

несмотря на это, оставила мне хотя и иллюзорное, но красивое наследство. Потеряв её, я не утратил чистоты чувств и, может быть, через эту потерю и научился по-настоящему ценить и понимать их.

Я пережил драму, от которой у меня «красивая болезнь сердца», но в гамме её переживаний осталось наряду с мрачными и грустными нотами много светлых и торжественных аккордов.

Только через пять лет я стал приходить в себя. Молодость взяла своё. Я встретил девушку, которая, как мне казалось, соответствовала моим требованиям. Она была молода, красива, романтична. Больше года я внешне не выражал своих чувств - не мог изменить своей первой «Синей птице». Наконец наши отношения определились, но я, к сожалению, не сумел нашу жизнь сделать безоблачной. Я ли в этом виноват, обстановка ли, в которой я жил, но ясно одно, что я не принёс ей настоящих радостей в жизни. О себе не думаю. Обидно за неё. Кто знает, не встреться я ей на пути, может быть, её жизнь сложилась бы более удачно. Страшно осознавать, что ты являешься прямо или косвенно виновником страданий другого человека. Этому нет оправдания. Я ей давно уже совершенно безразличен. Мы обходимся без «гражданской войны», но разве от этого положение становится лучше? Больше всего боюсь опустошения ума и сердца[2].

Кроме того, я в своё время отказался от аспирантуры, отдал себя в жертву своим ничего не понимающим родственникам, а затем попал в полосу «циклона», продолжавшегося более двадцати лет. Разве мне было легко сознавать, как беспощадно на моих глазах гибла моя молодость?

Таким образом, к личному вопросу присоединилось ещё два: невозможность продолжать образование и социальная трагедия отверженного. И всё-таки, несмотря на тяжёлые обстоятельства, я люблю жизнь и утешаю себя, что не стал обывателем и при всех зигзагах нашей истории всегда трезво оцениваю факты. Лекции, книги, краеведение, стихи, полное равнодушие к материальному благополучию - всё это смягчало подлую жизнь.

Жена моя была красива и романтична, и я в первые годы жизни с ней стал излечиваться морально. Но я не сумел нашу жизнь сделать разумной и красивой, фактически искалечил её судьбу. Я, можно сказать, 25 лет стоял «на ринге», а вместе со мной страдала и она[3].

Подведём итог.

Пожертвовав собой ради родственников, я в области образования остался «недорослем». Не думая о своих интересах, я всю жизнь бесплатно читал лекции, 25 лет дрался за право называться советским человеком. Теперь у меня нет ни дома, ни лома, ни одного рубля

сбережений, сердце барахлит, нервная система - тоже, начальство не любит, с женой - разлад.

4

Леонид Григорьевич, здравствуй!

С большим опозданием отвечаю на твоё письмо. Хорошего в моей жизни мало, а о плохом - не интересно. Обходить правду невозможно. Поэтому напишу обо всём. Прежде всего уже месяц, как больна Зоя Васильевна. Настроение у неё скверное, а я не могу ничем его рассеять. Меня страшит её состояние.

Второе - болен я сам: порок сердца, полная расшатанность нервной системы, болезнь горла. Перспективы неутешительные, живу только мобилизацией волевой энергии. Я страшно устал, измотался, переутомил свой мозг работой. Организм напряжён до предела. Во всех его частях такая натянутость, что вот-вот что-нибудь не выдержит - лопнет.

Таково моё внутреннее положение. Внешняя обстановка дополняет картину. Ты знаешь мой характер, ведь мы были настоящими друзьями. Я им и остался. Моё сердце - гейзер. В нём всегда накапливается избыточная энергия. Она беспокоит и тревожит, требует общения. Я откровенен, хотя и прекрасно знаю, что откровенность часто мне вредит. Но быть другим я не могу.

Мне кажется, что холодная змея безразличия заползла в мой мозг и лишила его той поэтической настроенности, с какой я обычно воспринимал окружающий мир. Спектр моих ощущений стал беднее. Многие линии исчезли совсем, и какая-то часть моего существа умерла.

Александр.

PS. Ночь. Сижу на опушке берёзовой рощи и смотрю на звёзды. Они то закрываются облаками, то опять отчётливо выделяются на фоне освобождённого неба. Безмолвие. Вторая половина августа, но ночь похожа на июньскую. Где-то вдали работает трактор. Его мерный чёткий гул вносит в ощущение ночного мира какую-то свою подкупающую красоту. Хотя ночные пейзажи однообразны и расплывчаты, но живописность их от этого не страдает. У ночи своя зрительная красота и своя музыка. Они почти неуловимы для глаза и слуха.

5

Вера Яковлевна, здравствуйте!

Сожалею, что на автобусной станции не было возможности с Вами как следует поговорить. Не было времени и необходимой обстановки. Вы спрашивали меня о Зое Васильевне. Я тогда ничего Вам не сказал. Мы с ней фактически разошлись ещё в 1947 году, но продолжали находиться в

одной квартире. А последние три года она живёт отдельно. Если присоединить к этому мою внешнюю обстановку, связанную с культом Сталина, то в общих чертах картина моей жизни будет довольно живописной. Я жил на положении проклятого Каина не менее сорока лет. Целая серия конфликтов чёрной нитью прошла через мою биографию.

Я живу в двух мирах - реальном и созданном моим воображением. Это мир моей поэтической романтики. Конечно, большую роль в моей жизни играют природа, книги, лекции, краеведение, стихи, но всюду я один, а это приводит порой к довольно грустным размышлениям. Правда, я не знаю скуки, но одиночество даёт о себе знать.

На будущий год думаю куда-нибудь уехать. По-прежнему много хожу. Все вьюги и грозы прошли перед моими глазами. Особенно люблю апрель, а в последние годы - знойный, грозовой июль, а нынче я наибольшей поэзией жил в октябре. Всё с новой яркостью ожило во мне, взбунтовалось, вырвалась из души моя «Синяя птица» - символ молодости и вместе с ней «лирической болезни» - неразделённой любви.

Село Караси, в котором я работаю, раскинулось по высокому берегу большого озера. Ночь. Мраморные тяжёлые тучи висят над его бунтующими волнами. В его рокоте что-то бетховенское. И когда ты один на берегу озера - у души вырастают крылья, и в это время рождаются стихи.

Со мною вечно
ветер-невидимка:
И в жаркий день,
и в полночь декабря -
И гордая красавица-блондинка -
Апрельская поэзия моя.

Глава 6
В МИРЕ ВДОХНОВЕННОГО ТРУДА

Это - вечный путь исканий,
Дерзких замыслов, задач,
Это - вечно быть на грани
И побед,
и неудач!

Педагогическая работа

1

До 1856 года государственных школ на территории нашего района не было. В ряде населённых пунктов были организованы крестьянские школы. Они создавались жителями села, которые сами набирали учителей из местных «грамотеев», арендовали помещения и платили за обучение. Такой учитель (нередко местный священник - там, где была церковь) получал с ученика от 1 до 5 рублей в год или «покнижно»: за букварь - 3 рубля, за Часослов - 5 рублей, за Псалтырь - 10 рублей. Такие школы были в Таловке, Ерохино, Горохово, Пермяковке, Могильном, Ложкино и других населённых пунктах. Первая из них возникла в Таловке.

По рассказам Ивана Дмитриевича Меркурьева, родившегося в 1875 г., государственной школы в Таловке не было долгое время. Желающих учиться обучал на дому по договорённости с родителями дьячок. Когда учеников стало больше, открыли при церкви начальную школу. Для занятий использовали небольшое каменное помещение, построенное одновременно с основным зданием каменной церкви, которая сменила построенную в 1755 г. деревянную: в 1818 г., подожжённая молнией, деревянная церковь сгорела, и через 10 лет таловцы построили каменную, сохранившуюся до настоящего времени.

По утверждению И. Д. Меркурьева, эта первая не только в Таловке, но и во всём нашем районе школа основана была вскоре после картофельного бунта 1843 года, а именно в 1847 году.

Главную роль в ней играл тогда священник отец Капитон, запомнившийся не только строгостью характера, но и девятью пудами своего веса. На первом плане стояло изучение закона божьего, на втором - письмо, чтение и арифметика.

Но помещение этой школки, способное вместить не более 35 - 40 человек, вскоре оказалось тесным. Дело в том, что во время межевания земель, происходившего в 1856 г., в Таловке только одно мужское население составляло 384 человека. Примерно такое же количество было и женщин. Ясно, что селу, имевшему примерно 700 жителей, требовалось для школы более солидное помещение. С этой целью таловцы на одноэтажном каменном здании, в котором помещалось

волостное правление, построили из дерева второй этаж. Низ стал школой, а вверху разместились волостной старшина и писарь. (Этот второй этаж сгорел в 1956 г., а вместе с ним погибла и часть ценных документов, в том числе и документ, подтверждающий время строительства этого здания).

Возникновение государственных школ в наших местах связано со следующими событиями. В 1837 г. царским правительством для управления делами государственных крестьян было создано министерство государственных имуществ. В 1856 г. Оренбургской палатой государственных имуществ были открыты училища со сроком обучения 3 года в Таловке и Карасях, а в 1860 г. - в Кислянском.

Впоследствии, когда это министерство прекратило своё существование, училища в 1867 г. были переданы в ведение министерства народного просвещения.

Одновременно с ними, особенно после 1884 г., стали создаваться церковно-приходские школы, подчинённые высшему церковному органу - Святейшему синоду (Горохово, Кипель, Острова, Гагарье, Скоблино, Петровское и др.).

С введением земства в Челябинском уезде Оренбургской губернии с 1911 г. стали возникать земские начальные училища (Ново-Заворино, Убиенное, Фадюшино, Кулаш, Пермяковка, Елизаветинка и Корчажное).

Кроме того, в селе Кислянском (1907 г.) и в селе Кипели (1913 г.) были созданы двухклассные училища с 5-летним обучением.

К началу нашего века в нашей местности были школы следующих типов: крестьянские, министерства государственных имуществ - затем министерства народного просвещения, министерства путей сообщения, церковно-приходские, министерства внутренних дел, земские.

Государственных начальных училищ (школ) не было в таких деревнях, как Глубокое, Тамбовка, Рождественка, Тугалым, Токарёво, Звонарёво, Пестерёво, Малые Караси, Макаташкино, Шемелино, Окулово. Из 55 населённых пунктов специальные школьные помещения имелись только в 14 (Камаган, Гагарье, Таловка, Петровское, Кмпель, Ерохино, Кислянское, Караси, Ново-Заворино, Ик, Щучье, Юргамыш и Острова).

Абсолютное большинство школ возникло только в конце XIX и начале XX века.

На содержание школ отпускались незначительные средства: в 1916 г. на Чинеевское начальное училище было отпущено из казны 505 рублей и из земских сборов - 455 рублей, т. е. 970 рублей в год, а на содержание Петровской церковно-приходской школы в 1894 г. - всего лишь 96 рублей. Учителей было мало, а у имевшихся в большинстве случаев не было соответствующего образования. Многие учащиеся обучение не

завершали, значительная часть детей вообще школьным образованием не была охвачена, особенно девочки.

Учебный год был короче современного на два месяца[1].

2

Меня, как и других людей, связанных с жизнью села Горохова, интересовал вопрос: когда же была основана первая школа в этом селе?

Не знаю, сохранились ли где-нибудь об этом архивные документы. Возможно, и нет. Но, опираясь на косвенные факты, можно всё-таки ответить на этот вопрос.

Мой отец У. И. Астафьев, родившийся в 1881 г., два года учился в Кипели. Значит, до 1891 года в Горохове школы ещё не было. А вот Степан Андреевич Андриевских (год рождения 1886) учился уже в Горохове. Следовательно, если он пошёл в школу в возрасте 8 лет, как тогда было принято, то можно сделать вывод, что церковно-приходская школа в селе Горохове была открыта в 1894 году. Об этом он и сам мне говорил в одном из наших разговоров на эту тему.

Вопрос о создании преимущественно церковно-приходских школ был поставлен на обсуждение в кабинете министров в 1881 г. обер-прокурором синода Победоносцевым. В соответствии с этим решением 13 июня 1884 г. утверждены особые «Правила о церковно-приходских школах». Это было время политической реакции, и ставка на такие школы была неслучайной. Основная цель этих школ сводилась к тому, чтобы воспитывать у учащихся верность царю и богу. Недаром знание закона божьего в этих школах стояло на первом месте и преподавал его, как правило, священник местной или ближайшей церкви.

Я начальное образование получил тоже в Гороховской церковно-приходской школе, в которой учился с 1915 по 1919 год. Специального школьного помещения тогда ещё не было. Учились в частных домах.

Закон божий преподавал в то время отец Леонид - священник Гороховской церкви. Это был страшный фанатик и изувер. Линейка, которой он пользовался для наказания своих учеников, никогда не покидала его рук. Бил он обычно по голове, причём не плашмя, а ребром. И, кроме того, ставил ещё в угол на колени.

Совершенно другое впечатление оставила в моей памяти учительница Марья Ивановна Горохова. Если б не она, то моё образование, по всей вероятности, ограничилось бы только начальной школой. Это она посоветовала моему отцу продолжить моё обучение и уже после того, как я окончил эту школу, месяц дополнительно занималась со мной, чтобы мне выдержать экзамен при поступлении в Кипельское высшее начальное училище, открытое в 1913 году. Она же привила мне интерес к математике, хотя я и не стал преподавателем этого предмета.

Я обязан своей первой учительнице ещё и тем, что она дала мне возможность ознакомиться не только с миром звёзд, но и со многими явлениями земной природы. Подарив мне две книги Н. А. Рубакина и астрономию Фламмариона - французского популяризатора этой науки, она тем самым пробудила во мне интерес не только к тайнам этого мира, но и к его величественной красоте и одновременно с этим помогла мне уже на двенадцатом году моей жизни отречься от религии и стать впоследствии атеистом. Критически мыслящий человек может усомниться в этом факте, тем более что я был тогда всего лишь учеником четвёртого класса. Для меня и самого долгое время был загадкой этот быстрый переход от религиозности к безбожию, и всё-таки это правда.

Закон божий мы буквально учили наизусть. Я и сейчас ещё многое из него помню. Что касается молитв и «заповедей господних», они закрепились в моём сознании так же прочно, как таблица умножения. Но книги Рубакина и Фламмариона, написанные доступным языком и совершенно по-другому объясняющие многие явления окружающего мира, сделали своё дело. Причём превратили в безбожника не только меня, но и моего отца (мы читали их вместе). Дело кончилось тем, что я выбросил из своей сумки «Закон Божий» (являлся в школу без него), не стал своему духовному пастырю отвечать на вопросы. Молчал. Он не бил меня. Он просто не знал, что ему со мной делать, оказался бессильным перед мальчишеским протестом. Я об этом подробно говорю только для того, чтобы подчеркнуть мысль, как воспитание в детстве может наложить на всю жизнь очень серьёзный отпечаток.

Не знаю, была ли Марья Ивановна атеисткой. Во всяком случае, открыто она не могла выражать своё отрицательное отношение к религии, тем более, что в это время в Зауралье продолжал (до середины августа 1919 г.) существовать колчаковский режим. Она, может быть, и не думала о том, какой переворот произведут в моём сознании эти книги. Но переворот произошёл. Не подари она мне этих книг, я, может быть, ещё многие годы оставался бы в плену религии. Остался же на всю жизнь религиозным человеком Иван Фролович Андриевских, сидевший в четвёртом классе на одной со мной парте.

Как бы то ни было, но не мрачный духовный пастырь определил мою дальнейшую судьбу, а доброта и душевная красота моей первой учительницы. Именно она пробудила во мне интерес к настоящему знанию и сделала книгу моим пожизненным путеводителем. Вероятно, это и явилось истоком того, что в числе многих прочитанных мною лекций большая часть относится к астрономической и атеистической тематике.

Но я обязан напомнить ещё один очень показательный факт, случившийся в феврале 1919 года. Один из контрреволюционно настроенных жителей нашего села передал колчаковскому офицеру капитану Жукову список людей, являющихся, по его мнению, сторонниками советской власти. 34 мужчинам нашего села грозила серьёзная опасность. Многих из них могли расстрелять: сочувствующие большевикам в этом списке, действительно, были. Жуков решил с этим списком обратиться к Марье Ивановне, поскольку она в селе всех хорошо знала. И что же? Она убедила капитана в том, что список составлен необоснованно, и тут же, на глазах его, порвала эту кляузную бумагу. Об этой истории хорошо знали многие жители Горохова, в том числе и мой отец. Порядочность моей первой учительницы и в этой крайне серьёзной ситуации не подлежит сомнению.

К сожалению, то, какую роль сыграла в моей жизни первая учительница, я по-настоящему осознал только когда уже стал совершенно взрослым, и, таким образом, я не успел даже поблагодарить её...

Годы идут, но образ моей первой учительницы, пробудившей во мне интерес к настоящему знанию и человеческому достоинству, навсегда остался, как и книги, неизменным спутником моей жизни[2].

3

Нынешнему поколению учителей не мешает знать своих предшественников. Среди них особого внимания заслуживает Степан Дмитриевич Антипин, заведовавший с 1914 по 1917 год Кипельским двухклассным училищем, открытым на базе начальной четырёхлетней школы в 1913 году.

По рассказам А. А. Важенина и П. И. Притчина (бывших учеников этого училища), Степан Дмитриевич прибыл в Кипель из Вятской губернии сразу же по окончании гимназии.

Нелегко было ему, сыну школьной сторожихи, получить звание учителя. Когда думаешь о нём, то невольно вспоминается образ Григория Добросклонова из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Постоянная нужда, зависимость от привилегированной части дворянско-буржуазного общества, оскорбления и насмешки над «кухаркиным щенком» со стороны богатых и «благовоспитанных» недорослей рано заставили его осмыслить не только своё положение в капиталистическом мире, но и определить своё к нему отношение. Из гимназии он вышел уже с вполне сложившимся революционным мировоззрением.

Сделавшись заведующим и учителем Кипельского училища, он сразу нашёл общий язык не только с учащимися, но и с определённым кругом

взрослых людей. Не вызывая к себе открытого подозрения со стороны местных властей, Степан Дмитриевич приблизил к себе группу наиболее смышлёных и социально подходящих учеников и стал вооружать их не только идеями атеизма, но и критическим отношением к жизни. Кроме того, при Кипельском училище в те годы, когда он руководил его работой, был создан ботанический опытный участок, на котором учащиеся учились выращивать сельскохозяйственные культуры в соответствии с требованиями агрономии. Круг интересов и работы учителя выходил далеко за пределы непосредственной школьной жизни. Он знакомил учащихся с историей местных курганов и занимался с ними сбором образцов устного народного творчества.

Примерно в 1950 году мне пришлось разговаривать с жителем села Кипели Сергеем Петровичем Гусевым, которому в то время было уже более 75 лет. Меня удивила в нём не только начитанность (я застал его за чтением книги А. К. Толстого «Князь Серебряный»), но и последовательный атеизм, в какой-то степени даже философски обобщённый. Я спросил, какие обстоятельства сделали его безбожником, и он ответил: «Учитель Степан Дмитриевич Антипин».

В заключение нашей беседы он мне рассказал одно стихотворение, слышанное от учителя. Вот текст этого стихотворения, записанного под диктовку Сергея Петровича:

Емельян ты наш Емелюшка,
Есть в краю у нас земелюшка,

Есть покосы, реки чистые,
Есть и сосенки смолистые,

Есть и в небе зорьки ясные,
Но житьё у нас ужасное.

Глубже моря наше горюшко:
Нет у нас, Емеля, долюшки,

Притесняют нас грабители,
Злой царицы управители.

Ах, Пугач ты наш Пугачушко,
Дорогой и милый батюшка,

Ты пришли к нам силу бранную
На их свору окаянную.

Мы давно уж им, мошенникам,
Приготовили ошейники.

Уж давно их ждёт расплатушка.
Приходи же, грозный батюшка!

- Чем же именно привлекло Ваше внимание это стихотворение? - заинтересовался я.

- Мой предок Василий Гусев был участником пугачёвского восстания. Во время разгрома его он бежал в Казахстан и там бесследно исчез.

Пётр Иванович Притчин рассказывает:

- Однажды Степан Дмитриевич оставил в школе часть учеников, главным образом тех, кто был победнее, и сказал: «Ребята, я вам расскажу то, что скрывают от народа царь, дворяне и капиталисты, но только при условии, что вы никому об этом рассказывать не станете». Мы обещали. И вот перед нами встала картина расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. «Царь, дворяне, капиталисты и попы - это общие враги народа», - говорил он нам. Мы сидели, как заворожённые, впервые слушая правду о событиях первой русской революции. Далее он нам рассказал о ленских событиях 1912 года и о начавшейся уже первой мировой войне как о войне захватнической, несправедливой.

Небольшому кругу лиц (учащихся и взрослых) Степан Дмитриевич Антипин, как сообщает А. А. Важенин, давал читать запрещённую политическую литературу.

Вскоре после победы Октябрьской революции он уехал в Челябинск, но там его жизнь трагически оборвалась. Он был расстрелян белочехами, захватившими этот город 25 мая 1918 года.

С тех пор прошло много лет, но пожилые жители Кипели до сих пор помнят своего первого народного учителя.

Вот какие люди были среди тех, кто закладывал основы народного образования в наших краях. Мы, учителя новой эпохи, не должны о них забывать[3].

4

Значительное влияние на моё умственное и, в частности, литературное развитие оказал Анатолий Васильевич Луначарский.

С его двухтомной книгой «Западноевропейская литература в её важнейших моментах», изданной в 1924 г., я ознакомился впервые, когда был ещё учеником Куртамышской школы II ступени. В марте 1926 г. три ученика этой школы, в том числе и я как председатель исполбюро (так тогда назывался общешкольный ученический комитет), были избраны делегатами на межрайонную конференцию учащихся школ II ступени, проходившую в Мишкине. Перед закрытием конференции мне и вручили в качестве подарка названное произведение Луначарского. Это было для меня событием исключительной важности, тем более что я уже кое-что о Луначарском знал.

Знания мои в области западноевропейской литературы были тогда, конечно, очень поверхностны. Всё же я с большим интересом прочитал книгу. Более того, составил по ней даже что-то вроде программы литературно-художественного образования. Но более серьёзно этим вопросом занялся уже после школы. Готовясь для поступления в вуз, одновременно с реализацией этой программы читал выписанные мною издания «Народный университет на дому» и «Комвуз».

Сочинение «Западноевропейская литература в её важнейших моментах» представляло собой курс лекций, прочитанных Луначарским в коммунистическом университете имени Свердлова в Москве. Луначарский открыл мне новое окно в мир художественного слова, расширил мой горизонт, возбудил у меня интерес к классической литературе Запада, особенно к таким поэтам, как Байрон и Гейне. Оказавшись впоследствии в Ленинградском институте народного хозяйства имени Ф. Энгельса, я, несмотря на затруднительное положение с финансами, работая в выходные дни в порту или в Петропавловской крепости в качестве грузчика, на заработанные деньги покупал произведения Шекспира, Шиллера, Гюго, Бальзака, Гёте и, разумеется, упомянутых Байрона и Гейне. К окончанию института в моей личной библиотеке имелось около 750 книг. И этим я во многом обязан опять же Луначарскому.

Интерес к нему у меня особенно усилился после того, как я, будучи ещё студентом, побывал на его лекции, состоявшейся в помещении Ленинградской филармонии. Огромнейшая эрудиция, блестящие ораторские способности, ясность мысли, образный стиль речи привлекали к Луначарскому внимание не только студентов наподобие меня, но также и выдающихся писателей, общественных деятелей и учёных. Не случайно на лекции присутствовали А. Н. Толстой, М. Зощенко, Л. Сейфуллина. В числе слушателей были и президент Академии наук СССР Карпинский и его заместитель Комаров.

С тех пор Луначарский и его книги по различным вопросам культуры особенно прочно вошли в мою жизнь. Они стали для меня такой же необходимостью, как и шедевры мировой и русской литературы. Думаю, что мой эстетический мир был бы беднее, если бы я не получил возможность ещё в молодости прочитать часть книг Луначарского и тем более - услышать его как лектора.

Книгу Луначарского, изданную в 1924 г., я сохранил до настоящего времени, несмотря на то, что у меня имеется 8-томное издание его произведений.

Луначарский был не только человеком огромной эрудиции, но и чародеем слова. С тех пор, когда я был на его лекции, прошло много лет,

но я по-прежнему отчётливо вижу его на сцене зала филармонии, помню его голос и заворожённое внимание людей.

Благодарная память о нём у меня сохранится на всю жизнь[4].

5

Моя учительская работа, как уже известно читателям, фактически началась в 1927 году, когда я стал работать учителем 4-го класса Кипельской школы. Но об оформлении и сохранении соответствующих документов я не позаботился, и в мой педагогический стаж этот отрезок времени не вошёл. Педагогический стаж мой исчисляется с 1932 года, когда я оказался в Мишкино - центре района, соседнего с моим родным Юргамышским. С этого времени моя жизнь постоянно была связана со школой.

С 1932 по 1935 г. я работал в Мишкинском педучилище, которое тогда называлось педтехникумом. Это было начало моей педагогической деятельности после окончания ЛИНХа. В то же время (1934 г.) я закончил Ленинградский заочный антирелигиозный университет.

С тех пор прошло много лет, но я отчётливо помню не только своих бывших коллег, но и многих студентов.

Директором педучилища тогда работал Яков Тимофеевич Клепалов. Родина его - деревня Редуть Юргамышского района. Яков Тимофеевич был удивительный человек. Несмотря на отсутствие высшего образования, он в совершенстве знал математику, разбирался в вопросах физики, философии, интересовался историей, художественной литературой. Интерес к знаниям являлся яркой чертой его характера. Но дело не только в его разносторонней образованности. Он обладал многими другими качествами, необходимыми ему как руководителю педагогического коллектива: не любил официальщины, работал без приказов. Вся работа училища определялась его авторитетом. Всегда вежливый, тактичный, скромный и бескорыстный, он вносил в жизнь коллектива ощущение искренности, творчества и непринуждённости в работе. У меня осталось впечатление, что мы прямо-таки с чувством вдохновенной поэзии выполняли свои педагогические и общественные обязанности, и этой настроенностью мы были обязаны своему директору. Неслучайно педколлектив при нём никогда не знал никаких дрязг. В то же время он ни к кому не приспосабливался, никогда не льстил, говорил правду, не вызывая чувства обиды. Всё решалось без громких фраз, без показной шумихи, без нотаций, упрёков и принуждений.

С 1 сентября 1935 г. я стал работать в Юргамышской средней школе, которая в то время находилась в посёлке Красный Уралец, в доме бывшего капиталиста Шмурло.

Заведующим районо в то время работал К. А. Дьяченко, а его младший брат Михаил Афанасьевич был директором названной школы. До моего прихода из этой школы за критику в ней самодурских порядков было с позором изгнано уже шесть учителей. Последней жертвой был учитель Дружинин. Зажим критики, хамское отношение со стороны директора к учителям, превращение школьного хозяйства в собственный склад - всё это было в порядке вещей. Пять ревизий не дали никаких результатов, и дело дошло до того, что Михаил Афанасьевич уже продал часть книг из школьной библиотеки и начал продавать оборудование, а деньги расходовать на личные цели. Рискуя, я всё же поднял вопрос о братьях Дьяченко. Их сняли с работы и судили за растрату восемнадцати тысяч рублей государственных средств.

Во время Отечественной войны вокруг меня начался новый «циклон». Его возбудил первый секретарь райкома партии Кондратьев, недовольный тем, что я поднял вопрос об исчезновении трёх тонн муки, предназначенной для населения: в магазине не выдавали хлеб по карточкам 8 дней. В этот вопрос вынужден был вмешаться Курганский обком партии, в частности т. Романов. Вскоре Кондратьева за пьянство и стяжательство исключили из партии. Я же опять превратился в сына кулака, занимающегося дискредитацией советской власти.

1947 - 49 годы - снова конфликт. На районной конференции я подверг критике директора средней школы Орлова за присвоение школьного стройматериала. Расскажу об этом подробнее.

6

По рекомендации районного комитета партии директором Юргамышской школы был назначен Орлов Артемий Андреевич. Всему посёлку был известен этот пустослов, балагур, рассказчик всевозможных былей и небылиц, в том числе и своей героической биографии. По пустословию с ним не мог бы соперничать и сам Иудушка Головлёв. Особенно Артёмушка, как его называли, любил посудачить с женщинами насчёт любви и многих других обычных и необычных чувств. Любил Артемий Андреевич бывать на свадьбах, даже у незнакомых людей. Выпив стаканчик и сопровождая своё действо разными прибаутками, наговорит кучу комплиментов и пожилым женщинам, и невесте. Затем пускается в пляс, кривляется, прыгает, щёлкает пальцами, напевая при этом какую-нибудь частушку, и, сняв фуражку, пройдётся по кругу, приговаривая: «Помогите, люди добрые, погорельцу». Ему накидают монет, он их сложит в карман и со словами: «Спасибо, люди добрые» - уходит, оставляя присутствующих в недоумении.

В вечерней школе он вёл немецкий язык, зная на нём не более 30 слов («парта», «карандаш», «окно», «ручка» и т. п.). Занятия шли вечерами, в

школе посторонних никого не было[5], так он вместо немецкого языка рассказывал анекдоты и небылицы о своих подвигах в Великой Отечественной войне, в которой он участвовал в роли музыканта. И не только рассказывал, а иногда, вложив в рот два пальца, что-то насвистывал и приплясывал.

В свободное время, особенно в базарные дни, он торговал на рынке капустой, вареньями, приготовленными по рецептам кухни чуть ли не Людовика XV. Вместе с капустой в качестве товара можно было видеть грязные старые валенки, засаленные бюстгальтеры.

- Налетайте, налетайте, - кричал Артемий Андреевич, - капуста маринованная, капуста квашеная! - И какие-то другие капусты у него были, с неизвестными покупателям названиями. - Огурчики муромские! - И опять их было около десяти названий.

Вместе с ним торговали женщины и удивлялись, что этот фигляр имеет в торговле больший успех, чем они.

Артемий Андреевич на базарной площади для собравшихся вокруг иногда даже читал что-то вроде лекций. Однажды он рассказал, как, находясь в обозе, состоявшем из нескольких сот крестьян, сопровождающих Красную Армию в походе против Колчака, будто бы в возрасте 15 лет выполнял обязанности политработника.

Не буду описывать все его директорские подвиги.

Теперь весь груз ответственности за школьные дела лёг на завуча Юлию Сергеевну Соседову[6].

Но всё-таки что же он делал в течение года, находясь на директорском посту?

В это время он начал строить свой дом. Однажды, находясь в холодном коридоре нижнего этажа школы, я обратил внимание на отсутствие во внутренних рамах стёкол и спросил у завхоза, куда девались стёкла. Он ответил, что рамы расстеклил Артемий Андреевич.

- Зачем?

- Как зачем: стекло - дефицит, а он свой дом строит - вот и расстеклил школу.

- Не может быть!

- Да разве одно стекло! Он увёз со склада гвозди, краску, кирпич и все доски.

Вскоре его освободили от работы, а меня опять превратили в махрового кулака.

Стало быть, моё «буржуазное» происхождение определялось не тем в действительности, что я был «сыном кулака» (мой отец, как уже знают читатели, кулаком не был), а тем, что я разоблачал разных жуликов, нетерпимо относился к подлости и называл вещи своими именами.

Несмотря на тяжёлое физическое состояние (болезнь сердца, нервной системы - инвалид II группы), я ни разу не был не только на курорте, но и в доме отдыха. Десять лет я скитался по частным квартирам, два года жил буквально в конюшне, причём в такой, в которую порядочный человек не решился бы поместить лошадь, тем более, что «квартира» находилась в десяти метрах от общественного туалета. Три года жил в избе при наличии шести человек семьи. У меня никогда не было удовлетворительной квартиры.

Порой вокруг меня разные подлецы создавали невозможную атмосферу. Девять раз за 20 лет моё кулацкое происхождение проверялось соответствующими органами.

Я работал по 15 - 16 часов в сутки, из них добрую половину бесплатно. И вот, когда мне перевалило за 50 лет, я, как Дон-Кихот, спрашивал себя: не пора ли образумиться, отбросить ко всем чертям свой бескорыстный подход и стать умным, «благовоспитанным» человеком, руководствоваться не благими порывами, а «умением жить» - тогда у меня, возможно, будет порядочная характеристика, квартира и другие удобства культурного человека. Но когда мне эту пошленькую философию нашёптывает на ухо далёкий наследник морали Собакевича, во мне всё встаёт на дыбы. Я знаю, что часть людей меня считает чудаком, не умеющим жить. Но не надо ума, чтобы присваивать государственные средства или ходить на базы с чёрного хода. Я не пенкосниматель и умеющим жить не завидую.

7

В Отечественной войне 1941 - 1945 гг. я не участвовал по причине болезни: к военной службе был признан негодным.

Работая в это время в Юргамышской средней школе, в течение двух лет руководил кружком текущей политики, лекторием и отвечал за работу историко-географической секции учителей. С 1941 по 1943 год состоял внештатным лектором Челябинского областного бюро общества по распространению политических и научных знаний[7], а с 1943 по 1945 - Курганского бюро (итого 5 лет). Членом общества по распространению политических и научных знаний был с 1949 г.

В 1954 г. сдал кандидатский минимум по философии при Ленинградском университете, но дальнейшую научную работу пришлось приостановить в силу тяжёлого физического состояния и отсутствия в Юргамыше достаточных условий для этой работы.

Время идёт. Только, кажется, в Юргамышской школе всё остаётся без перемен. Как и в мои школьные годы, администраторы школы без всяких отступлений ревностно проводят «линейки» - 50 линеек в год, каждая в среднем по 40 минут - нудно и однообразно. А сколько за это время

прочитано скучнейших и однообразных нотаций, и всё об одном и том же! Все мы хорошо помним внушения о пережитках капитализма в сознании людей[8].

За 50 лет педагогического стажа мне пришлось знать свыше 250 учителей, преимущественно работающих в средних и восьмилетних школах[9], в педагогическом и медицинском училищах, и непосредственно общаться с 32 директорами названных учебных заведений. Кроме того, мне как лектору пришлось иметь дело почти со всеми директорами тех школ Юргамышского района, в которых я как учитель не работал. В числе директоров были работники разной компетенции. Были люди совершенно случайные, не имеющие ничего общего с педагогикой, были карьеристы, стяжатели, комедианты. Из 32 человек, под начальством которых мне пришлось работать лично, лишь несколько директоров оставили добрую память. Это Я. Т. Клепалов, С. С. Соседов, С. А. Кузнецов, Л. Т. Соколов, К. П. Воронцевич, А. А. Язвицкая, С. А. Арон, К. П. Лапин[10].

В нашем районе народное образование длительное время (с 1939 по 1957 год) возглавлял Дмитрий Данилович Попов, который когда-то заочно с ходу закончил техникум и с тех пор кроме газет, инструкций и циркуляров никогда ничего не читал. До прихода в роно он работал директором Юргамышской, сначала семилетней, а затем средней школы. Это был большой любитель бумажно-организационных форм работы. Под знаком его творческого вдохновения в то время между классами проводилось соцсоревнование, и все стены учительской и школьные коридоры были залеплены всевозможными рисунками из ежей, черепах, птиц, лошадей и самолётов. Это означало, какой класс в системе соревнования ползёт, едет или летит к намеченной цели. На отдельной доске ежедневно появлялись всё новые и новые приказы. Был даже приказ, обязывающий прочитывать все его распоряжения!

Будучи заведующим роно, для роли директора школы он подбирал нужных людей, умеющих льстиво улыбаться и угождать. В соответствии с этим качеством он давал оценки их работе. В свою очередь зависимые от него подхалимы не забывали его добродетели.

Особым почётом пользовались у него «две Паруни», как их звали в районе - Парасковья Степановна Д. и Парасковья Ивановна Ч. Первая - директор школы села З., другая - села К. В этих школах как образцовых нередко проводились совещания учителей. Мастерству этих директоров обязаны были учиться учителя других школ. Мастерство это дошло до того, что даже часть личного скота Дмитрия Даниловича содержалась в зимнее время в хозяйстве школы села К. Парасковья Ивановна снабжала Попова мясом и другими продуктами из своей феодальной вотчины. К юбилейным дням преподносила ему на собранные с учителей деньги

праздничные подарки «от всей души», как человеку, посвятившему всю жизнь народному образованию.

Районные совещания под руководством этого деятеля превращались в чтение заранее подготовленных и просмотренных педагогическим маэстро шпаргалок. С пионерским пафосом читали их со сцены, а порой даже излагали в виде виршей. Главный комедиант этих пьес сидел в это время в президиуме и настолько был уверен в исходе дела, что порой засыпал.

Пользовался почётом Дмитрий Данилович и в верхах. Его друг - областной инспектор В. П. Рыбалко[11] - наводил ужас на трусливых учителей.

В 1949 г. Д. Д. Попову за безукоризненную деятельность на ниве народного просвещения на районном совещании учителей был всенародно вручён орден «Знак Почёта», а его благоверной супруге Серафиме Михайловне - даже орден Ленина, хотя она с 1941 года вообще учительницей не была, а исполняла в системе роно роль статиста, совмещая её с обязанностью конюха. При этом конный двор роно находился в ограде квартиры Поповых по улице Кирова. Серафима Михайловна семи слов не могла произнести внятно, а по своему развитию стояла не выше захолустной сельской попадьи. И вдруг орден Ленина. Что же, жена Цезаря стоит выше подозрений.

Портреты Дмитрия Даниловича и Серафимы Михайловны как передовых работников находятся сейчас в районном музее народного образования[12].

Почему из школ района лучшие учителя или уходили, или их выгоняли? Возьмём Кипельскую школу. По личному заявлению из неё выбыл Шахов - лучший преподаватель физики в районе, с отличием закончивший физико-математический факультет. У Шахова было чувство самостоятельности, ответственности за свою работу. Он был человек творческий, чуждый демагогии, лицемерия и подхалимства. А вся педагогика директора школы построена была на этих свойствах и личном невежестве. Я знал, что многие учителя этой школы отрицательно относились к директрисе, но я знал и другое - против неё выступать не будут.

Я выступил на районном совещании и просил обратить внимание на ещё одно обстоятельство: среди присутствующих находится Н. Н. Балакин - преподаватель биологии Кипельской школы, человек, не умеющий защищаться. Его директриса не только затравила, но и поставила в условия, в которых невозможно ни работать, ни жить.

- Представьте: «особняк», в котором он живёт, - это старая, полуразрушенная изба, без сеней. Вокруг пусто, ни кола ни двора. Жилая площадь 9 квадратных метров вместе с печью. Дров нет. В избе у самых

дверей небольшая кровать, рядом - стол. На печи квартирует его жена с грудным ребёнком. На кровати живёт его сын - девятиклассник. А сам хозяин этого особняка ночью спит сидя на стуле или куда-нибудь уходит на ночлег. Семья его зачастую сидит голодная из-за отсутствия денег. Откуда они могут появиться, если директриса соизволила ему дать только 12 часов[13], и те в расписание так поставлены, что он целый день сидит в ожидании очередного урока! А ведь Балакин - участник войны, был тяжело ранен и, невзирая на тяжёлые условия, окончил биофак Челябинского пединститута. Теперь он доведён до отчаяния, потерял веру в человеческое достоинство и стал трусом.

Кто-то из зала крикнул:

- Хватит сплетничать!

Я ответил:

- Вот полюбуйтесь на эти сплетни, - и вынул из кармана расписание уроков и фотографию «особняка».

По поводу судьбы Балакина я посылал письмо в облоно. Для расследования приезжал инспектор облоно В. П. Рыбалко. Побеседовав с директрисой, он вызвал Балакина в её кабинет и, чтоб нагнать страх, рассказал ему сначала, как он, Рыбалко, работал в особых органах, а затем пригрозил, что если тот не прекратит своё бузотёрство, его отправят в дурдом.

Интересы Н. Н. Балакина всё же удалось тогда отстоять перед облоно. Спасённый учитель перевёлся в Глядянский район.

- Характеризуют этих людей и такие факты, - сказал я тогда же в своём выступлении. - В этом году Парасковья Ивановна отправила своего завхоза для покупки муки и других продуктов для учителей в Казахстан. Когда же продукты были доставлены - их разделили в соответствии с тем, кто что значил, Дмитрий Данилович Попов, сама хозяйка, председатель месткома и завхоз. Далее, директриса обязала своего бухгалтера при выплате заработка учителям вычесть с каждого пожертвования в фонд детей, отцы которых не вернулись с фронта. Кто же будет возражать против этого благородного дела? Однако на собранные деньги был куплен костюм, который преподнесли в качестве подарка нашему уважаемому заврено.

В это время присутствующая в зале директриса заголосила диким рёвом и выбежала из зала. Все молчали. Затем объявили перерыв.

В перерыве ко мне подошли двое знакомых учителей. Один из них сказал:

- Ну, наделали Вы дел, Александр Ульянович, и, наверно, напрасно. Их всё равно оправдают, а Вам опять жизни не будет. Да провались оно всё к чёрту.

Другая дополнила:

- Говорят, что сторонники директрисы хотят завести на Вас судебное дело, а в кабинете первого секретаря райкома идёт заседание бюро, по-видимому, обсуждают, что с Вами делать.

- Что касается меня, то я сам написал заявление, в котором прошу разобрать этот конфликт гласным судебным процессом.

- Не понимаю, чего Вы добиваетесь.

- Ликвидации заболоченной системы образования.

Прошло несколько лет. Время от времени мы с инспектором облоно В. П. Рыбалко встречались, не приветствуя друг друга. Я по-прежнему считал его квалифицированным подлецом. Из облоно его наконец удалили. Вдруг мы с ним встретились вновь, на сей раз в здании сельхозинститута на областном совещании лекторов.

Совещание проходило скучно. Какой-то учёный муж, уткнув нос в бумажку, не поднимая глаз на публику, нудно читал готовый текст. Я тихо покинул зал. В это время передо мной оказался закадычный друг В. П. Рыбалко:

- Здравствуйте, Александр Ульянович!

- Здравствуйте, Василий Петрович!

Я хотел пройти, но он попросил задержаться, сказав, что намерен поговорить по одному вопросу.

- Разве Вы не знаете, что все вопросы мы давно уже обговорили? Вспомните, как Вы «защищали» Балакина.

- Помню, но Вы не учитывали моё положение.

- В чём же его особенность?

- Когда я приехал в качестве председателя комиссии - меня вызвал к себе первый секретарь райкома партии и заявил, что Парасковью Ивановну нужно спасти какой угодно ценой.

- И что Вы ему ответили?

- Не помню.

- Я исправлю изъяны Вашей памяти: «Всё будет сделано, Пётр Афанасьевич, а Астафьеву мы свернём башку». Так о чём же Вы хотите со мной поговорить?

Он сказал, что теперь работает директором средней школы № 41 и приглашает меня перейти в его школу.

- Что, что? Я не ослышался? Да мы же с Вами несовместимы. К тому же я беспартийный и вечно живу с клеймом «сына кулака», невзирая на то, что мой отец признан незаконно раскулаченным. Фактически травят меня за мою независимость, за то, что я служу не лицам, а делу.

- А почему Вы не вступили в партию?

- Во-первых, как я мог вступить, если семья моя дважды репрессирована? До сих пор ещё копаются в моей родословной, начиная с времён питекантропов. Во-вторых, я никогда не хотел быть маленьким,

но вождём, предпочитал оставаться «гвардии рядовым». В-третьих, я понял, что, оставаясь беспартийным, я смогу больше сделать, поскольку буду более независимым. Будь у меня партийный билет - только за одно выступление на районном совещании учителей, направленное на оздоровление системы народного образования в Юргамышском районе, меня в тот же день исключили бы из партии и передали дело в суд за клевету на нашу педагогику, а также её выдающихся деятелей. Или другой вариант: вызвали бы в кабинет к первому и сказали: «Спасите...» Я бы, разумеется, отказался выполнить такую директиву. Меня бы не только исключили из партии, а приписали бы дюжину всевозможных грехов и всё это опубликовали в газете. А мне, беспартийному, даже такой Азеф, как Вы, не сумел свернуть башку. Нет, не хочу я работать в 41-й школе.

8

Такова этика сталинской системы народного образования. Эта порочная система губила всё передовое, творческое, как гигантский инкубатор, выращивала подхалимов, угодников, невежд, всевозможных «акулек», способных только читать на конференциях заранее подготовленные шпаргалки.

Эта система перемалывала и тех, кто поднимался над общим уровнем.

Возьмём Ю. С. Соседову - типичный образец бюрократической сталинской педагогики, несмотря на компетентность в русском языке и литературе. Педант, убеждённый в непогрешимости своих взглядов, она так травила молодую учительницу Марию Ивановну, что та буквально ревела. Годами преследовала Анну Ивановну Сухневу, доводя её до отчаяния.

После выступления Жданова против Ахматовой и Зощенко, который их включил в список врагов народа, Юлия Сергеевна собрала коллектив и в ждановском стиле ещё раз разгромила не только их: досталось и Есенину - «певцу кулацкой идеологии».

В 1960 г. в Курганской области нередко рождались различные государственные аферы, типа сдачи государству хлеба, который ещё был на корню, или сдачи масла независимо от того, есть ли у тебя корова или нет. По поводу маслодельной эпопеи Юлия Сергеевна на собрании учителей закончила свою речь так: «Кто не с нами - тот враг». И учителя, как и все жители посёлка, если не имели коров, покупали масло в государственной торговле и... сдавали государству[14].

Любимым героем Юлии Сергеевны был Павка Корчагин, но она его так обработала, что он превратился в мёртвую абстракцию - идею, лишённую всего, что составляет человеческую личность. Я почти на всех

экзаменах по литературе был у неё ассистентом. Ученические работы были все на один образец, с заранее заученными цитатами.

Знала ли она свой предмет? Безусловно. Обладала ли организационными способностями? Да, обладала. Но всё ею делалось в соответствии с теми генами, которыми её наделила сталинская педагогика. Причиняла ли она зло сознательно? Вероятно, нет. Парадокс и её трагедии состоял в том, что она была убеждена в справедливости своих слов и поступков.

Это был страшный человек с автоматизированным, омертвевшим сердцем. Когда директор школы А. Ф. Гелич ученика 8 класса Анатолия Осипова довёл до сумасшествия, Юлия Сергеевна палец о палец не ударила, чтобы не допустить до такого исхода, а она ведь в то время была завучем.

9

В 1956 году я выступил с резкой обличительной критикой действий директора Малобеловодской семилетней школы Васильевой и её мужа, которых активно поддерживали находившийся с ними в кумовских отношениях заведующий роно Попов, а также заведующий облоно Миронов. Факты, изложенные мной, настолько были несовместимы с педагогикой, что Васильевых сняли с работы и удалили вообще из района.

Но прежде чем это сделать, мне грозили прокурором и судом. Дело в том, что разные жулики и их разнообразные родственники любят облекать своё поведение маской благородных идей. Бороться с ними бывает нелегко ещё и потому, что они обычно заводят себе влиятельных защитников.

Васильевых сняли. Это сильно подорвало и положение самого Попова.

В следующем, 1957 году я вновь подверг критике директора Кипельской школы Чернову[15], к которой Попов всегда проявлял особую благосклонность. Выступление на районном совещании учителей, продолжавшееся 50 минут, наделало ещё больший переполох, чем предыдущее. 250 человек семь раз активно аплодировали во время выступления. Конференцию сразу же прервали на три часа.

Но аплодировать легко, а бороться - труднее. Против меня ополчилась целая группа влиятельных лиц: Миронов, Попов, второй секретарь райкома партии Ковальская, председатель райисполкома Губарев, инспектор районо Божко и, конечно, сама Чернова. Она была у прокурора и судьи за консультацией, как на меня оформить дело в суд за клевету.

Но струсили и решили создать комиссию по расследованию моего выступления. В неё вошло 13 человек. Возглавил комиссию инспектор облоно Рыбалко. Был в ней и только что назначенный заведующим роно

Божко: Попову после моего выступления предложили отказаться от обязанностей заведующего. Ввели в комиссию и меня, рассчитывая, что я один в ней не в состоянии буду доказать свою правоту и тогда меня как уличённого в клевете можно будет привлечь к судебной ответственности.

В Кипельской школе, куда я прибыл как член комиссии, Рыбалко и Божко заявили, что на этот раз они мне «свернут башку». Но, принимая все меры к тому, чтобы спасти Чернову, они всё-таки не сумели, как говорят, спрятать все концы в воду. Она всё-таки получила от облоно строгий выговор. Такое же наказание получил и завуч школы. «Свёртывать башку» мне при таком исходе дела не пришлось. Но врагов я себе нажил за это выступление порядочное количество.

Первое место среди них заняли Божко и Ковальская. В стиле их нравов оказался и новый председатель райисполкома Просвирнов, прибывший вместо Губарева, снятого с работы за ряд мошеннических махинаций. Губарев быстро убрался из Юргамыша и был рад, вероятно, тому, что не попал на скамью подсудимых: одна из его махинаций, например, состояла в том, что он взял из магазина новую швейную машину, а взамен отнёс старую![16] Вскоре освободили от работы как совершенно потерявшую всякий авторитет и Ковальскую. Но одни недоброжелатели исчезли, а другие появились. При таких обстоятельствах на горизонте нашей школы возник близкий друг Божко Гелич, назначенный к нам директором.

10

Александр Фомич Гелич был человеком высокомерным, грубым, сильным физически. Он был резок, а зачастую и просто бестактен и с учителями, и с учениками. Правда, приближённых, заискивающих перед ним, он щадил, а с заведующим роно Владимиром Яковлевичем Божко был, как уже сказано, на дружеской ноге[17].

В восьмом классе учился застенчивый, но самолюбивый и чуткий ко всякой несправедливости Анатолий Осипов. Мальчик обычных способностей по всем предметам, кроме литературы. Несомненно, из него получился бы хороший писатель.

Но как раз в этом учебном году литературу в их классе стал преподавать Александр Фомич. Высокомерный тон нового учителя, видимо, сразу задел ранимого мальчика. Несколько раз он отказался отвечать. Но вот закончилась тема, и учащиеся должны были написать контрольное сочинение. Сочинение он написал хорошее. Скорее всего, он надеялся, что учитель будет приятно удивлён, оценит его способности, похвалит, и отношения будут налажены.

Но Гелич написал оскорбительную рецензию, смысл которой сводился к тому, что Анатолий у кого-то списал свою работу. При раздаче тетрадей директор швырнул тетрадь Анатолия с таким же отзывом.

Этот эпизод бесследно не прошёл. Анатолий, учившийся до этого на четыре и пять, остался на второй год и перевёлся в вечернюю школу, ушёл в себя и вскоре попал в психдиспансер с тяжёлой депрессией. Вернувшись из больницы, он некоторое время работал художником в кинотеатре. По дороге на работу и с работы он постоянно встречал Гелича, который, как ни в чём не бывало, продолжал быть директором школы. Трудно сказать, что произошло: или просто высокомерный вид этого человека подействовал на впечатлительного юношу, или Гелич вновь оскорбил его, но однажды Анатолий ушёл в кинотеатр и не вернулся. Больше его никто не видал. Судьба его неизвестна[18].

Вот как излагает события вокруг этого конфликта мать Анатолия Прасковья Антоновна Осипова: «Когда директор Юргамышской средней школы Гелич довёл моего сына Анатолия Осипова до тяжёлого нервного расстройства, в результате чего он около шести месяцев пробыл в лечебнице для нервнобольных, то заведующий роно Божко не только не осудил Гелича за такой варварский поступок, но ещё и всюду его защищал[19]. Не поддержал меня и прокурор Пузырёв - друг Божко и Гелича. Он даже вызвал однажды меня к себе в кабинет и заявил: «Если Вы будете подрывать авторитет Гелича в связи с историей Вашего сына, я оформлю на Вас дело в суд». Вернувшись из больницы, сын увидел, что Гелич не только остался на месте, но его активно поддерживают высокопоставленные друзья. В апреле 1992 года, 21 числа, он исчез и неизвестно где сейчас находится. Совершенно безразлично к судьбе моего сына отнеслась и Яшина Н. И., исполнявшая в то время в Юргамышской школе обязанности не только преподавателя географии, но ещё и секретаря партийной организации[20]. Меня поддерживали Р. Ф. Погорелова (классный руководитель того класса, в котором учился мой сын Толя) и Астафьев А. У. Последний по поводу истории моего сына был в райкоме партии, в облоно (у Голова[21]), у прокурора Пузырёва, в редакциях областных газет и в Курганском обкоме партии. И только после статьи Мороз, напечатанной 11 июля 1962 г. в «Молодом ленинце» и направленной на разоблачение геличевщины[22], Гелич вскоре был освобождён от работы в Юргамышской средней школе. Таким образом, он почти не получил никакого наказания: сняли с работы в одной школе и на такую же должность перевели в другую[23], а мой сын, несмотря на защиту его отдельными людьми, стал жертвой геличевщины и тупого равнодушия к его судьбе таких лиц, как Яшина».

А вот ещё один эпизод, характеризующий стиль работы А. Ф. Гелича.

Вызывает меня срочно в райком партии И. И. Козлов - второй секретарь. Я прихожу, открываю дверь, а в кабинете кроме него сидят в ожидании секретарь райкома по идеологии, она же ответственное лицо за организацию и проведение лекций в районе В. А. Ковальская, секретарь партийной организации школы В. И. Полуйчик и директор школы А. Ф. Гелич. Я сразу понял, что поднимается какой-то серьёзный вопрос. Козлов, не сочтя нужным ввести меня в курс дела, взял, как говорят, быка за рога:

- На каком основании ты читаешь лекции, которые не нужны ни народу, ни партии?

- Подтвердите своё обвинение хотя бы одним примером.

- А что ты рыпаешься?

- Во-первых, мне не совсем ясен этот термин. Во-вторых, если Вы меня необоснованно обвиняете в том, чего я не делал, - я имею право на защиту.

Иван Иванович к такому повороту был совершенно не подготовлен. Получив, как выяснилось, заявление от Гелича, он с ходу хотел расправиться со мной. А я настаивал:

- Вы не ответили на мой вопрос. Назовите хотя бы одну тему лекций, которая была бы не нужна ни народу, ни партии.

Иван Иванович оказался в нелепом положении. Я обратился к секретарю по идеологии с тем же вопросом.

- Нет таких лекций, - ответила она.

- Вопросы ко мне будут?

Молчание.

- Александр Фомич, - обратился я к директору, - если Вы решили заняться доносами, то зачем вводить в заблуждение секретаря райкома партии?

Самонадеянного, с физиономией «столичного» директора Фомича как ветром сдуло!

Возникла же вся эта ситуация потому, что недели за две перед этим вызвал меня Александр Фомич к себе в кабинет и, сделав кислую гримасу, спросил, почему я избегаю читать лекции на педагогические темы.

- А где их читать? - спросил я.

- На собраниях учителей.

- Александр Фомич, у меня и без того очень обширная тематика. Педагогическими темами должны заниматься классные руководители.

- Но ведь Вы тоже классный руководитель.

- Для родителей своих учеников я на днях прочитал лекцию «Педагогический такт и его значение в учебно-воспитательной работе». Если хотите - я эту лекцию прочитаю на педсовете или совещании

классных руководителей. У меня по этой теме накопился значительный материал, взятый из практики нашей и других школ района, но заранее говорю, что она коснётся не только рядовых учителей нашей школы, но и лично Вас. Разумеется, материал будет преподнесён в форме разумного педагогического такта.

Александр Фомич опять скорчил гримасу и сказал:

- Я подумаю и сообщу Вам.

И сообщил, в результате чего я и оказался в кабинете И. И. Козлова.

11

Не каждый человек в достаточной степени представляет себе всю сложность педагогической работы, требующей высокой культуры ума, целеустремлённости, безупречного отношения к делу, личного к нему интереса и определённого педагогического такта. Если эти составные элементы, определяющие облик учителя, несогласованны, не связаны единством, - в работе учителя неизбежны разного рода промахи.

Культура ума невозможна без широты мыслей, их гибкости, критичности и необходимой быстроты действий. Культура ума определяет и педагогический такт школьного работника.

Кроме всего сказанного, учитель при любых обстоятельствах не должен забывать о том, что он воспитатель, а ученик, каким бы он ни был, - формирующийся человек и что его развитие не всегда идёт гладко, что у него могут быть и ошибки, и сознательные шалости.

Меры воспитательного воздействия, какими располагает учитель, крайне разнообразны, и в его практике не может быть шаблона: каждый поступок ученика требует индивидуального подхода, учёта всех обстоятельств и в каждом отдельном случае конкретного решения.

Приведу только один пример.

В одной из школ в восьмом классе шёл урок литературы. Преподаватель Анна Никитична, выслушав ответ ученика об образе Печорина, задала ему дополнительный вопрос: «Могут ли появляться лишние люди в наше время?» С утвердительным ответом ученика она не согласилась. Возник спор. Учительница говорила «нет», а ученик - «да». Причём ни одна из спорящих сторон никаких доводов в защиту своей точки зрения не приводила.

Дело кончилось тем, что учительница ученика выгнала из класса и записала в журнале замечание о его «безобразном поведении».

На второй день на свой урок она его не пустила. Это же сделала и на третий день.

Когда об этом узнал классный руководитель и стал выяснять существо дела, учительница ему ответила:

- Я Кандакова совсем не буду пускать на свои уроки. Он бузотёр и зазнайка.

На возражение Николая Александровича - так звали классного руководителя - Анна Никитична с обидой сказала:

- Вечно Вы защищаете своих шалопаев.

Слово «шалопай» к данному ученику не могло быть отнесено. Это понимала и сама преподавательница, но других средств она не нашла.

- Дело Ваше, как хотите, - сказал ей классный руководитель. - Я свою точку зрения Вам не навязываю, но в данном случае я лично поступил бы иначе. Провёл бы во внеурочное время диспут с учениками на тему: «Могут ли быть в наше время лишние люди?» Хорошо бы сам к нему подготовился и подготовил учеников. Причём Кандакову я бы поручил отстаивать именно ту точку зрения, которой он сейчас придерживается. А группе других учащихся подобрал бы материал для защиты другой установки. Было бы очень хорошо, если бы между учениками возник творческий спор. Вывод, надеюсь, при такой постановке вопроса ученики сделали бы сами, значительно глубже разобрались бы в образе Печорина... Не обижайтесь, этот конфликт Вы создали сами.

Случай этот не является как будто из ряда вон выходящим, но он значителен своими последствиями. Он говорит, во-первых, о недостаточных знаниях самого преподавателя, о недостаточной степени культуры его работы. Анна Никитична, как это ни странно, на ученическое «да» только твердила «нет». Но разве это доказательство? Ученик в конце концов остался при своём мнении. Кроме того, его незаконно оскорбили, выгнали из класса и потребовали, чтобы он осознал свои ошибки и извинился перед учительницей. Всё это вынуждало ученика фальшивить и лгать. Вот теперь попробуй убеди его, что Анна Никитична хорошо знает свой предмет и никогда не допускает неоправданного отношения к своим ученикам.

Критическое отношение к своей работе, использование опыта других людей, постоянное совершенствование своих знаний - необходимые условия борьбы за высокую культуру работы учителя[24].

12

Конечно, были среди моих коллег и настоящие мастера своего дела.

На учительских районных совещаниях в 50-е годы неоднократно упоминалось имя Евгении Константиновны Лабутиной как одного из опытных учителей Кипельской средней школы.

Евгения Константиновна в своё время закончила Мишкинское педагогическое училище. В Кипельской школе проработала много лет учительницей начальных классов.

Секрет её педагогического мастерства заключался не только в хороших знаниях, не только в методических приёмах - он зависел не в меньшей мере и от интереса к своей работе, от чуткого и внимательного отношения к учащимся.

Огромнейшую роль в работе с начальными классами играет использование наглядных пособий. Учитывая это, Е. К. Лабутина на уроках истории широко использовала картины на исторические темы, целую серию картин привлекала она и на уроках географии. Нужно сказать и о грамматических таблицах и картинах по развитию речи на уроках русского языка и литературного чтения.

Большое внимание на всех уроках она уделяла развитию устной речи учащихся, терпеливо добивалась от них не только смысловой, но и грамматической точности, хорошо понимая, что без этих условий нельзя достичь хороших результатов. Велась ею постоянная работа и над правильной каллиграфией у учащихся, она требовала безупречной чистоты в тетрадях. Ни на минуту не забывала учительница о том, как должны сидеть учащиеся, как правильно пользоваться пером или карандашом, и о многих других «мелочах», без которых нельзя добиться желаемых итогов.

Проводила Е. К. Лабутина и практические работы со своими учениками. Они составляли с ней план пришкольного участка, определяли стороны горизонта, ходили осматривать овраги, впадающие в реку Юргамыш, изучали берега самой реки. Проводила она с учениками и производственные экскурсии, из которых наибольшее значение имела экскурсия, связанная с уборкой хлеба. Учащиеся смотрели, как работает комбайн, какие виды работы выполняют его отдельные части. Таким образом, знания, полученные на уроках, подкреплялись и пополнялись самой жизнью.

Кроме воспитательной работы на уроках, Евгения Константиновна проводила и специальные беседы по воспитанию учащихся: «О режиме дня школьника», «О культуре поведения», «О вежливости», «О революционных праздниках», «О деятелях нашей науки», организовывала коллективные просмотры кинокартин с последующим их обсуждением, проводила громкие читки детских книг. Её ученики участвовали в хоровом и драматическом кружках, в кружке рукоделия.

Не забывала Евгения Константиновна и родителей учащихся: кроме обсуждения текущих вопросов, проводила с ними беседы: «О режиме дня учащихся», «О воспитании ребёнка в семье», «Как помочь детям лучше учиться».

В своей работе Е. К. Лабутина использовала не только фонд школьной и сельской библиотек, но также и книги своей личной библиотеки.

Евгения Константиновна была опытной и трудолюбивой учительницей, у ней было чему поучиться. Но беда заключается в том, что педагогический опыт у нас мало изучается и поэтому не становится достоянием других учителей[25].

13

Анна Андреевна Скобелева ряд лет работала преподавателем биологии Юргамышской средней школы. Позднее её педагогическая деятельность была связана с Кислянской семилетней школой.

В лице А. А. Скобелевой удачно сочетались лучшие черты человека и педагога. Как человек она всегда отличалась своей скромностью, честностью, трудолюбием и безупречным отношением к порученному делу. Редко кто с такой тщательностью и щепетильной аккуратностью готовился к урокам, как она. За все годы своей работы А. А. Скобелева ни разу не пришла в школу без подготовки, без плана и наглядных пособий. Такой она была в Юргамышской школе, эти же качества сохранила и в следующие годы. Можно сказать, что она органически вросла в школьную жизнь. Вот эта-то, если можно так выразиться, структурная связь её со школой, с интересами учащихся и была определяющим фактором её работы, определяла её результаты.

Работа таких людей, как А. А. Скобелева, не всегда бросается в глаза, потому что они много делают, но никогда не говорят о себе, не лезут «в люди», не кричат о своих заслугах, а может быть, даже не думают о том, чтó о них скажут другие, тем более официальные лица, занимающие административные посты. Честность, полнейшая бескорыстность, отсутствие мелкой зависти к своим коллегам, естественное, без всякой трескотни и расчёта на эффект стремление отдать все свои знания и силы обучению и воспитанию детей - всё это у таких людей составляет их натуру, определяет их моральный облик. Они порой забывают о своём личном существовании, так оно непосредственно связано с их делом.

Не всегда можно встретить в педагогических коллективах людей, которые бы с такой искренностью, с таким желанием передавали свои знания учащимся и так делали бы всё от них зависящее, как Анна Андреевна. Именно эта «мелкая», кропотливая работа, требующая большого напряжения, настойчивости и дисциплины, составляет ещё одну характерную черту её личности. Даже в тяжёлые годы войны она, несмотря на различного характера трудности, оставалась на высоте своего морального состояния.

После всего сказанного становится ясно, почему у Анны Андреевны в течение ряда лет почти не было второгодников, за крайне редкими и не всегда зависящими от неё исключениями.

Не было у неё и разрыва между теорией и практикой, между школой и жизнью. Она достаточно хорошо решала вопросы политехнического образования. Из года в год в Кислянской семилетней школе хорошо проводилась работа на пришкольном участке. Учащиеся под руководством Анны Андреевны выращивали высокий урожай кукурузы, помидоров, тыквы и других культур.

А. А. Скобелева систематически следила за учебной и методической литературой и приобретала её при малейшей возможности. Кроме литературы, непосредственно связанной с преподаванием биологии, она использовала в преподавательской деятельности статьи различных газет и журналов.

Её самообразование не ограничивалось узкими вопросами биологии. Она систематически читала художественную литературу и выписывала произведения как русских, так и иностранных классиков.

Стоит ли удивляться, что её уважали родители и учащиеся, что она пользовалась заслуженным авторитетом среди учителей!

Педагогическая работа А. А. Скобелевой - образец того, как должен работать каждый человек, где бы он ни находился[26].

Краеведческая работа

1

Изучением истории своего края я стал заниматься с 1947 года. Трудность этой работы состоит в том, что письменных документов о прошлом наших мест почти не сохранилось. Основным источником явились для меня «живые документы» - местные старожилы.

Перед тем, как приступить к делу, я наметил узловые темы, в соответствии с которыми стал постепенно накапливать материал. На каждое село завёл особое «личное дело», куда начал вносить все данные, относящиеся к его «биографии». За первые три года опросил свыше двухсот человек и таким образом накопил порядочно разнообразных фактов.

Из документов общего характера использовал часть материалов, опубликованных в газете «Красный Курган», в «Хрестоматии по истории Сибири»[27], обращался к исторической и художественной литературе, историческим и географическим картам, энциклопедиям.

Нередко исторические и географические названия являются ключом к разгадке тех или иных неясностей. Иногда названия деревень и сёл: Тамбовка, Тагилка, Пермяковка и др. - говорят о том, откуда прибыло основавшее их население. Об этом же свидетельствуют названия некоторых улиц. Например, одна из улиц села Кипель называется Шадровкой. Удалось установить, что часть населения этого села - переселенцы из-под Шадринска.

Меня особенно интересовала история села Ерохино Гороховского сельсовета, когда-то называвшегося Зайковым. Напасть на след его возникновения я не мог в течение двух лет. Не помог и опрос самых древних стариков. Тогда я обратил внимание на то, что церковь в селе Ерохино построена гораздо раньше, чем в селе Горохово, а также на название одной горы, расположенной между Красиковой и Гороховой. Эту гору называют Зайковской. Но почему Зайковской? Ответ мог быть только один: деревня Зайково (Ерохино) была основана значительно раньше окрестных деревень и ближе всего была расположена к горе. Отсюда и название горы.

Разговаривая примерно в 1950 г. с одной из жительниц деревни Ерохино, я услышал ценное сообщение. «Мой прапрадед, - сказала она, - по рассказам дедушки, воевал у Пугача. Потом он бежал отсюда». Далее из рассказов я узнал, что дед этой женщины, Халезин Ананий Павлович, жил 104 года (1812 - 1916). Его же отец был привезён сюда годовалым ребёнком. Я пришёл к выводу, что последнее событие произошло 175 лет назад, а это как раз и есть тот промежуток времени, который отделяет нас от даты восстания Пугачёва.

Потом я окончательно установил, что несколько крестьянских семей, спасаясь от преследований царского правительства, за участие в пугачёвском восстании (Халезины, Ерохины, Булатовы, Воронины и др.), бежали в Сибирь и здесь в глухом сосновом бору на берегу реки Юргамыш основали небольшое селение Зайково.

Около года я трудился над восстановлением картины крестьянского восстания в селе Кипель, на туманный след которого случайно наткнулся в 1949 году. В результате кропотливого труда установил примерно следующее. Жители села Кипель в 1843 году отказались производить общественную хлебную запашку и посадку картофеля, рассматривая эти меры министра государственных имуществ графа Киселёва как средство превращения их в крепостных. Такие же протесты происходили во многих местах Челябинского и Шадринского уездов. Правительство Николая I направило на подавление крестьянских волнений карательные отряды. Один из них явился в село Кипель. Больше 20 крестьян (Юхоров, Кручинин, Важенин, Притчин и др.) подверглись жестокой порке. Первые двое, Юхоров и Кручинин, были запороты до смерти. До сих пор один из краёв, где жил Юхоров, называется его несколько искажённым именем - Вихоровка, а то место, где стояла усадьба Кручинина, до недавнего времени называлось Кручиновкой.

О размахе крестьянского движения говорит тот факт, что на его ликвидацию в один только Челябинский уезд было послано 10 тысяч пехоты и конницы и 10 орудий.

При изучении родного края мне удалось собрать ряд материалов о жизни местных воротил - Ивиных, Матвеевых, Шаховых и др.

2

Интересна история крупного «дворянского гнезда» - села Петровского и отпочковавшихся от него крепостных деревень (Елизаветинки, Долгой, Васильевки). В пору своего расцвета это гнездо имело 13 тысяч десятин земли, 1377 крепостных и 57 дворовых. Сейчас ещё можно от местных жителей собрать ряд фактов, характеризующих произвол и насилие его бывших хозяев - помещиков Качек.

При Петре I в Россию прибыл из Венгрии инженер Симон Качка. В то время, когда уральской промышленностью вторично заведовал с 1731 по 1739 год известный историк, географ и администратор В. Н. Татищев (1686 - 1750), Симон Качка работал штейгером (горным мастером) на Полевском заводе, основанном в 1724 году. Его сын Гавриил Симонович Качка был колыванским губернатором и главным начальником Алтайского горного округа (1785 - 1799 гг.). Другой родственник этого штейгера, возможно, тоже сын, стал владельцем крепостного села Петровского, которое он, по рассказу П. П. Денисова, купил у помещика Зеленцова, прибывшего сюда в своё время из европейской России. Фамилия Качка неоднократно встречается в записях местной церкви, построенной в 1780 году.

Став владельцами села Петровское, Качки из года в год увеличивали количество подчинённых им крепостных людей. Они их покупали, выигрывали в карты, пополняли за счёт ловли беглых. Накануне отмены крепостного права у владельца этого села было около 9000 десятин земли.

Основоположником села Петровское был генерал елизаветинско-екатерининского времени Александр Качка. Самодурство и деспотизм он соединял с элементами показной культуры. Подражая европейским собратьям, он держал крепостных музыкантов, предназначаемых главным образом для обслуживания гостей.

Был у него и отличный игрок в шашки Савва Денисов, купленный в деревне Купцы-Воронцы. Несмотря на то, что этот крепостной отличался непокорным характером и в случае необходимости умел отстаивать своё достоинство, помещик не сослал его, не отправил в рекруты, не продал другим владельцам. Савва Денисов был очень способным человеком. Это и создавало ему цену. Когда барин по делам отправлялся в уральские города, то каждый раз брал Савву с собой. Вопрос заключался не только в барском тщеславии, но и в материальной выгоде. Зная превосходные качества своего игрока в шашки, расчётливый барин часто бился об заклад с богатыми купцами и чванливыми дворянами , что его

его крепостного не обыграть. Савва побеждал своих соперников, а хозяин получал деньги.

Но сравнительно человеческое отношение помещика к Савве сложилось не сразу. Однажды к Качке приехали гости. В числе их был и молодой офицер - франт и самолюб. Он стал гордиться тем, что его никто никогда не обыгрывал в шашки.

- Не хвались, племянник! - сказал дядя. - Желаешь сыграть с моим крепостным?

- С холопом? - вспылил гость. - Если бы Вы не были моим родственником, я Вас за такое оскорбление вызвал бы на дуэль и пристрелил бы, как зайца!

- А ты не возмущайся! - взъерепенился подвыпивший хозяин. - Обыграешь - отдам его тебе в слуги. Эй, Марья! - обратился он к горничной. - Позови сюда Савву, пусть идёт с шашками.

- Савва, - обратился к нему барин, мой племянник, знаменитый игрок в шашки, желает с тобой померяться силами. Принимаешь ли ты его вызов?

- Если это желание Вашего гостя и Ваша воля, барин, - я готов.

- В таком случае садись за стол и расставляй шашки.

Савва играл спокойно. Он с присущей ему уверенностью сразу же передвигал фигуры на нужные места. Его соперник волновался. Порой он с трудом сдерживал раздражение. Ничто не помогало: партия за партией кончалась для него провалом. Гости молчали. Наконец он решил ходить, не считаясь с законами игры. Савва сначала молчал, но затем сказал:

- Ваше благородие, я признаю только честную игру!

- Ах ты, подлый пёс! - вспылил офицер. - Ты ещё вздумал оскорблять мою дворянскую честь!

Вскочив на ноги, он хотел ударить Савву по лицу, но тот быстрым движением перехватил его руку. Офицер поднял крик и потребовал, чтобы дядя наказал своего холопа, в противном случае грозил немедленно покинуть его дом.

- Марья, - закричал хозяин, - скажи управляющему, чтобы он устроил Савве «очищение грехов»!

Так Качка называл порку плетьми.

- Не торопись, барин! - вспылил Савва. - Пороть меня не придётся, я сам свяжу вас вместе с вашим благородием одной верёвкой и выпорю на глазах у всех гостей!

Он подошёл к столу и с такой силой ударил по его кромке, что гости с криком бросились в соседние комнаты. Савва одной рукой схватил хозяина, другой его гостя, сблизил их, презрительно улыбнулся и отбросил с такой силой, что один из них оказался в одном углу комнаты, а другой - в противоположном.

После этого Качка больше не пытался оскорблять в грубой форме своего крепостного.

В селе у потомков долгое время хранилась его шашечная доска. Самих же их до сих пор называют по его имени - Савиновы.

После смерти Александра Качки Петровским поместьем стала управлять барыня Елизавета Ивановна. Особую благосклонность она проявила к двум крепостным - озорникам Фомке и Фильке. Они, опираясь на её покровительство, что хотели, то и делали, тем более, что в их распоряжении имелась ещё и собственная физическая сила.

Особую страсть барыня проявляла к потешным развлечениям. Главными из них были кулачные бои, ежегодно справлявшиеся в первый день масленицы. К ним готовились, как к крупному событию. Их подготовкой руководили всё те же Фомка и Филька. Они в это время даже получали звание «генералов». Основная часть этой подготовки заключалась в изготовлении большого количества самодельного вина, предназначавшегося для победителей.

Крестьян села делили на два полка. В первый день праздника, под вечер, барыня садилась в кресло, которое ставили на самое высокое место, чтобы лучше обозревать сражающихся. Рядом с ней располагались музыканты и её «личная гвардия» - Фомка и Филька. Сюда и доставлялось вино. Получив приказ командовать сражением, Фомка и Филька становились каждый во главе своего «полка», полученного по жребию, и принимались лихо бить в барабаны. Им помогали духовики-музыканты.

Бой начинали подростки, их сменяли взрослые.

- Ура! - кричал на всю окрестность один из «генералов».

- Бей басурманов! - отвечал другой.

Всеобщее побоище продолжалось до тех пор, пока одна из сторон не одерживала победу. Победа подкреплялась пиром. Начинали его «генералы», независимо от того, чей полк проиграл или выиграл сражение. Вслед за ними включались рядовые победители. Побеждённые «басурманы» лишались такого удовольствия и под хохот пирующих расходились по домам. Кроме того, победители освобождались на три дня от барских работ. За них в это время работали побеждённые.

Сын Александра Качки Владислав Александрович был женат на Софье Михайловне. Он по своему характеру ничем не отличался от Оболта-Оболдуева - деспота, изображённого Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо». От его капризов и своеволия страдали не только крестьяне, но даже и члены его семьи.

Однажды он кучеру велел запрячь в тарантас тройку лошадей. Когда это распоряжение было исполнено и кучер сидел на козлах в ожидании

дальнейших приказов, помещик пригласил с собой сесть и свою жену, заявив ей, что намерен вместе с ней сегодня посмотреть сенокосные угодья. Помещица села. Поехали. Вскоре показалось Марьино болото и рядом с ним высокий холм. Поравнявшись с ним, помещик приказал кучеру подняться на его вершину. Своё желание он мотивировал тем, что хотел полюбоваться красотой своих лесов и полей. Поднялись. Помещик вылез из тарантаса с той целью, как он выразился, чтобы нарвать букет цветов своей жене. Кучер в это время ударил несколько раз кнутом по лошадям и, когда они сорвались с места, спрыгнул с козел. Лошади сломя голову понеслись вниз по крутому склону. Тарантас опрокинулся и, натыкаясь на неровности, потащился за лошадьми. Потерявшая сознание помещица выпала из него. Забежав в Марьино болото, лошади остановились. Помещица очнулась, но на всю жизнь осталась горбатой. Так по договорённости с кучером Владислав Качка решил убить свою жену Софью Михайловну, а её смерть списать на ретивых лошадей. С тех пор этот высокий придорожный холм, похожий на сопку, по рассказу Платона Петровича Денисова, жители села Петровского называли Софьиным.

Сам же Владислав Александрович, узнав об отмене крепостного права, угнал на тройке лошадей в Куртамыш и после двухнедельной попойки отравился в доме богача Хрулевича.

Его сын Владислав Владиславович состоял в браке с бывшей крепостной женщиной, но своих детей (5 дочерей и 5 сыновей) считал «незаконнорожденными» и не дал им ни своей фамилии, ни отчества, ни земли. Они получили фамилию Мутовкины и отчество Андреевичи. Сам Владислав Владиславович дни и ночи проводил в пьянке. В момент запоя доходил до того, что не отличал вина от воды, которой его поили, чтоб привести в нормальное состояние. В 1909 г. он запился.

Один из его «незаконнорожденных» сыновей Мутовкин Евгений Андреевич, выступая в роли «последнего из могикан» и лишённый права наследника, целыми днями сидел в опустевшем доме, рисовал обнажённых женщин и пейзажи, не имеющие ничего общего с реальной природой. Впоследствии он подвизался в роли учителя рисования в Куртамышской школе II ступени, в которой я учился. По характеру он был добрейшим человеком, но совершенно безвольным и в школьном деле случайным.

Но вернёмся к Александру Качке. Кроме сына Владислава, у него был ещё сын Пётр Александрович, женатый на Прасковье Фёдоровне, и две дочери. Одна из них, Клара Александровна, вышла замуж за горного инженера Ивана Васильевича Авдеева и получила в наследство деревню Долгую. У них родилась дочь Елизавета Ивановна. Вторая дочь генерала Качки вышла замуж тоже за горного инженера, обрусевшего башкира

Разгильдеева Ивана Евграфовича, и получила Елизаветинку, которая стала называться Разгильдеевкой. Помещичий дом построили в 1847 г. на правом берегу реки Юргамыш, среди живописного парка. Детей у Разгильдеевых не было, и они удочерили племянницу Елизавету Ивановну - дочь Клары. Впоследствии Елизавета Ивановна вышла замуж за Василия Корнельевича Покровского. После этого название Разгильдеевка исчезает, и вновь появляется название Елизаветинка.

Дети Покровских Борис и Валерий были последними наследниками имения. Борис Васильевич окончил юридический факультет Казанского университета. Знал несколько языков. Покровские находились в родстве с фамилией коннозаводчика Шмурло: Василий Корнельевич и жена Геннадия Францевича Шмурло - родные брат и сестра. Следовательно, Качки, Шмурло и Покровские были родственно связаны. Последний елизаветинский помещик Борис Васильевич Покровский, чувствуя приближение полной катастрофы своего класса, землю продал местным «Лопахиным»: Шмурло и другим представителям растущей буржуазии, а в последние годы перед Октябрьской революцией пьянствовал с цыганами, бродягами, играл в карты и в подражание Людовику XV говорил: «На мой век хватит, а там хоть потоп».

Предпоследний отпрыск хозяев имения в деревне Долгой - родственник Качек Валерий Григорьевич Мамин - приехал сюда с Сысертского завода. Он был женат на внучке Владислава Александровича - одного из сыновей генерала А. Качки. Он около 100 десятин земли возле Норильного отдаёт Мутовкину Павлу Андреевичу - одному из «незаконнорожденных» сыновей Владислава Александровича Качки. Остальную часть имения продаёт в 1910 году Лидии Львовне Мотовиловой. Мотовилова в свою очередь продала имение в долг Мутовкину П. А. Деньги он не заплатил, а вскоре началась революция.

По приезде в разоряющееся имение Мамин выкорчевал недалеко от Петровского берёзовую рощу и на вырученные деньги завёл птичье хозяйство. «Птичий король», как называли его петровцы, гнёзда своих пернатых соединил сигнальной связью со своим кабинетом и сам следил за её действием. Как только в каком-нибудь гнезде появлялось яйцо - в кабинете его величества раздавался звонок. Как сумасшедший-фанатик, день и ночь он сидел в своём кабинете и следил за гнёздами. Этот «реформатор» мечтал о том, чтобы соединить своё пернатое царство с железной дорогой в Юргамыше и экспортировать яйца за границу. Накануне первой мировой войны лечился в Швейцарии и там покончил жизнь самоубийством на одном из курортов.

Такова нисходящая линия господ из «дворянского гнезда» в нашей местности.

Однажды - это было в начале 50-х годов - я с группой учащихся прибыл в деревню Елизаветинку.

Стоял тёплый день. Представьте себе высокий берег реки, большой заброшенный парк, заросший сиренью, акацией, крушиной и другими породами кустарников и деревьев. Особенную прелесть придают этому месту сосны, высоко поднявшиеся над парком, и старые тополя на краю глубокого оврага, на дне которого струится родниковая вода. Есть в парке и белоствольные берёзы, по-девичьи склонившие кудри своих ветвей. Парк спускается прямо к реке Юргамыш, по другую сторону которой раскинулись поля вперемешку с берёзовыми рощами. На той же стороне реки, где и парк, непосредственно примыкая к нему, расположилась деревня Елизаветинка. Выше деревни сосновый бор. Едва ли в нашем районе можно найти более красивое место, чем это.

Часа два мы ходили по парку, осмотрели бор, искупались в реке, а затем я, найдя двух стариков-старожилов, попросил их рассказать моим ребятам всё, что они слышали о минувшем в вечность крепостном праве.

Вот что они нам сообщили.

Иван Евграфович Разгильдеев по национальности был башкир, но обрусевший. Одно время на Урале он занимался добычей золота, а здешнее имение получил с приданым своей жены, которая была дочерью петровского помещика Александра Качки.

Имение состояло из полутора тысяч десятин земли и 66 крепостных семей. По фамилии помещика деревню некоторое время звали Разгильдеевкой.

Разгильдеев был довольно образованным, но и вместе с тем жестоким человеком. В парке им был построен в 1847 году большой дом на 16 комнат. В доме было много картин, музыкальных инструментов и даже имелась оранжерея, в которой под строжайшим наблюдением хозяина выращивались лимоны. Дом этот простоял до 1917 года и был сожжён местными крестьянами во время Февральской революции.

Мокрым логом экскурсанты спустились к реке Юргамыш, долго бродили по сосновому бору. Во второй половине дня занялись парком.

Каково же было удивление учащихся, когда перед заходом солнца на небольшой поляне безлюдного парка они встретили пожилую женщину! Она неподвижно сидела на старом пне. Из разговоров выяснилось, что это была Вера Сергеевна - последний отпрыск владельцев бывшей дворянской усадьбы. Её муж, по профессии врач, умер лет десять тому назад. Сама же она со своим сыном-инженером жила в Свердловске. Теперь она приехала посмотреть на знакомые места. Будучи племянницей Покровского, она, конечно, много знала из родословной «дворянского гнезда». Но как с ней говорить на эту тему?

Оставив ребят на попечение других учителей, я решил всё-таки познакомиться с ней поближе.

- Я живая тень прошлого, - сказала она. - На моих глазах произошла гибель дворянской и буржуазной культуры. Больше тридцати лет я уже живу при советской власти. Вам, вероятно, я представляюсь музейной редкостью. Конечно, это так и должно быть. Исторический спор решён... Страсти уже в какой-то степени потеряли свою остроту, и я уже на всё минувшее смотрю ясным, но холодным умом летописца, как Пимен в «Борисе Годунове». Я начала свою жизнь, когда ещё были живы Тургенев, Чехов, Толстой, когда делали свои первые шаги Горький и Шаляпин, в поисках новых идеалов металась романтическая Комиссаржевская. Никого из них уже нет в живых, а во мне ещё живёт два мира: старый и новый. Новый мир я приняла умом, но сердце моё уже остыло, и мне трудно принять его чувством. Мой сын этой двойственности уже не знает. Он - человек новой формации.

- Как живая тень прошлого, я сижу на могиле своих предков. Да, они были неправы, хотя и не всегда сознавали это. История обрекла их на гибель. Немало в их жизни было преступного, не подлежащего никакому оправданию. Об этом говорят не только факты истории. Об этом говорю и я - последняя живая свидетельница минувшего времени. Не думайте, что жалость к старому миру привела меня в эти места. Нет. Когда человек подходит к черте смерти - его осаждают воспоминания, он перелистывает книгу своей жизни.

- Я «незаконнорожденная» дочь моего слишком блудного отца, воспитанная на положении дальней родственницы, бывшая воспитанница Екатеринбургской гимназии. Первый мой муж был сослан на каторгу в Якутию и умер там. В моих жилах смешанная кровь, делавшая моё положение неопределённым. Во мне нет настоящего прошлого. Современная жизнь не для меня. В бессмертие души я не верю, хотя временами и страшусь своего неверия. Мой мозг не желает мириться с гибелью интеллекта. Одну смерть я уже пережила - это смерть моего класса и моей морали. Такие повороты для людей даром не проходят. Эту смерть я переболела.

- Кто была моя мать? Точно я так об этом и не узнала. Сколько ей было лет? Как и где умерла? Тайну своего рождения я случайно узнала только 25-летней.

Наступило долгое молчание.

- Вас и сейчас тревожит этот вопрос? - спросил я.

- Прожить целую жизнь и не знать своей матери...

- А кто же был Ваш отец?

- Полковник, родной брат владельца этого бывшего имения, Сергей Евграфович Разгильдеев.

- Значит, Вы, если не ошибаюсь, Вера Сергеевна!

- Да, я Вера Сергеевна.

- Тогда слушайте одну легенду. Возможно, она поможет Вам найти истину.

Старуха, сидевшая спокойно, вдруг встревожилась.

- Я не буду говорить о том, как и откуда появились здесь Ваши предки - Вы это лучше меня знаете. Но легенду старого парка расскажу. Вскоре после свержения царизма крестьяне сожгли здешний помещичий дом из шестнадцати комнат. Вместе с оранжереей, картинами Брюллова, пианино погибла и библиотека. Прошло десять лет. Место, где стоял дом, стало зарастать бурьяном. Но вот группа ребятишек, заметив в яме, оставшейся от дома, какую-то нору, стала её раскапывать и обнаружила металлическую шкатулку. В ней - какие-то нагрудные кресты, медальоны и пачка перевязанных писем, пожелтевших от времени. Письма ребятишки выбросили, большая часть их погибла. Сохранилось два письма. Их случайно обнаружил житель села Кипель Останин в кустах ивняка, возвращаясь с конного завода. Он хранил их до 1949 года. Письма его заинтересовали, но содержание их осталось для него загадкой. В 1950 году эти письма он передал мне, зная, что я занимаюсь изучением своего края. Через год он умер. Содержание писем я знаю наизусть. Вот одно из них:

«Елена!

Ты осуждаешь меня. Ты права. Ты единственный человек, от которого я никогда не скрывал правды. Сделанного не вернёшь. За свои преступления я отвечать буду только перед Богом. Последний свидетель моей тайны сведён в могилу. Да поместит его душу Всевышний в Своё вечное блаженное лоно. Брата, знавшего это преступление, в живых также нет. Теперь осталось только два человека - это ты да я. Значит, преступления, совершённого мною, всё равно что не было.

Теперь вернёмся к земным делам. Скоро должна состояться моя свадьба. Ты меня понимаешь? Можно было бы это маленькое препятствие передать в чужие руки, но я не хочу усугублять своей вины. Ты понимаешь, что может подумать моя Натали, если я это препятствие возьму в свой дом. Я согласен на твоё предложение. Пусть она на положении подобранной сироты воспитывается в твоём доме.

Мирон».

Подпись под ним, очевидно, вымышленная. Дальше следовало добавление: «Никто не должен знать этой тайны, в том числе и она». В прошлом году я разговаривал с М. Д. Ковалёвым, жителем Елизаветинки, 78-летним стариком. Его отец долгое время работал кучером у господ Покровских. Его бабушка, бывшая крепостная, жила в барском доме на положении няни. В то время был ещё жив сам Разгильдеев. После его

смерти во главе имения стала его жена, а после неё приёмная дочь Елизавета Ивановна, ставшая женой Бориса Васильевича Покровского. Так вот, эта бабушка, по сообщению её внука, перед смертью рассказала одну историю из жизни своих господ.

Легенда старого парка

У Ивана Евграфовича был брат, моложе его лет на пятнадцать. Он окончил военное училище и в звании подпоручика служил в армии.

Однажды осенью, когда было ему всего 27 лет, он с двумя товарищами приехал к брату в гости. До полуночи гремела музыка.

В числе горничных была молодая девушка Таня, лет семнадцати. Она сиротой тринадцати лет попала в барский дом. Теперь Таня превратилась в стройную красивую девушку и считалась невестой молодого лакея Романа. Бабушка относилась к ней, как к дочери.

Красота Тани не ускользнула от пьяного и развязного подпоручика.

Вечер кончился. Романа отправили сопровождать господ в село Петровское. Остальные гости разошлись на ночлег. Ночь была тёмной, накрапывал дождь. Таня пошла в сад и присела на скамейку. Подпоручик через окно вылез из своей комнаты и подкрался к ней. На крик в саду никто не вышел.

На следующий день, как ни в чём не бывало, подпоручик проснулся, потребовал вина и закуски. Дожидаясь завтрака у окна, он напевал шаловливую мелодию. Через три дня он уехал.

Таня две недели болела. Затем ей было официально объявлено о её свадьбе с Романом. Их обвенчали.

Время шло быстро. У неё родилась девочка, но сама Таня умерла при родах. Перед смертью Таня рассказала Роману свою тайну.

Похоронив жену, Роман ходил темнее тучи, осунулся, постарел.

В это время подпоручик с молодой женой на паре рысаков вновь приехал в гости. Ночью конюшня, куда были поставлены лошади, сгорела. Лошадей удалось спасти. Кто был виновником этого пожара? Сказать трудно. Два года Разгильдеев искал виновника, подвергая голоду и физическим истязаниям подозреваемых людей, но найти не мог.

Романа выдала одна из горничных. Разгильдеев собрал своих крестьян на площадь и объявил свой указ о предании преступника смертной казни.

Вскоре все елизаветинцы стали свидетелями страшного зрелища. Романа везли на телеге, руки его были крепко привязаны верёвкой к деревянным столбикам. Тут же, с ним рядом, стоя ехал палач. Роман, прощаясь с жизнью, молча кланялся своим односельчанам. Два раза в таком виде его провезли по улицам деревни. Затем телега тронулась через мост на противоположный берег реки Юргамыш. Повернув влево, она остановилась в берёзовой роще, в нескольких десятках метров от берега.

На небольшой полянке быстро была вырыта могила. Романа положили на плаху, и палач на глазах крестьян ремённой плетью с зашитым в неё свинцом запорол его до смерти на сто двадцать пятом ударе. Истязая дворового, палач приговаривал: «А ну, держись, сокол».

Романа, спина которого была превращена в сплошную кровавую рану, вместе с плахой, без всякого гроба зарыли в землю.

Родившуюся девочку окрестили, назвали Верой и отдали на воспитание сестре братьев Разгильдеевых, где она воспитывалась до трёх лет. А затем, когда у подпоручика умерла жена (ходили слухи, что он её отравил), он взял Верочку[1] к себе и увёз в Екатеринбург, где он служил.

Такова легенда старого парка.

Наступило длительное молчание. Наконец, старуха спросила дрожащим и тихим голосом:

- И где же похоронена Таня?

- Не знаю. Вероятно, на Петровском кладбище. В церковных книгах я видел запись, в которой говорится, что Татьяна Васильевна, дворовая господ Разгильдеевых, умерла от родов 12 мая 1860 года.

Вера Сергеевна говорила медленно, с остановками. Мне казалось, что со мной разговаривает не живой человек, а статуя, одинокая и заброшенная в этом парке, забытая и оторванная от живого мира. Я как будто слышал подземный голос минувшего времени.

Солнце меж тем опустилось на кромку далёких лесов, и от реки и логов потянуло прохладой.

В это время из глубины парка на узенькой тропинке среди кустов и бурьяна показался мужчина лет сорока пяти с мальчиком.

- Бабушка, - послышался детский голос, - где же ты? Тебя папа зовёт домой.

- Это мой внук, - сказала Вера Сергеевна Миславская[28]. Опираясь на трость, она медленно приподнялась и ответила: - Иду, иду, Витя.

Поблагодарив за беседу, извинившись, она медленно пошла навстречу сыну и внуку. Все трое двинулись в деревню, где остановились у знакомых.

Рано утром, когда над рекой только ещё загорелись лучи помолодевшего солнца, я пошёл к двум старикам, Анохину и Волкову, хорошо знавшим историю гибели Романа и место его могилы. Они жили недалеко друг от друга и были уже на ногах. С ними я встречался и раньше. На просьбу показать место могилы оба охотно согласились. Спустившись к реке, мы направились к высокому деревянному мосту. Над рекой дымился туман. На густых прибрежных кустах каплями серебрилась роса. Из скворечницы, висевшей на старом тополе, вылетел её хозяин, сел на ветку соседнего дерева, спел свой гимн солнцу и скрылся. Мы перешли на противоположный берег и свернули к берёзовой роще. Здесь, на повороте реки, среди редких берёз, в полукосогоре, старики остановились. Недалеко от двух деревьев показалось небольшое продолговатое углубление, покрытое сухими листьями и остатками полусгнившей травы.

- Вот здесь и похоронен Роман вместе с плахой. Мне это место показывал мой дед.

В речной воде копошилась утка со своей семьёй. У реки свой мир, далёкий от людских страстей и желаний.

4

Кто хоть раз проезжал по живописной петровско-таловской дороге, тот не мог не обратить внимание на придорожное болото, заросшее с краёв рогозом и камышом.

Болото это ничем не примечательно, если не рассматривать его как составную часть красивого ландшафта. Но с ним связана трагическая судьба ещё одной крепостной женщины, которую народ называл Марьей Калужанкой. Неспроста болото называется Марьиным.

Для непосредственного обслуживания барской усадьбы владельцы села Петровского держали около 60 дворовых. В числе их и была не имеющая родственников Мария Калужанка, привезённая, как говорит её прозвище, из города Калуги или его окрестностей. Ходили слухи, что петровский помещик купил её за красоту и музыкальный голос. Когда к нему приезжали гости и он под влиянием хмельного становился сентиментальным, Марья по его приказу развлекала этих гостей. Во всех же остальных случаях она как горничная обязана была выполнять все капризы и прихоти барыни Софьи Михайловны.

Пока Марья была молодой и красивой, ей жилось в сравнении с другими сносно. Но годы взяли своё, пришла старость, а вместе с нею различные недомогания, и Марья, отдавшая все силы своим господам, стала ненужной. Наконец, судьба её окончательно была решена: её прогнали на все четыре стороны.

Марья стала нищенкой, бродила от деревни до деревни, жила по чужим дворам.

Однажды по дороге из Долгой в Петровское её в пути застигла сильная метель. Дорогу перемело, наступил вечер. Леса и холмы поглотила снежная мгла. Не дойдя до Петровского версты полторы, она, сбившись с пути, окоченела в болоте.

Обнаружили её только через три месяца, когда апрельское солнце обнажило бугры и южные склоны открытых логов.

С тех пор прошло много времени, а болото, в котором она погибла, по-прежнему называется её именем.

5

В одном из краеведческих походов я с отрядом девочек-подростков двинулся на Глубоковскую лесную дачу. Отряд вошёл в берёзовую рощу. Звонкая юная песня далеко разносилась по лесу. Летнее солнце, разогнав над речной низиной утренний туман, ослепительно горело в голубом небе и испаряло остатки росы в логах и кустарниках. В свежем

воздухе звенели неторопливые голоса птиц. В лесу на открытых полянках ярким ковром цвели незабудки, росли земляника и клубника, мелькали скромные колокольчики на тонких ножках и одинокие белоснежные ветреницы.

Так мы проходили часа два. Собирая цветы, девочки не заметили, как подошли к деревне, показавшейся в просвете деревьев. Выйдя на открытое место, они с восхищением устремили свой взгляд на чистое озеро. Гладкая его поверхность была тёмно-синей. Солнце в это время скрылось за большим облаком. По ту сторону озера, по самой его кромке, ютились огороды и дома деревни Глубокой. За ней начиналась падь, обрамлённая лесами. От неё веяло таёжной тишиной. Но вот из-за кромки облака вырвались яркие лучи солнца и упали на берёзовые рощи. Тень огромной птицей вспорхнула с озера и скрылась за падью.

Девочки двинулись к озеру. Выйдя на длинный плот, они сели на него, свесив ноги в тёплую озёрную воду. Утка с бойкими утятами важно плавала недалеко от плота. Утята, к удовольствию мамаши, искали в воде добычу, хлопали крылышками и то и дело скрывались под водой.

На другом плоту, в двухстах метрах от первого, сидело трое деревенских мальчиков с удочками. В другом конце озера рыбаки проверяли сети.

В это время на краю деревни показалась грузовая машина. Она мелькнула по улице и остановилась у берега, против плота с девочками. Молодой шофёр выскочил из машины и, схватив ведро и напевая песню, подбежал к берегу. Увидав девушек, он громко, по-солдатски, отчеканил:

- Здравия желаю, красавицы! - и, щёлкнув каблуками, отдал честь: - Рядовой воздушно-земного транспорта. Прибыл за водой для своей быстролётки!

Девушки засмеялись. Почерпнув воды, шофёр быстро зашагал к машине и вскоре вернулся обратно.

- Разрешите представиться, - живо улыбаясь глазами, начал он, - шофёр Федя Горных. Эй, Ваня! - крикнул он кому-то. - Тащи сюда баян...

- Баян? - поднявшись в кузове машины, спросил белокурый юноша лет семнадцати.

- Прошу! - произнёс шофёр и жестом руки пригласил девочек на берег. Чёткие плясовые звуки баяна взбудоражили всю деревню. Ребятишки с криком понеслись по проулку.

Прошло с полчаса. Баянист неожиданно прекратил игру:

- Всё, друзья, спасибо за веселье. Сыграл бы ещё, но... Кстати, хотите, я познакомлю вас с одним папашей. Он всё равно что Нестор-летописец. Это мой дед, знатный пчеловод. Едет из дома отдыха.

Он подошёл к машине, в которой оказался ещё один пассажир. Представив нам Ваниного деда, шофёр сказал ему:

- Мы с Ваней съездим в деревню, а ты останься здесь и расскажи девушкам что-нибудь интересное о нашем крае.

Дед, разгладив бороду, вышел из машины:

- Ну что ж, здравствуйте, девушки! Значит, изучаете свой край? Хорошее дело.

Шофёр завёл машину и, повернув, погнал по улице.

- А Вы откуда? - спросила деда Нина, одна из участниц нашего похода.

- Был когда-то здешний, а теперь живу в соседнем районе. До революции лет пятнадцать работал на заводе Шмурло.

- Это где сейчас 109-й конзавод?

- Да, да.

- Тогда расскажите нам что-нибудь об этом.

- Что тут интересного расскажешь? Собирали картофель, гнали спирт и продавали. Вот разве историю с одним из управляющих? Поучительная история.

История об управляющем и кучере

Ну, стало быть, начнём, как в сказке: жил-был богатый заводчик. Спирт гнал. Сам мало в дела вникал, больше в разъездах находился, по другим заводам ездил. Было у него ещё два завода: один в степи под Кокчетавом, другой - где-то в Сибири. В Петербург по делам ездил. Там брат у него жил, в Думе царской, говорят, состоял. Вот так он и ездил, а всё хозяйство вёл управляющий Адамчевский. Грамотный был человек, толковый. Правда, до вина большой охотник. Но сколько его ни проверял хозяин - непорядков не находил. За это и держал. Скажет бывало:

- Давно бы я тебя, Борис Васильевич, уволил, но толковый ты и честный человек, совесть не позволяет. Дело ведёшь исправно. Одним нехорош - пьёшь.

- Геннадий Францевич, не могу я от вина отказаться. Ничего не могу поделать с его сатанинской силой. Не выпью - свет не мил. Хоть в петлю лезь. Такова уж, видно, моя судьба.

На этом разговор и кончался. Хозяин снова куда-нибудь уезжал, а управляющий при деле оставался.

Но вот однажды произошёл тот случай, о котором я хочу вам рассказать.

Была середина лета, жара стояла несносная, ребятишки из воды не вылезали. День клонился к вечеру. Пелена висела над лесами, где-то погремливало.

Подходит управляющий к своему кучеру и говорит:

- Запрягай-ка, Иван, пару наших рысаков да собирайся со мной в город.

А жили они с этим Иваном, как братья, пили и ели из одной чашки. Полюбил управляющий Ивана за смелость и за услужливый характер.

- Сейчас, Борис Васильевич, - отвечает Иван.

Не прошло и пятнадцати минут, как лошади, запряжённые в ходок, подкатили к квартире - бойкие, сытые. Иван сидел на козлах, лихо закручивал усы и поджидал хозяина. Вскоре с большим чемоданом появился и он.

Туча меж тем приближалась к заводу.

- Борис Васильевич, а не переждать ли грозу?

- Пустяки, кони у нас быстрее ветра, угоним.

Иван тронул поводья, и кони стрелой понеслись по гладкой дороге, но туча шла ещё быстрее. Хлынул такой ливень, что в низинах появились озеринки, овраги вскипели. Вода в реке поднялась на пол-аршина. Как ни гнал Иван лошадей, а пришлось уступить. Они свернули к полевой избушке на Клепиковском логу, поставили лошадей под навес, а сами - в избушку. Дождь бушевал больше двух часов, а тут и вечер наступил. Решили ночевать. Иван распряг лошадей, дал им овса.

- Ну, что ж, Иван, коли ехать нельзя - займёмся закуской, - и управляющий достал из чемодана три бутылки водки.

- Что ж, Борис Васильевич, на то воля Ваша. Не мешает. Промокли.

Как и сколько времени они пировали - трудно сказать.

На другой день, когда солнце высоко уже стояло в небе, первым проснулся управляющий. Вышел из избушки, подошёл к повозке. Лошади отмахивались от комаров. Всё было на месте, кроме чемодана.

- Иван! Иван! Я погиб. Исчезли наши деньги, - заорал управляющий. А Иван храпит, да так, будто в избушке кипит десяток самоваров. Управляющий схватил его за ноги, сдёрнул на пол. Иван вскочил, не понимает, что с ним случилось.

Вскоре тот и другой сидели с понуренными головами, не зная, что делать. Пропало около 30 тысяч рублей денег, которые управляющий хотел положить в банк.

- Беда, Борис Васильевич, беда. Как быть - не знаю. Я бы на Вашем месте взял этих лошадей и скрылся куда-нибудь подальше в Сибирь. Меня потаскали бы немного, а Вас - ищи ветра в поле.

- Нет, Иван, не то. Теперь у меня только одна дорога... Быстрей запрягай коней и гони, Иван, сколько есть силы. Прокачусь в последний раз!

Кони пробежали пятнадцать километров и в грязи, в пене остановились у квартиры управляющего.

- Привяжи их к столбу. Зайдём ко мне и выпьем.

Иван не стал отказываться.

Опохмелялись недолго. Хозяин налил Ивану стакан, а сам выпил из горлышка целую бутылку.

- Ну, спасибо, Иван за дружбу. Иди. Теперь я усну.

Иван выпряг лошадей.

И в это самое время по заводу побежал слух, что Борис Васильевич застрелился. Действительно, в квартире нашли его окровавленным, с разбитой головой. Тут же на столе лежала незаконченная записка: «Виноват сам».

Ивана с полгода потаскали к следователю - этим дело и кончилось. Но с завода уволили.

- За что? - ахнула одна из моих девочек, Люся. - Он же не виноват!

- Слушайте дальше.

Иван вернулся с завода в свою деревню. Прошло несколько лет. Постепенно стал он сколачивать хозяйство. Завёл две коровы и две лошади, прикупил землицы, отремонтировал пятистен, стал авторитетным мужиком: торговлей стал заниматься. То у одного купит скотину, то у другого и с выгодой продаст. Тёмные слухи о его богатстве стали бродить по закоулкам.

Однажды сосед Ивана в пьяном виде поскандалил с ним и стал кричать на всю деревню:

- Знаю, на какие деньги ты, паразит, разбогател, раздулся за счёт чужой крови! Это ты, негодяй, Борьку в могилу отправил!

Оставаться в деревне было после этого неудобно, да и незачем. Продал Иван своё хозяйство и землю, а сам переселился на станцию Юргамыш, купил там двухэтажный дом, занялся торговлей и во время первой мировой войны стал даже купцом. В таком состоянии и захватила его революция.

- А как у него фамилия? - осведомилась Люся.

- Халдин.

- Халдин? Так я знаю его бывший дом. Там сейчас контора коопстроя и парикмахерская.

- По указанию Халдина и других купцов Юргамыша чешскими офицерами летом 1918 года был расстрелян у железной дороги продкомиссар Василий Семёнович Карпов.

- А куда потом девался Халдин?

- А вот слушайте.

После разгрома Колчака Халдин бежал в Сибирь. Говорят, что в Омске он случайно встретился с Молодкиным, племянником Адамчевского: тот тоже бежал вместе с белыми. Разговорились. Сблизились. Стояли на квартире в одном доме. Племянник историю своего дяди, видимо, знал. Ну, шире - дале... Халдин не догадывался о его родственных отношениях с управляющим да под пьяную лавочку и сболтнул ему кое-что лишнее. А тот служил тайным агентом в колчаковской разведке. Дом, где они жили, стоял недалеко от Иртыша.

И вот в одну тёмную ночь, когда все спали, в комнатах, в которых они жили, послышался разговор. Хозяин квартиры этот разговор хорошо слышал: комнаты отделялись от хозяйской половины тонкой деревянной стенкой. Кроме Халдина и Молодкина, был ещё чей-то третий голос..

- Ваша фамилия, имя, отчество? Служили Вы когда-то конюхом и кучером на заводе Шмурло? Как Вы присвоили 30 тысяч рублей? Признаёте ли себя виновным в смерти Адамчевского? За отказ говорить правду будете немедленно расстреляны.

Когда допросы были сняты и Халдин во всём сознался, у него отняли все деньги, а ему самому предложили следовать за неизвестным человеком. Халдин валялся в ногах, просил пощады - не помогло. Вслед за ними вышел и Молодкин. Когда всё стихло, осторожно вышел на улицу и хозяин дома.

В темноте мрачно шумел Иртыш. За шумом бури раздалось два одновременных выстрела.

- Значит, они его убили?

- Да.

- Так ему, подлецу, и надо. Дедушка, а откуда Вы всё это знаете? - заинтересовалась Нина.

- А вот откуда. В 1915 году меня взяли в армию. Воевал я на Карпатском фронте. В 1918 году демобилизовался, но вернуться домой не смог. Урал и Сибирь захватили чехи, а потом Колчак. Пришлось воевать в Красной Армии. С ней я и дошёл до Омска. Там был ранен в руку, пробыл два месяца в лазарете. Вышел оттуда, надо домой ехать, а

началась уж зима. Пришлось задержаться. А был я человеком мастеровым: умел печи класть, плотничать. Стал искать работу и забрёл в тот самый домик, где жил Халдин. Разговорились с хозяином. Узнал он, откуда я - страшно удивился и рассказал историю смерти Халдина.

- А с племянником что дальше случилось? - спросила Нина.

- Вот уж чего не знаю - говорить не буду. Расстреляли, наверное, или за границу сбежал.

- А историю Ивина Вы знаете?

- Не так подробно, но знаю. Знаю и про других купцов...

- Расскажите.

Но в это время за деревней появилась машина.

- Это внук мчится. Теперь уж не успею.

Простившись с девушками, шофёр завёл машину, сел в кабину, помахал рукой. Вскоре машина скрылась за косогором. Наступила необычайная тишина. Только озеро по-прежнему плескалось и всё так же отливало тёмно-синей глубиной.

6

В 1957 г. фотограф Л. П. Герасимов передал мне книгу, подписанную к печати цензором Бекетовым 11 сентября 1858 г. Речь идёт о шестом томе сочинений А. С. Пушкина. Первой частью этой книги является «История Пугачёвского бунта». Вторая - состоит из манифестов и указов Екатерины II, относящихся к пугачёвскому движению, рапортов графа Румянцева в военную коллегию, писем Нурли-Хана, Бибикова, Панина, Державина и, наконец, сюда же включена летопись пугачёвского движения, написанная Рычковым.

Л. П. Герасимов достал книгу в селе Кипель. Туда она попала из деревни Елизаветинка. В 1917 году, вскоре после Февральской революции, крестьяне указанной деревни подожгли находящуюся близ неё усадьбу помещика Покровского, в том числе и его дом. В нём находилась большая библиотека. Во время пожара многие книги из неё попали в руки крестьян ближайших деревень. Часть их оказалась и в Кипели. Одна из них, «История Пугачёвского бунта», сохранилась. На ней есть даже оттиск: имя хозяина - *Василій Корнельевичъ Покровскій* - и его дворянский герб: изображение короны, свидетельство древности и знатности рода.

Какое впечатление производило это произведение Пушкина на владельцев елизаветинского «дворянского гнезда», сообразить, конечно, нетрудно, если принять во внимание, что их родословная была связана с целой серией преступлений, направленных против зависимых от них крестьян. Такие деспоты-крепостники, по мнению Пушкина, сами подготовляли почву для народных выступлений. Не случайно в

замечаниях, не вошедших по цензурным соображениям в «Историю Пугачёвского бунта», он писал: «Весь чёрный народ был за Пугачёва». В последней главе этого сочинения есть такое место:

Пугачёва привезли на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окружённый своим штабом.

- Кто ты таков? - спросил он у самозванца.

- Емельян Иванов Пугачёв, - ответил тот.

- Как же смел ты, вор, называться государем? - продолжал Панин.

- Я не ворон, - возразил Пугачёв, играя словами и объясняясь по своему обыкновению иносказательно, - я воронёнок, а ворон-то ещё летает.

В доме Разгильдеевых - Покровских была не только большая библиотека. В нём висели копии картин знаменитых художников, в том числе «Последний день Помпеи» Брюллова. Зато крепостные крестьяне этих господ были поголовно неграмотными. При таких контрастах образованным господам можно было ожидать к себе в усадьбу и «летающего ворона», и призадуматься над содержанием картины «Последний день Помпеи». Она для них имела символическое значение.

Усадьба Покровских была сожжена крестьянами, вымещавшими свой гнев. От всего «дворянского гнезда» остался единственный том сочинений Пушкина. Символично, что это «История Пугачёвского бунта».

7

В тёплый зимний день мне как-то пришлось быть в деревне Елизаветинке. До вечера, когда должна была состояться лекция, оставалось ещё много времени. Я решил погулять по лесистым склонам реки Юргамыш. Вскоре показался глубокий лог. На дне его, борясь с холодом, продолжал жить своей обычной жизнью беспокойный родник. За логом - заброшенный парк. Всюду отпечаток царствующей зимы. Только две сосны, поселившиеся в этом парке, казалось, не признавали законов зимнего времени, отчётливо выделяясь на синевато-белом фоне снега изумрудной окраской своей хвои.

Поражало величавое безмолвие. Его нарушил бойкий дятел: устроившись на тополе, он несколько раз долбанул по сухому сучку, но, заметив меня, с громким криком скрылся в бору.

Что больше всего привлекает внимание в нашей зиме? Строгая чистота синеватых снегов, сказочное безмолвие длинных морозных ночей, холодное пламя бушующей метели или ледяной блеск затуманенных звёзд? Трудно сказать. Даже в медленно наступающем вечере есть своя красота, которую скорее можно почувствовать, чем выразить словами.

Я сел на пень недавно срубленного дерева и стал любоваться снежинками. Они одна за другой медленно опускались на землю. Когда я

подставил ладонь, чтобы поймать одну из них, мне показалось, что она тоненьким голоском пискнула:

- Не губите меня.

Я не стал трогать снежинку, и она прикрепилась к сухому стеблю репейника.

- Ну, вот, теперь я прекрасно устроилась, - сказала она и засверкала красивыми разноцветными огоньками в лучах догорающего солнца.

Я достал из кармана лупу и стал рассматривать маленькую собеседницу. Она оказалась чудесной звёздочкой с шестью лучиками. Строгая геометрическая форма не угнетала её красоты, а только служила её организующей основой. Когда я любовался изяществом её симметрии, она мне заметила:

- У меня много подруг, но у всех у них своя форма и строение. Каждая снежинка - это стройная и неповторимая система кристалликов воды.

- А откуда ты? - спросил я у снежинки.

- О, это очень длинная история, - отвечала она. - Мне даже невозможно сказать, из каких мест те частички воды, которые образовали мои кристаллики. Одни поднялись с поверхности Атлантического океана, другие - с Чёрного и Каспийского морей. Они долго носились в просторах неба, пока с потоком тёплого воздуха не пробрались в эти места. Зародилась я на большой высоте, состояла сначала из нескольких смёрзшихся кристалликов и, падая на землю, прошла через ряд слоёв воздуха различной температуры и влажности. В это время ко мне присоединились другие частички, и, наконец, я на земле. Вы даже не представляете, из какого количества молекул я состою. Если их расположить одну за другой в виде цепочки, то она дотянется не только до Луны, а уйдёт далеко за её пределы. Наступит весна, солнце расплавит меня, и все мои частички уж больше никогда не встретятся вместе: у каждой из них начнётся своя жизнь.

Наконец, стало темнеть, и я, попрощавшись со снежинкой, пошёл в деревню. Большая полная луна выплыла из-за соснового бора и спокойным бледно-серебристым сиянием озарила глубокую долину заснувшей реки. Бор, погружённый в сказочное безмолвие ночи, тоже тихо дремал. Только снежинки вспыхивали искрами самоцветов близ дороги и вносили в ночной мир ощущение заворожённой красоты. На опушке бора, отдельно от других деревьев, в светлом сумраке показалась раскидистая сосна. На густой хвое её могучих сучьев висели хлопья снега. Она как-то сразу воскресила в сознании стихи Есенина:

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

8

Прошло несколько лет, и я решил навестить знакомые мне с детства места.

В них не осталось прежней красоты. Исчезла над омутом сосна, вся местность была загажена и опустошена. Председатель колхоза здесь, вблизи этого чистейшего водоёма, устроил свинарник, в результате чего всё было изрыто, лес погиб, и такое здесь было зловоние, что дышать невозможно. Страшно было смотреть на погибающие затопленные берёзы.

А на одном из заседаний Юргамышского исполкома председателю этому была вручена медаль за охрану природы!

9

У каждого края есть свои особенности, которые должен отобразить краеведческий музей в своих материалах. Музей объединяет функции библиотеки, архива и лектория, может превратиться в серьёзный очаг культуры и пропаганды научных знаний. Разве жителям нашего края не интересно знать его историю?

Я с детских лет увлекался сбором музейных экспонатов, но мой детский музей был «леквидирован» вместе с моей личной библиотекой и уничтожен местными властями.

Когда бюро Юргамышского райкома партии приняло решение о создании краеведческого музея - я принял активное участие в этом деле и сдал в музейный фонд богатейшую коллекцию, которую я вновь, после упомянутого разорения, собирал более 20 лет. Сданы были краеведческая библиотека - свыше 170 книг, Грамматика Мелетия Смотрицкого[29], «Письмовник», первое издание «Капитала» Маркса, сборник моих статей «История нашего края»[30] и т. д.

Вскоре первый секретарь райкома А. Г. Худяков приказал музей передать школе и погубил его. Общее число погибших экспонатов - более тысячи.

Я тогда работал в Карасинской школе, а квартиру имел в Юргамыше, ездил туда и обратно и считался директором музея на общественных началах. Худяков вызвал меня к себе в кабинет и, не объясняя причины, в приказном порядке заявил:

- Сдайте экспонаты районного музея в школу.

- Это неразумно, - доказывал я, - там они не сохранятся.

Завязался спор. В конце концов я заявил Худякову:

- А Вы на основании какого права распоряжаетесь чужими экспонатами? Вы их собирали?

- Свои экспонаты возьмите, а остальные сдайте.

- Там моих экспонатов не менее 90 процентов, и брать я ничего не буду. Я не для себя их разыскивал. И сдавать ничего не буду, потому что не хочу их губить.

После этого скандального разговора я зашёл к Аскаровой - председателю райисполкома и тоже не мог её убедить в неразумности требования Худякова, но ключи от музея не сдал.

В то время, когда я уехал на работу в Караси, были взломаны замки в музее, все экспонаты перетащены в школу и сбросаны там в кучу в одной из комнат без замка. Так их и растащили.

В музее было несколько стеллажей и 12 застеклённых витрин. Все их разграбили.

Я стал разыскивать исчезнувшие вещи. Бивни мамонта и зубы нашёл на складе во дворе начальной школы. Здесь же в сарае обнаружил четыре застеклённых ящика - витрины. В них один из учителей школы поместил кроликов. Погибло и много церковных книг, в том числе Месяцеслов, а также ризы, художественные вышивки из бывшего монастыря, сделанные из цветной парчи и украшенные бисером. Таких вышивок было около сотни.

Я около трёх лет работал над составлением исторической хронологии нашего района, размещал материалы по месяцам и числам, использовал для этой цели свои статьи и заметки других авторов. И хронологию кто-то украл.

За свой счёт я нанимал фотографа. Мы с ним несколько дней курсировали по району и фотографировали наиболее интересные пейзажи, исторические места, связанные с гражданской войной, редкие в смысле архитектуры здания в сёлах. И этот альбом исчез.

А что с Худякова возьмёшь? Вышел он на пенсию, получил в Кургане трёхкомнатную квартиру и переселился туда. Он ни одного дня не работал в школе, а его портрет как отличника народного просвещения висит в музее народного образования на первом месте, рядом с портретом Ушинского! Один этот пример говорит, что у него нет порядочности. Таких людей не интересует наша культура, судьба страны, её будущее[31].

Лекционная работа

1

Темы лекций я обычно выбирал сам и брал те, которые импонировали мне. Круг тем был обширный: физика, география, религия и атеизм, краеведение и история, литература, астрономия и освоение космоса. Мне не нужно было думать о месте их чтения, так как в большинстве

случаев я исполнял просьбы тех организаций, которые обращались ко мне - прямо или через райком партии.

Иногда после лекции, если это было близко от Юргамыша (Озёрки, Новый Мир), я отказывался от предоставленного мне транспорта и уходил пешком, независимо от погоды.

Лекции были нужны не только моим слушателям, но и мне самому. Они углубляли мои познания, приводили их в систему, учили мыслить, снимали напряжение. В ходе подготовки к ним через мои руки прошло около 7 тысяч книг.

Конечно, вся лекторская работа была под контролем райкома партии, и при каждом новом партийном секретаре я вновь становился «врагом народа» и должен был заново отстаивать свои права. Так было, например, при П. М. Богатырёве, руководившем районом в первые послевоенные годы.

Началось с того, что в афишах, расклеенных по посёлку, в которых шла речь о предстоящей лекции в клубе, поверх моей зачёркнутой фамилии появилась фамилия Макеева И. Н. Я пошёл выяснить, как это понимать. Соснин - зав отделом агитации и пропаганды - сказал мне, что это сделано по указанию Богатырёва. Тот объяснил, что заменил меня другим лектором потому, что тема лекции политическая, а я беспартийный.

- Значит, всех беспартийных Вы считаете подозрительными? Тогда надо большинство учителей лишить права работать, поскольку их работа носит идеологический характер. А разве Вы, Павел Михайлович, когда утверждали тематику и список лекторов, не знали о моей беспартийности? Почему же Вы тогда меня утвердили? Кроме того, во время распределения тематики я сам отказывался от этой темы. Мне на это сказали, что читать её буду я по настоянию Богатырёва. И, наконец, почему прежде чем заменить меня не вызвать было меня в райком и не решить этот вопрос более тактично? Может быть, мне лекции вообще не читать? Вы молчите?

- Читай.

- Но я же беспартийный, а лекции в большинстве случаев носят идеологический характер.

Богатырёв помялся и сказал:

- Дело не только в твоей беспартийности.

- А в чём ещё?

- Твой отец - махровый кулак, владелец четырёх домов!

- Вот это уже другой вопрос. Во-первых, отец никогда не был кулаком. Во-вторых, не имел четырёх домов, а имел только один крестовой дом в Горохово. Перед раскулачиванием выстроил второй дом старшему сыну - мне. В отцовском доме нас жило 11 человек. Отца незаконно

раскулачили, всё отняли, но вскоре реабилитировали. Реабилитировали, но ничего не вернули.

Богатырёв заявил, что я выступаю против коммунистов.

- Против кого конкретно? Может быть, Вы имеете в виду Орлова?

Орлов был тогда директором школы.

- Не только.

- Вызовите их сюда. Я выступаю не против коммунистов, а против жуликов, независимо от того, члены они партии или нет.

Затем разговор перешёл на моих братьев.

- Да, трое моих братьев было репрессировано, первый из них, Иван - 14-летним подростком. Арестован за кулацкое происхождение по доносу, несмотря на то, что отец к этому времени был реабилитирован. Другой брат, Василий, с 1935 по 1939 пробыл в лагере в Восточной Сибири, но был реабилитирован.

- Где он сейчас?

- Погиб в Венгрии.

- А третий?

- Третий, Павел, два раза сидел в Челябинской тюрьме как «враг народа». Освобождён по решению суда как необоснованно арестованный во времена Ежова. Он тоже погиб на фронте в 1944 году. Четвёртый брат, Николай, погиб в том же 1944. Отцу моему и братьям было предъявлено столько обвинений, что не хватило бы тетради, чтобы их перечислить. «Шпион всех стран, бандит, вместе с сыновьями взорвали мост на станции Зырянка». Отец возразил, что в Зырянке ни мостов, ни реки никогда не было. «А тебе какое дело, что не было? - нагло спросили его. - Что пожелаем, то и напишем. Где теперь ты, сволочь, правду искать будешь? Может, в Москве? Да теперь таких, как ты, стреляют на каждом шагу!» Я самый старший из братьев. Во время войны прошёл несколько медицинских комиссий и в 1943 году был окончательно снят с военного учёта как негодный к военной службе ввиду болезни сердца. Я инвалид II группы. От инвалидности отказался - на пенсию в 155 рублей мне и одному не прожить, а у меня семья[32]. В конце 1946 года меня обвинили в космополитизме, а теперь снова сделали кулаком. Прежде чем заниматься травлей - Вы бы съездили в Горохово и нашли те четыре дома. Чем бы ни кончился этот скандал, я не уступлю и не встану на колени: я не мопс, чтобы вилять хвостом. У меня, у «кулака», никогда не было даже удовлетворительной квартиры. В годы войны я жил в бывшей конюшне, в которой кроме печи и нар ничего не было. Даже пол был сделан не из досок, а из обтёсанных жердей. На фронте я не был, но в этом моей вины нет. Я и привилегий никаких не имел: 250 граммов хлеба на каждого иждивенца, вот и всё моё кулацкое богатство. Услугами закрытого распределителя не пользовался.

- А почему ты тексты лекций не пишешь?

- А зачем? Я обычно пишу план, чтобы не нарушать последовательность изложения. Лекцию провожу в форме устного рассказа - это более живая форма общения. В год я читаю 12 - 15 новых тем. Мне бы не хватило времени, если бы я писал тексты... Кажется, всё? Или у Вас что-нибудь ещё?

Богатырёв больше ни о чём не спросил, но дело без последствий не осталось.

Вскоре из Курганского обкома партии в Юргамышский парткабинет[33] приехала с лекцией какая-то особа и решила ознакомиться с моими лекциями.

- Я их никогда не пишу.

- Как так? - возмутилась приехавшая.

- Вот так и не пишу.

- Кто Вам дал такое право: читать лекции без текста?

- Я их не читаю, а рассказываю, а если Вас не устраивает такая форма моей работы, то я могу вообще их не проводить.

- Татьяна Яковлевна, - обратилась она к заведующей парткабинетом Чистяковой, - что это за безобразие? Обсудите его поведение на заседании райкома.

- Я беспартийный. Кроме того, являюсь внештатным лектором областного бюро общества по распространению политических и научных знаний.

Чистякова встала на мою сторону, и я, спросив, в котором часу лекция приехавшей женщины, ушёл.

Лекция не состоялась: лекторша потеряла текст и... уехала в Курган!

Ряд лет, когда я выезжал в какое-нибудь село с лекцией, меня сопровождал «комиссар» от райкома партии. Больше того, в 1945 - 1946 годах я имел даже специального тайного филера, приставленного ко мне начальником районного отдела НКВД. В райкоме не раз обсуждали вопрос о моём аресте.

Так продолжалось около 40 лет и закончилось только в 1967 г. В таких условиях я работал не только как учитель, но и как лектор. В роли последнего я затратил титанический труд, прочитав за время лекторской работы около 6000 лекций. В то время, как многие «педагогические акульки», выступавшие на учительских совещаниях по заранее написанным и проверенным шпаргалкам, обзавелись за добросовестную работу в области народного образования наградами и званиями. Это их фотофизиономии помещены на видном месте в районном музее народного образования. В райкоме партии на доске почёта моей физиономии тоже никогда не было.

Таков социалистический реализм нашего времени.

2

Я жил в огромном мире книг, зелёной лесной природы и космоса, и всё это находило отражение не только в моих лекциях, но и в стихах, написанных во время моих походов по дорогам и бездорожью своего края, особенно в ночные часы.

Холод - двадцать,
        ветер встречный,
Солнце в радужном венце.
«Эй, прохожий!
        Что беспечен?
Ты не в ялтинском дворце!»

Так мне крикнул
        бойкий ветер,
Вечно дующий степняк,
И, тряхнув вершинки ветел,
Юркнул в светлый березняк.

И в действительности, вскоре
Вид у неба помутнел,
Как взвилась над косогором
Быстрокрылая метель!

Налетела, закружилась
Бойким танцем:
        свист и вой.
Улыбнулась и спросила:
«Как, романтик и герой?

Не боишься затеряться
В моём царстве
        снежной мглы
Иль со мною прогуляться
За Кипель, за Карталы[34]?»

«Нет сомнения, талантлив
Твой стремительный балет.
Я действительно романтик,
Даже чуточку поэт!

А поэтому погодой
Ты меня уж не страши.
Грозы, вьюги и походы -
Это страсть моей души.

Я хотя и не геолог,
Но из вида не мимоз.
Мне и тридцать пять -
        не холод,

Мне и сорок - не мороз!

Тон иронии напрасен:
Что мне царство твоей мглы?
А в поход... Ну что ж, согласен:
Карталы, так Карталы».

«Превосходно, храбрый рыцарь,
Романтический герой!»
Снова снежной танцовщицей
Закружилась над горой.

Вдруг
поближе подлетела,
Снегом кинула, смеясь,
И мгновенно птицей белой
В небо серое взвилась.

Спасательным кругом для меня являлись именно мои стихи - своеобразный разговор с моим сердцем. Это мой лирический дневник «Синяя птица». Я никогда не переоценивал своих стихов и сейчас не могу сказать, стóят ли они чего-нибудь. Их художественный мир противопоставлен антимиру - произволу, насилию, лжи и клевете. Самых ранних своих стихов, написанных за первое десятилетие сознательной жизни, у меня нет - их забрали во время обыска и ареста моего брата и не вернули.

В общем - мои стихи о природе, молодости, любви, о вечной битве разума и зла, о независимости разумного человека, несовместимости его с пошехонцем, заболоченными мозгами и чувствами обывательского мира.

Говоря другими словами, это был мой своеобразный «материк» - моё Беловодье: царство разума и справедливости, в котором я себя чувствовал сказочным романтическим героем.

3

Я всю жизнь, начиная с начальной школы, занимался самообразованием. Этого требовала моя натура, учительская и лекторская работа. Первой я отдал ровно 50 лет, а лекторской - 60. Кроме того, много времени и энергии было израсходовано и на изучение своего края, проведение краеведческих походов с учащимися, создание местных музеев, участие в роли внештатного корреспондента в работе районной и областной газет.

В 1967 г. я перешёл на работу в медицинское училище. Там стал преподавать историю и научный атеизм. Заведующий учебной частью мне предложил взять ещё обществоведение. Узнав об этом, вновь прибывший секретарь райкома партии выразил неудовольствие, заявив,

что беспартийным нельзя доверять такой предмет. Я явился в райком и попросил рекомендацию для поступления на философское отделение Курганского университета марксизма-ленинизма. Подал заявление К. А. Серебряковой - директору этого университета, чтобы меня зачислили слушателем, освободили от занятий и разрешили экстерном сдать экзамены. В конце учебного года я явился в Курган и без подготовки за один день сдал все зачёты и экзамены по трём предметам на отлично.

Только после этого меня, наконец, перестали ограничивать и подозревать[35].

Глава 7
МАРИЯ, ТЫ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ

Через вьюги, сраженья и грозы,
Через жгучий сибирский мороз
Я о женщине - солнечной розе
Лишь мечту в мир грядущий унёс.

Быть или не быть?

1

Вопрос, излагаемый мной, - не новый. Он результат длительных раздумий.

Далеко позади осталась юность: яркая, трудная, романтичная. Дамоклов меч социальной несправедливости, связанный с культом Сталина, личная драма сердца, возникшая в тот момент, когда на моём горизонте ещё не было омрачающих облаков, оставили неизгладимый след на моём характере. Тридцать лет напряжённой борьбы за честь и достоинство человека, ненасытная жажда знаний, искусственно прерванное образование, «всемирное тяготение» к природе, к книгам, романтическое восприятие жизни, органическое отвращение к пошлости, бескорыстность, прямота, вечная неразделённость личных переживаний, высокая требовательность к себе и безразличие к условиям, в которых я живу, и даже к клейму проклятого и отверженного Каина - всё это не могло не отложить отпечатка на весь строй моих чувств.

Естественно, что, несмотря на мой оптимизм, которым я обладал, в душу порой вкрадывался шепоток: «А зачем ты живёшь?»

2

И вот эти настроения опять обострились. Я не могу жить без энергии, без действия. Тусклая однообразная жизнь отпетого и жадного обывателя для меня равноценна смерти. Вопрос о ненужности и бесполезности моей жизни остаётся для меня основным. Решить его очень сложно.

Ярко светит солнце, выразительно сияет голубизна ещё по-летнему красивого неба, но что делать, если в сердце не прекращается светлая и мучительная тоска о красоте человека!

Магнитное поле грусти

1

Да, я действительно прочитал лекцию о затмении солнца для преподавателей физики и географии. После лекции написал лирическое

стихотворение с оттенком юмора. Всё это так. Но это вовсе не говорит, что кризис мой прошёл. Фактически по-прежнему ничего не могу делать.

Я отчётливо чувствую, что моё сердце окружено своеобразным магнитным полем грусти, и я от неё не могу отвлечься ни на минуту. Мне кажется, что эта грусть, выходя из сердца, распространяется до самых отдалённых звёзд, что ею, как тончайшей голубоватой дымкой, заполнено всё пространство.

2

Более двух лет зрело в моём сердце тончайшее чувство к женщине, которая стала для меня идеалом женской и общечеловеческой красоты, от общения с которой весь мир сразу зазвучал и заиграл красками.

Скрытая энергия этого чувства годами копилась во мне. Я её держал под прессом. Так сложился в моих чувствах образ «синей птицы» - культ нестареющей молодости, яркой, недоступной, но в высшей степени одухотворённой красоты.

3

И вот появилась ты. Несмотря на то, что эта любовь оказалась поздней, она разразилась, как ночная гроза с ветром и ливнем. И теперь, когда надо мной опять сияет солнце, я с болью ощущаю преждевременный листопад моих чувств.

Ты стала для меня вторым солнцем, без сияния которого я не представляю своей жизни[1].

Моя ромашка

1

Пока Вы ездили в Караси, Ваш Боян написал пятнадцать стихотворений.

Итак, я вступил в пределы сентября.

Сегодня был в лесу. Часа два сидел под сенью молодых берёз, пережидал дождик и писал «Бабье лето».

За повышенную облачность сентябрь иногда называют вечером года. Но бывают в сентябре и светлые, безмятежные дни с такой густой синевой неба, что забываешь о наступлении осени.

Сентябрь удивительно живописен. Это он кистью художника раскрасил в иссиня-фиолетовые, оранжевые, светло-жёлтые, карминно-красные и багровые тона поля и лиственные леса, так что невольно восхищаешься их очарованием.

Осень - это пора сосредоточенности, углублённости, размышлений. У неё лицо умной женщины, задумавшейся над своей судьбой. Не всё,

вероятно, было светлым в её жизни. Ей грустно, что многое осталось позади, что жизнь - процесс необратимый, что впереди - холодные дожди, затем морозы. Она серьёзнее стала понимать и красоту жизни, потому ей дорог даже листочек, сорвавшийся с дерева.

С наступлением осени более мудрой становится мысль, но человек делается утончённее и в чувствах. Не случайно О. Берггольц в стихотворении «Бабье лето» писала:

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
С отрадой тебя принимаю. И всё же -
Весна моя, где ты? Любовь моя, где ты?
А рощи безмолвны, а звёзды всё строже.

2

Лес, поля, дали дорог, над которыми висит лёгкая дымка, крик журавлей, доносящийся откуда-то из невидимой глубины неба - всё излучает трудноуловимую, но тончайшую поэзию. Трудно сказать, что её определяет: «багрец и золото» лесов, холодноватая окраска чистейшего, как хрусталь, неба, торопливый бег облаков, стук дятла, улетающие журавли или последние цветы.

Порывистый тёплый ветер бойко гонит над полями клубящиеся облака, ерошит берёзовые рощи, создаёт тревожный лесной шум. Кое-где набегают бородатые тучки с косым дождём. Очень красиво.

Конечно, у этой красоты был бы иной лиризм, если бы я был не один. Стоит ли говорить о том, что по-прежнему, где бы я ни был, неизменно присутствует моя ромашка! К сожалению, ромашка та не моя, и когда я называю её моей, то это сохраняет силу только в поэтическом смысле.

3

Завтра меня ожидает сплошная проза, а сегодня очень красивая ночь.

Я два раза прошёл по дороге с расчётом встретить автобус. Не дождался. На обратном пути написал небольшое ночное стихотворение.

За посёлком над рощей стоит луна. А до чего же прекрасны берёзы в тишине, при лунном освещении! По ту и другую сторону дороги всё ещё цветут ромашки. Теперь они всю жизнь будут напоминать о тебе. Их, видимо, не скроют от меня ни суровые мглистые декабрьские ночи, ни сугробы снегов, ни голубое пламя февральских метелей.

А апрельский золотистый горицвет - один из наших первых подснежников - разве не напомнит мне о романтическом чувстве?

Вы можете спросить, для чего всё это пишется. Пишу для себя, независимо от того, нужно это Вам или нет. Было бы смешно всё это адресовать Вам, поскольку для Вас это даже не чувство, а смешные нелепые излияния. Пишу я серьёзно о серьёзных вещах. До всего

остального мне нет дела. Пишу потому, что без этого не могу жить. Себя я, разумеется, не щажу, веду сам с собой борьбу, хотя и без результата. Пока единственной положительной формой этой борьбы являются стихи. Эта борьба направлена не против Вас, а против меня. Без романтического отношения к жизни, без вечной влюблённости в неё я жить не могу и в то же время я объективно опустошаю эту влюблённость. А тут речь идёт ещё о поэтическом отношении к женщине. Через неё я воспринимаю всё, начиная от самого близкого (в смысле расстояния) и кончая тем, что лежит за пределами досягаемости. Как освободиться от этой поэзии? Ведь Вам тоже в какой-то степени будет грустно без этой огромнейшей красоты?

Мир без тебя

1

Только что вернулся из Луговой. Поездка оказалась удачной. Лекцию и кинокартину слушатели восприняли довольно хорошо.

Пока собиралась публика, я осмотрел всю деревню.

Сегодня интересная ночь. Медленно плывут облака, время от времени закрывая серебристую луну. Над лесом же висит густой мрак, созданный серой, почти чёрной тучей.

Что-то есть грустное и холодноватое в этой ночи. Чувствуется приближение перелома в погоде.

Последние дни у меня какое-то странное настроение. Я даже затрудняюсь его определить. Ощущение, равносильное тому, что из моей жизни безвозвратно ушло что-то очень важное. С его потерей я ещё не примирился. Отсюда и чувство грусти, и философия опущенных рук. Возможно, сказывается влияние осени.

2

Сегодня с девяти часов стал накрапывать дождь. Я свернул с дороги влево и устроился под молодой берёзкой в шалаше, наскоро сделанном из свежей соломы.

По дороге идут машины с зерном. Лёгкий ветер, густые облака, сеющий дождь, медленное угасание природы в соединении с тем, что ты один, создают впечатление светлой грусти.

Часа два я лежал на соломе, слушал шелест дождевых капель, смотрел на бегущие тучи. Люблю этот осенний полусумрак, шум леса, шелест дождя и с удовольствием бы в этом месте провёл ночь. Моё вчерашнее предчувствие перемены погоды оправдалось.

3

Двенадцать часов ночи. Я сижу на кухне, пишу и в то же время через открытые двери слушаю шум дождя. Это располагает к раздумью. Попытка выключить тебя из моего воображения - беспредметна. Наверное, и чувство осени так глубоко не переживалось бы, если бы не было тебя как человека, прочно вошедшего в мой мир. Но у этой бескорыстной, искренней любви, озарённой вдохновением, солнцем, вечной красотой плывущих облаков, есть и другая сторона - это мир моих грустных мыслей. Ведь эта любовь у меня, разумеется, последняя. Со стороны она, возможно, кажется смешной и нелепой, а без неё я померкну.

Ты романтическая поэзия сердца

1

Мария! Я тебя не видел три дня. Не знаю, как для тебя, а для меня - это целое событие.

Ты для меня всё! И звёздный мир, и солнце, и берёза на речном побережье... Словом, романтическая поэзия сердца, без которой нет меня.

Пошёл уже третий год, как я живу только Марией. В этом слове много вдохновения, но немало и раздумий, а порой и невыносимой тоски. Я написал около двухсот стихотворений. Но ни стихи, ни лес, ни ночные путешествия не дали разрядки.

У меня нет настоящих друзей. Потерять тебя - потерять всё. Понимаешь ли ты это, Мария?

2

В конце концов не в этом дело, а в том, что именно она озарила меня чудесным светом. Конечно, будет нестерпимо жаль, если она лишит меня этого волнующего пламени. Оно вспыхнуло не случайно и назревало не день, не два. Всё, что осталось от беспокойной молодости, зрело с годами, шлифовалось обстановкой, прошло через суровые годы испытаний, сквозь грозы и метели, наконец, вспыхнуло ярким светом. Не будет ли Мария сожалеть, если погасит этот свет? Ведь стихи в этом случае, какие бы они ни были, превратятся в надгробную эпитафию, в лучшем случае станут воспоминанием того, что было.

Метель

1

За окном мрак, ветер, идёт дождь со снегом - половецкий набег зимы. Когда я шёл по улице сквозь мглу, снег и дождь, то почему-то невольно вспомнил слова Маяковского: «На улице одни поэты да воры!». Однако даже эта ветреная, сырая ночь мне казалась по-своему красивой, в какой-то мере гармонировала с моим настроением.

К одиннадцати часам темнота сгустилась, снег усилился. Я не удержался от соблазна пройти по опушке леса. Когда останешься один в необычной обстановке, то всё ощущается острее. Между тобой и возбуждённым состоянием погоды устанавливается полный контакт. Ты ведёшь разговор не средствами языка, а голосом чувства. Одним словом, поэзия мглы, ветра и мокрого снега воспринималась ощущением какой-то долго сдерживаемой, а затем прорвавшейся красоты, которая вступала в конфликт с обычной обстановкой и звучала, как буйно ворвавшаяся асимметрия. Шаблон надоедает, притупляет чувства, вносит в них успокоенность, превращает человека в ожиревшего Ионыча. Вероятно, поэтому первая разведка зимы, да ещё на фоне мглистой ночи, воспринималась в образе сильной, взбунтовавшейся страсти.

Вновь рванулась, прозвенела
Сотней бойких бубенцов
И украдкой посмотрела
Мне в тревожное лицо.

Посмотрела и умчалась,
Скрылась в сумерках густых,
Оглянулась... Ель качалась,
С нею голые кусты.

Я стоял ошеломлённый,
Очарованный тобой
И мечтал, как бор зелёный
Под лазурью голубой.

Вечно гордый и зелёный,
Растянувшись вдаль и вширь,
Ты стоишь, качая кроны,
Исполинский богатырь.

С бурей, с чёрною грозою
И всегда без лишних слов
Своей буйной головою
Ты померяться готов.

В этом сердце гул мятежный,
Грохот, гром, движенье гроз.

В этом сердце образ нежный
И цветенье алых роз.

2

Разумеется, на фоне этого настроения по-прежнему перед моими глазами всё время стояла Мария. Не будь её, я, по всей вероятности, не проникся бы желанием смотреть ветреную, ненастную осеннюю ночь. Без неё она бы утратила оригинальность и воспринималась бы иной - в виде неприятного холода и сырого ветра. Вот что значит сила настоящего чувства, у которого имеется одна-единственная орбита.

Комета

1

Два года я слежу за своей кометой. Теперь она, как мне кажется, находится от меня на самом близком расстоянии. Если она будет следовать законам небесной механики, а не моих личных желаний, то неизбежно удалится от меня и скроется за пределы моих восприятий. Я боюсь этого. Горько остаться без единственной звезды на ночном небе.

2

Вчера из мрака полуночи,
Из тайны неба,
с высоты
Звезда горела
ярко очень -
Звезда чудесной красоты.

Вновь небо ясно.
Нет ни тучи.
Но кто бы знал мою беду:
Всю ночь карабкался
на кручи,
Чтоб с высоты
смотрелось лучше,
Но не нашёл я
ту звезду.

Хромосферная вспышка

1

Начался новый, более тяжёлый кризис - «хромосферная вспышка», перед которой ослаб интерес даже к предстоящему солнечному затмению[2]. Всё держится только на одной Марии. Не будь её, не было бы никакого проблеска.

Не так страшна смерть, как моральное опустошение.

2

Только что открыл вновь купленную книгу и сразу же наткнулся на «кризисные» строчки: «Грустно любить без взаимности, страшно потерять любимого человека».

Но всё-таки самое ужасное, наверное, прошлёпать по жизни, не узнав любовной муки!

Миру нужен свет

1

Погромы бывают разными, но самыми страшными являются погромщики и дёгтемазы человеческих душ. Замочная скважина - это главный для них микроскоп, через который они с удовольствием рассматривают человека, попавшего в их поле зрения. Неужели я в самом деле мог навлечь внимание того, кто изображён в одном из моих стихов?

Нет, не верю. Миру нужен свет, настоящая красота без грязи и пыли. Такой была стоящая на Тобольском мосту, такой она и остаётся в моём сознании, несмотря на дикие сплетни оголтелых мещан. Без этой красоты, одухотворяющей человека, невозможно жить, если не быть болваном или скотом, что в сущности одно и то же. Пусть эта красота предназначена не мне, но то, что она где-то есть и иногда освещает мои чувства, уже многое значит.

Не сдавайся, сердце,
не сдавайся!
Ещё много солнца впереди.
Тёмной ночью
звёздам улыбайся,
Слушать вьюги
в поле выходи!

2

Нет, миру нужна всё-таки не только красота ярких солнечных лучей, но и чистота человеческих отношений, иначе люди превратятся в скопища скотов. Я всё же говорю, что не представляю не только Тобольского моста, но и вообще всего мира без той, что заняла центральное место в моих июньских стихах.

Таким образом, Мария осталась Марией, и если уж говорить правду, то она стала для меня ещё ближе, чем до возникшего скандала.

Статуя

1

Время идёт. Я, конечно, не верю в злые свойства числа 13, хотя все «египетские казни» совершенно случайно начались с него. Скоро их действиям исполнится месяц. За это время почти не писал стихов. Вчера ночью просидел целый час и не мог ничего написать кроме нескольких строчек:

Что тебе
  мой светлый ветер,
Чувства знойные его,
Романтическое лето,
Грозы сердца моего?

Редко за это время прибегал и к прозе, почти не общался с природой. Как исключение - иногда читал лекции и бегло, без интереса, почти по привычке, заглядывал в книги.

2

Что касается Марии, то по-прежнему думаю о ней, но всё это воспринимается как через далёкий полузабытый сон, и её человеческие черты становятся сходными с мраморной статуей, стоящей от меня на отдалённом расстоянии. Пройду возле неё, посмотрю на холодный мрамор и с каким-то страшным чувством прохожу дальше. Насколько бы поэтична ни была женская красота, воплощённая в мрамор, она уже лишена живого дыхания и никогда не будет восприниматься так близко, как воспринималась мною сквозь июльский пожар моих чувств. Значит, продолжается омертвление сердца, выцветание его красоты.

И всё же Мария, даже превращающаяся в статую, остаётся по-прежнему главным солнышком моего угасающего мира.

В то же время грозовое облако июля, как эхо, как яркое воспоминание будет часто появляться на небе моего воображения, хотя со временем, вероятно, всё реже и реже, пока, наконец не уступит место белёсым краскам выцветающего небосклона.

Бывают такие грустные, медленно догорающие закаты. На земле уже темно, и только верхушки безмолвного леса на фоне тихой зари всё ещё отчётливо выделяются своими очертаниями. С таким настроением я смотрел на них, когда на днях с последней электричкой возвращался из Кургана.

Когда я сопоставляю это выцветание чувства с его июльскими разрядами, мне всё же до щемящей боли становится грустно. Ведь в

образе Марии были отражены мои представления о красоте жизни, обо всём, что является предметом моего внимания. Через этот образ, как через магическое стёклышко, я воспринимал все краски и звуки мира. Не стало стёклышка, и мир поблёк.

3

Какая-то странная
В сердце тревога,
Будто зовёт меня
В дали дорога.
Куда и зачем -
Ничего я не знаю.
И вот я куда-то
Бесцельно шагаю,
Будто я что-то
Навеки утратил.
Где я:
быть может,
В безумной палате?
Что-то забыл
И не в силах припомнить,
Словно сосед мой,
Фома-гипертоник.
И вдруг
мне сказали,
Проснувшись, цветы:
В мире не стало
Твоей красоты.

Глава 8
РАЗДУМЬЯ

Вроде Ленского был я Вовы:
По романтике - высший балл,
Но практически - не делóвый:
Своей ласточки не поймал...

Жизнь кипела, и жизнь бурлила,
Дула бурею прямиком.
Так романтика нам вручила
Зрелой мужественности диплом.

Выбор

1

Всё чаще и чаще думаю о смерти. Стараюсь на этот вопрос смотреть объективно, философски, хотя и не могу освободиться от грусти. Останутся стихи - мой «двойник». Что с ними будет?

2

На днях уже второй раз подряд ездил в «знакомые дали», жадно, ревностно любовался красотой природы и в то же время выбирал место для вечного поселения.

Высокий увал, господствующий над долиной глубокого Токарёвского лога, давно уж привлекает моё внимание именно с этой точки зрения. На нём гордые, устремлённые вверх красавицы-сосны. Перед ними свободная поляна. Когда смотришь с неё - открывается панорама рощ и полей, вдали виднеется долина Юргамыша. Тишина. Безмолвие. Даже в яркий солнечный день здесь немного грустно. Зимней ночью здесь висит непроницаемая мгла. В короткий зимний день, когда солнце только чуть-чуть поднимается над лесами, вероятно, может веять даже приветливым уютом. С наступлением сумерок отсюда можно наблюдать за догорающим фиолетовым закатом, а в зимние метели воет порывистый ветер, в снежном пожаре скрывая стонущие сосны.

Но всё же здесь одному, даже мёртвому, лежать будет грустно. Перед тобой целая вечность, и ты один. Поэтому меня больше привлекает юго-восточная часть гороховского кладбища. На нём я уже был два раза.

Предпочитаю быть сожжённым, но где и как?

Прогулка в астрал, или дематериализация

1

Уважаемый Иван Кириллович![1]

Я по делам музея была в Юргамыше и узнала, что жена Александра Ульяновича Астафьева Зоя Васильевна умерла 11 сентября 1989 г. и похоронена на Малобеловодском кладбище. Вскоре после этого он куда-то уехал, а куда - никто не знает. В Юргамыше его нет уже больше трёх месяцев. Дочь показала мне один из альбомов гороховского периода его комсомольской жизни. В нём есть и Ваша фотография. На обороте написано: «Костылев Иван Кириллович». Из комсомольцев тех лет в живых уже никого нет, кроме Вас.

Уезжая в неизвестность, он оставил короткую записку:

«Уезжаю. Куда? Пока не знаю. Поисков не производите, даже в том случае, если не вернусь. Хотя я и атеист и не суеверен, но странное рождение зимой под сосной во время падения Тунгусского метеорита, пожизненное отторжение меня вожаками особей человеческого рода, тяготение к космосу не дают мне покоя. Ощущение, что душа моя живёт в чужеродной среде. Фактически и тело моё никогда не имело своего дома».

Он говорил дочери, что собирается ехать в Пермь, вернее, в ту зону, которая является местом обитания инопланетян, и будто бы он сказал, что если возьмут его - он улетит с ними в созвездие Весов или Большого Пса.

У меня к Вам просьба - напишите, что Вы знаете об Александре Ульяновиче.

Белла Фрадкина.

2

Я только что приехал в свой «особняк» - в бывший монастырский дом, привезённый на Малобеловодский кордон после закрытия в 1922 г. женского монастыря, который находился недалеко от деревни Вохменка нашего района.

Ночь. Мороз к 30°. Я с трудом растопил печь, накормил кошек и собак, оставленных мне по наследству от Зои Васильевны. Она ушла отсюда в «вечный мир», в котором нет ни добра, ни зла - всё приведено к одному общему знаменателю: от святого Сергия Радонежского и до бога Солнца и Луны, гениальнейшего учёного, создавшего непревзойдённую тиранию своего единовластия, которая унесла на тот свет миллионы «врагов народа», в числе которых и мой отец и дед.

В это время, когда я пишу, в холодном синеватом сумраке неба висит половина растущей луны, напоминая мне не только о тайнах и красоте неба, но и о моём ущербном и в то же время красивом детстве, когда я трёхлетний сидел на руках отца и просил мне достать луну. А моя светлая фея - бабушка рассказывала сказки о торжестве света над

тьмой. На улице в это время или бушевала буря, или была безоблачная ночь, и луна висела над дремучим бором.

Сейчас я тоже живу на опушке бора, но он уже не тот, а казённый. У него нет той живой одухотворённости и той прелести, что рождали у меня чувство поэзии.

Кое-кто говорит, что красота спасёт мир от гибели. Это возможно только при условии, если правители, стоящие во главе государств, будут не только умнейшими, но и нравственными[2].

3

Порой приходится слышать: трудовое и нравственное воспитание должны идти параллельно. Параллельные линии не сходятся, не пересекаются! А надо, чтобы идейное, нравственное, трудовое воспитание было связано одним узлом. Да накрепко, чтобы не развязать, не расчленить. Сейчас как зачастую происходит? На политзанятиях, лекциях разговор идёт о совести, долге, чести. А на всяких хозяйственных планёрках-летучках, деловых заседаниях - как выполнить план любой ценой, как натянуть его, что и где достать, пробить, протолкнуть, кому преподнести сувенир - не безвозмездно, конечно. Выходит, на лекциях - одно, на планёрках - совсем другое. Вот от такого «параллелизма» и разнобой между словом и делом. Отсюда и беспринципность, делячество, демагогия...

Если мы хотим всерьёз перестраиваться, то пора переходить от шумных, показушных мероприятий к незаметной, кропотливой работе буквально с каждым человеком[3].

4

В 1978 г. моя жена Зоя Васильевна (девичья фамилия Ермолова) подала на развод. Ещё в 1945 г. в наших отношениях возникла брешь. Я рассказал ей тогда о «романтической болезни сердца» - о любовной истории с женщиной, которую назвал Галочкой[4]. Она не разговаривала со мной семь месяцев.

Позже, с покупкой дачи на Малобеловодском кордоне в 1973 году, она уединилась на ней. После смерти старшего сына[5] она целое десятилетие не могла смириться с этой трагедией, одновременно переболела всеми социальными проблемами нашей истории и написала несколько сот стихов. Думаю, что многие из них заслуживают внимания. Не знаю, что с ними делать[6].

Здравствуй, Ермолова!
Как ты живёшь?
Я говорю серьёзно:
Идёт молва

всенародная сплошь,
Что бессмертна душа.
Возможно!

Грехов у тебя
серьёзных нет.
Мелочи -
списаны будут.
Помнишь ли ты
про солнечный свет
Или спишь беспробудно?

То, что осталось
лежать в земле, -
Это не главное дело.
А то, что бессмертное было
в тебе, -
Куда оно улетело?

Ругала меня ты,
конечно, зря.
За это ничуть
не обижусь,
Даже с радостью
крикну «ура!»,
Если с тобой увижусь.

Ты думала -
мне жилось легко
При нашем райском укладе, -
А я и с усопшими
жил под землёй
На кладбище
в Ленинграде.

Стихи твои
хранил и храню,
Хоть ты мои
и не чтила.
Часто болею,
порой хандрю,
Как всякий земной
Гаврила.

5

Скоро уйду из жизни. В библейского бога я не верю. Он жесток, несправедлив и коварен. По его тираническим законам живёт и наш земной мир. Атеизм в прежнем его понимании безнадёжно устарел и

ничего не даёт человечеству. Современные отцы церкви также лицемерны и лживы[7].

Мы живём в непроглядном хаосе, но человек не может жить без будущего, а оно в непроницаемом мраке. Что делать?

6

На этом я кончаю жизнеописание великомученика Александра, который, несмотря на невероятные муки, преодолевал все козни дьявола и его опричников, сохранил чистоту души и сердца и сотворил ряд праведных дел. Я думаю, что великая православная церковь причислит его к лику святых, а люди XXI века назовут его героем своего времени. Да будет так!

7

В родословной моих предков не было генов «голубой крови», но суровые раскольники и беглые крестьяне - искатели сказочного *Беловодья* - были. Несмотря на трагический характер своей мужественной судьбы, они являлись непокорными *изгоями*-протестантами. Может быть, я кое-что унаследовал от них.

Глава 9
ИЗ ПРЕДСМЕРТНЫХ «ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО»

Я с ветром задорным немало бродяжил
По днищам оврагов, по кромкам болот.
Я дом не поставил. Я денег не нажил.
Не грабил по-свойски я русский народ.

И вовсе не думаю с кем-то тягаться.
Живите! Копите спокойный жирок!
Одно признаю я, одно лишь богатство -
Мятежное сердце. Его я сберёг.

1

Лидия, со мной повторилось то, что уже было месяца полтора назад. На всякий случай, если я сам не найду способа, как с собой поступить, то:

а) меня отправить на тот свет в чём есть;

б) смотрин, когда я окажусь в домовине, не устраивать;

в) никаких тризн ни в 9-й, ни в 40-й день не справлять;

г) не анатомировать;

д) в церкви молебнов не устраивать: грехов у меня больших нет, и если бог есть - он к пустякам не станет придираться, а с дьяволом я договорюсь на том свете.

Сознание чёткое, но в голове шумит.

Сегодня без всяких болезненных ощущений нарушилась речь, изменился и стал слабым голос. Не могу глотать. Что делать? Не знаю.

2

На чьи средства будет сооружена моя домовина - тот пусть возьмёт мои облигации. Стоимость их в современных знаках - 350 рублей.

Где я буду зарыт - мне всё равно, т. е. рядом с Зоей Васильевной или нет.

Все опубликованные статьи сдать в областной архив.

3

Состояние совершенно критическое: около двух месяцев не сплю, ночью постоянная аритмия.

Денег у меня для похорон нет, кроме 80 рублей, но есть долг государства - облигации на сумму 350 рублей.

4

Умерла Зоя. Теперь наступила очередь моя. Ничего не сделаешь. Я попросил соседей позвонить Лидии о моём сумасшествии. Она забрала

меня к себе. Я никогда не думал, как трудно умирать, ведь от тебя ничего не останется - пустота, даже больше - это минус пустота.

5

Вероятно, я обожжён внешним облучением - или внутренних противоречий не выдержала нервная система? С тех пор я сижу под арестом у дочери. Ослабла память, забыл все стихи, написанные мной.

Я гляжу теперь на свет белый с другого конца - с того света и вижу одну пустоту. Зачем мне было читать 6000 лекций? Зачем было выдерживать такую ужасную жизнь? 50 лет работать?[1]

ЭПИЛОГ ИЗДАТЕЛЕЙ

Александр Ульянович Астафьев умер в возрасте 86 лет после второго инсульта.

Первый инсульт его настиг осенью 1989 года, через два месяца после смерти его жены Зои Васильевны. Результатом явилась полная амнезия. Весь огромный потенциал знаний, накопленных при жизни, погрузился во мрак.

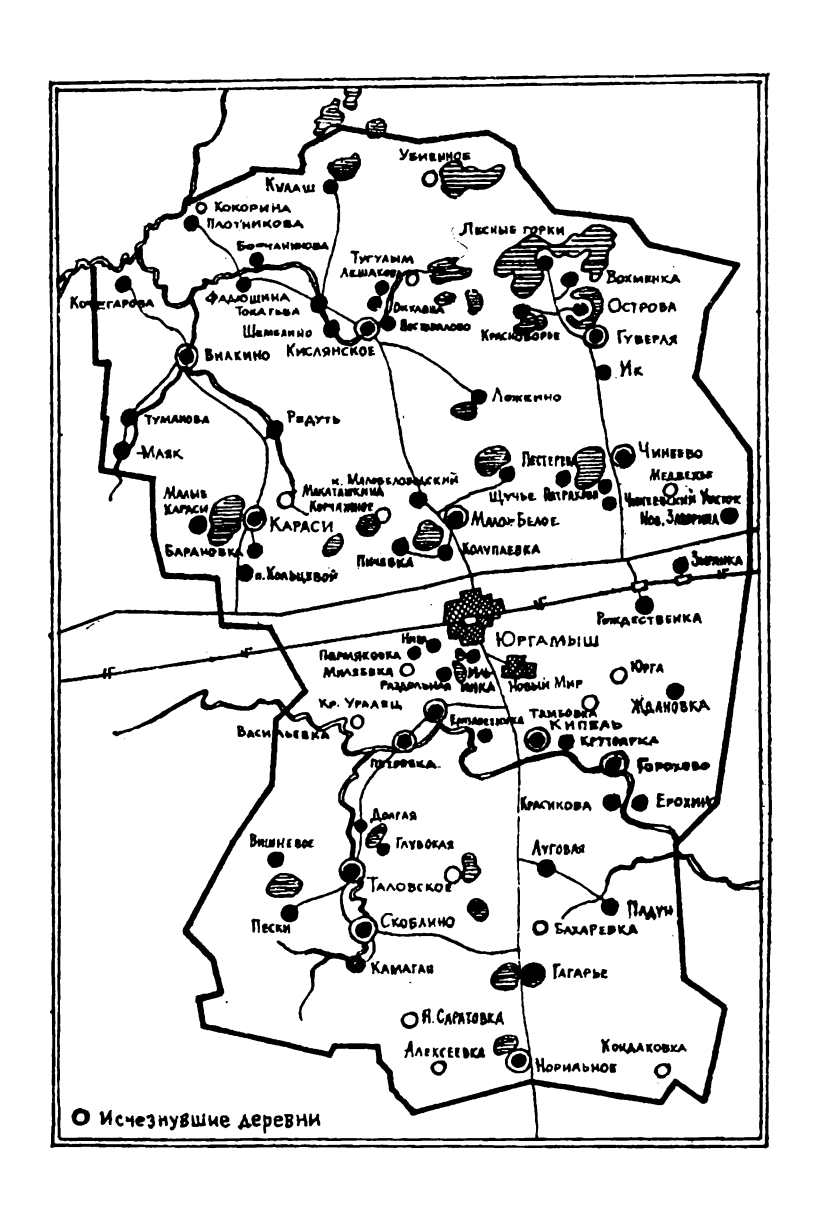
Находясь один в доме на Малобеловодском кордоне, Александр Ульянович высыпал содержимое многочисленных папок, где хранились рукописи его стихов и прозы, и пытался сжечь. Но рукописи не хотели гореть. Тогда, явившись к соседке и сообщив, что сошёл с ума, он попросил позвонить об этом старшей дочери Лидии и в тот же день был привезён в Юргамыш. Он перестал спать, потерял ощущение времени суток и мучительно пытался вспомнить имена знакомых, исторические даты, бесчисленные стихи, прочитанные книги. Всё, отвоёванное у тьмы, он записывал. Постепенно тьма стала отступать, и память возвращалась.

С наступлением весны он вновь стал ездить на кордон, пытаясь разобрать гору исписанной бумаги, которая пролежала зиму, уцелев от уничтожения.

Пережив жену на пять лет, он отчаянно боролся за свою свободу, порываясь сбежать из дому. Ноги уже не слушались, а душа по-прежнему тянулась к любимым местам малой родины.

На исходе лета 1994 года его состояние опять резко ухудшилось. Умер он, как и его жена, в сентябре месяце.

Комментарии

Карта Юргамышского района Курганской области

Вместо авторского предисловия

[1] В 1947 или 1948 году, когда правительство щедро награждало учителей орденами и медалями, коллектив Юргамышской средней школы, как я помню, представлял А. У. Астафьева к ордену «Знак Почёта». Но в какой-то инстанции его фамилия была вычеркнута из наградных списков.

[2] *Сельпó* - сельское потребительское общество, кооперативная организация. В идеале она должна была существовать как акционерное общество: пуская в оборот членские взносы, получать на этом прибыль и выплачивать дивиденды своим членам. Но дело было поставлено так, что дивидендов обычно не оказывалось, а в члены общества людей привлекали тем, что по членским книжкам продавали дефицитные продукты или товары. Я, например, работая сельским учителем, до 1965 г. по книжке сельпо снабжался сахаром: не имевшим книжек сахар не отпускали

[3] Имеется в виду школа в деревне Падун - одной из деревень Юргамышского района Курганской области (тогда - Курганского округа), см. карту.

[4] Речь идёт об излюбленном в 20-е и 30-е годы приёме «работы с населением»: чтобы вынудить дополнительно сдать государству хлеб, или вступить в колхоз, или подписаться на заём, людей вызывали в сельсовет по ночам, изнуряя и запугивая. Практика эта была повсеместной.

Детство

[1] *Единоверческая церковь* - церковь, объединяющая одно из течений старообрядчества. Возникла в 1800 г. в результате соглашения умеренного крыла старообрядцев с официальной православной церковью. Единоверцы сохраняли старые обряды в богослужении, но подчинялись синоду Русской православной церкви.

[2] Это написано в 60-е годы. Змеи в большом количестве появились в Малобеловодском бору в начале 50-х годов. Видимо, к этому времени и относится случай с полозом.

[3] Эти сведения относятся ко временам детства и юности автора. В настоящее время в селе Горохово выстроен новый центр, так что Гороховский край оказался окраиной.

[4] *Зáимка* - хозяйственная постройка за пределами селения.

[5] *Крестовóй* (или *крестóвый*) *дом* - дом, внутренние стены которого образуют в плане крест, деля строение на четыре комнаты.

[6] Ср. рассказ о массовом бегстве мобилизованных крестьян из армии Колчака в эпизодах «Автобиографических записок» В. А. Плотникова, относящихся к этому времени.

Голубой пожар

[1] *Падь* - ложбина.

[2] *Литóвка* - коса с прямой длинной ручкой (в противоположность *горбýше* - косе с короткой изогнутой ручкой, рассчитанной на косьбу внаклон).

[3] *Кóлки* - перелески, небольшие участки леса, перемежающиеся с полями.

[4] *Рогóз* в наших местах обычно называют *камышом*, а его белую подводную часть («корневище») - *мýчкой* или *мóчкой*. Добавление в тесто измельчённого рогоза - это

лишь одна из многочисленных технологий изготовления хлебных суррогатов в нашей стране. Описание их полной истории в домашнем и промышленном производстве хлеба (истории, не законченной и поныне) заняло бы многие и многие страницы.

[5] *Пятисте́нный дом* - дом, в котором внутренняя (пятая) стена делит помещение на две комнаты: кухню и горницу.

[6] То есть травы. Травами и кореньями, согласно легенде, питался христианский святой III - IV вв. н. э. Антоний Фивский. Выражение *пища святого Антония* - один из архаизмов, по-видимому, не осознаваемых автором как таковые (ср. ещё слово *фи́лер* 'доносчик').

[7] Вообще говоря, Куртамыш был селом и официально статус города получил только в 1956 г. Однако это было большое село, к тому же районный центр, что, видимо, и создавало у его жителей «городское» самосознание. Ср. в связи с этим частушку:

Куртамыш - село большое,
Можно городом назвать,
Можно лавочку построить,
Только нечем торговать.

[8] Если имя немецкого философа *Ф. Ницше* (1844 - 1900) достаточно известно, то о швейцарском биологе *О. Фореле* (1848 - 1931) сегодня знают далеко не все. Огюст Форель занимался вопросами энтомологии (в частности, жизнью муравьёв), невропатологии и психиатрии (в частности, сексопатологией), как общественный деятель вёл борьбу с алкоголизмом и проституцией. То, что подобные авторы входили в круг чтения ученика средней школы в далёком сибирском селе, определённым образом характеризуют не только его самого, но и обстановку в педагогике в 20-е годы: скажем, в 50-е такое чтение для советского школьника было абсолютно исключено. На это важно обратить внимание сегодня, когда всю историю советского периода нашей школы некоторые склонны изображать в одних и тех же красках.

[9] Конец сюжета о Гале Рукавишниковой в повести не совсем прописан. Судя по всему, после отъезда родителей в Пермь она ещё возвращалась в родные края: так, автор учится с ней на курсах подготовки в вуз летом 1927 г., а осенью того же года во время посещения Александром Перми Галя не фигурирует; в главе «Подземный мир» есть глухое упоминание о том, что в январе 1928 г. она живёт в Юргамышском районе, в деревне Ждановка - видимо, работает, не поступив в вуз, и только осенью 1928 г. окончательно переезжает в Пермь и учится в медицинском институте.

[10] Б и р ю к о в В. П. Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953. С. 206.

[11] *Бря́нка* - марка плуга.

[12] *Комитет крестьянского общества* - общественная организация в доколхозной деревне.

[13] *Макко́рник* - марка жатки на конной тяге.

[14] *Заро́д* - укладка соломы или сена.

[15] *«Комву́з»* - серия учебных книг, рассчитанная на слушателей так называемых коммунистических университетов - существовавших до середины 30-х годов партийных учебных заведений политического просвещения (предшественников позднейших высших партийных школ).

[16] *Мишка Козелков* - вероятно, Михаил Ковязин, председатель Гороховского сельсовета (упоминается в 18-й главке). Мемуарист иногда упоминает одних и тех же лиц под разными фамилиями, но в данном случае *Козелков* может быть и прозвищем.

[17] *Засыка́ть* - засучивать.

[18] Скрытые посевы были способом, с помощью которого зажиточные крестьяне пытались уменьшить налоговое бремя на свое хозяйство. Завышенные ставки налога и как следствие активизация стремления налогоплательщиков скрыть часть доходов - тоже, как видим, не новая черта нашей жизни. Конечно, комсомольцы 20-х годов не были достаточно образованными в экономике, чтобы знать, что существует предел налоговой ставки, за которым налогоплательщик оказывается перед выбором между деградацией хозяйства и сокрытием части дохода, иначе говоря, между обнищанием и криминалом: в скрытых посевах они видели только одну сторону дела - обман государства.

[19] *Оста́нец* - холм на берегу реки или кромке оврага, образовавшийся в результате вымывания окружающих пород водными потоками.

[20] В деревне, не знавшей электричества, детекторный радиоприёмник был единственным видом беспроволочной радиосвязи, поскольку он работает без электропитания (преобразуя радиоволны в звуковые сигналы без их усиления). (Электрификация Курганской области была завершена не ранее середины 60-х годов: свидетельствую, что в 1963 г. в деревне Ключики Куртамышского района - одного из центральных районов области, где я тогда работал, - электричества ещё не было).

[21] *ОГПУ* - Объединённое государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР; название советской политической полиции в 1932 - 1934 гг.

[22] Изложение этого эпизода дополнено фрагментом из интервью автора, включённого в ст.: К у р и н Л. Здравствуйте, Астафьевы! // Правда. 1986. 26 июля.

[23] *День Парижской Коммуны* - 18 марта - отмечался в то время как один из наиболее значительных революционных праздников (был даже нерабочим днём).

[24] *Щепо́тница, щепо́тник* - так называли старообрядцы православных (за то, что те крестятся не двумя пальцами, а тремя, сложенными в щепоть).

[25] Вырезка из газеты «Известия» за июнь 1929 г. сохранилась в бумагах автора. Вот полный текст этой заметки (в «Известиях» она дана без подписи):

МЕСТЬ КУЛАКОВ

Покушение на секретаря комсомольской ячейки

В с. Горохово Юргамышского района Курганского окр[уга] было произведено покушение на секретаря комсомольской ячейки, местного активиста А. Астафьева.

Кампанию против Астафьева кулаки начали давно. Желая отомстить Александру за участие его в хлебозаготовках и комиссии по учёту объектов обложения, они сначала пустили в ход клевету. Затем одно за другим было произведено несколько открытых уличных нападений.

Ещё сильнее возненавидело кулачество Астафьева, когда он организовал в деревне комсомольскую ячейку.

Использовав все «мягкие» способы борьбы и видя, что комсомольская ячейка растёт, кулаки решили убить Астафьева.

Астафьев, придя домой с вечера молодёжи, сел у окна. Вдруг стекло разлетелось вдребезги. Лампа упала со стола и погасла. Саженный кол с полпуда весом пропорол у Астафьева нижнюю и верхнюю рубашки, оцарапав левый бок и руку.

Астафьев отделался лёгким ранением.

Только благодаря случайности кулацкое нападение не кончилось смертью деревенского активиста.

Самое замечательное в этом материале, конечно, то, что кулаки безо всякого следствия объявляются виновниками покушения. Истинные виновники, конечно, на это и рассчитывали.

[26] *КПЗ* - камера предварительного заключения, род следственного изолятора.

[27] *Одина́* - дом или небольшая группа домов, хуторок вблизи деревни. Здесь слово употреблено как название одного из краёв села Горохово.

[28] Н. А. Астафьева со слов отца рассказывает, что однажды на лекции в лекционный зал вошёл милиционер и крикнул: «Астафьев здесь?» Тот промолчал. Промолчали и его товарищи. Когда милиционер ушёл, подпольный студент тихонько вышел из зала и скрылся.

[29] В основу главки положена публикация автора: Во весь голос: О встрече с Маяковским // Рассвет, 1978, 28 февр.

Подземный мир

[1] После Октябрьской революции карточная система в нашей стране существовала до 1925 г., затем с 1929 по 1935 и с 1941 по 1947 г., однако ограничения продажи отдельных продуктов или товаров (в виде отпуска их по талонам, по книжкам пайщиков потребсоюза, по спискам) оставались практически беспрерывными до 1994 г., когда все государственные цены поднялись до уровня «базарских».

[2] Ошибочное совмещение двух античных образов: богини судьбы Фортуны и богини правосудия Фемиды (которую изображали с завязанными глазами).

[3] Анахронизм: в описываемое время (с 1918 по 1937 г.) город Пушкин (до революции Царское Село) назывался Детским Селом, но автор употребляет современное название.

[4] Пряники и консервы - обычный ассортимент советских сельских магазинов и на моей памяти.

[5] *Двоеда́н* - сибирское название старообрядца. Связано с тем, что старообрядцы до 1762 г. платили двойную подать.

[6] Имеется в виду Петропавловская крепость, где Александр и Сергей подрабатывали на складах.

[7] Словом *старшина* обозначают как должность (непосредственный начальник роты, ведущий её повседневные дела, но подчинённый командиру роты), так и воинское звание. Здесь имеется в виду должность, поскольку персональные воинские звания введены в Красной Армии лишь в 1935 г.

[8] *Сала́ги* - дровни, род саней.

Раскулаченные

[1] Ещё один анахронизм: в Красной Армии гвардейские части и, соответственно, звания *гвардии рядовой, гвардии сержант* и т. д. учреждены только в 1942 г., поэтому райкомовские работники 1930 г. не могли «знать», что автор был «гвардии рядовым», хотя суть дела этот образ и передаёт правильно.

[2] *Зоя Васильевна Ермолова*, с 1932 г. жена Александра Ульяновича. Подробнее см. в примечании к главе «Романтическая болезнь сердца».

[3] В некоторых местах рукописи *Ольга Петровна Макарова* ошибочно именуется *Максимовой*.

[4] *Чемберленов и Чайканшей* - родительный падеж множественного числа от имени английского министра Чемберлена и от искажённого имени китайского политического деятеля Чан Кайши. *Остин Чемберлен* (1863 - 1937) - министр иностранных дел Великобритании в 1924 - 1929 гг., один из инициаторов разрыва в 1927 г. отношений с СССР. *Чан Кайши* (1887 - 1975) - лидер китайской националистической партии «Гоминьдан», бывшей до 1927 г. союзницей коммунистов в борьбе против японской колониальной экспансии, но затем порвавшей с компартией.

[5] *Чижо́вка* - одно из жаргонных названий тюрьмы (любой её разновидности, в том числе и камеры предварительного заключения); аналогично - *скворе́чница*.

[6] *Глуби́нки* - ссыпные пункты для временного хранения вывозимого с полей зерна в отдалённых сельских районах.

[7] Эти два источника: картошка и корова - станут потом на долгие годы (до середины 50-х) спасением крестьянина от голода. Но корове нужно сено - так ведь партийная власть умудрилась создать проблему сенокоса, опять-таки искусственную: колхозы не выкашивали сенокосных угодий по недостатку рабочих рук, но для личных хозяйств сельских рабочих, служащих и тех же колхозников заготавливать сено на этих угодьях не разрешалось. Это я видел своими глазами. (См. об этом также и в «Автобиографических записках» В. А. Плотникова). Эта политика «собаки на сене» прекратилась только после смерти Сталина, и то не сразу.

[8] XX съезд КПСС сказал о Сталине полуправду: утверждалось, что Сталин допустил грубые ошибки, но что советская власть как форма диктатуры пролетариата при нём продолжала существовать. При всём том приоткрылась возможность для дискуссий. Я помню, как мы, вчерашние школьники, в студенческую пору спорили на эту тему со студентами, пришедшими в вуз после фронта и получившими «идейную закалку» в партийных рядах. Вспоминаю, в частности, спор со студентом-фронтовиком В. Яблоковым: я и несколько моих товарищей доказывали ему, что никакой диктатуры пролетариата у нас не было, а была диктатура Сталина. Он нас разубеждал - но, надо отдать ему должное, не донёс ни на кого: в политической расправе со мной, последовавшей через год, этот факт не фигурировал.

[9] А. П. Полушина знал и я. В 50-е - 60-е годы он и его жена, тоже учительница, стали приближёнными директора А. Ф. Гелича - одной из самых одиозных фигур в истории Юргамышской средней школы (см. об этом в главе «В мире вдохновенного труда»).

[10] Академией художеств в Ленинграде называли и продолжают называть институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (располагающийся в бывшем здании Академии).

[11] *Сталинаба́д* - название столицы Таджикистана Дюшамбе (Душанбе) в 1929 - 1961 гг.

[12] Отсылка диплома по месту распределения - иезуитский приём борьбы с так называемым «недоездом», как именовалась на советском языке неявка выпускника на работу именно в ту организацию, в которую он распределён. Впоследствии дипломы стали всё-таки выдавать на руки выпускникам (хотя я ещё в конце 80-х

годов слышал разговоры о том, что хорошо бы восстановить прежний порядок). Впрочем, в любом варианте система обязательного распределения оставалась фактически системой административной ссылки: молодых специалистов, даже если они находили работу по желанию, направляли не на неё, а «куда родина велела». В постсоветский период правительство бросилось в другую крайность: совсем сняло с себя заботу об учёте потребности в специалистах и о трудоустройстве выпускников. Наиболее разумный порядок распределения существовал на заочных отделениях: там выпускнику обязаны были дать распределение в том случае, если он этого хочет, в остальных случаях он трудоустраивался самостоятельно. Этот порядок следовало распространить на очное образование, а вместо этого «с водой выбросили ребёнка», как обычно и бывает при любых переменах в условиях сохранения бюрократической системы в целом.

[13] Формальным поводом для отказа тарифицировать А. У. Астафьева как учителя с высшим образованием служило то, что ЛИНХ был вузом не педагогического профиля, хотя мне известны многочисленные случаи тарификации по высшему разряду учителей с непедагогическим высшим образованием - в частности, окончивших Высшую партийную школу, хотя образование, которое давало это заведение, едва ли вообще можно признать высшим.

Романтическая болезнь сердца

[1] Этот переход на Вы с бывшей одноклассницей и подругой может удивить. Но, например, меня, которого он знал с младенчества как соседского мальчика и к тому же товарища своих детей, Александр Ульянович с 8-го класса неизменно называл на Вы. В семье Астафьевых на Вы звали дети свою мать. Помню, в детстве меня это шокировало. Впоследствии, уже заведуя учебной частью в сельской школе, я столкнулся с таким обращением в семье одной из своих учительниц и спросил, зачем она так приучила своих детей. «Что Вы! - ответила Анна Семёновна. - Я и не думала приучать. Просто они всё время слышат, что ученики обращаются ко мне на Вы - и сами стали так называть». Дело ещё и в том, что русское *ты* выполняет две функции: это не только нейтральная форма обращения, но и «форма грубости», противопоставленная форме вежливости (вроде немецкого *er*, противопоставленного *Sie* - при нейтральности немецкого *du*). Поэтому в ситуации, когда грубость недопустима, русский человек предпочитает форму *Вы* даже в общении с близкими людьми. По этой же причине в служебной обстановке начальническое *ты* воспринимается русскими как хамство. (Ср. описываемые А. У. Астафьевым беседы с партийными руководителями).

[2] Речь идёт о Зое Васильевне Ермоловой, на которой А. У. Астафьев женился вскоре по возвращении в родные места, в 1932 г. Как и он сам, она была своеобразной и незаурядной личностью. Само её происхождение было необычным. Согласно семейному преданию, прадедом Зои Васильевны был декабрист В. К. Кюхельбекер. Его побочный сын влюбился в малообеспеченную девушку, хотел жениться, но родственники не позволили. Девушка ушла в монастырь, родила там дочь, но при родах умерла. Девочку, названную Капитолиной, в пятимесячном возрасте отдали бездетным супругам Агею Львовичу и Агафье Карповне Кузнецовым. А. Л. Кузнецов был владельцем золотых приисков на Дальнем Востоке, постоянно кочевал по разным дальневосточным и сибирским городам. Около 1900 г. Капитолина вышла замуж за военного музыканта Андрея Петровича Ширяева. Вскоре у них родился сын, названный в честь деда Агеем. Затем несколько

родившихся детей умерли маленькими. В 1911 г. родилась дочь Зоя. В 1915 г. А. П. Ширяев умер. Капитолина вторично вышла замуж за Василия Ермолова, чью фамилию и отчество и носила Зоя. Незадолго до гражданской войны приказчик Агея Львовича обокрал хозяина и бежал в Китай, после чего дед Агей умер от инфаркта. Его внук ушёл с красными и пропал без вести. Капитолина Агеевна тоже вскоре умерла. Родственники её во время гражданской войны скрылись. Зоя осталась с бабушкой Агафьей Карповной. Жили они в это время в Кургане, бедствовали. Их приютила семья Юговых (родители известного писателя Алексея Кузьмича Югова). Когда Зоя подросла, она закончила курсы учителей, учительствовала в Курганской области, где и встретилась с Александром Ульяновичем. (См. также: Колесников А. Правнучка декабриста из Шишкинского переулка // Зауралье. 1996. ? авг. Правда, эта статья содержит ряд домыслов и неточностей).

[3] В этой самокритике Александр Ульянович, безусловно, прав. Его бесконечная война с «пошехонцами» иной раз отпугивала даже близких ему по духу людей. Мой отец - человек умный и неробкий, но дороживший покоем семьи - вполне понимая устремления Александра Ульяновича, относился к нгему тем не менее с большой долей настороженности, а что говорить о рядовых обывателях? Кроме стычек с чиновниками, казавшихся многим пустым донкихотством, Александр Ульянович был склонен к чудачествам и в быту. Вот сравнительно безобидный, но характерный эпизод. Летом 1959 г. он, я, мой брат Толя и бывшая одноклассница Галя Юкова пошли в поход по району. Ночью, в дождь, подходим к деревне. Александр Ульянович отправляет к заведующей школой договариваться о ночлеге меня и Галю. Заведующая, видевшая нас впервые в жизни, была явно шокирована, но пошла открывать школу. Увидев Ульяныча, она всё поняла. Спрашивается, отчего бы ему не пойти на переговоры самому? Утром мы собирались идти дальше. Поднимаемся - нашего учителя нет. Спрашиваем у деревенских - говорят, ушёл за деревню. Выходим за околицу - далеко впереди, в низине, какой-то человек идёт по полю к ручью, но так далеко, что узнать, он ли это, уже невозможно. Галя говорит: «Посмотрим: если будет вести себя странно - значит, он». Дойдя до берега, человек не стал искать мостика, а разбежался и перепрыгнул через ручей. «Он! Давайте догонять». Догнали - оказывается, Александр Ульянович был недоволен, что мы долго спим. Спрашивается, почему бы не разбудить? «А зачем? Раз не выспались - спите!» Всё это - при самом дружеском к нам расположении! Даже самым близким людям было с ним нелегко.

В мире вдохновенного труда

[1] В основу этой главки положены следующие публикации автора: Первая школа // Рассвет. 1977. 15 февр.; Народное образование в нашем районе до 1917 года // Рассвет. 1985. 6 июня.

[2] В основу главки положена публикация: Моя первая учительница // Рассвет. 1977. 15 марта.

[3] В основу главки положена публикация: Памяти учителя // Ленинский призыв. 1960. 21 июня.

[4] В основу главки положена публикация: На всю жизнь // Рассвет. 1977. 17 дек.

[5] Юргамышская вечерняя школа рабочей молодёжи располагалась в том же здании, что и обычная школа. Лишь в послевоенные годы для неё было построено отдельное здание.

[6] Юлия Сергеевна Соседова, дочь прежнего директора Юргамышской средней школы Сергея Семёновича Соседова (о нём с большим уважением вспоминает автор в главе «Раскулаченные»), была завучем школы с 40-х по 60-е годы, некоторое время работала и директором. Человек с большим чувством ответственности, талантливая учительница литературы, умелый организатор, она однако отличалась крайне жёстким характером и, вместе с тем, будучи членом партии, никогда не шла на конфликт с партийным начальством, даже самым низовым. Я хорошо её знал: в старших классах она вела у нас литературу, руководила драмкружком и некоторое время, занимая пост директора школы, даже была у нас классным руководителем - случай исключительный. Далее Александр Ульянович даёт ей довольно резкую, но в общем объективную характеристику, оценивая её как жертву сталинской педагогики. Юлия Сергеевна была награждена орденом Ленина и несколькими медалями, удостоена звания заслуженной учительницы школы РСФСР, в Юргамыше её имя носит бывшая улица Культуры, где располагалась в годы её работы средняя школа.

[7] До образования в 1943 г. Курганской области Юргамышский район входил в Челябинскую.

[8] Это написано в начале 80-х годов!

[9] *Восьмилетняя школа* - неполная средняя школа в период между «хрущёвской» (1958) и «черненковской» (1984) школьными реформами. До этого неполная средняя школа была семилетней, после - стала девятилетней.

[10] Под руководством Константина Павловича Лапина пришлось работать и мне. Он остался в моей памяти как спокойный и доброжелательный человек.

[11] В рукописи по ошибке *Рыбин.*

[12] В пору работы Д. Д. Попова на посту заведующего районо я был ещё школьником и с Дмитрием Даниловичем имел одну-единственную встречу, но по-своему показательную. Как-то зашёл я по делам к секретарю райкома комсомола З. И. Бельской. Зинаиду Ивановну я нашёл в отделе пионеров. Закончив там свой разговор, она повела меня в свой кабинет. Когда вошли, она сделала мне замечание: «Осипов, ты что с Дмитрием Даниловичем не здороваешься?» Тут только я увидал, что на стуле у окна сидит невысокий плотный старик с мрачным жёлтым лицом. «Здравствуйте, Дмитрий Данилович!» - произнёс я виновато, но приветливо: я думал, что он спросит, не сын ли я Прасковьи Антоновны Осиповой: мать мою он хорошо знал по совместной работе в школе во время войны. Однако Дмитрий Данилович не только не ответил, но и головы не повернул. Во время нашего разговора с Бельской он сидел так же молча и безучастно, а потом, ни с кем не попрощавшись, ушёл. Ещё помню, как его жена Серафима Михайловна рассказывала моей матери, что муж даже дома всё что-то пишет и пишет - «наверное, книгу». Но ни при жизни, ни после смерти Д. Д. Попова никакой книги не обнаружилось: видимо, он и дома писал канцелярские бумаги.

[13] Учительская ставка по тогдашним нормативам составляла 18 недельных часов, но ввиду низкой зарплаты учителя при возможности брали нагрузку больше: нормальной считалась нагрузка порядка 20 - 25 часов.

[14] Не правда ли, что-то знакомое? Как теперешние «демократические» наследники большевиков «крутят» в банках деньги, так их «тоталитарные» предки «крутили» в магазинах масло! Афера секретаря Юргамышского райкома партии Мылтасова всплыла наружу благодаря письму старого большевика Буторина, написавшего о ней в ЦК. О фокусе юргамышских «маслоделов» упомянул в одном

из своих выступлений Н. С. Хрущёв, дело получило широкую огласку, и руководители района были сняты с работы.

[15] Это та самая Парасковья Ивановна Ч., которая ранее упоминается под инициалом как директор школы «села К.». Видимо, инициальная маскировка была связана с тем, что этот фрагмент был написан ещё в пору её работы.

[16] По нынешним временам, когда в том же Юргамыше проворачиваются криминальные операции с огромными материальными ценностями, подобная выходка кажется милой шалостью. Но всякий поступок надо оценивать на фоне эпохи. В середине 60-х годов наличие швейной машины было признаком если не самого высокого, то во всяком случае уже и не низкого достатка. Моя мать в то время только мечтала о швейной машине - а мы считались всё-таки не самыми бедными. В эпизоде с Губаревым стóит ещё обратить внимание, что новый районный начальник, как правило, был приезжим, а уволенный начальник, как правилю, уезжал.

[17] Я бы не сказал, что А. Ф. Гелич был вежлив и с близкими ему людьми. Работал в школе военруком бывший лётчик Николай Семёнович Залявин - не подхалим, но человек по-военному исполнительный и соблюдающий субординацию. Советский Союз в то время «догонял Америку» по производству молока и мяса. В производстве мяса большие надежды возлагались на скороспелые виды животноводства: разведение свиней и кроликов. Н. С. Залявину было поручено организовать кролиководческую ферму при школе. Именно эта кролиководческая ферма и была главным козырем Гелича по части модной тогда «связи школы с жизнью». Казалось бы, Николай Семёнович должен был пользоваться особым уважением директора. Но я был свидетелем, как однажды Гелич, за что-то рассердившись на военрука, при учителях и учениках рявкнул на него, как на мальчишку: «Залявин! А ну зайди ко мне!» На ты он звал почти всех - но я был один из немногих, кому он не смел «тыкать». Что касается такта, то моя работа под руководством Гелича протекала следующим образом. Осенью 1960 г., будучи студентом-заочником Курганского пединститута, я устроился на работу по специальности в родной школе - рискнул, хотя мне уже знаком был нрав директора. И что же? Во время зимних каникул я уехал на экзаменационную сессию, а когда вернулся и пришёл в свой класс, мои шестиклассники сообщили, что я уволен: дирекция известила их об этом раньше, чем меня самого!

[18] Анатолий Осипов - мой младший брат. К сожалению, из его литературных опытов сохранилось немного: приключенческая повесть, написанная в возрасте 13 лет, и несколько стихотворений. Но и повесть, и некоторые стихи по-настоящему интересны. Стихи опубликованы в сб.: О с и п о в ы А., Н., Б. Звёзды в клёнах. Омск, 1998. С. 9 - 19.

[19] О том, что собой представлял В. Я Божко как педагог и как администратор, с достаточной ясностью свидетельствуют хотя бы такие эпизоды его работы на посту заведующего районо в Куртамыше, куда он был переведён из Юргамыша в результате хрущёвской чехарды с районированием в начале 60-х годов. На одном из районных учительских совещаний он публично зачитал личное письмо мальчика-подростка, моего ученика по Ключевской восьмилетней школе, адресованное девочке из Кипельской школы. (Письмо было изъято у девочки и передано ему кипельской директрисой). Это образчик его педагогики. А вот пример административной мудрости. Советская власть дала учителям сельских районов право на бесплатное отопление и освещение квартир. В соответствующем документе была оговорка, что государство обеспечивает эти услуги только главе

семьи: имелось в виду, что если в семье двое учителей, то двойная норма, скажем, дров им не положена. Божко этот пункт истолковал по-своему: льготы положены, если в школе работает муж, а не жена! И лишил льгот всех учительниц-женщин, не имевших мужей-педагогов. (Факт был сообщён мне учительницей Т. И. Платоновой). Чиновничья его суть проявлялась даже в мелочах. Я в то время заочно учился в аспирантуре. В моей школе не было пишущей машинки. Я попросил у секретарши районо разрешения перепечатать свою статью на её машинке. Меня увидел Божко и выгнал! И этот мастер читать чужие письма и толковать законы был удостоен звания заслуженного учителя, а в районе вырос до заместителя председателя райисполкома.

[20] Муж Н. И. Яшиной Александр Иванович был в то время одним из секретарей райкома партии и также участвовал в разборе конфликта. Вопрос разбирался дважды: когда Анатолий заболел (директору было всего лишь объявлено предупреждение) и когда он исчез (директор был переведён «тем же чином» в Мишкинскую среднюю школу).

[21] На приёме у заведующего облоно Голова был и я. Иван Михайлович оставил у меня впечатление удручающее. Я провёл в его кабинете не менее половины рабочего дня, но он так и не сумел взять в толк, почему и зачем я явился: он оказался способен усвоить только одно - что у Гелича в школе есть кроликоферма, а поскольку я этого не отрицал, то он никак не мог понять, почему я требую уволить директора. Предоставляю читателям самим рассудить, как должны оцениваться такие работники: в качестве жертв педагогики, ценившей кроликов дороже людей, или в качестве её творцов.

[22] М о р о з М. Забыв об аксиомах воспитания // Молодой ленинец. 1962. 11 июля. В этой же статье даны и характеристики В. Я. Божко и И. М. Голова.

[23] Один из плодов работы А. Ф Гелича в Мишкинской школе - уничтожение школьного музея (сообщение краеведа А. П. Сычёва).

[24] В основу этой главки положена публикация автора: О культуре и такте учителя // Юргамышский колхозник, 1956, 3 сент.

[25] В основу главки положена публикация: У ней есть чему поучиться // Юргамышский колхозник. 1956. 2 сент.

[26] В основу главки положена публикация: Трудолюбие и добросовестность // Ленинский призыв, 1960, 21 июня. Высокую оценку работе А. А. Скобелевой даёт и учившийся у неё С. В. Плотников. Он вспоминает, что цветы, выращенные под её руководством на пришкольном участке, всегда были самыми оригинальными на районных цветоводческих выставках, проводившихся в те годы.

[27] «Красный Курган» (с 1960 г. - «Советское Зауралье») - газета, орган Курганского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся. В настоящее время выходит под названием «Новый мир» как областная общественно-политическая газета. «Хрестоматия по истории Сибири» - видимо, неточное название. Книги под таким названием мне найти не удалось.

[28] О Миславских как землевладельцах упоминается в списке плательщиков уездного земского сбора (Государственный архив Курганской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Лл. 13 - 16).

[29] Это было московское издание Грамматики 1648 г.

[30] Речь идёт, видимо, о сборнике газетных вырезок, содержащем краеведческие публикации А. У. Астафьева.

[31] Вот ещё образчик партийного «правосознания». А ведь речь идёт уже не о полуграмотных «леквидаторах» 20-х годов. Дело, следовательно, не в уровне

грамотности. А. Г. Худяков был вообще довольно противоречивой фигурой. С одной стороны, в период его руководства районом сдвинулась с мёртвой точки проблема улучшения жилищных условий учителей, за что его отмечала в 1980 г. «Учительская газета». С другой стороны, он был склонен к поспешным и непродуманным решениям авторитарного характера, за что в 1982 г. его критиковала «Правда». Ликвидация музея - один из примеров таких решений.

[32] 155 рублей - стоимость примерно 90 буханок хлеба. Семье из 6 человек этой суммы, следовательно, хватало практически только на хлеб.

[33] *Парткабинет* - ведомство при райкоме партии, отвечавшее за политическое просвещение населения. В 1952 г. парткабинеты переименованы в партбиблиотеки, в 1956 - в кабинеты политического просвещения.

[34] *Карталы* - районный город в Челябинской области.

[35] Последние страницы трудовой биографии А. У. Астафьева, получившие отражение в его книге, относятся к периоду работы в Юргамышском медицинском училище (1967 - 1970) и в Карасинской школе (начало 70-х). После этого он ещё свыше 10 лет работал в различных школах своего района и в районном доме пионеров и окончательно ушёл на пенсию в возрасте 70 лет.

Мария, ты романтическая поэзия жизни

[1] В этой главе речь идёт о последнем, мучительном (и, по-видимому, платоническом) романе Александра Ульяновича, несколько лет служившем предметом пересудов для поселковых обывателей. Женщина, именуемая здесь Марией - в действительности Александра М. - была разведена по самой прозаической и распространённой причине (пьянство мужа), однако не осмелилась связать свою дальнейшую судьбу со столь своеобразным человеком, как Александр Ульянович. Повторно выйдя замуж, она уехала в Белоруссию, тогда ещё бывшую частью Советского Союза. По рассказам знавших её людей, она до зрелых лет сохранила красоту и действительно могла стать предметом романтического чувства.

[2] В сентябре 1968 г. Юргамыш оказался в полосе полного солнечного затмения. Интерес жителей к этому явлению усилился особенно тогда, когда стало известно о приезде в посёлок по этому случаю большого числа астрономов из разных стран мира. Районный посёлок с шеститысячным населением никогда не видел столько иностранцев. Мне рассказывали о забавных телеграммах простодушных западных профессоров с заявками на номер-люкс в лучшей гостинице: Юргамыш располагал одной-единственной «гостиницей районной, где койка у окна всего лишь по рублю». Теперь и эта гостиница превращена в магазин.

Раздумья

[1] Эта главка представляет собой письмо знакомой Александра Ульяновича из Кургана Б. Фрадкиной его земляку и товарищу детских лет И. К. Костылеву (упоминаемому в главе «Раскулаченные»).

[2] Далее в рукописи идёт фраза: «Вот с этого вопроса и надо было начинать перестройку». Видимо, автор хотел развить эту мысль, но фрагмент этот, как и вся глава, остался недописанным.

[3] В основу главки положено интервью автора, включённое в ст.: К у р и н Л. Здравствуйте, Астафьевы! // Правда. 1986. 26 июля.

[4] Речь идёт не о Галочке Рукавишниковой, а о другой женщине.

[5] Старший сын Астафьевых Владимир в возрасте сорока лет умер в городе Куйбышеве (Самаре) при обстоятельствах не вполне ясных, но в общих чертах вырисовывающихся следующим образом. Приняв большую дозу снотворного и так и не сумев уснуть, он вышел на улицу, возможно, надеясь на сон после прогулки, и там уснул. Его подобрала милиция, отвезла в вытрезвитель, и там, вместо того, чтобы нейтрализовать действие снотворного, доставленного начали отрезвлять. Я видел Зою Васильевну при отъезде на могилу сына вскоре после его смерти. Она держалась внешне спокойно, но чувствовалось, что вести какие бы то ни было разговоры о сыне ей было тяжело. На Малобеловодском кладбище она сделала символическую могилу, рядом с которой потом похоронили и её, и Александра Ульяновича.

[6] Через несколько лет после смерти Зои Васильевны они были изданы в Кургане, в издательстве «Периодика» (см. об этом в предисловии).

[7] Трудно с определённостью сказать, что дало основание автору для такого вывода, но можно предположить, что это были похороны жертв августовского путча 1991 г.: тогда в угоду победившей власти православные попы во главе с патриархом, вопреки правилам церкви, отпевали некрещёных, а раввин, вопреки правилам синагоги, хоронил в субботу. Во всяком случае, это наиболее яркий факт пресмыкательства клерикалов перед властью в последние годы жизни А. У. Астафьева.

Из предсмертных «записок сумасшедшего»

[1] По свидетельству Л. А. Астафьевой, в последние годы жизни Александр Ульянович время от времени писал записки, которые потом забывал где-нибудь, обычно в какой-либо книге. Все публикуемые записки найдены после его смерти. Ни одна из них не датирована.

Хронология жизни А. У. Астафьева

12 января 1908 - родился в селе Горохово (ныне Юргамышский район Курганской области).

1919 - окончил церковно-приходскую школу.

1921 - окончил начальное училище в селе Кипель.

1927 - окончил школу II-й ступени в селе Куртамыш.

Лето 1927 - учёба на курсах подготовки в вуз в г. Кургане.

Осень 1927 - неудачная попытка поступить в Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, поступление на исторический факультет Пермского педагогического института и отказ от учёбы из-за отсутствия общежития.

1927 - 1929 - работа секретарём комсомольской организации сёл Горохово и Кипель и учителем начальной школы.

Август 1929 - поездка в Ленинград на курсы кооператоров.

Сентябрь - декабрь 1929 - учёба в Ленинградском институте народного хозяйства им. Ф. Энгельса.

Декабрь 1929 - раскулачивание отца и угроза ареста. Уход в подполье.

Январь - сентябрь 1930 - жизнь в «подземном мире» Ленинграда.

Сентябрь 1930 - отъезд из Ленинграда. Поездка в Пермь, Курган, Омск и Кулундинскую степь. Реабилитация отца и возвращение в родные места.

Конец 1930 - возвращение в Ленинградский институт народного хозяйства.

1931 - поездка на Украину в составе комиссии по проверке хлебных запасов.

1932 - окончание института народного хозяйства и 4-месячная работа в Новосибирске.

Конец 1932 - возвращение в Курганскую область и поступление на преподавательскую работу в Мишкинский педагогический техникум. Женитьба на З. В. Ермоловой.

1933 - поступление на заочное отделение Московского института философии, литературы и истории. Рождение и скорая смерть от дифтерита первой дочери.

1935 - переход на работу учителем в Юргамышскую среднюю школу (до 1937 г. находившуюся в пос. Красный Уралец близ с. Петровского, затем - в пос. Юргамыш). Рождение дочери Лидии.

1938 - рождение сына Владимира. Отчисление из МИФЛИ в связи с арестом брата Павла.

1941 - рождение дочери Нины.

1944 - рождение сына Николая.

1947 - начало занятий краеведением.

1954 - сдача кандидатского экзамена по философии в Ленинградском университете.

1967 - переход на работу преподавателем Юргамышского медицинского училища. Сдача экзаменов в Курганском университете марксизма-ленинизма.

1970 - 1982 - работа в Карасинской и других деревенских школах Юргамышского района.

1978 - смерть сына Владимира.

1982 - 1988 - работа в Юргамышском доме пионеров.

1989 - смерть жены З. В. Ермоловой. Первый инсульт.

8 сентября 1994 - кончина от второго инсульта.

СОДЕРЖАНИЕ

* * *

На обложке: здание Юргамышской средней школы в 30-х - 50-х годах

НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ
III
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ А. У. АСТАФЬЕВА «ЗАПИСКИ ИЗГОЯ»
Публикация и исследование текста

Редактор Л. М. Кицина
Компьютерный набор В. Б. Загребиной и Б. И. Осипова
Оформление Н. Ф. Астафьева, Б. И. Осипова и С. В. Плотникова

Подписано к печати 20.05.1998 г. Формат бумаги 60 x 84 1/16. ОП.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 400 экз. Заказ 96.

Лицензия ЛР № 020380 от 29.01.1997
Издательско-полиграфический отдел
Омского государственного университета
Омск, 644077, пр. Мира, 55-А

